

ДАНИЈАЛО ГРАФИНУ ИСКУСТЕНИ

ИСКУСТЕНИ

Даниил Гранин

Искатели

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дверь распахнулась резко, уверенно, и на пороге лаборатории появился высокий, широкоплечий молодой человек. Голова его немного не доставала до притолоки. Солнце сквозь подмороженные окна било ему прямо в глаза, заставляя прижмуриться: от этого крупные, грубоватые черты его бледного лица обозначились еще резче. Сунув руки в карманы брюк, заправленных в белые бурки, он внимательно и как бы торжественно осматривал лабораторию.

Ветер ворвался за ним, взъерошив его светлые, закинутые назад волосы, помчался дальше, перебирая бумажки на столе у инженера Новикова, вырвав скользкую шумную кальку из рук Лени Морозова, вздувая белыми пузырями оконные занавеси.

Морозов недовольно обернулся и крикнул:

— Закройте дверь! Не лето.

Оба его помощника тоже обернулись. Монтер Петя Зайцев, которого за малый рост все звали Пекой, — с любопытством, старший лаборант Саша Заславский — с досадой. Толстое добродушное лицо его сморщилось, он с силой заскреб свои жесткие курчавые волосы, стараясь восстановить сбитый ход мыслей.

Второй час они испытывали присланный в срочный ремонт осциллограф, разыскивая причину повреждения. Вернее, это был не осциллограф, а сложная осциллографическая схема для специальных измерений. На молочном экране прибора вместо волнистой змейки упорно дрожало размытое зеленое пятно. Саша вздохнул. Разгадка каприза этой проклятой установки была вот-вот нащупана — и опять исчезла...

Напротив стенда, где испытывалась установка, за письменным столом работал инженер Новиков. Вошедший не спеша притворил дверь и направился было к нему, но в это время из соседней комнаты появился пожилой сутуловатый мужчина.

— Внимание! — тихо предупредил товарищей Пека Зайцев. — На нас надвигается Кривицкий.

Старшего инженера Кривицкого из-за его острого, злого языка остерегался даже техник Леня Морозов, которого вся молодежь лаборатории считала отчаянным парнем.

Придется разбирать всю установку, — деловито сказал Морозов, складывая кальку.

— Опять на два дня мороки, — нахмурился Саша. — Неужели нельзя найти порчу, не разбирая?

Им осточертел этот ремонт. Не успели кончить одно, хватайся за другое.

Полная анархия производства. Следовало бы поставить этот вопрос перед Майей

Константиновой.

— Вопрос не прибор, — оборвал их разглагольствования Морозов. — Вопрос простоит долго.

Между тем Кривицкий, задержавшийся возле стола Новикова, вопросительно смотрел на посетителя.

— Могу я видеть товарища Устинову? — спросил тот.

— Майя Константиновна на совещании в месткоме.

— Вы по какому вопросу? — спросил Новиков, откладывая перо. — Из райкома?

— Нет, я... по личному делу.

Он произнес это с заминкой, но спокойно и почему-то весело; в его поведении таилось что-то непохожее на поведение случайного посетителя.

— Разрешите ваш пропуск, — сказал Кривицкий.

— «Лобанов Андрей Николаевич», — прочел он, шевеля тонкими бледными губами, потом показал пропуск Новикову. Нет, эта фамилия им ничего не говорила.

— Вы подождите, — посоветовал Новиков. — Майя Константиновна, вероятно, скоро придет.

Лобанов присел возле столика с надписью «Начальник лаборатории». Столик был стиснут с одной стороны шкафом, с другой — стендом.

— Интересно, как там Майя Константиновна воюет, — сказал Новиков, следя за Лобановым.

— На этот раз к нашим показателям не придерешься.

— Показатели — это всего лишь арифметика, отозвался Кривицкий. На его сухом, вытянутом лице была прочно впаяна желчная усмешка, всегда несколько смущавшая Новикова.

— Вы закоренелый скептик.

— Правдивые слова не бывают приятны, приятные слова не бывают правдивыми, — сказал Кривицкий. — Вы собираетесь когда-нибудь испытывать предохранители?

— Не собираюсь, — с удовольствием ответил Новиков. — Мне поручено составить инструкцию. Это куда приятней, чем без конца испытывать одни и те же предохранители.

— Вас, очевидно, прельщает не сама инструкция, а последняя строка: «Составил инженер Новиков».

— А хотя бы и так, — засмеялся Новиков, сдувая пушинку с рукава своего тщательно отглаженного костюма. — Во всяком случае, это более творческая работа.

Стройный, щеголеватый, он располагал к себе какой-то откровенной беззаботностью. Кривицкий улыбнулся одними губами:

— Вы никогда не открыли бы своего призвания к составлению инструкций, если бы не ваше желание оправдать свое легкомыслие.

Новиков пожал плечами, ему не хотелось продолжать этот рискованный спор в присутствии постороннего. И Новиков и Кривицкий снова посмотрели на Лобанова. Он сидел, закинув ногу на ногу, не проявляя никаких признаков нетерпения, с интересом прислушивался к перебранке Лени Морозова со своим помощником, к разговору Новикова с Кривицким и

внимательно, с каким-то откровенным интересом изучал помещение лаборатории. Новиков тоже огляделся, пытаясь представить себе впечатление постороннего человека от лаборатории.

В этот предвечерний час центральная комната лаборатории должна была показаться особенно красивой. Жаркими красками вспыхивали в закатных лучах зимнего солнца кусочки прозрачно-желтого янтаря, синие копыя стрелок, монтажные панели, перевитые огненными жилками красной меди, серебристые столбики конденсаторов. На полках теснились высокие катушки проводов в пестрых шелковых нарядах изоляции. Над ними висели огромные выпрямительные лампы. Их зеркальная поверхность отражала синие квадраты окон с оранжевой лентой заката. Повсюду на приземистых столах лежали еще не ожившие, не связанные мыслью детали. Воздух был пропитан сложной застарелой смесью запахов канифоли, шеллачного спирта, озона, костяного масла. Неповторимый, свой запах для каждой лаборатории.

Новиков мечтательно прищурился, пробуя увидеть и себя среди этой живописной, деловито-внушительной обстановки; молодой, красивый, скромный научный работник, разбросанные по столу бумаги, мучительное творческое раздумье...

Кривицкий рылся в пыльной куче наваленных деталей. Он не видел в них ничего живописного. Просто старый хлам, в котором никогда не найти нужную вещь. И вся лаборатория тесная, неудобная: низкий закопченный потолок, громоздкие устарелые стенды, ветхие неудобные шкафы.

Заметив брезгливую усмешку Кривицкого, Новиков озабоченно взглянул на часы, прошел к столу начальника лаборатории и, присев на край стола, начал звонить по телефону. В лаборатории было шумно. Гудели генераторы, из соседней комнаты доносился визгливый скрежет электродрели. Новиков повторял в трубку:

— Олечка, вы меня слышите? Ровно в девять. Да нет, в девять.

Прикрыв микрофон рукой, он крикнул чубатому пареньку:

— Пека, скажи, чтобы там выключили этот душетерзатель! Кривицкий подошел к технику:

— Ну, Морозов, как дела?

Морозов задумчиво поправил золоченый зажим вечного пера в кармане кожаной куртки. Очевидно, пробился конденсатор. Придется менять.

Его подручный, лаборант Саша Заславский, сказал:

— Третий раз у них пробивается конденсатор... Может, надо чего-нибудь в схеме переделать?

— «Чего-нибудь», — передразнил его Морозов, — тоже мне мыслитель.

Они заспорили. Кривицкий молчал.

— Прощу прощения, — вдруг обратился к ним Лобанов. Он встал. — Разрешите мне полюбопытствовать?

Морозов нехотя покосился в его сторону:

— Чего тут любопытного?

Лобанов улыбнулся. Улыбка у него была широченная, во все лицо.

— Да просто ручки повертеть.

— Ну, повертите, — разрешил Морозов, взглянув на старшего инженера. — Все равно разбирать.

Минуту-другую они наблюдали, как посетитель, прочитывая предварительно надписи на панели, поворачивал рукоятки установки. Зеленое пятно на экране то вытягивалось, то сжималось в маленький яркий зайчик.

— Кстати, это не телевизор, а осциллографическая установка, — ехидно бросил Пека.

— Почему кстати? — сухо спросил Лобанов. — Кстати бывает только то, что остроумно. Я думаю, тут мало сменить конденсаторы. Важно выяснить, почему они пробиваются.

Поймав ироническую усмешку Кривицкого, Морозов с преувеличенным уважением спросил:

— Вы, случаем, не конструктор этого осциллографа?

Ребята развеселились. Человек, судя по всему, впервые видит осциллограф и берется указывать тем, кто, можно сказать, зубы съел на этом деле!

— Модест Петрович, — обратился Морозов к старшему инженеру, — так я начинаю разбирать?

Кривицкий кивнул.

— Вряд ли можно назвать такой метод научным, — глядя на Кривицкого, резко сказал Лобанов. Морщины сердитым фонтанчиком поднялись от переносицы по бугристому крутому лбу.

— Видите ли, — медленно начал Кривицкий, поскребывая острый, плохо выбритый подбородок, — мы придерживаемся такого примитивного правила: когда начался пожар, то не время проверять план противопожарных мероприятий.

Морозов громко засмеялся. Лобанов вернулся на свое место, сел и, облокотясь на широко расставленные колени, сцепил руки.

Установку отключили и начали разбирать. Пека, пробегая то с паяльником, то с мотками проводов, не переставал следить за Лобановым.

— Задумался! — с притворным почтением сообщил он приятелям. — Минимум академик.

— Или максимум студент, — откликнулся Морозов.

Люди солидные и занятые, они оценили шутку сдержанными улыбками.

— Либо студент, либо корреспондент, — заключил Пека. — Эти всегда суются не в свое дело.

В комнату быстрым шагом вошла молодая женщина. Чувствовалось, что и гладко зачесанные на пробор волосы, и строгий черный костюм, и эту быструю четкую походку — все по-молодому добросовестно и искренне вкладывала она в облик начальника, каким он ей представлялся. Но, несмотря на ее старания, этот заданный облик предательски разрушали девичьи припухлые губы и глаза — большие, серые, мягко освещающие ее неяркое, чистое лицо.

— Товарищи, — громко сказала она, — поздравляю вас. Наша лаборатория завоевала первое место и переходящее знамя.

Начав официально и торжественно, она не удержалась, улыбнулась и, улыгнувшись, засмеялась. И все кругом, глядя на нее, тоже засмеялись.

Новиков поспешно закончил телефонный разговор и, повесив трубку, весело потер руки:

— Ай да мы! Колоссально! Майя Константиновна, вы должны выделить энную сумму на банкет.

Пека помчался в мастерскую сообщить новость. Из смежной комнаты, где верещала дрель, подошли еще двое сотрудников.

— Майя Константиновна, тут к вам товарищ, — сказал Саша Заславский.

Его перебили:

— Как там было, расскажите.

— Ну что, Кривицкий, — торжествовал Новиков. — Вот вам!

— Слава, — философски вздохнул Кривицкий. — Слава — это не солнце, а всего лишь тень.

Майя Константиновна строго обернулась к нему, но встретилась глазами с Лобановым и сказала:

— Пожалуйста, простите. Я вас слушаю. — Она села за свой стол. — Там такие страсти разгорелись... Теплотехники заявили... Ах, да, простите, — спохватилась она и снова, улыбаясь, повернулась к сотрудникам: — Сейчас я все расскажу, только вот отпущу товарища.

Все посмотрели на Лобанова нетерпеливо и раздосадованно.

— Нет, вы пожалуйста, я подожду, — сказал он.

— Ничего, ничего! И так, что у вас?

— У меня к вам направление из отдела кадров, — почему-то смущенно сказал Лобанов.

Кривицкий посмотрел на него с особым вниманием.

Лобанов порылся в карманах и, насупясь, явно недовольный тем, что кругом стоят люди, протянул направление Майе Константиновне.

Эти несколько строчек Майя Константиновна читала долго. Постепенно улыбка уходила с ее лица, губы твердо сжимались.

Ощущение какой-то тревоги охватило всех. Стало тихо, только из соседней комнаты доносился пронзительный вопль дрели.

— Знакомьтесь, товарищи, — медленно, ровным, без всякого выражения голосом сказала Майя Константиновна. — Новый начальник лаборатории — товарищ Лобанов... — она заглянула в бумажку, — Андрей Николаевич.

Кто-то удивленно и недоверчиво хмыкнул, кто-то протянул «н-н-да-а», кто-то торопливо закурил. Затем наступило долгое, неприятное молчание.

— Пека, — сказала Майя Константиновна, — пойді скажи там, чтобы выключили дрель.

— Майя Константиновна, как же так? А вы... — сбивчиво начал Новиков и покраснел, поняв

свою бестактность.

Майя Константиновна с трудом улыbnулась:

— Вы же знаете, я временно исполняла обязанности.

Да, они знали, что Устинова — молодой инженер и что на место начальника подыскивали солидного товарища, но эти разговоры шли так долго, что их перестали принимать всерьез. Устинова работала второй год, и никому в голову не приходило...

— Когда разрешите сдать вам дела? — тем же ровным голосом спросила она вставая.

Лобанов растерянно оглядел неподвижные лица.

— Я полагал... за вами практически остается руководство. Я пока присмотрюсь...

— Нет уж. — Устинова переложила бумаги на столе, отодвинула направление. — Нет уж, разрешите сдать вам дела завтра.

По мере того как неприязненная решимость Устиновой возрастала, Лобанов словно избавлялся от смущения.

Он медленно поднялся; от краски, недавно заливавшей лицо, только на скулах остался легкий румянец.

— Ну что ж, завтра так завтра. — Секунду-другую они смотрели друг на друга в упор с гордостью несправедливо обиженных людей.

— До свидания, товарищи, — сказал Лобанов.

— До свидания, — ровно прозвучал одинокий голос Майи Константиновны.

Покинув лабораторию, Лобанов поднялся на второй этаж и пошел по одному из длинных коридоров, тянувшихся вдоль огромного здания Управления энергосистемы.

Отечественная война основательно разрушила энергохозяйство города.

Никто, даже сами энергетики, не представляли себе, что за каких-нибудь три-четыре года удастся восстановить разбитые котлы, поднять мачты линий передач, исправить подъездные пути, поставить турбины. Подземная кабельная сеть была перебита в тысячах мест снарядами и авиабомбами. Подстанции стояли демонтированные — пустые кирпичные коробки.

Крупнейшие заводы маялись на голодном пайке электроэнергии. В часы пик диспетчер отключал часть предприятий. На каждого жителя полагался свой лимит, энергию получали, как хлеб, по карточкам. Министр лично распределял каждый километр кабеля.

Теперь все это отходило в прошлое. Наиболее мощные станции — Комсомольская, Октябрьская, Лесная, Приозерная — были восстановлены и приняли полную нагрузку. Энергию распределяли еще бережливо, но голод кончился.

Лобанов проходил мимо бесчисленного строя дверей, воссоздавая по надписям масштаб этого огромного учреждения. Из царства теплосети, снабжающей город теплом в бережно изолированных трубах, по которым текли в дома горячая вода и пар, он попал в царство высоковольтных линий. Чтобы многомиллионный город-труженик мог жить, двигаться, работать, — днем и ночью, не умолкая, гудело пламя в топках, шли эшелоны с торфом, углем, по трубам котлов мчался раскаленный пар. На далеких реках билась вода в лопасти

турбин. За сотни километров несли ее силу линии передач. Эта незримая сила текла в город со всех сторон, входила в каждый дом, вспыхивала ярким светом лампочек, звучала музыкой в репродукторах. Она оживала голубым лучом в темных залах кинотеатров, вертела станки, двигала трамваи. К ней привыкли, ее не замечали, как не замечает здоровый человек биения своего сердца.

Тысячи и тысячи людей участвовали в создании этой силы, распределяли ее, учитывали, следили за ее расходом и бесперебойным действием.

Здесь, в Управлении, находился мозг всех станций, сетей, строителей, ремонтных заводов — всего сложного, гигантского хозяйства системы.

Сюда приезжали директора предприятий договориться о подключении нового цеха, нового дома. Домашние хозяйки хлопотали о своих счетчиках. Управхозы приходили с жалобами на плохое напряжение.

Из полураскрытых дверей доносился ровный, неумолчный шум сотен голосов, стук пишущих машинок, трезвон телефонов. Впереди по коридору шли две девушки, до Андрея долетел обрывок их разговора:

— ...В антракте он меня спрашивает, не помогу ли я им с трансформаторным маслом.

— Вот жук, ради этого пригласил?

— Конечно. Я повернулась и ушла.

— Совсем?

— Как бы не так. Забралась на галерку и досмотрела.

— И куда им столько масла?

— Шутишь — тысяча трансформаторов.

Андрей вдруг представил себе, сколько цистерн масла поглощают аппараты станции. Но тотчас его внимание отвлек очкастый мужчина с толстым портфелем под мышкой. Он громко кричал своему собеседнику:

— В этом районе ни одного магазина! Мы оборудовали его холодильниками. У нас вентиляция!

— Товарищ абонент, в этом районе еще мощности нет, — уныло повторял его собеседник. — Подождите год.

— Смешно. Год! Смешно.

Разговор происходил у двери с надписью «Отдел приключений». Андрей понимал истинный смысл этих слов, но, посмотрев на унылого сотрудника этого отдела, улыбнулся. А жаль, что действительно не существует на свете такой отдел увлекательных, волнующих приключений!

И вдруг эта смешная надпись как-то по-новому осветила и его приход в лабораторию, и путешествие по зданию Управления. Да, и в его жизни началась пора неожиданных, удивительных событий. Начиналась, впрочем, не очень-то удачно, встретили его неприветливо... Того ли он ждал?.. А впрочем, ничего страшного не произошло. Посмотрим, как они будут выглядеть, когда дойдет до дела. Толком в осциллографе разобраться не умеют...

Он шел по высоким сводчатым коридорам, поднимался по лестницам, минуя какие-то залы и застекленные галереи, чувствуя себя уже не гуляющим наблюдателем, а разведчиком. Каждый шаг открывал новое, каждый встречный мог оказаться соратником или противником.

...Вот наконец и технический отдел. Ну что ж, зайдём представиться.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сумерки затянули углы опустевшей комнаты. Утих шум в коридорах, смолкли телефоны, а они все еще сидели и никак не могли наговориться, наглядеться друг на друга.

— Так вот какой ты стал, Витька!

— Какой?

— Растолстел, солидный.

— А ты все растешь, вымахал с высоковольтную мачту. И чего тебя вверх тянет, Андрюха?

Они не виделись после окончания института. В студенческие годы были друзьями, хотя часто ссорились, а под конец, на пятом курсе, и вовсе разошлись. Тогда им казалось, что навсегда. Андрей Лобанов собирался остаться в аспирантуре. Виктор Потапенко ушел на производство.

Никто не понимал, почему профессор Одинцов предложил остаться в аспирантуре Андрею Лобанову. Лучшим студентом в группе считался Виктор. На защите главный инженер одной из электростанций сказал:

— Дипломный проект Потапенко — не ученическая работа. Наша станция получила инженерное решение одного из насущных вопросов.

Весь факультет тогда гордился Виктором. Недаром преподаватели единодушно отмечали его способности. Учеба давалась ему легко, не в пример Андрею. У Андрея было несколько любимых предметов, но и в них его интересовало только противоречивое, неясное. Когда лектор говорил: «Тут, товарищи, существует несколько мнений, явление это мало исследовано», Андрей усаживался за книги или оставался по вечерам в лаборатории. Неизвестное вызывало в нем бурный протест и нестерпимое любопытство. Большею частью его постигали неудачи. Неясное окончательно запутывалось, и, даже получив какие-нибудь результаты, он не мог объяснить их.

— А помнишь твоё открытие с дугой? — спросил Виктор, и они захохотали.

Это случилось после того, как профессор Одинцов бросил неосторожную фразу: «Электрическая дуга — самый яркий источник света и самое темное до сих пор место в теории газового разряда».

Андрей считал своим долгом немедленно заняться дугой. Слепящее электрическое пламя гудело в его руках. Он растягивал его, дул на него, помещал в магнитном поле. Через несколько дней у него начали слезиться глаза, но он продолжал опыты. Однажды, устроив дугу между ртутью и углем, он обнаружил, что ртуть в ванночке забурлила и поднялась фиолетовым конусом навстречу углю. Он переменял полюса — под острием угля на ртути возникла воронка. Что бы это значило? Он пошел в библиотеку, перелистал капитальный труд по электрической дуге. О подобном явлении не говорилось ни слова. Тогда он понял, что

открыл нечто новое и важное. Почему важное, он еще не знал.

Может быть, на этом принципе можно построить двигатель? Или насос? Ему некогда было сейчас раздумывать о таких мелочах. Он снова помчался в лабораторию, включил рубильник. Он видел то, чего никто никогда еще не видел. Ух, какое это было восхитительное чувство!

Необходимо было немедленно, сейчас же с кем-нибудь поделиться, иначе бы он взорвался от восторга. Он поехал в общежитие.

— Одевайтесь! — закричал он с порога. — Витька, Костя, — открытие!

Поехали в лабораторию.

И Виктор и Костя привыкли к восторгам Андрея, поднять их с кровати было нелегко.

— Жалкие личности... Открытие, понимаете вы? — Андрей, захлебываясь, рассказал о своем опыте. — Конечно, это произошло случайно. Так ведь все великое находилось случайно.

— Какая скромность, — сказал Костя.

Назавтра они втроем пригласили в лабораторию Одинцова. Фиолетовое солнце забегало по тусклой поверхности ртути.

— Видите бугорок? — замирающим голосом осведомился Андрей.

— Вижу, ну и что из этого? — черство спросил Одинцов. Не замечая его тона, Андрей объяснил:

— Я обнаружил это вчера случайно.

— Это явление было открыто Александром Ильичом Шпаковским в тысяча восемьсот пятьдесят шестом году, — сухо сказал Одинцов. Он оглядел поникшего Андрея и без всякой жалости добавил: — Случай идет навстречу тому, кто ищет его не вслепую.

— Удар в челюсть, — объявил Виктор после ухода Одинцова. — Тысяча восемьсот пятьдесят шестой год, чуть-чуть опоздал.

— Иди к черту! — неуверенно сказал Андрей.

— Оп еще ругается. Осрамил нас только... Эх ты, Архимед!

— Ничего страшного. Подумаешь. Факт, что у тебя есть наблюдательность, — утешал Костя Исаев. — Держи нос выше. Глаза вот ты испортил, это хуже.

И он повел притихшего, упавшего духом Андрея в амбулаторию.

Такого рода «открытий» было немало. Неудачи огорчали Андрея, но быстро забывались. Ему нравился самый процесс исследования. Он сомневался, проверял, выдумывал всевозможные опыты.

Он прибавлял к электромагниту виток за витком, менял толщину проводов, менял все, что можно было менять, и своими руками выводил формулу. Она возникала в точности такая, как в книжке, — длинная, многоэтажная. Каждая ее цифра, каждая буква были запечатлены не только на бумаге, но и на руках — ожогами и ссадинами, оживали в бегущей по шкале стрелке, запоминались навсегда.

Приходила сессия, и Андрей многие предметы сдавал кое-как, еле увертываясь от грозящих двоек. Нет, Андрей не был примерным студентом.

Виктор тоже не отличался усидчивостью, но он схватывал, как говорится, на лету, у него все получалось как-то легко, красиво и весело. Он не кичился своими способностями, все любили его и удивлялись, почему Одинцов предпочел Лобанова.

Темой дипломного проекта Одинцов дал Андрею расчет одного прибора, работа была в основном теоретическая. И получалось так, что Виктор возвращался со станции перемазанный, усталый и заставлял Андрея в кровати с книжкой.

— Бездельник ты, брат, — раздраженно говорил он. С этого и началось их взаимное охлаждение.

Виктора обидел выбор Одинцова. Собственно, Виктор не собирался оставаться в аспирантуре, но его задело предпочтение, оказанное Лобанову.

Они ухаживали за подругами-студентками педагогического института: Виктор — за Лизой, Андрей — за Ритой. Однажды в присутствии девушек Виктор принялся высмеивать Андрея.

— Разумеется, носить за Одинцовым портфель да указку не тяжело, и пальчики не испачкаешь, — язвил он. — Инженер — это для тебя низковато. А мы, брат, славы не ищем. Мы идем работать.

Они поссорились.

На выпускном вечере, когда собрались в общежитии всей группой, Виктор, задиристо поглядывая на Андрея, предложил:

— Ребята, выпьем за то, что мы наконец начинаем работать. За то, чтобы станции, куда мы попадем, стали самыми лучшими!

Андрею было стыдно перед товарищами: они шли работать, они горячо обсуждали и сравнивали свои путевки, гадали, как примут их на новом месте, один он оставался опять учиться. И, презирая себя за этот ложный стыд, он поднялся и, зажав в кулаке стакан, вызывающе произнес что-то малопонятное и скучное о науке и о тех самоуверенных невеждах, которые считают, что учеба кончается, как только получен диплом.

Откровенно говоря, большинству порядком надоело учиться. Андрея даже жалели. Но его неуклюжий тост в честь науки подхватили так же дружно, как и первый.

Только Костя Исаев бросил тогда памятную фразу:

— Хватит вам, хлопцы, цапаться; земля круглая, и все равно встретимся — была бы дорога прямая.

Костя прав. Земля оказалась круглой. Судьба вновь свела Виктора и Андрея.

Виктор за эти годы быстро выдвинулся. В журналах и газетах все чаще появлялись его статьи. Он выступал на конференциях, пользовался известностью как крупный инженер. Год назад он был назначен начальником технического отдела Энергосистемы. Андрей же после войны вернулся в аспирантуру и лишь недавно защитил диссертацию.

Они не ожидали, что встреча их выйдет такой теплой и радостной.

Помнилось только хорошее. Оба возмужали, изменились и с любопытством приглядывались друг к другу. Никто не вспоминал о старой размолвке. В конце концов они все же любили друг друга. Несколько лучших лет своей молодости они — Виктор, Андрей и Костя — прожили в маленькой комнатке общежития, пропахшей дешевыми папиросами, колбасой и гуталином. Летом в комнате стояла духота, зимой они по очереди спали на той кровати, которая была

ближе к батарее.

Можно позабыть, чему тебя учили, позабыть своих учителей, но разве забудешь того, с кем учился, кому рассказывал о первой любви, с кем делился последним рублем и мечтами о будущем!

Вот и пришло то будущее, о котором они мечтали. И все равно кажется, что самое главное еще впереди.

— Да, старина, молоды мы были, глупы и симпатичны, как телята, — сказал Виктор. Он посмотрел на часы, спохватился. — Ого, опаздываю к ужину.

Поехали ко мне, — предложил он. — Не пожалеешь!

Андрей согласился. После приема, оказанного в лаборатории, встреча с Виктором казалась подарком судьбы. Больше Андрей не чувствовал себя одиноким в этом новом для него мире. Рядом был старый хороший товарищ, друг, с которым ничего не страшно.

Андрей встал, потянулся, впервые внимательно оглядел комнату. Шеренги письменных столов стояли от стены к стене. Желтый столик Виктора отличался от других лишь количеством телефонов.

— Как же ты, начальник отдела, — и без кабинета?

— Во-первых, нет свободной комнаты, — улыбнулся Виктор, одеваясь, — во-вторых, люблю быть все время с людьми, всегда в курсе их дел — получается как-то оперативнее.

— Черт его знает, я бы так не сумел, — простодушно позавидовал Андрей, — привык к тишине, не могу думать в сутолоке. Впрочем, тебе тут думать некогда, — кивнул он на кипу бумаг, которую Виктор прятал в ящик.

Виктор усмехнулся, рывком задвинул ящик:

— Ничего, поработаешь у нас- привыкнешь и к бумагам и к сутолоке.

Дверь им открыла Лиза. Андрей не поверил своим глазам. Лиза? Толстушка Лиза? Он узнал ее сразу, хотя не видал с той выпускной вечеринки, когда они поссорились с Виктором. Воистину сегодня — вечер встреч. Виктор всхлипывал от смеха.

Андрей оглянулся на него, потом опять уставился на Лизу, ничего не понимая:

— Какими судьбами занесло тебя сюда, Лиза?

— Совершенно случайно, — сквозь смех выговорил Виктор. — Я сам удивлен.

Лиза схватила Андрея за руку, потащила к вешалке.

— Не все юноши так робки, — шепнула она на ходу, намекая на нечто близкое и памятное им обоим.

Он вертел ее, разглядывая со всех сторон:

— Ты совсем не изменилась, Лизок.

— Это тебе кажется. Просто мы стареем все вместе и поэтому не замечаем...

— Как ты теперь?

— Как видишь, — супруга. Где вы встретились? Кем ты работаешь? Ты женат?

— Нет, бобыль. — Он пытливо глянул на Лизу, собираясь что-то спросить, но в это время Виктор окликнул их из столовой.

Пока Лиза накрывала на стол, Виктор показывал Андрею квартиру. Дом был новый, еще пахло краской, и вещи не нашли своих бесспорно единственных мест.

Широким жестом Виктор распахивал бесшумные застекленные двери. Вот его кабинет. Книжные полки вдоль стен. Телевизор последнего выпуска. Настольная лампа дневного света, чудесная штука, немножко верещит, но от этого даже уютно. А стенные шкафы, ванная, душ, спальня! Да, квартира была прекрасная.

В детской спала девочка лет трех, домработница укладывала мальчугана, удивительно похожего на Виктора — то же круглое лицо, плутоватые, смешливые черные глаза. Увидев Андрея, он насупился, молча протянул сложенную лодочкой руку.

— Меня звать Андрей.

— А меня Вова.

— Учишься?

— Во втором классе.

Обычно взрослые после этого спрашивали про отметки, но этот длинный дядя вдруг убежденно сказал:

— Во втором классе самое скверное — пение.

— Русский тоже.

— Это верно, — согласился Андрей, — с переносами у меня до сих пор чепуха получается.

— А у нас самое скверное «и» краткое. Я вчера его на Зину поставил.

Виктор потащил Андрея в кухню.

Он заставлял Андрея поворачивать краны, щупать гардины, включать холодильник. Андрею скоро все это надоело, ему стало казаться, что от него ждут не только похвал, но и зависти. Он упрекнул себя за подозрительность и участливо осведомился насчет акустики.

— С акустикой конфуз, — признался Виктор. — Сверху и снизу прослушивается на два этажа.

Он был так огорчен, как будто звукопроницаемость чем-то порочила его самого.

Единственное, чему Андрей позавидовал, это библиотеке Виктора. Он вернулся в кабинет и прилип к полкам, перебирая корешки аккуратно расставленных книг. Здесь имелись все новинки по электротехнике. Несколько удивляла система расстановки — по росту. При таком порядке трудно найти нужную книгу.

— Это Лиза хозяйничала, — усмехнулся Виктор, заметив недоумение Андрея.

Андрей вытащил голубенькую, последнюю, книжку Одинцова. Там имелось одно любопытное место, где старик разрешал спор о выключателях, волновавший когда-то и Андрея и Виктора. Интересно, согласен ли Виктор со стариком?

— Ах, да, — поморщился Виктор. — Признаться, я внимательно не вчитывался. Перелистал и отложил до свободной минуты.

Андрей сперва было обиделся за Одинцова. Сколько надежд возлагал старик на эту книгу! Он был уверен, что она так нужна инженерам-практикам, а тут извольте... Но потом Андрей сочувственно подумал: «Видно, и впрямь Виктору крепко достается: за год не выкроил времени прочитать книгу своего учителя».

Андрею вдруг стало совестно своей мимолетной неприязни к товарищу. А бог с ними, с книгами, разве в них дело!

Лиза, заглянув в кабинет, застала их катающимися по полу. Кряхтя и пофыркивая, они боролись, как когда-то в общежитии, одурев от споров и чертежей.

— Он щекочется, Лиза! — кричал Андрей. — Не по правилам! Виктор взобрался на Андрея верхом и, запыхавшись, приговаривал:

— Ага! Правила! Они существуют для слабых.

Лиза потащила их к столу. Руки ее мелькали над скатертью, а глаза, смеясь, неотрывно любовались Андреем. Она заставила его рассказать, как он жил эти годы.

Андрей, как всякий фронтовик, с охотой вспоминал о том, как мерз в окопах на Ленинградском фронте, как брал замок Геринга, как прорывался с ходу на танке через горящий мост.

Он говорил бы еще, но заметил (или показалось?), что Виктору неинтересно. Может быть, действительно это звучало нехорошо — вот, мол, я был на фронте, а ты сидел в тылу, всякое там мужское самолюбие, да еще в присутствии Лизы.

А вот об учебе в аспирантуре рассказывать было нечего. Ну, сдавал экзамены, потом писал диссертацию. Выбрал тему теоретическую. Потом защита.

В общем, все нормально.

— А отзывы получил хорошие? — прищурился Виктор. Андрей покраснел.

— Я свинья, Вить. Совсем забыл, там же был отзыв из твоего отдела.

Такой хвалебный, дальше некуда.

Виктор потер руки.

— Значит, помогло? Признаться, я ждал, что ты заедешь. Я бы тебе zorganizовал еще парочку таких отзывов. Да ты, кикимора, завоображал.

— Конечно, чихали мы на вас, производственников!

Подняв рюмку и глядя на свет сквозь запотевшее стекло, Андрей вдруг задумался. Наступила тишина. Они чувствовали, что думают об одном. Было хорошо и немного грустно. На минуту вернулась юность, присела к ним за стол.

Отсюда, из зрелости, она выглядела чертовски славной.

Андрей смотрел на Виктора и Лизу и вспоминал, как однажды летним вечером они шли по набережной. Лиза в ситцевом платице, в носочках, со смешной челочкой на лбу. Виктор худощавый, порывистый, и на лацкане его коротенького пиджачка пять значков: ВЛКСМ, ГТО, ГСО, «Ворошиловский стрелок» и Осоавиахим. Запомнится же такой пустяк! У Виктора был тогда баритон, и он пел шутивную студенческую:

Что за предрассудки —

Есть три раза в сутки

И иметь кровать, чтоб ночевать.

И Рита, Рита подхватывала своим удивительным голосом...

— Ну что ж, за встречу! — раздался басок Виктора. Андрей вздрогнул.

— Выпьем, — сказал он, и видение исчезло. Виктор крякнул, пришлепнул губы салфеткой.

— Рита в городе, приехала с Урала месяца два назад. Слыхал? — сказал он.

— Да?.. А ты от Кости что-нибудь получаешь?

— Он теперь в ЦК работает. Лиза, ты знаешь, Андрей ведь назначен к нам начальником лаборатории.

— Как это получилось, Андрей?

— Сам напросился.

Виктор недоверчиво покачал головой:

— Не крути, — наверно, на периферию посылали.

С первой минуты их встречи Андрей ждал этого вопроса.

— Меня Одинцов оставлял на кафедре. Я отказался. Видишь ли, — Андрей почесал кончик носа, и Лиза засмеялась, узнав этот привычный жест, — у меня есть одна идея насчет приборчика, ну, а его можно разработать только у вас.

Виктор снова наполнил рюмки.

— Бог с тобой, не хочешь рассказывать, не надо, — благодушно сказал он. — Как бы там ни было, я рад работать с тобой.

Андрей положил обратно на тарелку кружок колбасы:

— Не веришь?

— Ты мне скажи, зачем ты кончал аспирантуру?

— Зачем? Чтобы заниматься наукой.

— Где? У нас? — Черные глаза Виктора насмешливо обежали Андрея. — Какой новатор нашелся! Инженеры на производстве готовят диссертации и уходят в институты, уходят, чтобы заниматься наукой. И правильно делают. Для этого и существуют институты и академии. А тут, пожалуйста, явился Андрей Лобанов, который пропел всю жизнь в стенах института, и думает, что он просто перешел в другую исследовательскую лабораторию. Ты, брат, наивен, не знаешь ты железных законов производства.

— А что мне производство! Я не собираюсь заниматься вашим производством.

— Ох, легкомысленный ты парень, — загорячился Виктор. — Хоть бы со мной посоветовался, прежде чем такой шаг делать.

— Подумаешь, страхи, — сказал Андрей. — Человек, который знает теорию, вашими премудростями овладеет в два счета.

— Однако! — Виктор иронически улыбнулся. — Позвольте, товарищ утопист, спустить вас на землю. Знаешь, чем тебе придется заниматься?

Пробился где-то кабель — изволь выяснить, почему, отчего. Какой-нибудь пьяный монтажник не так соединил провода, а ты копайся, выясняй. Ремонтируй приборы. Содержи в порядке аппаратуру. Испытывай изоляторы, да поживее, а то начальник техотдела, то есть я, тебе холку намылит. Ругайся со снабженцами, заполняй сводки да отчеты. Вот тебе наша наука.

Лицо Андрея помрачнело:

— А я слышал, у вас лаборатория первое место заняла.

— Лаборатория замечательная, я ее сам налаживал. Пойми, это же оперативная служба, а не научная лаборатория. У нас ребята настоящие, без всяких претензий. Если где затерло, они всегда выручат. У нас свои законы.

Сколько раз я обращался за помощью к профессорам. Приедут, напустят научного тумана, в простых вещах разобраться не могут. Навертят формул, а потом все равно сам решаешь, как тебе опыт да интуиция подсказывают.

— Ишь расхвастался, — сказала Лиза.

— Хвастаться нечем, — Виктор покачал головой. — Мы кто? Лошадки. А вот вы — всадники. Ты не обижайся, старик, но большей частью так бывает.

Собирал я материалы по регулированию, дал кое-кому посмотреть, а они, голубчики ученые, тиснули в книжку, даже фамилии моей не упомянули.

Пенкосниматели.

Чтобы не разругаться, выпили еще по рюмке. Андрей исподтишка наблюдал за Лизой. Ей, как видно, нравился их шумный спор. Она даже подзуживала их и внимательно слушала, положив подбородок на маленький кулачок.

— А я вовсе и не обижаюсь, — спокойно говорил Андрей. — Я пришел к вам делать свой прибор. И от всей вашей административной возни буду отпихиваться всеми силами. А то — ты прав, Виктор, — засосет ваша текучка, и пропал.

Вот оно что! Выходит, он, Виктор, занимается текучкой, а Андрей пришел заниматься серьезным делом? Нет, дорогой товарищ, то, над чем работает Виктор, и есть главное. Пусть оно не такое эффектное, пусть без блеска и без особой славы, но эта черновая, скромная работа тоже требует от человека глубоких специальных знаний. Да, мы чернорабочие, но мы делаем свет, энергию, а не печатные труды.

Андрей резко отодвинул тарелку:

— Я к вам пришел не за славой.

Виктор почувствовал, как быстро истощается у него запас доброжелательности к Андрею. Смирив себя, сказал:

— Боюсь, ничего у тебя не выйдет. Мне, когда я пытался вроде тебя на науке выдвинуться, приходилось сидеть ночами.

— Теперь не сидишь? — усмехнулся Андрей. Лиза с силой провела рюмкой по скатерти.

— На двух стульях сидеть не буду. У каждого своя планида. Да и, признаться, когда занимаешься делом, не до умствований.

— Не выйдет — уйду, — сказал Андрей. — Во всяком случае, попробую заниматься наукой днем.

— Где, у нас? — с сожалением еще раз спросил Виктор.

— Да, у нас, — подтвердил Андрей, нажимая на последнее слово.

И тут впервые Виктор по-настоящему осознал, что Андрей будет с завтрашнего дня работать вместе с ним. Сразу по-деловому прикинул все «за» и «против», всю новую расстановку сил, связанную с приходом Андрея. Мысленно представил себе житейски непрактичного Андрея, не имеющего производственного опыта, в сложных условиях лаборатории. Трудновато придется его старому другу, впрочем, отныне уж не только другу, но и сотруднику, да еще подчиненному. Скажем прямо — приобретение для лаборатории незавидное.

Хотя... вывеска почетная — кандидат наук. Посолиднее, чем молодой, неопытный инженер Майя Устинова. Правда, она человек исполнительный.

Старательная. Нет, не женщине руководить лабораторией. Все равно министерство не утвердило ее. Так уж лучше Андрей, чем кто-нибудь другой.

Будет он заниматься своим прибором...

— Женить тебя надо, Андрей, — сказала Лиза, чтобы как-то заполнить неприятную паузу. — Ты законченный жених, со степенью.

Андрей с трудом улыбнулся; разговор с Виктором взволновал его, и, отвечая Лизе, он думал, не вернуться ли, пока еще не поздно, назад в институт.

— Ладно, не вешай нос, — громко сказал Виктор, — коли ты решил, за мной дело не станет. Об Устиновой не беспокойся. Войдешь в курс, и мы ее куда-нибудь передвинем. Что-что, а такие мелочи в нашей власти. Долгин, мой помощник, возьмет над тобой шефство. Лаборатория — механизм налаженный, мы тебе создадим все условия, сиди да изобретай.

Андрей хлопнул Виктора по плечу. Друг, настоящий друг.

— Я так и надеялся. Лаборатория у меня много времени не займет. Ребята!

— Его зеленые глаза опять посветлели. — У меня руки чешутся скорее дорваться до прибора. Вы бы только знали...

— Что за прибор? — спросила Лиза, разливая чай.

— Определять повреждения на линиях передачи. Это, знаешь, мечта!

Снова стало шумно и весело. Когда Андрей радовался, он никого не оставлял в покое, толкался, подмигивал, размахивал своими огромными ручищами.

Все складывалось как нельзя лучше, все будет так, как он надеялся.

Тонкое лицо Виктора порозовело. Из-под длинных ресниц влажно блестели черные глаза.

«А ведь красив, чертяка, — умиленно думал Андрей, — как хорошо. И дружба, и опять эти споры, как хорошо!»

Слегка захмелев, Виктор рассказывал о своей работе. Он говорил проникновенно и доверительно:

— ...Славно быть руководителем, понимаешь, Андрей, всякую минуту чувствуешь свою полезность на земле. Многие боятся ответственности — вздор!

Мне смешно смотреть на таких. Люди доверяют тебе. Без тебя дело не идет.

Принимай решение... Ты один-разъединственный можешь его принять. У тебя все ключи и секреты... Приходится быть энциклопедистом. Решай мгновенно. Тут и строительные дела, всякие фундаменты, опоры, и новые топки надо устанавливать, и плохой торф привезли...

«Как это интересно, как интересно», — думал Андрей.

— А за всеми этими котлами — люди, характеры. Кому нужно денег побольше заработать — идеалами сыт не будешь. Кто завидует, кто подсиживает приятеля. Кое-кто берет взятки — да, да, совсем как у Чехова. И это еще встречается. Сплетничают. Знаешь — каждый доволен своим умом, и никто не доволен своим положением. Или вот тебе снабженец: достает он только то, что трудно достать, а не то, что нужно... Или вот толковый инженер, а зашибает водку, — как доверишь ему работу на высоком напряжении? Разбирайся во всей этой путанице. Учитывай каждое слово, взгляд, а то завтра посыплются на тебя заявления в райком, горком. Ответственный работник — следовательно, отвечай за все головой и партбилетом. Ох, дружище, это и психология, и техника, и еще тысяча наук. И змеей будь, и львом, и двутавровой балкой...

— А знаете, ребята, — улыбнулся Андрей, — страшно представить, как это я начну. Вот я сегодня пришел в первый раз, чувствую — все против.

Шутка сказать — пятьдесят человек в лаборатории. Начальником-то я никогда не был.

Лиза поскуцнела, и Андрей почувствовал себя в чем-то виноватым.

— Начальством быстро научишься быть, — сказала Лиза. — Наука нехитрая. Консультант у тебя опытный, — она кивнула в сторону Виктора.

— Ни один начальник в своей семье авторитетом не пользуется, — пошутил Виктор закуривая.

Показалось Андрею или нет, что в голосе Виктора прозвучало скрытое раздражение?.. Поссорились они, что ли? Думать об этом не хотелось. А Виктор прав — жизнь сложна. Без всяких дамских завитушек. Много прекрасного, но есть и грязь. И Виктор, как видно, молодец...

Он преисполнился уважения к Виктору. Здорово вырос Виктор за эти годы.

Чувствовался в нем умелый, любящий свое дело руководитель. Руководить — это наука...

У Андрея приятно кружилась голова; он говорил:

— Тебе, дружище, шагать до министра.

— И буду шагать, — соглашался Виктор. — Откуда же берутся министры?

Ты только держись, Андрей, за меня. Никого не слушай.

Ноздри у Лизы раздулись, но она ничего не сказала.

Андрея все больше веселила покровительственная манера Виктора. Он и закуривал с особым шиком — пристукнет папиросой по изящному портсигару, небрежно отбросит обгорелую спичку, говорит негромко, неспешно. Уверен, что каждое его слово должны, не могут не слушать.

— А пусть его, — миролюбиво сказал Андрей. — Ты не сердись, Лизок, ему охота перед тобой покрасоваться. К тому же человек заслужил...

— Алкоголики вы, — засмеялась Лиза, — и хвастуны. Давайте лучше споем.

Они пели старые студенческие песни; слов толком никто не помнил; дурачась, выдумывали на ходу всякую чепуху. Хмельным, сочным баском Виктор заканчивал каждый куплет припевом: Довольно, милый, попусту шататься, Пора, пора за дело приниматься.

— Помнишь? — подмигивал Виктор, и они, хохоча, вспоминали историю с холодными пирожками, которые они подогревали на реостатах.

Улучив минуту, когда Виктор вышел из-за стола, Андрей, не глядя на Лизу, спросил:

— Послушай, правда... Рита приехала?

— Хочешь ее телефон? — Лиза написала на обрывке газеты номер и сунула Андрею в карман пиджака. Андрей вдруг притих, и разговор за столом с этой минуты уже не клеился.

Прощаясь, Лиза крепко стиснула ему руку:

— Ты будешь часто заходить к нам, да?

Уже на лестнице, вспоминая ее голос, вспыхивающие глаза, он понял, что это была не обычная вежливость, а настоящая и почему-то тревожная просьба.

Укладываясь спать, Виктор сказал Лизе:

— Жалко мне его. Потерял столько лет, а пришел к тому, с чего я начинал. И даже рассказать о себе толком не может. Засушила его учеба.

Ему хотелось, чтобы Лиза почувствовала, поняла, какую он взваливает на себя обузу с этой опекой над Андреем, и тогда он сказал бы ей о законах дружбы, о том, что он все-таки любит Андрея... Но Лиза ничего не ответила.

Она лежала к Виктору спиной, и по ее дыханию нельзя было попятить, спит она или нет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Аспирантура убедила Андрея, что дело не в том, защитит ли он диссертацию, а в том, удастся ли ему стать ученым. Он учился последовательности, терпению; учился любить неблагодарную черную работу; учился выкарабкиваться из самых глубин отчаяния, когда, казалось, все рухнуло и нельзя продолжать и не с чего начинать. Иной раз результаты всех трудов вдруг повисали на волоске, и Андрей до боли в голове ощущал свое бессилие найти выход, и тогда перед ним возникал пугающий вопрос: а нужно ли кому-нибудь то, что ты

делаешь?

Он искал утешения у Одинцова. Безжалостно, с таким наивным видом тот предлагал:

— Повторите-ка этот опыт еще разик.

И там, где можно было найти путь легче, указывал самый тяжелый.

— Стеклодуву поручить? Стеклодув — он сумеет, а вот вы сами попробуйте. У вас должна быть не только голова, но и руки ученого.

И Андрей повторял опыт еще и еще «разик», выдувал стеклянные баллоны для своих ламп, тянул тончайшую кварцевую нить, слесарил, клеил.

— Очень часто требуется больше остроумия для того, чтобы справиться с каким-нибудь куском латуни, чем составить весь план исследования, — говорил Одинцов, шевеля своими узловатыми ревматическими пальцами.

Требовательность старика не знала границ. Стоило Андрею одолеть какой-нибудь расчет, как Одинцов ставил перед ним новую задачу.

— Расчет как расчет, ничего особенного, — равнодушно говорил он, — а вы обоснуйте-ка его теоретически.

Две недели Андрей разрабатывал теорию расчета. Получилась пухлая тетрадь в сорок страниц. Одинцов проверил, даже похвалил. Похвала Одинцова выражалась в следующих словах:

— Ну-с вот, теперь для вас вроде все прояснилось. Это главное. Только для вашей темы ничего этого не нужно.

— Как не нужно? — испугался Андрей.

— Напишите в примечании: вывод дает такую-то величину, — бесстрастно посоветовал Одинцов, и от всей тетради в диссертацию попало примечание в три строчки.

Грубоватая резкость уживалась в натуре Одинцова с привычкой к проповедям, как сам он, посмеиваясь, называл свои беседы. В таких случаях он начинал говорить несколько старомодным, витиеватым, но удивительно обаятельным для молодежи языком:

— Известно, что великие ученые достигали знаменательных результатов не только потому, что верно мыслили, но и потому, что много мыслили и многое из передуманного уничтожали без следа. Какими бы надеждами вы ни воспламенялись, остерегайтесь хитрить со своей совестью. В науке, кроме созидания, важно уметь разрушать.

Трещали сроки, а Одинцов от своей программы не отступал ни на шаг.

Порою Андрею казалось, что старик придирается к нему. В конце концов, дело шло о защите кандидатской, а не докторской диссертации.

— Мне из вас не кандидата надо сделать, — упрямо отвечал Одинцов, — а ученого.

Тяжелая это была школа. Андрей метался среди противоречивых теорий.

Любая книга оказывалась западней, в которую он летел сломя голову. Потом он запутывался в экспериментальных данных. Не раз Андрей порывался бросить аспирантуру, уйти на производство. Товарищи по кафедре только посмеивались над его угрозами.

По ходу работы потребовалось провести серию сложных и дорогостоящих опытов. Лаборатория учебного института не имела для этого ни оборудования, ни средств. Тогда Одинцов решился на нелегкий для себя шаг: он поехал к главному инженеру Энергосистемы и предложил заключить договор на усовершенствование прибора по определению повреждений в линиях. Эта работа как раз была связана с темой диссертации Лобанова.

Надо было знать отношения Одинцова с руководством системы, чтобы оценить его поступок. Когда-то он пытался внедрять автоматику на станциях.

Человек «неполитичный» и резкий, столкнувшись с недоверием к своим предложениям, он скоро перессорился с администрацией Энергосистемы, поехал в министерство, протолкался в приемных около двух недель, написал семь писем и заявлений и убедился, что для того, чтобы разрешить вопрос, надо год-полтора целиком посвятить себя этому занятию.

— За это время я лучше разработаю еще один прибор, — говорил он. — Ну, допустим, у меня есть и терпение и хватка (Одинцов считал себя хитрым и тонким политиком), но ведь нельзя же требовать от каждого ученого, чтобы он с таким трудом добивался внедрения своих разработок.

Он стал избегать общения с производственниками и особенно с администрацией Энергосистемы. Консультировать — пожалуйста, внедрять — увольте. И вот впервые это правило было нарушено ради Лобанова. О своем визите к главному инженеру Энергосистемы Одинцов рассказывал морщась:

— Битый час убеждал их: прежде чем усовершенствовать, надо общие принципы разработать, — как, по-вашему? Они свое: принцип нам ни к чему, нам бы приборчик. Я спрашиваю: «Что ж, по-вашему, приборчик появится на голом месте, в пустыне мрачной и сухой возьмет и вырастет?» — «Так-то оно так, — отвечают, — но на орошение нам денег не дают». Ну, в общем, вымотал, — устало заключил он.

Чтобы выполнить договор, требовалось много времени, зато отвлеченные рассуждения в диссертации Лобанова должны были обрести несокрушимый костяк опытных данных.

Кафедра готовилась к весенней сессии, студенты до позднего вечера сдавали зачеты, словом — не было ни минуты свободной, и все же ассистентка Зоя Крючкова и лаборанты умудрялись помогать Андрею собирать установку.

Поставив несколько опытов, Андрей вдруг прекратил работу. Три дня он вообще не показывался в институте. На четвертый пришел к вечеру и попросил парторга кафедры Фалеева собрать партгруппу.

— Имейте в виду, у меня билеты взяты в кино, — сказала Зоя. — Какой вопрос?

— О воспитании чувств, — невесело улыбнулся Фалеев. — Устраивает?

Он уже знал суть дела. Андрей после первых опытов пришел к выводу, что и прибор и метод, которые кафедра взялась по договору усовершенствовать, устарели. Последние достижения радиолокации позволяли создать принципиально новый способ определения мест повреждения в линиях. Идея эта принадлежала не ему, ее высказывал ряд московских ученых, он лишь убедился в ее справедливости, проверяя старый метод. Разумеется, сейчас ему нельзя было и думать браться за разработку нового способа. Но тогда, спрашивается, имел ли он право возиться со старым, негодным, по его мнению, прибором только ради того, чтобы использовать установку и деньги для своей диссертации?

— Одной рукой накладывать румяна на эту рухлядь, а другой писать в диссертации, что ее пора выбросить на свалку? Так, что ли? — Голос Андрея звучал слишком громко, как будто он

хотел перекричать кого-то. — Надо сказать энергетикам: совершенствовать ваш метод мы не будем. Он никуда не годится в сравнении с локационным.

Слушая Андрея, Фалеев почему-то думал о себе. Завтра ему исполняется сорок лет. Пятнадцать лет он преподает в институте. Доцент. Член Клуба ученых. Жизнь его текла размеренно и спокойно. Внимательно следил за литературой по своей специальности, ежегодно обновлял лекции, студенты любили его за ясный и точный язык, за умение красиво продемонстрировать опыты.

В свободное время занимался теорией регулирования, напечатал несколько статей по этому вопросу. Он получал удовлетворение, когда ему удавалось изящно решить какое-нибудь запутанное уравнение. Но в последнее время его начинало тяготить это тихое и однообразное течение жизни.

И вот сейчас, слушая Андрея, он вдруг жадно позавидовал его горю, именно горю. Ему захотелось тоже мучиться, искать, терзаться до бессонницы, упершись лбом в какой-то нужный и трудный вопрос, и чтобы кругом все волновались и спрашивали: «Ну как, Фалеев, скоро ли?»

Темнело. Свет не зажигали. За окном в парке уныло накрапывал дождь.

Фалеев спросил, какие будут предложения.

— Кафедра должна отказаться от договорной работы, — сказал Андрей.

В сумерках трудно было разглядеть его лицо, но голос звучал спокойно.

— А как же твоя диссертация?

— Вы эгоисты, — с сердцем сказала Зоя Крючкова. — Никто не думает об Одинцове. Он старался, хлопотал. Отблагодарили, нечего сказать.

— Зоя! — возмутился аспирант Дима Малютин.

— Ну что — Зоя? Элементарной чуткости у вас нет. Поглаживая лысину, Фалеев, по своей лекторской привычке, мерно ходил вдоль стола. Неправда, все они с самого начала думали об Одинцове, и не к чему Крючковой горячиться.

Учтите, Одинцову интересы науки дороже всего. Из самого запутанного дела легче всего выбраться дорогой правды. Лобанов поступил честно... («Об этом никто не спорит, — вставила Зоя. — Но такой честностью можно убить старика!») Пострадает диссертация Лобанова, будут неприятности у Одинцова, неудобно получится перед энергетиками, и так далее. («А другого-то выхода нет?!» — сказал Дима Малютин.) То-то и оно, что нет. В науке легкий путь не бывает правильным путем, рано или поздно он мстит человеку... Фалеев остановился, заметив, что говорит о себе.

Решили так: Андрей покажет Одинцову свои выкладки: если Одинцов согласится с научной частью вопроса, тогда Андрей попросит его отказаться от договора, в случае чего сославшись и на мнение партгруппы.

Назавтра Андрей встретился с Одинцовым.

У Одинцова была привычка, читая рукопись, ставить на полях вопросики, восклицательные знаки и всякие саркастические пометки, вроде: «темно», «отважная бессмыслица». На сей раз он, отложив карандаш в сторону, забарабанил пальцем по столу.

«Плохо!» — подумал Андрей. Он смотрел на склоненную голову Одинцова.

Сквозь редкие седые волосы просвечивала розовая кожа. Андрей вспомнил отца и почувствовал себя беззащитным перед стариком.

«Черт с ним, — мысленно решил он, — если заупрямится, отложу диссертацию и выполню энергетикам их заказ. Не могу я идти против этого человека».

Закрыв последнюю страницу, Одинцов пощипал брови и, не поднимая головы, заговорил, осторожно подбирая слова:

— Извольте правильно понять меня, Андрей Николаевич. Прежде всего я весьма рад появлению столь замечательной идеи. Она обретает у вас конкретность, осязаемость. Над нею, разумеется, предстоит весьма солидная работа, но об этом потом. Главное, сейчас нам с вами не оступиться. Наш нравственный долг отказаться от договора. — Одинцов поднял голову. — Не огорчайтесь, Андрей Николаевич, — он нежно положил руку на стиснутый кулак Андрея. — Иначе нельзя, поймите меня. Честность в науке так же необходима, как знания. Конечно, прискорбно, что в диссертации будет изъян, — скажут: мало фактов. Ну что ж, зато идея у вас чудесная. Наука-то останется в выигрыше — так?

Андрей кивнул, с трудом сдерживая радость.

— Вы не падайте духом. Я завтра съезжу к энергетикам. — Одинцов поморщился, но сразу спохватился и улыбнулся Андрею. — Объясню и откажусь.

Пообещаю после вашей защиты усадить вас за разработку этого нового прибора, — как вы его назовете? По-моему, «локатор». Итак, согласны?

— Я?.. Конечно! А мы-то... Но вы всегда были против того, чтобы иметь дело с ними... Я знаю, как вам неприятно...

Морщинистое, в склеротических жилках лицо Одинцова покраснело:

— Мало ли что я! Я имею право на всякие предрассудки, а вы нет. Коли вы отвергаете старый метод, извольте осуществить вашу новую идею. А так, извините меня, это выглядит прожектерством. Да-с!

Андрей вышел из кабинета, натыкаясь на студентов, пересек Коридор, вошел в лабораторию. Глупая большая улыбка растягивала его рот.

— Ну как? — спросил Фалеев.

Андрей недоуменно посмотрел на него, потом покачал головой и сказал:

— Дурак!

— Кто?

— Я. Ты. Мы все дураки!

Через две недели, после того как диссертацию послали оппонентам, один из них, профессор Тонков, позвонил в институт и попросил Лобанова заехать к нему на квартиру.

В назначенный час Андрей сидел у Тонкова в гостиной, перелистывая старые номера «Огонька»: профессор был занят. Затрепанные журналы напоминали Андрею парикмахерскую. На стенах под стеклом висели отлично исполненные фотографии. На каждой осанистый, бритоголовый мужчина в толстых очках, с черной бородой, подстриженной лопаткой, был заснят с кем-нибудь из известных ученых страны. Андрей никогда раньше не видел Тонкова и теперь с интересом рассматривал фотографии: Тонков играет в шахматы с

академиком Веденевым, Тонков гуляет по парку под руку с президентом Академии наук, Тонков в президиуме беседует с академиком Зелинским, Тонков в группе академиков на каком-то строительстве. Отовсюду Тонков как бы спрашивал: «Заметили, с кем я?»

Домработница в белом фартучке пригласила Андрея к профессору. У себя в кабинете Тонков выглядел еще величественнее, чем на фотографиях. В мохнатой, верблюжьей шерсти куртке, с черной ермолкой на яично-гладкой голове, он имел внешность того самого профессора, которого каждый представляет себе, произнося это слово, и кабинет у него выглядел так, как должен выглядеть типичный профессорский кабинет.

В шкафах мерцали позолотой корешки книг. Стол был завален ворохом рукописей, корректур. Висели портреты Фарадея, Ломоносова, Максвелла. На отдельной этажерке были собраны книги, написанные хозяином дома.

Тонков ласково потряс руку Андрея, горячо извинился, что заставил ждать, и дал прочитать черновик своего отзыва.

Оппонент обрушивался на тот раздел, где Андрей выступал против существующих методов определения повреждений в линиях.

«Автор бездоказательно зачеркивает славные традиции отечественной науки... Вместо того чтобы развивать существующую теорию, он отрицает...

Идея локатора не является новой и не подкреплена никаким экспериментом...»

— Вы понимаете, я, собственно, поступаю против правил, — улыбнулся Тонков, открыв красивые белые зубы. — Мое дело дать отзыв, и все. Написал я сей черновик и вижу — не защитит вам. Провалю вас. Эх, думаю, была не была, поговорю лично. Совесть ученого не позволила мне отнестись формально.

В конце концов, я возражаю против одного и вовсе не решающего тезиса. Верно?

— Верно, — обрадовался Андрей, слабая надежда блеснула перед ним.

— ...Измените его, — и все остальное приемлемо.

Тонков порылся на этажерке и вытащил оттиск одной из своих старых статей. Возможно, она пригодится для этого случая, тут как раз рассмотрены способы усовершенствования метода, созданного в свое время самим Тонковым.

Да, этим методом определяли и определяют место повреждений в линиях, и народ привык к этому методу и не захочет отказаться от него...

Подавленный величественной любезностью Тонкова, Андрей почтительно слушал его рассказ о том, как эта работа была перепечатана за границей и как там ее результатами интересовались крупнейшие фирмы, у нас же только сейчас спохватились и начинают...

Надо было отдать должное Тонкову: он точно нащупал слабое место диссертации. Новой теории явно не хватало лабораторного материала. Вот когда Андрей еще раз крепко пожалел о несостоявшейся работе для Энергосистемы!

Тонков располагал убедительными, многократно проверенными доказательствами.

Против новорожденной беззащитной идеи он двинул тяжелую всеокрушающую машину математики, обрушился богатым опытом практики. Что мог противопоставить Андрей? Общие рассуждения, свое чутье, поддержку Одинцова?

— Одинцов, к сожалению, сейчас не модная фигура. — Тонков дал понять, что ему известна история договора с энергетиками, она подорвала авторитет Одинцова, закрепив за ним репутацию кабинетного отшельника. — Советую вам придерживаться противника, ищущего ваших ошибок, он полезнее друга, который пытается их скрыть.

Положение было безвыходным. Памятуя наказ Одинцова («не идите на рожон»), Андрей скрепя сердце согласился кое-что изменить в своих выводах.

Тонков сказал:

— Я понимаю, вас прельщает возможность связать вашу теорию с практикой. Но, дорогой мой, вы ставите под удар свою диссертацию. Я почувствовал сразу: вы человек талантливый, а ваш нигилизм — так это от молодости! Я надеюсь, нам с вами предстоит немало работать вместе, поэтому я и решился на такой шаг. Человек для меня дороже любых формальностей.

Тонков замолчал, ожидая, по-видимому, изъявлений благодарности, но Андрей не в силах был это сделать.

Тонков поинтересовался, получил ли Андрей назначение на работу. Узнав, что распределение задерживается, он спросил, каковы планы Андрея. В институте считали необходимым оставить Андрея на кафедре. Он начал даже готовить курс лекций, чтобы с будущего года немного разгрузить Одинцова.

— Преподавателем? — поглаживая бородку, Тонков оценивающе разглядывал Андрея. — А знаете, молодой человек, вы мне чем-то нравитесь. — Он хохотнул, сверкнув белыми зубами. — Сам не знаю чем. Только глаз у меня верный.

Он вышел из-за стола, и Андрея поразило в его фигуре несоответствие между короткими ногами и длинным, крупным туловищем. Сидя за столом, Тонков производил более солидное впечатление.

— Стоит ли вам кинуть в учебном заведении? Стариковское занятие! У меня есть вакантное место в институте Академии наук. Подумайте.

Какие там разрабатывали темы! Андрей невольно заслушался. Передача электричества постоянным током на тысячи километров. Создание единой высоковольтной сети страны. Государственное значение... Полная самостоятельность... Внимание, уделяемое Академией наук...

— Да, все это очень интересно, — вздохнул Андрей. — Очень. Но мне хочется решить другую задачу.

— Какую же?

— Доказать, что локатор осуществим. И создать его.

— Ого! И где же вы собираетесь это проделать? Вот этого-то Андрей и не знал.

Размышляя о создании будущего прибора, он убеждался, что учебные лаборатории, которыми располагала кафедра, не годились для этой цели. Ему предстояло вести широкие исследования на линиях передач разных напряжений, на кабелях. Такую возможность могла предоставить только лаборатория Энергосистемы. Он решил добиваться назначения туда. Если бы его послали туда даже рядовым инженером, он согласился бы, не раздумывая. Он видел перед собой цель и не желал считаться ни с чем.

Лишь однажды он заколебался, осознав, какой дорогой ценой приходится платить за свою

мечту. Это случилось перед распределением, когда Андрей решился открыть свой план Одинцову.

В последнее время Одинцов часто болел. Выражение тревожной заботы появилось на его лице. Андрей не раз ощущал на себе испытующий взгляд старика. словно наверстывая упущенное время, Одинцов спешил подготовить себе преемника.

Одинцов считал преподавательский труд высоким искусством. Всякий раз перед вступительной лекцией он волновался, как новичок. Его возбуждал вид аудитории, заполненной молодыми головами, озорной шум голосов, блеск глаз, следящих за каждым его движением.

Постепенно Одинцов сумел внушить Андрею если не любовь, то интерес к преподаванию. Свободное время Андрей тратил на подготовку к лекциям. Одинцов черкал его конспекты с придирчивой дотошной требовательностью и в то же время с нежностью старого человека, видящего в недоверчивом прищуре зеленых глаз Лобанова свою молодость.

Андрей провожал Одинцова домой. Они шли через институтский парк, кружа по узким песчаным аллеям. Одинцов тяжело опирался на палку, и Андрей все старался идти с ним в ногу, умеряя свой размашистый шаг. Стояла глубокая осень. Ветер срывал последние листья с дубов. Сухой, рыжий лист, кружась, упал на плечо Одинцова.

Разговор был окончен, хотя, в сущности, разговора и не было. Одинцов не требовал никаких доводов, Андрей мог бы ответить на любое его возражение, как отвечал вчера и позавчера товарищам по кафедре. «Будешь бегать на поводке у техотдела, вот и все», — доказывал ему Дима Малютин. Зоя Крючкова — та просто обиделась: «По-твоему, мы все должны уйти на производство?»

Оригинально представляешь себе место науки! Я расцениваю твой уход как механическое искажение идеи содружества». Они вчера крепко повздорили, и все-таки ему удалось доказать, что судьба прибора может решиться только там, на производстве. Он надеялся убедить в этом и Одинцова. Но Одинцов молчал.

Он шагал в глубоких старомодных ботах прямо по лужам, палка его неприятно поскрипывала в сыром песке. За его молчанием скрывалось что-то укоряюще тяжелое. Ведь он тоже был прав.

Достанет ли у него сил снова искать и готовить себе преемника? Он был обманут в своих лучших надеждах. У старости свои законы, ее потери трудно возместимы...

— Выходит, я ошибся в вас, Андрей Николаевич, — с трудом сказал Одинцов, — не вас я теряю, а... — он не кончил, как-то вяло махнул рукой и отвернулся. Для Андрея этот знакомый жест был тяжелее пощечины.

Они дошли до подъезда. Андрей незаметно снял листок с плеча Одинцова.

Оглушительно хлопнула дверь, втянутая пружиной, и Андрей остался один. Он долго смотрел на мокрые ступени, на закрытую дверь. В зеркальных стеклах качались сосны и плыли грузные серые облака.

Когда он снова придет сюда, откроет эту дверь? Когда это будет? Зимой?

Летом? Через год?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Электрораборатория, куда пришел работать Лобанов, занимала три большие комнаты в первом этаже. Кроме того, в ее ведении находились мастерские, отделенные коридором. В мастерских дребезжали старые, изношенные станки, которые держались, как было сообщено Лобанову, исключительно энтузиазмом Кузьмича, пожилого неразговорчивого мастера. Слово «энтузиаст» никак не шло к внешности этого человека. Знакомясь с новым начальником лаборатории, он пожал Андрею руку и буркнул, как будто они виделись накануне:

— Пока фрезерному мотор не сменят, заказы на фрезеровку брать не буду.

Широкий коридор делился как бы на две части. Под лампочкой, где висели стенгазета и выцветшая доска Почета, находилась официальная половина. Здесь секретарь комсомольского бюро Игорь Ванюшкин вел переговоры с неплательщиками членских взносов, советовался с членами бюро о некоторых нерастущих товарищах, а культпроп Саша Заславский консультировался у парторга Борисова, будет ли в Китае нэп или не обязательно.

На вторую половину коридора выходили поболтать, покурить; тут, у красного пожарного ящика с песком, рассказывали особого рода анекдоты, выясняли взаимоотношения, обсуждали роман Лени Морозова с Соней Манжула.

Комнаты лаборатории были разгорожены высокими шкафами на маленькие клетушки. Одна принадлежала измерителям, другая — автоматчикам и т. д.

Внутри клетушек ютились столы инженеров, стиснутые верстаками и стендами.

Каждая группа имела свои тайнички для инструмента, свои радости и огорчения.

Неотступно гудели моторы, сухо трещали фиолетовые вспышки разрядов, отделяя каждый угол плотной завесой шума, усиливая разобщенность людей.

После просторных, сосредоточенно тихих лабораторий института здесь казалось невыносимо шумно и тесно.

— Какие-то удельные княжества, вотчины, — возмущался Андрей.

Приняв дела от Майи Устиновой, он никак не мог выбрать себе подходящего уголка. Насупясь, шагал из одной комнаты в другую, что-то вымеривая и прикидывая. В крайней комнате он заметил низенькую дверцу, запертую на всякий замок. За ней оказалась крохотная, похожая на чулан комнатка.

Вдоль некрашенных стен тянулись стеллажи с материалами. Из квадратного, заделанного решеткой оконца пробивался тусклый свет.

Пригнув голову, Андрей вошел в этот чулан, закрыл за собою дверь, прислушался: здесь был островок тишины.

Андрей велел перенести кладовку в другое место, а помещение вымыть и убрать с окна решетку. Каморка стала его кабинетом. В ней было холодновато и темно, так что днем приходилось включать лампочку, но все неудобства искупала тишина.

Новый кабинет, с легкой руки инженера Кривицкого, был окрещен «кельей отца Ондreja».

Лобанов распорядился очистить и крайнюю комнату, куда выходила дверь его кабинета, лаборантам и техникам разместить свое оборудование в остальных двух, а инженерам с их письменными столами и чертежными досками перебраться сюда, в отдельное помещение.

Переселение было встречено в штыки, оно ломало устоявшийся годами порядок, оно не устраивало ни инженеров, ни лаборантов. Инженеры боялись оставить участки без «хозяйского глаза», лаборанты обижались, считая, что Лобанов хочет подчеркнуть разницу между людьми с высшим образованием и остальными работниками лаборатории. Кое-кто посмеивался — «новая метла» — и с любопытством ждал дальнейших событий.

— С вами-то хоть Лобанов посоветовался? — спросил у секретаря партбюро Борисова инженер Новиков.

Борисов с нарочитым равнодушием ответил:

— Зачем? Это вопрос чисто хозяйственный.

Между тем Андрей вовсе не желал уподобиться «новой метле». Лаборатория считалась передовой, и перестраивать всю ее работу он не собирался. Он будет заниматься своим прибором. Для этого ему необходимы тишина и несколько знающих инженеров, которые могли бы спокойно сидеть, думать и делать расчеты.

Переезд начался со скандала. Техник Леня Морозов заявил, что перетаскивать свой верстак он не намерен.

— Не моя это обязанность. Пусть приглашают такелажников. — Он вызывающе бросил эту фразу инженеру Кривицкому в тот момент, когда мимо проходил Лобанов.

В комнате мгновенно смолкли все разговоры. Пека Зайцев, сидящий на стремянке, перестал отбивать от стены щиток и приготовился наблюдать за ходом событий. В другое время Кривицкий нашел бы что ответить Морозову, сейчас он пожал плечами и с улыбкой повернулся к Лобанову.

Лобанов остановился. Майя поняла, что он растерялся. На него смотрели с выжидающим любопытством, и Майе Устиновой вдруг стало жаль его. Все, вся лаборатория были сейчас против него одного. Это было несправедливо. И в то же время ей было приятно, что Лобанову не подчиняются, что все настроены против него. А он своей неопытностью еще усугублял это. Ему следовало бы пройти мимо, не обратив внимания на слова Морозова, тогда она пристыдила бы Леню, и все. Теперь бог знает, чем это кончится. Морозов не из тех, на кого можно прикрикнуть, да и, кроме того, подзадоренный общим вниманием, он явно вызывал Лобанова на скандал.

Честно говоря, она, пожалуй, не стала бы вмешиваться — пусть Лобанов сам выкручивается. Но, странное дело, стоило ей признаться себе в этом, как она тут же возмутилась собой.

— Морозов, — твердо и холодно сказала она, — не валяй дурака.

Но в это время Лобанов подошел к верстаку.

— Неужели так тяжело? — просто спросил он. — А ну, попробуем.

Он нагнулся, расставил ноги, подхватил верстак снизу за поперечину, взвалил на плечо и, стуча бурками, понес в соседнюю комнату. Шея его надулась, покраснела. Пека скатился со стремянки и побежал за Лобановым.

— Чего же вы стоите! — крикнула Майя Морозову и его подручному. — Покажите, куда поставить.

Когда верстак водворили на новое место, Лобанов, потирая шею, сказал Морозову:

— Пожалуй, для вас действительно тяжело.

— Где ему! — презрительно подхватил Пека Зайцев. Он попробовал сдвинуть верстак с места. — Тут килограммов сто, тут тяжелоатлетика нужна.

То, что Лобанов отнесся к выходке Морозова с добродушной насмешливостью сильного человека, вызвало симпатию. Над Морозовым потешались: не тяжело ли ему перенести табуретку, — может быть, вызвать такелажников?

Инженеры, очутившись впервые вместе в просторной солнечной комнате, где стояла непривычная тишина, тикали большие стенные часы и белели свежей бумагой столы, почувствовали себя так, словно их выставили на витрину.

Раньше с утра их тормозили со всех сторон, требуя указаний; на глазах у них мерили, разбирали, монтировали. Все это отвлекало, заставляло поминутно ввязываться. Теперь, дав задание и потолкавшись по привычке среди своих лаборантов, они возвращались в «инженерную». Да и техникам неудобно стало обращаться к ним со всякими пустяками, как прежде. Инженеры могли спокойно заниматься своими расчетами. Со смущением они обнаруживали, что располагают кое-каким свободным временем. Лобанов пока что не вмешивался в их работу.

Всех расселив, он уединился в своей «келье» и раз в день вызывал к себе кого-нибудь из инженеров.

Они входили к нему настороженно, готовые ко всяким неожиданностям, а покидали до разочарования успокоенные. Он интересовался только их теоретической подготовкой. Словом, судя по всему, реформы кончились, можно было спокойно работать дальше.

Большинство сошлось на суждении, высказанном Кривицким:

— Теоретик... Фигура не столько для пользы, сколько для украшения.

Борисов отмалчивался, не зная, можно ли еще чего-нибудь ждать от нового начальника.

— В самом деле, Борисов, согласитесь, что Лобанов далек от производства и не желает вникать в него, — говорил инженер Усольцев.

Он был недоволен Лобановым. Начальник лаборатории в ответ на его просьбу дать новые установки по текущей работе, мельком взглянув на схему, сказал:

— Ну, тут вы сами разберетесь.

Усольцев действительно мог сам разобраться, он знал свое дело, и все же спокойно работать можно только тогда, когда знаешь мнение начальства, — мало ли какие обстоятельства возникнут...

— Какое там мнение, — усмехался Кривицкий. — Лобанов понимает, что ему лучше не соваться в практическую сторону. Известно: тот, кто вместо ответа на вопрос умеет пожать плечами, всегда считается умным. А для создания авторитета он беседует на отвлеченные темы — вот, мол, какие вы необразованные. Понятно?

Секретаря партбюро инженера Борисова покорило то, что Лобанов начал свою деятельность с устройства собственного кабинета и «инженерной». Прошла неделя, другая, и Борисов на самом себе начал ощущать последствия переезда.

Он нехотя признавался себе, что отвык сидеть в тихой комнате и думать.

Именно думать — не торопясь осмыслить свою работу, подумать над перспективой, над формулами.

Как-то для справки он взял новую книжку по радиолампам и незаметно зачитался. К нему подошел Леня Морозов с какой-то бумажкой. Борисов поймал его быстрый насмешливый взгляд и почувствовал себя словно застигнутым на месте преступления. Во время рабочего дня читает книгу!

Присматриваясь к инженерам, Борисов замечал, что и они испытывают такое же не осознанное еще то ли неудобство, то ли неуютность от избытка свободного времени.

Борисов понимал, что ему, как секретарю партбюро, надо как-то определить свою позицию. Строго говоря, он обязан был поддержать нового начальника, но если начистоту, без формальностей, то не лежала у него душа к Лобанову. То ли дело Майя Устинова. С ней было просто и легко. Она всех устраивала, все ее любили. Даже скептик Кривицкий, и тот соглашался: «С Майей Константиновной работать можно. Она без претензий и удобна, как английский король».

Допустим, в действиях Лобанова есть какая-то система, какая-то цель, — тогда почему бы прямо не собрать весь коллектив и не выложить все, что думаешь? Не желает собирать всех — пускай соберет коммунистов. Неужели он так и рассчитывает в одиночку действовать? Неопытность? Майя Устинова тоже начинала без опыта и со всеми советовалась. Борисов даже бранил ее: больше самостоятельности. А тут, пожалуйста, явился этакий ученый петушок, ни с кем знаться не хочет, держится особняком, восстановил людей против себя, разговорчики начались, а он при этом и в ус не дует.

Он ждал повода объясниться с Лобановым.

До сих пор Борисов никогда не задумывался — как ему подойти к человеку. Отношения со всеми складывались сами собою, плохие или хорошие, во всяком случае — без предварительных размышлений. На что уж несносный и трудный характер у Кривицкого — и с тем Борисову было просто: ругались, обижались друг на друга и никаких особых подходов не искали. С Лобановым не то. Борисов испытывал перед ним какое-то тягостное стеснение. Лобанов с плохо скрытым презрением относился к тому, чем занимались в лаборатории, и люди чувствовали себя неучами и словно в чем-то виноватыми.

Сам же Андрей был далек от подобных размышлений. Он действовал по точно продуманной программе. Прежде чем приступить к локатору, необходимо подобрать знающих инженеров. Успех предстоящей работы зависел также от квалификации техников, от опытности лаборантов. Он вызывал к себе одного за другим своих сотрудников и бесцеремонно проверял их теоретический багаж.

Багаж!.. К сожалению, это сравнение оказывалось довольно точным. Многие давно уже отложили в сторону свои теоретические знания, как ненужный в походе груз. И он покоился на самых задних полках их памяти, ветшая и портясь от бездействия. Большинство прекрасно обходилось скромным набором практических рецептов.

Неиспользуемые знания — утрачиваемые знания. В грустной справедливости этой истины Андрей убеждался, беседуя со своими инженерами. Они позабыли решения простых дифференциальных уравнений, путались в основных формулах.

Редко кто знал новые типы измерительной аппаратуры. От драгоценного, некогда грозного оружия остались запыленные, заржавленные обломки. И странное дело: никого из инженеров не смущала эта бесхозяйственность, эта горестная, возмутительная картина.

Новиков даже оскорбился: что это еще за экзамен!

Самое резкое столкновение произошло с Кривицким. Один из ведущих инженеров лаборатории, Кривицкий принадлежал к категории так называемых неуживчивых людей. Его

не терпели и побаивались. С обидной пронизательностью он умел высмеивать слабости окружающих, без различия должности и заслуг.

Несмотря на опыт и способности, он за пятнадцать лет так и не пошел дальше старшего инженера. Озлобленный несправедливостями, он превратился в скептика, любая правда представляла в его словах цинично-оскорбительной.

Кривицкому было около сорока, выглядел он пятидесятилетним. Лицо серое, всегда плохо выбритое, с запавшей верхней губой. Пиджак болтался на его сутулой, костлявой фигуре, как халат. Пахло от него табаком и какой-то сладкой помадой, которой он мазал свои жидкие волосы.

Выставив острый, щетинистый подбородок, он язвительно сказал Лобанову:

— От того, что я позабыл тензорное исчисление, Андрей Николаевич, ремонт самописцев не задерживался и не задержится ни на один день. Это исчисление нужно мне для ремонта, как компас машинисту паровоза.

— Не знаю, — уклончиво отвечал Андрей. Пока что он предпочитал спрашивать и слушать.

— Один мудрый человек сказал: люди заблуждаются не потому, что не знают, а потому, что воображают себя знающими. Сие, конечно, относится к нашему брату производственнику. А вам... — Кривицкий, прищурясь, осмотрел свой длинный желтый ноготь на мизинце. — Да-с, так вот, как видите, я не сгораю от стыда за свою отсталость. И не побегу от вас в библиотеку. Мне и так хорошо. Андрей молча сдерживал ярость.

— Позвольте на правах старшего по возрасту предупредить вас, — приторным голосом продолжал Кривицкий, — со стороны ваш розовенький энтузиазм кажется смешным.

Андрей заставил себя спокойно улыбнуться и ответил:

— Другой мудрый человек сказал, что привычка находить во всем только смешную сторону есть верный признак мелкой души, поскольку смешное лежит всегда на поверхности.

Откровенный цинизм Кривицкого возмутил Андрея. Они все насквозь пропитаны производственным делячеством, думал он. Всех негодных — а негодными после разговора с Кривицким ему казались все — уволить из лаборатории! Набрать способную молодежь и с нею начинать.

Теперь, когда картина была ясна, он вызвал Борисова. Оба они намеревались поговорить спокойно и обстоятельно, но ничего из этого не вышло. Они стремились скрыть свою враждебность, и каждый из них, видя это стремление у другого, все сильнее раздражался.

По сравнению с Андреем Борисов выглядел низкорослым. Лицо у него было невыразительное, безбровое, нос, как говорят в народе, картошкой.

Единственное, что привлекало в Борисове, — это глаза. Затемненные длинными ресницами, ярко-синие, они смотрели из-под надбровий с какой-то готовностью к радостному удивлению, словно уверенные, что сейчас должно случиться что-то хорошее.

Теперь, когда этот жизнерадостный огонек погас, взгляд стал чугунно-неподвижным. И все лицо, как у всех сдержанных людей в минуты гнева, стало тоже неподвижным. Вклинивая свои спокойно продуманные фразы между словами Лобанова, он обвинял его в зазнайстве, в нежелании прислушиваться к людям, в голом администрировании.

Андрей и не думал защищаться. Видно, Борисов беспокоится только о своем самолюбии: как это так — с ним не посоветовались! А лучше б он поинтересовался знаниями своих

коммунистов. Позор! Еще называются научными сотрудниками лаборатории! Невежды! Равнодушные деятели! Никаких творческих интересов!..

— Это типичное верхоглядство, — Борисов смотрел в упор на Лобанова круглыми злыми глазами. — Разве можно судить о людях, устроив им экзамены?

И вообще, чего вы добиваетесь? Зачем вы шли в лабораторию?..

— Ну, знаете, — Андрей даже задохнулся. — Я не обязан вам давать отчет. Вы! Вы обязаны помогать мне! А не заниматься болтовней.

Борисов торжественно повеселел:

— У нас производство. У нас парторганизация пользуется правом контроля, к вашему сведению. Это вам не институт.

— Да, это не институт, — с горькой иронией подтвердил Андрей, — к институту таких инженеров, как у вас, и не подпустят. Андрей заметил, как Борисов начал нервно, часто моргать.

«Ага, проняло!» — с удовольствием подумал он, чувствуя себя от этого сильнее.

Он вытащил новенькую папку. На белой наклейке старательно написано крупным почерком: «А. Лобанов. Локатор поврежденных. Начато 28-го октября».

Это была дата его размолвки с Одинцовым.

Положив перед Борисовым схему, Андрей, мрачно сдвинув брови, начал раскрывать свой замысел. Незаметно он увлекся, морщины его разгладились.

Впервые произносил он вслух сокровенные, еще не привычные языку мысли.

Борисов смотрел на большие пылающие уши Лобанова, и ему было приятно, что этот человек, перед которым он тайно робеет, тоже волнуется и переживает.

Под натиском сердито-страстного, восторженного потока его смелых замыслов Борисов, казалось, отступил. На какое-то мгновение в глубокой синеве его глаз вспыхнуло веселой догадкой: «Давай, давай! Вот, оказывается, на что тебя можно зацепить». Лобанов, увлеченный своим рассказом, ничего не заметил.

— Ведь это чертовски интересно! А как важно! — восклицал Лобанов, вопросительно улыбаясь и ища ответной улыбки. Было неожиданно, трогательно видеть, как Лобанов, волнуясь, ждет ответа. Это продолжалось какую-то секунду; тотчас, словно устыдясь своего волнения, он сердито сказал:

— Такой вот я хотел сотворить локатор, товарищ Борисов. На ваши благословенные порядки я не покушался. Я искал себе соратников, да, видно, зря. С такими инженерами, как у вас, ничего не выйдет. Это вам не приборы ремонтировать.

Борисов поднял голову от листков и тоже пренебрежительно усмехнулся:

— Сматываете удочки?

Андрей поставил на пустую папку свой огромный кулак. — Э-э, нет, товарищ Борисов, не на такого напали. Уйдут те, кто не захочет со мной работать.

— Кого вы имеете в виду?

— А всех, начиная с Кривицкого, — сказал Андрей. — Да хотя бы и вас.

— Ого!.. — Борисов вдруг успокоился. Что-то веселое, колющее блеснуло в его глазах. — Насчет меня не выйдет. Меня этот прибор, кажется, интересует. Вот автор меня не совсем устраивает. Послушайте, Андрей Николаевич, а переносный локатор можно сделать? — спросил он.

— Еще не ясно, — буркнул Андреи. Он помолчал, сбившись с мысли. «Вот типичный потребитель. Еще схемы толком не знаем, а он о размерах беспокоится». Но та минута, когда он почувствовал интерес Борисова к локатору, не прошла бесследно. Борисов был первый посторонний человек, которому он показал свою схему. Андрея тянуло поговорить о деталях, и, сохраняя вызывающую интонацию, он спросил не без скрытого волнения:

— Вы же не только партийный руководитель, вы еще инженер. Почему прибор нас, «кажется, интересует»? Вам что, принцип действия непонятен?

Борисов впервые смешался.

— Не совсем, — запинаясь, ответил он. — Тут много электроники, я в ней не силен. — Он осторожно положил листки на стол. — Зато я понимаю другое. Вы себе помощников ищите, а нам нужен руководитель всего коллектива.

Вас только локатор интересует, а нас — вся лаборатория.

— Не вижу, чтобы она вас особенно интересовала.

— Андрей Николаевич, я лично окончил институт всего два года тому назад. До этого на станции монтером работал, а по вечерам учился. Дома смеялись: четвертый десяток пошел, студентом сделался. Семь с половиной лет я ухлопал на пять курсов. Когда в лабораторию попал, как на крыльях был.

Вот, казалось, тут-то и начнется то самое, ради чего стоило жизнь ломать.

Что же получилось? Да ничего. Завертело среди этой крошки из мелких делишек, и не успел оглянуться — прошел год, другой. Я входил сюда, как в святилище. Вам, конечно, не понять, а для меня... — Голос его дрогнул, и Андрей не решился поднять глаз. — Для меня это был храм науки. Оказалось, что храм — всего- навсего мастерская «Метбытремпта»: чиню, паяю.

— Ага! Вот-вот, — обрадовался Андрей.

— Не к чему было институт кончать, хватило бы и техникума. А нет — я до сих пор еще барахтаюсь. Читаю журналы, задачи решаю, лишь бы не забыть.

Пересыпаю свое имущество нафталином. Да что толку! Этим не спасешься. Нас с вами учили: бытие определяет сознание. Вот вы и оглянитесь на бытие. Почему наши инженеры стали техниками, монтерами? Вы бы по-человечески побеседовали с нами, так узнали бы, что каждый из нас переживает. Даже такой, как Кривицкий. Весь его цинизм — маска, а под нею тоска по настоящей работе.

Читаешь в газетах — повсюду борьба за новую технику, а у нас... как будто приплыли в тихую заводь. Пробовали мы несколько раз с Майей Константиновной добиваться новой тематики. Я убедился, что лестницу надо мести сверху, а не снизу. Начинать надо с главного инженера и техотдела.

— И с вас, — непримиримо ответил Андрей.

Борисов доказывал, что локатор важен прежде всего как средство, которым можно расшевелить коллектив лаборатории, заразить людей творческой лихорадкой, чтобы они поверили в свои силы. Пусть каждый почувствует: вот к нам пришла наука, без нас она не может, но и нам без нее неинтересно. Андрея все эти общие слова не трогали и даже обижали. Как, его локатор всего лишь средство? Перестраивать всю лабораторию? С какой стати! Конечно, кое-что придется все же изменить. Поддержкой Борисова воспользоваться не мешает. Тем более, что ему нравится локатор. Что ни говори, а один в поле не воин...

Они медленно сближались, полные еще не остывшей настороженности, и каждый пытался тащить другого в свою сторону. Во всяком случае, хотя бы для этого они должны были протянуть друг другу руки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Оказывается, он забыл ее отчество. Тогда она была еще Рита, просто Рита Гусева. Возможно, он никогда и не знал ее отчества. Поэтому, когда мужской голос в трубке сказал: «Я слушаю», — Андрей запнулся.

— Слушаю, — нетерпеливо повторили в трубке.

— Попросите, пожалуйста, Риту, — сказал Андрей. Мужчина помолчал, потом сказал:

— Кто спрашивает?

Крепко сжав трубку, Андрей ответил, не скрывая усмешки:

— Старый товарищ.

Наступила тишина. Шорох. Шаги. Он весь обратился в слух, жило лишь одно его ухо, тесно прижатое к трубке. Тишина в трубке казалась черной, густой...

— Алло.

— Рита? — спросил Андрей, не веря, что слышит ее голос, и наслаждаясь этой неповторимой минутой узнавания.

— Кто это говорит?

— Ри, ты не узнаешь меня? — Когда-то он звал ее этим коротким именем.

— Кто это? — снова, но уже испуганно и жалобно переспросила она.

Андрей с силой провел свободной рукой по лицу, растирая одеревенелые мускулы.

— Ри, — повторил он. — Ри... — Он закрыл глаза, представляя ее в эту минуту. — Ты узнаешь меня?

— Андрей? Ты? — тихо сказала она, будто шепнула на ухо. Он засмеялся, прислонился плечом к стене.

— Я хотел бы повидать тебя, Ри.

Она долго молчала, потом вдруг сказала оживленно и успокоенно:

— Разумеется. Приходи к нам. Андрей не понял.

— А... можно повидать тебя одну?

— Да, конечно.

Она замолчала, как бы ожидая, подталкивая его.

— Когда же?

— Я буду очень рада посмотреть, какой ты стал.

По мере того как они говорили, голос ее становился напряженней.

Искренняя радость сменилась ровной, громкой веселостью, в которой было что-то успокаивающее для третьего человека, наверно слушающего ее.

— Ри, я не вовремя позвонил?

Она спокойно продолжала отвечать невпопад:

— Кто тебе дал мой телефон?

— Лиза. Так как же, Ри?

— Ах, Лиза! Мы с ней недавно вспоминали, как встретили вас с Виктором в Петровском саду. Помнишь?

Андрей наконец понял ее игру.

— Помню, помню. Ты стала дипломатом. Значит, завтра в Петровском? В котором часу?

— Мне это безразлично.

— Тогда в семь вечера.

— Хорошо, так ты заходи, Андрей. До свидания.

Он пришел в сад в половине седьмого. Вечер стоял безветренный, морозный. В глубине сада, за черными стволами деревьев горел огнями каток, звучала музыка. Андрей искал место их прежних встреч. Но тогда была весна, и все было так непохоже. Их познакомила Лиза на каком-то танцевальном вечере.

Потом они стали встречаться, и Лиза с Виктором, у которых были уже установившиеся отношения, как старшие; посмеивались над ними.

Вдруг Андрей вспомнил: тот разговор произошел в глухой аллейке, ведущей к пруду.

Отыскать эту аллейку оказалось нелегко, недавно выпавший снег прикрыл дорожку. Пушистый, он лежал на единственной скамейке возле пруда. Андрей смахнул снег рукой, но не сел, а продолжал шагать взад и вперед по аллее.

Восемь лет прошло с того дня. Вот этой березки тогда еще не было, этот клен был, наверно, подростком, эти деревья стали толще, выше.

— Здорово, молодцы! Не узнаете? — негромко спросил Андрей. Он смутно представил себе, каким он выглядел в ту пору. Зато Риту он помнил хорошо: крутой изгиб ее ярких губ; низкий, грудной смех — смеясь, она запрокидывала голову назад и забавно вскрикивала: «Ох,

умора!»

Провожая Андрея на фронт, Рита спохватилась — они не обменялись фотографиями.

— Подумаешь! — небрежно отмахнулся Андрей. — Я помню тебя всю. Если мы встретимся, к чему нам фотокарточки! Если разлюбим, тогда тоже ни к чему.

«Уж если разлюблю, то не я», — думал каждый из них.

Андрей продолжал шагать взад-вперед по заснеженной аллее. Узкая тропка тянулась за ним. Дойдя до спуска к пруду, он повернулся и увидел в начале аллеи темную фигурку.

Он остановился, сунул руки в карманы тужурки, с силой упираясь кулаками в дно карманов.

Она приближалась к нему знакомой, щемяще знакомой легкой походкой, как будто проходя все расстояние, разделявшее их эти годы. Сквозь синие сумерки все явственнее проступали краски ее одежды. На ней было светло-серое пальто с пушистым меховым воротником, закрывшим подбородок. Из-под широких полей голубоватой шляпки блестели глаза. Снег скрипел под ее маленькими черными ботинками. Андрей хотел побежать к ней, протянуть руки, обнять, но остался стоять недвижимо.

И с каждым ее шагом мелкие осколки его воспоминаний все быстрее соединялись в одно целое. Она мало изменилась. Черты ее приобрели законченность, стали почти жесткими в своей совершенной красоте. Она все так же улыбалась, подняв верхнюю губу, открыв белые зубы. Андрей вглядывался, ища приметы прошедших лет, пугался, находя новое, непривычное, и радовался и страдал, узнавая старое. Вынув из широкой муфты руку, она нерешительно протянула ее ладонью кверху; рука была горячей, обжигающе горячей. Продолжая держать Андрея за руку, она присела на скамейку.

— Ну вот и встретились, — сказал Андрей, и Рита засмеялась.

— Я так и знала, ты скажешь эту фразу. Я очень постарела, Андрей?

Он сумрачно помотал головой.

— Ты стала моложе. Если так пойдет дальше, ты скоро начнешь болеть скарлатиной и коклюшем. — Он почувствовал, как натянуто звучит его шутка.

Она заговорила о Лизе, о Викторе. Он кивал, отвечал ей, благодарный за то, что она помогала ему одолеть смущение...

Странно, не правда ли, знать каждый ее жест и не знать самых, простых вещей, как будто они только что познакомились, — где она живет, работает, кто ее муж. Чужая, такая чужая...

Она всегда отличалась удивительным душевным изяществом. Никогда ни у одной женщины он не встречал такого такта, с каким она умела выходить из самого неловкого положения. Вот и сейчас — выкрутилась как ни в чем не бывало.

Андрей наклонился, взял горсть снега, начал скатывать снежок, студя руки.

— Ну, как ты живешь? — спросил он так, будто спрашивал: «Ну, с кем ты теперь живешь?»

Она сразу же стала покорно отвечать, не увиливая, не переводя разговор на другую тему. Ответив, молча ждала следующего вопроса. Эта робкая покорность, такая несвойственная прежней Рите, портила его торжество.

Упреки, которые он мечтал высказать, не принесли бы ему сейчас никакого удовлетворения.

— Между прочим, у тебя не было неприятности оттого, что я позвонил? — безжалостно спросил он.

Она пожала плечами. Ну была, какая разница. Пусть это его не беспокоит.

Кто бы мог подумать, что им придется прятаться и скрывать свои отношения!

Он полагал, что годы стерли его обиду. Во время войны она написала ему, что сошлась с одним полковником и у нее родилась дочь. Потом, лежа в госпитале, Андрей узнал о том, что полковник погиб в бою. Охваченный жалостью, Андрей выслал ей аттестат, она дружески-печально поблагодарила его. За месяц до его демобилизации Рита вернула аттестат с коротким письмом.

Она сообщила о своем втором замужестве. Писала, что выходит за человека, который будет заботиться о ее дочери. Там были такие строчки: «...Я не вправе ждать тебя. Пойми, я всегда буду чувствовать себя виноватой. Как бы ты ни относился ко мне, между нами все время будет это. И потом, я устала жить одна. А он меня не может ни в чем упрекнуть».

Письмо пришло с Урала, оно было месячной давности и без обратного адреса. Андрей не оправдывал, не обвинял, он сделал все, чтобы забыть, прочно и навсегда.

Оказывается, не сумел забыть!

Рита не защищалась. Она робко держала его руку, и мелкие капли талых снежинок сверкали на спутанных нитях ее светлых волос.

— Вот как оно получилось, — говорила она. — А все могло быть иначе.

Нам не хватило с тобой одного месяца. Я почему-то капризничала. Помнишь, ты взял билеты на «Красный мак», а я не пошла. Сколько таких вечеров у нас пропало из-за меня!

— А в мае ты поехала на неделю к тетке. Что тебе надо было у тетки?

— Я хотела проверить тебя... И себя. Мне всегда казалось, что ты — просто так. Что ты не любишь по-настоящему.

— Это я не любил тебя?! — воскликнул он, вставая и отбрасывая ее руки.

— Но ты всегда был такой... Ты даже ни разу не поцеловал меня как следует. Помнишь, когда мы поехали за город...

— Замолчи! Неужели ты не понимала? Я боялся оскорбить тебя.

— Теперь я все понимаю, Андрей. Понадобилось уйму пережить, чтобы понять... У тебя ничего не осталось, кроме горечи, а у меня... — Она грустно усмехнулась. — Ну что ж, ты, конечно, можешь наслаждаться своей правотой, у тебя сегодня праздник. А мне... Я виновата перед тобой. Чем я могу оправдаться?.. Единственное, что я могла, это прийти и сказать. Видишь, я пришла...

Из всего того, что они говорили, эти слова потрясли Андрея сильнее всего. Рита пришла — пришла, готовая ко всему обидному, что ожидало ее.

Пришла не защищаться, не оправдываться, а вознаградить его даже ценой своего унижения.

Она сидела замерзшая, боясь посмотреть на него. Тихонько, стараясь не привлечь его внимания, она постукивала одной ногой другую.

— Ты на коньках еще катаешься? — робко спросила она. Не отвечая, он шагнул вперед

скамейкой взад и вперед.

— Тогда ты тоже так ходил, сунув руки в карманы, — сказала Рита, — только тогда ты говорил, а я слушала.

— Замолчи.

— Андрей, — неожиданная боль зазвенела в ее голосе, — неужели ты не понимаешь... Я все помню, все... Это единственно хорошее, что у меня есть!

— Замолчи! — еще громче сказал он.

Она вздрогнула, подняла голову, напряженно ловя его взгляд.

— Ты... ты мог бы еще любить меня? — Она поднялась, подбежала к нему на негнущихся, замерзших ногах, вцепилась в плечи. — Ты любишь, любишь, любишь!.. — смеясь и плача, повторяла она.

Сжав ее голову обеими руками, он посмотрел ей в глаза. Ожидание счастья в них доходило до страдания. Лицо его вдруг дрогнуло, сморщилось, он быстро наклонился, поцеловал ее в холодную соленую щеку, потом еще и еще и, зажмурясь, крепко прижал ее голову к груди.

Он боялся, он стыдился признаться. Он обнимал прежнюю Риту. Она шагнула из той довоенной весны прямо в эту зиму. Как будто они не расставались. Как будто она ждала его все эти годы, вот здесь, на этой аллее... Они словно продолжали тот неоконченный разговор.

Начиная с этого вечера они виделись все чаще. Рита встречала Андрея после работы, и они уезжали куда-нибудь на окраину. Особенно они любили старый парк в Сосновке. Бесчисленные лыжни петляли между редкими деревьями.

Толстый снег пригибал зеленые лапы сосен. От заката снег на вершинах становился красным, и этот веселый румянец удивительно шел к смолистому морозному воздуху, к высокому темнеющему небу. В лиловых сумерках горели желтые окна маленьких деревянных домов. Дома здесь были старые, с обломанными резными наличниками.

— Спой, — просил Андрей. Память хранила все ее песни. Бывало, Виктор играет на гитаре, а она, закрыв глаза, поет самозабвенно.

Сейчас она пела для него одного. Голос ее окреп, приобрел глубину.

Низкий, грудной, что называется хватающий за душу, он дурманил Андрея.

Она пела полузабытые старые песни. Казалось, они были созданы для этого леса, для них двоих.

На Муромской дорожке

Стояли три сосны.

Мы с миленьким прощались

До будущей весны.

Он клялся, обещался

Одну меня любить...

Он стоял за ее спиной, обнимая ее. Руки его чувствовали сквозь пальто, как дрожит голос в ее груди. Он уже не понимал, пела она, или шептала ему на ухо, или звуки сами возникали в воздухе вместе с летящим снегом.

Рита умолкала, и ему становилось грустно. Он вспоминал, что им надо расстаться. Еще час, и она уйдет.

Неслышно падал снег. Андрей бережно отряхивал снег с ее плеч, ее волос, — в сумерках на ней все казалось белым, только зрачки, черные, блестящие, не мог запорошить снег.

Кроме как на улицах, встречаться им было негде. Заходить домой к Андрею Рита не хотела. Андрей жил с отцом и сестрой. Перед самой войной, когда Николая Павловича Лобанова перевели в город, и Андрей переселился из общежития к родным, Рита часто бывала у них. С Катей, сестрой Андрея, она подружилась. И Николай Павлович хорошо знал Риту. Она не могла представить себе сейчас, как это она скажет Николаю Павловичу про свое замужество. Зачем же она тогда ходит к Андрею? А перед Катей совсем неудобно. У Кати дочь, семья, и, как каждая замужняя женщина, она будет осуждать и Риту и брата.

— Как поживает Катя? — спрашивала Рита.

Андрей пожимал плечами: живет нормально. Муж у нее вроде хороший, этакий добродушный тюфяк, дочку обожает.

— Отец болеет... Ты бы его не узнала, — грустно говорил Андрей. И ему было жаль, что Рита не увидит отца, не придет, не посидит с ним.

...Она прибегала к всевозможным уловкам, не давая почувствовать Андрею, как трудно ей отлучаться по вечерам из дому. Они избегали касаться ее настоящего, они не заговаривали о ее семье, о муже, о дочке. Андрей рассказывал Рите о себе все, она — ничего. Не потому, что она не хотела, — она знала, что ему это неприятно. Чем это все кончится, куда они идут — не все ли равно. Будь что будет...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Один человек в лаборатории оставался внешне равнодушным ко всем переменам. Это была Майя Устинова. Сдав Лобанову дела, она твердо решила уволиться или перейти в другой отдел.

Чрезвычайно щепетильная и мнительная, она считала свое положение настолько двусмысленным, что увольнение казалось ей единственным выходом.

Любое ее слово против новых порядков могло быть истолковано дурно. Одобрив она что-нибудь, обязательно скажут: «А вы что смотрели, когда были начальником?»

Начальником она, положим, не была, а временно исполняла Должность; в служебной характеристике напишут: с обязанностями справлялась. Ничего больше ей и не требуется.

Она пришла на работу раньше обычного. В лаборатории никого не было, только тетя Нюра заканчивала уборку. Майя прошла в кабинет Лобанова и положила на стол заявление об

уходе. Она постояла перед пустым креслом, пытаясь представить выражение лица Лобанова, читающего ее заявление.

Наверняка будет доволен. Возьмет перо и напишет: «Согласен». И обоим удастся избежать неприятного объяснения.

Она медленно переходила из комнаты в комнату, прощаясь с вещами.

Потрогала холодный мрамор щита. На пальцах остались следы пыли. Опять тетя Нюра не вытерла, — сколько ей ни растолковывали, она все боится прикоснуться к щиту. Звонко капала вода в раковине. Майя завинтила кран и вспомнила, скольких хлопот ей стоило провести в лабораторию водопровод. Кто об этом сейчас помнит? На готовеньком легко распорядиться. Она тоже могла бы потратить минувший год на диссертацию, вместо того чтобы возиться с водопроводом, составлять сводки...

Она вынула из кармана халатика зеркальце и долго с жалостью рассматривала свое лицо.

Как только Лобанов явился, Майю вызвали к нему.

— Это еще что за выходки? — спросил он тихо, но Майе показалось, что он кричит. — Бежать? — Он фыркнул. — Наверно, в душе умиляетесь своим благородством.

Он стоял у печки, по-видимому, так и не успев присесть, и потирал озябшие красные руки.

— По-моему, если бы вас даже уволяли, вам нужно бы скандал поднять.

Именно вы должны работать сейчас. Кто за вас обязан чистить эти авгиевы конюшни?

Майя возмутилась — какие конюшни, как не стыдно, ведь лаборатория получила знамя! Конечно, новому начальнику выгодно представить все в черном свете!..

Андрей шагнул к ней, смерил ее глазами.

— Я подпишу ваше заявление, — сквозь зубы сказал он, — но прежде я вам докажу, как скверно вы работали.

Он выложил начистоту все, что думал о лаборатории и о ней, как о бывшем руководителе.

По совету Борисова он просмотрел старые отчеты лаборатории. И Борисов и Виктор были правы. «Оперативная служба»! Она сводилась к наладке и подгонке простейших схем, ремонту приборов, разработке инструкций. Теперь он понимал, как, избалованные отсутствием сложных работ, развращенные мелкими текущими поручениями, люди постепенно отучались самостоятельно творить. Благополучные цифры плана тушили интерес к новой технике. При такой тематике лаборатория свободно обходилась скудным оборудованием. Аппаратура соответствовала примерно школьному кабинету физики. Куда-то расходовались средства, запланированные на новые приборы. Где-то в других отделах работали люди, числившиеся в штате лаборатории.

Он разбивал вдребезги все, что казалось Майе самым ценным и нужным. Она была моложе Андрея, ей было двадцать четыре года, и то, что ее почти прямо со студенческой скамьи поставили на эту должность, хотя бы и «врио», тоже показывало, как мало начальство заботилось о лаборатории. Эта мысль сейчас впервые пришла к Майе как горестное подтверждение лобановских доводов.

— О чем вы, собственно, думали? — словно тряс ее за плечи голос Лобанова. — Людей разбазарили... Бегали на посылках у начальства. Хотели быть для всех хорошей...

Губы у нее дрожали, она презирала себя за то, что не могла унять их.

— У нас был план научных... — с трудом начала она.

— Бросьте! — тотчас перебил он. — Министерство поручило вам заниматься автоматизацией. А вы? Рисовали ваши схемки и сдавали их в архив.

А в отчетах зато ставился процент. Это автоматизация, по-вашему? Это обман!

— Я писала. Я вам покажу копии докладных. Потапенко и главный инженер знали.

— Заготовили себе соломку, чтобы мягче падать. — Андрей сел за стол, взял заявление, печально повертел в руках. — Я представляю, сколько сил вы ухлопали. Сейчас самая драка разгорается... — Он позабыл свою молодую начальническую суровость. — Не понимаю, неужели так спокойно можно зачеркнуть полтора года своей жизни?

Она хмурилась, кусала губы, но глаза неудержимо наполнялись слезами.

Так странно было видеть слезы на ее строгом лице, так не вязались они со всем обликом не склонной к шутке, сдержанной Майи Устиновой, что Андрей растерялся.

На его счастье, зазвонил телефон. Он поднял трубку. Начиналось диспетчерское совещание.

Майя вышла, медленно притворив дверь. В «инженерной» к ней подошел Кривицкий.

— Бушует. А? — сочувственно спросил он. — Ничего, помню, вы тоже поначалу горячо брались.

Майя криво улыбнулась. Да, она помнила, слишком хорошо помнила.

— Кривицкий, вы верите вообще в людей? — спросила она, не прерывая хода своих мыслей.

— Ого! — усмехнулся Кривицкий. — В моем возрасте непривычно философствовать на такую тему. Я прежде всего стараюсь увидеть человеческие недостатки.

— Вы заметили их у Лобанова? — задумчиво спросила Майя. Кривицкий церемонно взял ее под руку.

— Майя Константиновна, обсуждать качества начальника рискованно, хотя и приятно. Все же рискнем: Андрей Николаевич — романтик! — Кривицкий сделал страшное лицо и продолжал шепотом: — Нис-про-вер-га-тель! Не улыбайтесь, есть такая симпатично-безнадежная категория. Ну-с, и, обладая подобной точкой опоры, он будет переворачивать мир, невзирая на технику безопасности. Начнет с того, что перессорится с начальством. Затем возможны два варианта: либо смирится, либо плюнет и уйдет, оставив нас у разбитого корыта.

— Да... в одиночку ему не справиться, — сказала Майя, думая о своем.

Он выпустил ее руку, придвинул кресло.

— По законам старой драматургии, вам следовало вставлять ему палки в колеса. По крайней мере злорадствовать. На худой конец, швырнуть ему просьбу об отставке.

— Как? — очнувшись, переспросила Майя.

— Уйти в отставку. Но вы не обладаете для этого необходимым количеством пережитков. Так вот, знайте, — меняя тон, серьезно сказал он, — если, вопреки моим предсказаниям, ваш Лобанов добьется хоть чего-нибудь реального, если хоть где-нибудь треснут наши задубелые порядки, тогда я его союзник. — И такая необычно свирепая решимость проступила на лице

Кривицкого, что Майе стало почему-то стыдно. Но и он смущенно откашлялся и сказал со всегдашней иронией: — К сожалению, скептики и циники вроде меня легче других становятся пророками.

Безрассудная запальчивость была вообще свойственна Андрею. В этом отношении Кривицкий был прав. Однако он не учитывал другого — научной добросовестности, с которой Андрей привык подходить к каждому вопросу.

Никогда раньше Андрей не сталкивался с экономикой. Теперь на каждом шагу он упирался в какие-то неведомые статьи расходов. Ему приходилось иметь дело с фондами на зарплату, с лимитами по труду, с нормами — все это наваливалось, связывало по рукам и ногам, и, не умея разобраться во всех этих тонкостях, он был беспомощен.

Прямота, свойственная Андрею, подсказала ему самый короткий путь. Он пришел в бухгалтерию и, разведя руками, сказал:

— Помогите мне. Научите. Я абсолютный невежда в вашей науке, но без нее мне не обойтись.

Главный бухгалтер, проработавший в Управлении свыше двадцати лет, слывший человеком бессердечным, встретил его сухо и подозрительно. Два дня он наблюдал, как Лобанов, отложив в сторону лабораторные дела, с утра садился в бухгалтерии, постигая тайны статей расходов и ассигнований.

Ожесточенное в непрерывных боях сердце главного бухгалтера постепенно смягчалось. Ему нравилось, что новый начальник лаборатории уважительно называл бухгалтерию наукой и, не кичась своим ученым званием, почтительно слушал счетовода, двадцатилетнюю Машеньку.

Но бухгалтерия не только наука, она — искусство. И главный бухгалтер, взяв в свои руки дальнейшее образование Лобанова, открыл перед Андреем сущность финансовой жизни предприятия.

Он показал, как вдумчиво, по всем направлениям идет борьба за экономию каждой копейки. Раньше Андрей считал главным занятием бухгалтеров вовремя выдавать зарплату и бороться с растратами. На самом же деле речь шла о более серьезных вещах — об огромных ценностях, залежавшихся на складах «запасливых» хозяйственников, о начатых и законсервированных стройках...

— Финансовая политика нашего предприятия... — любил говорить главный бухгалтер. Больше всего Андрея изумляло, что этот пожилой человек, словно вросший в огромный письменный стол, где в каждой мелочи сказывался годами установленный порядок, этот человек с черными сатиновыми нарукавниками, с каллиграфическим почерком — словом, со всеми приметам канцеляриста, — оказывается, превосходно знал производство. Он свободно разбирался в особенностях каждой станции; оборудование лаборатории он знал лучше, чем Андрей.

В шумных комнатах бухгалтерии, на столах, заваленных бумагами, где стояли длинные ящики картотек, щелкали костяшки счетов, трещали арифмометры, люди вели самую настоящую исследовательскую работу. Они изобретали средства, повышающие рентабельность. По неуловимым признакам выявлялись слабые места отдельных электростанций, и сразу же заботливая и грозная рука главного бухгалтера останавливала, предостерегала, показывала.

И Андрей начинал понимать, что упрекать главного бухгалтера в бесчеловечности могут лишь близорукие эгоисты, для которых интересы цеха выше интересов государства.

После ухода Андрея главный бухгалтер задумчиво сказал:

— В человеке важен не чин, а начин.

Таким же образом Андрей познакомился с отделами труда и зарплаты, с плановым отделом. Таинственные кабинеты Управления, где чем-то занимались десятки людей — плановики, экономисты, — оказывались такими же необходимыми для Энергосистемы, как машинные залы и котельные, в которых работали машинисты турбин и кочегары.

Андрей по-иному стал смотреть на мир, окружавший его. Работа лаборатории составляла частицу работы всей системы, и все это надо было заранее обеспечить материалами, найти средства, разумно их истратить.

В кабинете Андрея висел написанный им от руки плакатик: «Курите дома!», под ним он прибил новый: «Техника = физика + экономика». Но физики не было.

Каждый вечер он прятал свою лиловую папку в стол, так и не успев притронуться к ней. Жизнь воздвигала все новые препятствия между ним и локатором. Все требовало времени. Он дрожал над ним, как скупец, и все же ему пока не удавалось выкроить и часа в день для работы над локатором.

Единственное, в чем он не мог отказать себе, — это в свиданиях с Ритой.

После них он чувствовал в себе неукротимое желание работать (работой он называл локатор, все остальное было подготовкой), и это желание копилось в нем, бесплодно перегорая. «А может, вернуться в институт, — думал он, — пока из-за моего упрямства меня не засосало с головой?»

Усталый, он валился на кровать, стараясь поскорее заснуть, чтобы избавиться от своих малодушных мыслей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Солнце забиралось в спальню с утра. Сперва оно захватывало тот край подоконника, где стоял столетник. Потом лучи вспыхивали радугой среди туалетных флаконов, ползли по стене, двигались к картине. В это время Виктор вставал и шел в ванную. Следом за ним бежал Вовка. Лизе было слышно, как они плещутся и шлепают друг друга по спине.

Затем они завтракали, позвякивая ложками. Внизу нетерпеливо сигналил шофер. Виктор на цыпочках входил в спальню и целовал Лизу. Она слабо улыбалась, не открывая глаз. Из детской доносился приглушенный шум — это Клава торопила Наденьку одеваться и уводила в детскую группу. Лиза оставалась одна...

Солнце подступало все ближе к кровати. Косая тень изголовья тянулась через ковер. Мысли скользили мелкие, легкие, но глубоко внутри они всякий раз, как маятник в часах, двигали большое колесо какого-то трудного раздумья.

Лиза ждала, когда солнечный квадрат окна вползет к ней на подушку. Она могла лежать хоть до вечера. Никто не торопил ее, нигде ее не ждали.

После того как Андрей начал бывать у них, налаженный ход ее жизни как-то непонятно нарушился. Временами она, словно посторонний зритель, наблюдала за собой, за мужем, за детьми. Она не оценивала, не сравнивала, ей хотелось представить себе, что мог увидеть в

их доме Андрей.

В том мирке, который окружал ее, их семья считалась образцом счастливой семьи. Они с Виктором привыкли взимать, как дань, с окружающих хорошую, уважительную зависть к своему счастью. Андрей не только не отдавал этой дани, но Лиза заметила, что с каждым его посещением в нем росла какая-то неловкость и скука. Именно потому, что это чувство было чем-то знакомо Лизе, она сразу обнаружила его у Андрея.

Когда и как оно выросло, откуда оно поселилось в ней? И почему никак не изгнать его?

С беспощадной придирчивостью оглядывала она свою жизнь. Взяв за руку смешливую девушку с челкой коротко стриженных волос, вздорную и наивную, которую тоже звали Лизой и которая ни за что не узнала бы себя в солидной, красиво одетой, располневшей двадцативосьмилетней женщине, она, как судья, шла за ней через годы, всматривалась в каждый ее шаг, каждый день... Был, был же такой, откуда все началось!

Она вышла замуж сразу после окончания института. Вовка родился в войну, он был хилый, болезненный, и Лизе пришлось бросить учительство, чтобы выходить ребенка.

Раньше она посмеивалась над замужними подругами, а теперь сама почувствовала приятную власть новых обязанностей — жены, матери, хозяйки.

Маленькая комнатка в рабочем общежитии, где они тогда жили, стала «домом», «семейным очагом».

Виктор вышучивал серьезность, которой она окружала эти понятия.

Семья-то три человека, а хлопот — как будто она руководит крупным учреждением. Она не обижалась, — он ничего не понимал, ведь их было не три человека, а семья, действительно целый коллектив, с его будничными и бесконечно важными делами.

Наморщив лоб, она по вечерам раскраивала свой бюджет, и Виктор, безошибочно ворочавший многотысячными сметами у себя на работе, здесь становился в тупик: чем отоварить карточки? Что надо купить раньше — валенки для Вовки или кровать? Сколько денег можно отложить, чтобы снять дачу?

Он виновато целовал ее в глаза. Щеки у него всегда были колючие. Она видела, как он страдает оттого, что они вынуждены экономить каждый рубль, оттого, что живут в общежитии, и ее трогали эти тайные, милые доказательства его любви. И было легче мыть полы, стирать и чинить свои старые платья. Ей было приятно, когда он порывался помочь ей убрать комнату или почистить картошку. От этого ее скучная работа приобретала особый смысл.

Лиза чувствовала себя соучастницей больших и важных дел Виктора. В войну все жили трудно, и никто и не думал жаловаться.

Когда родилась Наденька, им совсем редко удавалось побыть наедине, вдвоем. Виктор приходил поздно, у Лизы все время отнимали дети. Война давно кончилась, но годы по-прежнему летели, заполненные бесконечными, безостановочными домашними заботами, и Лизе казалось, что настоящая жизнь ее с Виктором впереди; вот выздоровеет Наденька, вот Виктор кончит расчет какого-то аппарата, вот они получат комнату.

Дети подрастали, Лиза подумывала о возвращении в школу. Виктор отнесся к этому равнодушно. «Материально мы не выгадаем, — сказал он. — Придется брать домработницу. А где она будет спать? У нас и так повернуться негде».

Она грустно согласилась.

Он не заметил ее грусти. У него был свой, особый мир неизвестных ей радостей и тревог. Когда, подняв голову от чертежной доски, он смотрел на нее, рассеянно улыбаясь, она понимала: он далеко и не слышит ее. Что же будет, если она поступит на работу, — они станут совсем чужими.

Как-то приехал известный французский дирижер. Лиза достала билеты в Филармонию, предупредив Виктора, чтобы он пораньше освободился. В половине девятого он позвонил и сказал:

— Лизок, ты пойди с кем-нибудь, тут у нас с юга один товарищ, мне интересно узнать, как там у них с грозозащитой.

В другой раз, — это был день его рождения, — она с утра прибирала, пекла, волнуясь, как будто вечером должно было решиться что-то важное. Гости разошлись, они остались вдвоем. Виктор посадил Лизу к себе на колени, она перебирала его черные жесткие волосы, разглаживала морщинки на висках. Ее тянуло рассказать ему про свои обиды — как это он не заметил ее нового платья, и что он больше не делится своими планами, — но она подумала: зачем, сейчас так хорошо, и, наверное, ей это все показалось, ведь это тот же Виктор. Она вспомнила, как неуклюже он объяснялся ей в любви и как через полчаса они впервые поссорились из-за того, что Виктор доказывал, что он любит ее больше, чем она его. Она вспомнила это и притянула его к себе, — от волос его исходил родной горьковатый запах чая.

— Ты еще любишь меня?

Он отстранился и озабоченно посмотрел на нее.

— Что? — переспросил он.

Она не ответила. Сохраняя все то же озабоченно-напряженное выражение, он осторожно снял ее с колен и, подойдя к своему столу, стал что-то быстро рисовать.

Она видела перед собою его спину, и ей показалось, что он уходит от нее. Все равно куда, он уходил от нее. В такую минуту он думал о другом, в такую минуту! Она решила вернуть его, стать нужной, чтобы он не мог обходиться без нее. Ведь у нее не было ничего другого.

Не рассуждая, инстинктивно, она поняла, что не следует требовать от Виктора выбора: или — или. Она действовала в обход, расчетливо пользуясь его слабостями.

Несмотря на волевой характер, Виктор быстро сдавался перед молчаливым укором, который она умела вкладывать в каждую мелочь. Он чувствовал себя виноватым в том, что она обслуживает его, что она привязана к дому. Прощая и оправдывая ее состояние, он уступал: ему казалось, что театр, кино, гости — это капризы, которые скоро пройдут.

Уступки не успокаивали, а воодушевляли Лизу.

Виктора назначили заместителем начальника технического отдела. Она поощряла его горделивую самоуверенность — теперь можно немного отдохнуть, у него достаточно опыта, способностей, ему будет легко руководить. Она решила вернуть Виктора к себе.

Летом они отправили детей к родным, а сами поехали на Кавказ.

Исполнялась давнишняя мечта Лизы. Они путешествовали вдвоем по Военно-Грузинской дороге.

Виноградные лозы карабкались по террасам, волоча за собою черные и зеленые с подпалинами гроздья. Лиза и Виктор поднимались в горы навстречу высокому яркому небу,

удивительному, как все в этом краю. Они проходили висячие мосты в прохладных сырых ущельях, разыскивали развалины старинных замков, вспоминали Лермонтова, ели маленькие пахучие дыни и, как будто после долгой разлуки, любовно вглядывались друг в друга.

Виктор получил отпуск на полтора месяца, но он сам хотел вернуться на две недели раньше и окончить какое-то усовершенствование по автоматике. Он работал над ним всю зиму.

Несколько дней они прожили в маленьком горном селении. Внизу сливались две Арагвы — черная и белая. Их быстрые струи, темная и светлая, долго мчались не смешиваясь, о чем-то бурливо споря, и Лиза думала о судьбе своей любви.

— Представь себе, что можно было прожить жизнь и не увидеть всего этого, — сокрушался Виктор.

Она осторожно попробовала уговорить его остаться до конца отпуска. К ее удивлению, он не возражал.

— Твой синхронизатор, или как его там, — это частность, — говорила она. — Посади за него несколько инженеров, и они его закончат. Ты должен набирать силы для дел, которые ты один можешь сделать.

Он согласился и отправился покупать сливы.

И она была счастлива!

Все шло как нельзя лучше. Административная работа пришлась Виктору по душе. Ему нравилось управлять людьми, требовать, проталкивать, руководить; та честолюбивая жилка, которая всегда была в его характере, теперь, когда он вкусил власть, заставляла его прилагать все силы, чтобы стать начальником отдела. «Если уж я выбрал административную карьеру — говорил он, — надо скорее расти, чтобы не перестояться». Виктор добился своего — он стал начальником отдела. Его хвалили, считали способным руководителем. Его приводили в пример на активах, отмечали в приказах по министерству. Его статьи печатались в газетах. Он стал получать персональный оклад. Они наняли домработницу.

Их дом начали посещать новые приятели Виктора. С наивным тщеславием Лиза слушала, как они расхваливали организаторские таланты ее мужа. Они раздували парус его честолюбия, а ей чудилось, что это попутный ветер ее семейного корабля. Она искренне соглашалась с Виктором: его призвание — административная деятельность. Инженерный опыт у него есть, знания тоже, остальное, как он считал, зависит от искусства руководить. Туманные слухи, что Виктор не терпит способных людей в своем отделе, окружает себя подхалимами, свидетельствовали лишь о черной зависти обойденных.

Он сам жаловался ей на козни своих недоброжелателей, посвящая ее в тонкости взаимоотношений с начальством, и она не чувствовала себя больше чужой и ненужной в его мире.

Он вырывался домой, мечтая укрыться от бесконечных совещаний и писанины. Появилось материальное благополучие, и сразу исчезли поводы для многих мелких раздоров.

У Виктора завелось множество связей. «Мы живем в век электричества», — шутливо объяснил он. Стоило ему позвонить, и Лиза могла без очереди достать дефицитный габардин или фрукты. В театрах они сидели в директорской ложе.

По воскресеньям они отправлялись по комиссионным магазинам. Для Лизы извлекали из-под прилавка недорогой хрусталь. Она была довольна не только покупками, но и тем, что Виктор получал удовольствие, удовлетворяя ее желания.

В день его рождения они большой компанией поехали в ресторан. Кутить так кутить, — подняв шипучий бокал шампанского, Виктор чокнулся с Лизой, глядя ей в глаза, и вдруг рассмеялся:

— А я и не замечал. Оказывается, у тебя зрачки рыженькие. Она закрыла щеки руками:

— А где у меня родинка?

Он смешно поднял черные брови, пытаясь вспомнить.

Меж столиков, под тягучую мелодию оркестра, мягко шаркали пары. Лиза быстро захмелела и беспричинно улыбалась. Ей было хорошо, потому что на ней красивое, модное платье и чернобурка, и потому что все это Виктору было приятно, и все любят Виктора и ее.

— Через три года, Виктор Григорьевич, быть тебе начальником главка, — рассуждал подвыпивший заместитель управляющего Ивин. — У меня глаз — алмаз. Как люди достигают? Путем верных друзей. Они ему мостят — он их тащит...

Виктор отвернулся от него и задумался, положив голову на руки.

— Мостят... тащат... — тихо бормотал он.

Она сразу поняла, о чем он, и в тревоге взглянула на него. Он повел ее танцевать.

— К черту дела! — сказал он, когда они вернулись к столу. — Мне хватает их на работе. Вообще, старушка, нам следует почаще выбираться на люди. Ивин прав: работай, но помни, что ты не лошадь.

Совесть ее была спокойна. И Лиза опять была счастлива.

Под Новый год, затеяв уборку, Лиза поставила за шкаф чертежную доску с наколотым эскизом. Прошли праздники, и только тогда она вспомнила, что Виктор так и не спросил про эскиз. А ведь это был тот самый синхронизатор, над которым он бился чуть ли не год. Впервые тогда что-то царапнуло ее душу.

По-видимому, счастье имеет свои законы. Оно чахнет без надежды. Лиза не знала, о чем ей мечтать. Напрасно она называла себя неблагодарной, беспокойное недоумение все чаще посещало ее. Она стала подмечать в себе опасную и ненужную наблюдательность.

Ей все меньше нравился этот Долгин с его ускользящим взглядом, лстивый Ивин и другие друзья Виктора. Среди них попадались и славные люди, но что-то нехорошее было в их зависимости от Виктора, и сам Виктор как будто нуждался в этой зависимости. Он, всегда такой сильный, гордый, почему-то дорожил их обществом. Когда они уходили, он презрительно высмеивал их, сам же с каждым днем все приближался к ним, словно в чем-то уступая. Тогда ей казалось, что ему просто нравится, чтобы им восхищались. Постепенно она стала понимать, что это не просто слабость.

Приезжая из Москвы, Виктор восторженно рассказывал о министерских работниках. Как быстро там продвигаются люди! Все-таки что значит быть на виду. И вообще, там, в министерстве, даже мыслят другими масштабами. Вопрос, над которым они тут бились год, заместитель министра шутя решил в пять минут. Вот такая работа может приносить истинное удовлетворение. На такой работе он мог бы показать себя. Расстановка кадров. Общие принципиальные проблемы развития энергетики. Встретился какой-то специальный вопрос — пожалуйста, к услугам заместителя министра любой консультант. Никакой тебе войны со станционниками, с монтерами. А кто, спрашивается, критикует министерских работников? Только высшее начальство. Или вот, к примеру, начальник главка. Имеет двух референтов. На дипломатических приемах бывает!

— А ты знаешь, Лиза, он старше меня всего лет на шесть. Думаешь, у него какие-нибудь исключительные способности? Ничего подобного. Я знаю людей не менее способных, чем он. И сидят рядовыми инженерами. Случайность? Случай идет навстречу тому, кто его ищет.

...После обеда пришла жена Ивина. Звонкий живой голосок помогал Анне Павловне походить на подростка. Она повязывала крашенные волосы черным большим бантом, старалась двигаться быстро и называла Лизу своей подружкой.

Чмокнув Лизу в щеку, она предупредила, что торопится в Дом моделей, и, поминутно поглядывая на часы, просидела полтора часа.

Круг интересов Анны Павловны был чрезвычайно широк. Она ходила на дискуссии в Союз писателей, на выставки в Союз художников и на весенние выставки собак. Она была в курсе всех дел Энергосистемы. Она знала, где случилась авария, с кого снимут премию, чем болен управляющий.

— Представьте себе, Лизочка, жена главного инженера, — разве можно в наше время так жить, — я звоню ей, мне надо было проверить, кого представили к наградам, — она не имеет понятия. Полное отсутствие всяких общественных интересов. Так легко можно переродиться в обывательницу. На нас лежит обязанность создавать мужьям абсолютные условия. Пусть это будет парадокс, но наша личная жизнь — это производственная жизнь наших мужей.

Лиза с тоской поддакивала. На прощание Анна Павловна пригласила Лизу с мужем к себе на дачу.

— Зимой там чудесно. Серебряный снег, такая светотень. Между прочим, Лизочка, я слыхала, вы знакомы с новым начальником лаборатории? Возьмите его с собою. Молодые неженатые люди всегда вносят какой-то аромат романтики.

Лиза живо вообразила резкого, неуклюжего Андрея в обществе Анны Павловны и ее мужа, любителя поесть, выпить, организовать пульку, представила и всю остальную публику, бывающую у Ивиных, и усмехнулась.

Виктор зло называл их «аппендиксы». Когда Лиза спрашивала: «Зачем же к ним ходить?», Виктор пожимал плечами — положение обязывает.

— Нет, на Лобанова никакие чары не действуют, — усмехнулась Лиза.

Что-то в тоне ее показалось Анне Павловне обидным. Напрасно Лиза так уверена в своем Лобанове, вообще мужчинам не стоит верить, уверенность делает женщину слепой. Виктор Григорьевич тоже не составляет исключения. Эта Нина Цветкова, секретарша главного инженера, девчонка, ничего опасного в ней нет, но, знаете, иногда все происходит неожиданно. Конечно, в семейных отношениях сквознячок необходим. И все же следует быть начеку, чтобы вовремя захлопнуть форточку.

Лиза ни о чем не стала расспрашивать, но после ухода Анны Павловны задумалась. Сплетню всерьез принимать не стоило. Ни с какой Цветковой Виктор ей не изменит. Она чувствовала это как женщина. Виктор ее по-прежнему любит. По-прежнему?.. И вдруг с пугающей ясностью она поняла: неважно, ухаживал он за Цветковой или нет, важно то, что, если бы ему по сугубо деловым расчетам понадобилось, он, не задумываясь, изменил бы ей с этой самой Цветковой. Просто в этом пока нет нужды. Для тех мелких услуг, какие может оказать секретарша начальника, достаточно было подпустить парочку многозначительных фраз (на это он мастер), подвезти на машине (да, да, на машине — что-то подобное Лиза слыхала), подарить флакон духов...

Виктор переменялся, и его чувство тоже переменялось. А она? Она любила так же, как и

раньше.

Его же чувство стало расчетливо эгоистичным. Лизе припомнилось, как встревожился Виктор, узнав о служебных неприятностях у ее брата. Он так боялся, что это может повлиять и на его, Виктора, дальнейшее продвижение. И если бы у брата не наладилось, Виктор мог бы озлиться на нее.

В передней раздался звонок, это почтальон принес газеты и журнал «Электричество». Лиза отнесла журнал в кабинет Виктора. Последние номера лежали стопкой, заклеенные в бандероли. Торопливо она порвала обертку.

Андрей — он может прийти сегодня, завтра, — не должен этого видеть.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Проклятая низкая притолока! Никак не привыкнуть. Который раз, выходя из кабинета, Андрей ушибался. В «инженерной» стало приметой: если стукнулся — значит, о чем-то задумался или что-то случилось. Так и есть. На сей раз попало Кривицкому. На каком основании он принимает в ремонт самописцы?

— Было указание главного инженера, — Кривицкий развел руками. — Так заведено испокон веков, что от сложных приборов ремонтные мастерские отказываются.

— Так вот, с сегодняшнего дня в ремонт не брать, — сказал Андрей, потирая голову. — У вас есть своя тематика, будьте добры ею заниматься.

Есть у вас самолюбие? Попробуйте дать краснодеревщику бревно тесать, куда он вас пошлет? Вы же инженер!

Кривицкий поморщился:

— Тут не до самолюбия. Вот главный узнает, поднимется шум. Спорить с начальством, Андрей Николаевич, все равно что плевать против ветра.

Андрей невольно улыбнулся. И когда он научится удерживать свою дурацкую улыбку!

— Шум начался, — строго сказал он. — Главный уже вызывает меня по этому вопросу.

— Ну вот вам и трещина, а вы не верили, — задумчиво сказала Майя после ухода Лобанова.

Кривицкий покачал головой:

— Идет, гудет зеленый шум... Нет, Майя Константиновна, это он лишь замахнулся, а треснет от его удара что-нибудь или нет — посмотрим... А вообще отважен, — добавил он, помолчав.

— Ей-богу, отважен!

— Садитесь, — морщась, нетерпеливо бросил главный инженер, потому что Лобанов еще топтался на пороге кабинета. — Вы почему не выполняете моего приказа о ремонте приборов?

Не отвечая, Лобанов подошел, уселся в кресло, развернул папку, достал план работы лаборатории.

— Пожалуйста, — коротко сказал он, — я не нашел тут пункта о ремонте.

— План — это не догма.

— План — приказ, — возразил Андрей, — тем более что он утвержден вами.

Это походило на прямой вызов. Полчаса назад на диспетчерском совещании директор Октябрьской станции Тарасов попросил срочно отремонтировать самописцы, Лобанов категорически отказался принять их в ремонт: для этого существуют мастерские. Главный инженер решил, что тут какое-то недоразумение, а теперь выходило, что это обдуманное решение. Ему ничего не стоило приказать Лобанову, и тот вынужден был бы повиноваться, но его заинтересовали намерения нового начальника лаборатории.

— Вы что же, хотите поссориться с нашими производственниками? — полюбопытствовал главный инженер.

— Нет, зачем. Просто я хочу заниматься своим делом.

Умиляясь наивности этого новичка, главный инженер растолковывал как можно мягче ошибочность избранной Лобановым линии:

— Основное у нас — станции, они производят электроэнергию. Мы же с вами существуем для того, чтобы удовлетворять их нужды. Вам следует начать с изучения запросов производства, продумать, как лучше помогать станциям. Вы же начали с того, я слышал, что оборудовали себе отдельный кабинет. Верно?

Андрей нащупал шишку, пока что единственную «радость» от кабинета, и равнодушно согласился:

— Верно.

Главный инженер укоризненно вздохнул: упрек, как видно, не достиг цели.

— Вот видите, какое неудачное начало. Вместо того чтобы наладить качественный ремонт...

— Я хочу создавать новые приборы. Для этого мне нужна хорошая лаборатория, в частности с кабинетом для начальника и комнатой для ведущих инженеров, чтобы они могли сидеть и думать, не зажимая уши... — И, не давая прервать себя, Лобанов методично изложил свои требования. Тут было и создание мощного экспериментального цеха с заменой ветхих станков Кузьмича, и новые штаты, и пересмотр тематики, и ремонт помещения, и обеспечение консультантами, и новая аппаратура.

Главный инженер сперва изумленно поднял брови, потом, когда поднимать их выше было уже некуда, недоверчиво улыбнулся, но так как Лобанов продолжал развивать свои фантазии, не обращая внимания на эти знаки, главный инженер нахмурился и забарабанил пальцами по столу.

— Все? — спросил он с видом величайшего терпения.

— Нет, это, так сказать, программа-минимум.

— Н-да... Пока что одни права и никаких обязанностей. Вы что же, намерены только просить да просить?

Прием был не совсем дозволенный, вроде подножки. Про обязанности, какие он брал на себя, Лобанов уже говорил. Он упомянул о локаторе, о том, что лаборатория должна стать научным центром Энергосистемы, толкать ее вперед, внедрять автоматизацию на станциях. Но главному инженеру важно было сейчас добить вопрос о ремонте. Как говорится, ближняя соломка лучше дальнего сенца.

Андрей решил не уступать. Слишком многое зависело от этой первой их встречи. Он готовился к ней по всем правилам, ничуть не меньше, чем к какому-нибудь исследованию.

— Просить? Не просить я намерен, а требовать то, что положено, — твердо сказал он.

Главный инженер, костлявый, угловатый, весь немного встрепанный, имел вид человека, заверченного до головокружения. Одевался он небрежно, морщины тоже небрежно, как бы наспех, перечеркивали его лицо во всех направлениях.

Такая внешность создавала своеобразный удобный стиль. Трудно обижаться, если такой человек что-нибудь забудет, недослышит, неловко надоедать ему мелочами. Но там, где дело касалось действительно важных вещей, главный инженер ничего не забывал и не упускал. Он умел, сохраняя замученное выражение лица, спокойно обдумать и решить быстро и безошибочно.

Сейчас уже дело сводилось не к ремонту самописцев, — необходимо отрезвить этого фантаста, выбить у него из головы мальчишеский идеализм. Ну и кадры, возись с такими! Туман и грезы.

Посмеиваясь, он рассказал Лобанову, как недавно явился к нему один горе-изобретатель с идеей немедленного перевода всех электростанций на атомную энергию. Установить атомные реакторы и все такое силами самой Энергосистемы.

— А когда я стал отказываться, назвал меня консерватором. У вас тоже нечто вроде. Если бы вы не были новичком на производстве, я бы вас живо выставил за дверь с вашими требованиями, — добродушно признался главный инженер. — Что мы тут, олухи царя небесного? Сами не знаем, что к чему? Мы на земле живем. На земле, — с удовольствием повторил он, — не на небесах.

Откуда я вам высижу деньги, людей? У нас хозяйство плановое. Дойдет до вас очередь — пожалуйста. Рад бы душой, да хлеб-то чужой. Сперва станции оснастим, — он поднял палец, — нам надо энергию безаварийно производить.

Электроэнергию, а не приборы. До тех пор мобилизуйте внутренние ресурсы. — Тут он выбрался на дорожку испытанных доводов, которыми успешно усмирлял слишком настойчивых сотрудинок.

Обычно в таких случаях дело кончалось тем, что он удовлетворял какое-нибудь одно из десяти требований, и подчиненный уходил, довольный своим упорством. Поведение Лобанова не обещало ничего похожего. Он невозмутимо сидел, закинув ногу на ногу, покачивая ногой в такт словам главного инженера.

— Насчет планового хозяйства я согласен, — сказал Лобанов. Он снова открыл свою папку и стал выкладывать бумаги. — Закупленная для лаборатории аппаратура разошлась по станциям... Деньги, ассигнованные на ремонт лаборатории, в действительности израсходованы на диспетчерскую службу — раз, на ремонт жилого дома — два... — Он дотошно перечислил все до последней копейки.

«А говорили, что теоретик, не от мира сего, — подумал главный инженер.

— Как бы не так! Что называется, наскочил топор на сучок».

— ...Далее. Восемь человек, числящихся в штате лаборатории, работают в других отделах.

— Вот это безобразие! — вырвалось у главного инженера. Лобанов, не отрываясь от бумаг, сообщил:

— Между прочим, ваша вторая секретарша числится лаборантом.

Щеки главного инженера надулись, он еще секунду силился удержаться и вдруг, отвалиясь на спинку кресла, захохотал, подняв руки вверх...

От главного инженера Андрей вернулся воодушевленный, сразу собрал руководителей групп.

Все вопросы снабжения будут решены в ближайшее время, тематика будет пересмотрена, штаты укомплектованы. Его спросили, как с ремонтом.

Прекратить! Передаем в мастерские. Он был доволен, что может уже чем-то реальным порадовать товарищей. Теперь за работу. Начинаем подготовку к исследованиям. Пока что готовимся за счет внутренних резервов, покажем, что мы не иждивенцы.

Его воодушевление действовало заразительно на всех, кроме Кривицкого.

Этот безнадежный скептик уныло заключил:

— Вот с ремонтом — факт, остальное — бабушка надвое сказала. Надвое, а то и натрое.

— Не бабушка, а главный инженер, — сухо поправил его Андрей. Однако замечание Кривицкого запомнил.

Майя Устинова молчала.

Если бы Лобанова постигла неудача, если бы он вернулся от главного убитый и опечаленный, она стала бы на его сторону. В лаборатории, если не считать Борисова, он до сих пор оставался, в сущности, одиноким. Но сейчас, когда все приветствовали его как победителя, она почувствовала себя униженной, она почти возненавидела его. И себя она ненавидела за все эти мелкие, завистливые, пакостные чувства. Она перестала быть откровенной.

Молчит и ждет. Злорадно ловит всякое недовольство Лобановым. Радует, когда Морозов говорит: «При вас, Майя Константиновна, было лучше». И походка у нее изменилась. Нет прежней уверенности. Ну, а что делать? Ей надо найти такую работу, чтобы утвердить себя в собственном мнении. Так дальше продолжаться не может.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В этот вечер Рита предложила встретиться у Консерватории. Андрей решил, что она хочет пойти на концерт, но, когда он приехал, темный подъезд Консерватории был заперт. Он ждал, теряясь в догадках, немного раздосадованный и встревоженный. Рита вышла из-за угла, взяла его под руку и снова повернула за угол.

— Не спрашивай, ни о чем не спрашивай, — посмеивалась она. Андрей почувствовал ее волнение, и волнение это передалось ему. Они пересекли какой-то двор, на лестнице Рита не утерпела и, пряча лицо в воротник, сказала, что вместо того чтобы мерзнуть на улице, они посидят у ее подруги: она уехала и оставила Рите ключ.

Это была маленькая, тесно заставленная мебелью комнатка, половину ее занимала высокая кровать. Было тепло, пахло пудрой и духами. Рита закрыла дверь на крючок, скинула шляпу. Она с головой спряталась под расстегнутую полу его тужурки, и так они стояли, как будто

отдыхая. Андрей нежно, едва касаясь, гладил ее.

Они о чем-то говорили, и с каждым словом смысл произносимого все больше исчезал. Сейчас имело значение то, как, не сводя с нее глаз, он расстегивал большие серые пуговицы ее пальто, как она скинула вязаную жакетку. Понял ли он, как она скинула жакетку? Да, он понял. Чуть располневшая, с голыми руками, длинной, открытой шеей, Рита была удивительно хороша. На локте кожа у нее была шершавой. Андрей тронул это памятное, когда-то любимое им местечко, и Рита вспыхнула, как девочка. Застенчивого, девичьего в ней было сейчас больше, чем женского. С закрытыми глазами она поцеловала его. Поцелуй был особенный, непохожий на все их поцелуи.

С этого дня не нужно было мерзнуть в трамваях, добираясь до окраины, чтобы остаться наедине. Маленькая комнатка у Консерватории стала их крепостью, за ее стенами Рита чувствовала себя спокойно. Андрей понял ее переживания, когда однажды они чуть не столкнулись лицом к лицу с Виктором.

Он шел навстречу с каким-то мужчиной. Рита увидела их первая и бросилась в ближайшую парадную. Андрей ни о чем не спрашивал, — вряд ли она могла так испугаться Виктора. Дело было не в Викторе, а в его спутнике — знакомый, может быть даже муж.

Этот случай открыл Андрею глаза.

До сих пор Рита существовала для него сама по себе, отделенная рамкой воспоминаний от окружающего мира. И вдруг эта рамка сломалась, и он увидел Риту такой, какая она есть: женщина, имеющая дочь, мужа, какую-то неизвестную ему семейную жизнь. Он растерялся. Он уверял себя в том, что нет ничего некрасивого, дурного в их отношениях. Несправедливым и плохим было все то, что мешало их встречам. Никто не может любить Риту так, как он, и, значит, никто не имеет на нее таких прав.

Опасность подстерегала их на каждом шагу. Он подозрительно следил за лицами прохожих, всякий пристальный взгляд вызывал в нем опасения, и эти опасения были ему самому противны. Его удивляла выдержка Риты.

Непроизвольно он стал отбирать из всего окружающего то, что как-то касалось его отношений с Ритой. Раньше он просто не услышал бы, а услышав, не обратил бы внимания на рассказанный Новиковым анекдот о любовнике и обманутом муже. Слово «любовник», столько раз читанное и слышанное, впервые покорило Андрея. Припомнилось все пошлое, двусмысленное, связанное с этим понятием.

Рассказы Новикова о женщинах стали вызывать у Андрея болезненный интерес. История отношений с Ритой всегда казалась Андрею особенной; слушая же Новикова, он со страхом находил в ней все больше общего с банальными историями о ловких женах, обманутых мужьях и торжествующих любовника.

Новиков, молодой красивый инженер, считался одним из тех, кого принято называть «душой общества». Он любил одеваться и уделял своему туалету много внимания, он пользовался успехом, искусно вел одновременно несколько романов и откровенно рассказывал о своих похождениях. Мужчинам нравилось новиковское гусарство, а женщины многое прощали ему за то, что с ним было весело, легко, за то, что он умел ухаживать за женщинами и любил любить женщин.

— Не будет она изменять со мной, так будет с другими, — рассуждал он, — а кто знает, может быть, другой будет хуже меня? Я, по крайней мере, уважаю ее мужа и не позволю себе никаких бестактностей по его адресу.

Послушать его — так изменяли все: тот жил с секретаршей, тот — с подругой жены. Не

существовало семьи, в которой все было бы в порядке.

— Да, это аморально, — беспечно соглашался он, — но такова жизнь.

Да, с этим надо бороться, но кому поручить эту борьбу? — Он насмешливо оглядывал всех.

Кривицкий предлагал: Майе Константиновне... Майя строго и холодно говорила, что борьбу ведет все наше общество. Мужчины смеялись — обезличка!

— Борисову? — предлагал Кривицкий.

Борисов сердито отшучивался, утверждая, что Новиков просто-напросто страдает щенячьим цинизмом.

Когда очередь дошла до Лобанова, Андрей, сделав над собой усилие, криво усмехнулся — дескать, он не лучше других.

— То-то и оно, — философски заключил Новиков, — разве что Пеке Зайцеву еще можно поручить.

Когда Игорь Ванюшкин пригласил Андрея вместе с сотрудниками к себе на свадьбу, Андрей как-то пристыженно отказался, ссылаясь на занятость. На самом же деле он просто боялся всяких расспросов, разговоров, горьких мыслей и сравнений. Он всячески старался обособить, изолировать ту часть жизни, которая была связана с Ритой, от работы, от лаборатории.

Целуя Риту, он не мог не думать о том, что все это она будет сегодня же повторять с другим, с тем, кого она не любит, и эта мысль разъедала его радость, вытравляя самое ценное. Он ревновал — и это было его право, любовь мешала ему смириться, закрыть глаза, не замечать, как старались это делать другие.

На туалетном столике лежала сегодняшняя газета. Андрей вспомнил, как Рита по дороге сюда снова повторила ему, что подруга ее все еще в отъезде, и ему стало грустно оттого, что даже между собою они не могут обойтись без обмана.

— Рита, нам надо серьезно поговорить, — хмуро начал он.

— Сейча-ас? — нараспев сказала она.

— Да, да, именно сейчас, — твердо повторил он.

— Хорошо, только я погашу верхний свет. У меня глаза болят. — Она щелкнула выключателем, усадила Андрея на стул и обняла его.

— Рита, — сказал он, не видя ее, чувствуя только ее голые руки и горячее дыхание. — Рита, — говорил он торопясь, — давай поженимся. Уйди.

Возьми дочь и уходи. Почему мы должны так встречаться. Ты его любишь?

Она восхищенно прижалась к нему.

— Как ты можешь спрашивать об этом?.. Уйди! — повторила она с его интонацией.

Андрей высвободился:

— Нет, ты отвечай.

Она зажала ему рот рукой, села на колени:

— Слушай, брось мучить себя. Не надо... Подари мне этот вечер.

Он отвел ее руку. Рита сразу стала серьезной.

— Я подумаю, Андрей. Я обещаю тебе... Все это очень сложно. Но ты — милый, какой же ты хороший у меня! — Она приблизила к нему свое похорошевшее лицо. Большие неподвижные зрачки ее смотрели прямо в глаза Андрею. — Сейчас ты не смеешь ни о чем думать, понимаешь ты?..

Он не мог сладить со своими руками, они тянулись к ней, не повинуюсь ему, как все его тело.

Воспоминания об этом вечере всякий раз возбуждали в нем ярость. Он с беспощадной ясностью увидел все. Высокая, скрипучая, чужая кровать. Матрац какой-то вздутый. Андрей лежал у стенки, касаясь холодного гранитолового коврика, разукрашенного пестрой безвкусовой мазней: длинноногий аист, выпучив глаза, упирался тонким красным клювом в живот Андрею.

Осторожно выпростав руку, Рита посмотрела на часики. Она думала, что Андрей задремал, лицо ее было озабоченно-деловитым. Часы на золотой браслетке показывали половину двенадцатого.

Незнакомое ее лицо и торопливое прощание помнились больше всего, заслонив радость, благодарность Андрея, все чудесное, что было.

Несколько дней после этого он ходил, как в похмелье, чувствуя себя разбитым, упрекая себя в слабости, скучая по Рите и боясь с ней встретиться.

В их запоздалой любви было слишком много запретного, в ней было больше мучения, чем счастья. Куда-то уходило самое чистое, искреннее, оставался грязноватый осадок обмана. Андрей обессилел душевно и, как назло, в тот момент, когда работа требовала от него величайшей собранности.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Отказ Лобанова ремонтировать приборы создал ему опасного врага.

До сих пор лаборатория находилась под опекой Долгина, заместителя Потапенко. Директора станций обращались к Долгину с просьбами о ремонте, уговаривали: «Удружи, помоги, челом бью». Он мог прижать, пропустить без очереди, отказать, словом — лаборатория составляла базу его могущества.

Теперь он лишался всех этих возможностей.

Кирилл Васильевича Долгина сотрудники техотдела звали между собою «КВД». Инициалы расшифровывались по-разному: «Куда ветер дует», или «Казенщина, Вероломство, Демагогия».

В отделе его не любили и боялись. Технически беспомощный, невежественный, он мстил всякому, кто осмеливался критиковать его. Если только ему удавалось отыскать у кого-нибудь в прошлом малейшее пятнышко, оно всплывало самым таинственным образом, вырастая в грязное пятно, пачкающее человека с ног до головы.

Он выбирал одного, двух советчиков среди инженеров отдела, — это помогало ему слыть в

глазах руководства сведущим человеком.

На первых порах Долгин показался Андрею несколько жестковатым, но сугубо принципиальным товарищем. Черты его плоского, малоподвижного лица постоянно выражали суровость во всех ее оттенках — осуждающую, подозрительную, великодушную, почтительную, но всегда — суровость. Говорил Долгин резким, металлическим голосом, чеканя каждую фразу. В неизменной черной гимнастерке, он выглядел внушительно за столом президиума, ему часто поручали вести собрания. Многим нравилось, как строго он соблюдал регламент, беспощадно обрывал ораторов и умел провести собрание гладко и быстро.

Репутация принципиального и непримиримого помогла ему войти в состав парткома.

Знакомясь с Лобановым, Долгин сказал:

— В тесном содружестве с техническим отделом вы должны добиться новых успехов в деле мобилизации лаборатории в соответствии с поставленными нашей партией задачами.

Андрей не совсем понял, какие задачи имелись в виду, но расспрашивать постеснялся.

Когда главный инженер освободил лабораторию от ремонта приборов, Долгин обратился к Потапенко, доказывая, что подобный акт затрагивает интересы не только Долгина, но и самого начальника отдела. Однако Потапенко воспринял сообщение равнодушно, он знал, что ему-то Лобанов никогда не откажет.

Долгин решил выждать — рано или поздно Лобанов придет к нему за чем-нибудь на поклон, тогда-то он ему поставит свои условия.

Примерно в ту пору пришло сообщение с Комсомольской станции: в генераторе происходят непонятные толчки. Потапенко предложил Долгину выяснить, в чем дело.

Получив задание, Долгин, как обычно, выяснил мнения своих негласных референтов. Один из его советчиков считал, что у генератора повреждены обмотки; другой, Аничков, знающий, но крайне робкий инженер, которого Долгин держал в постоянном страхе, порекомендовал привлечь лабораторию. Обращаться с просьбой к Лобанову не входило в расчеты Долгина, поэтому он резко отчитал Аничкова: «Привыкли сваливать на других, бежите от ответственности!»

Аничков перепугался и торопливо согласился: вполне вероятно, повреждены обмотки, он только думал...

Молодой инженер отдела Захарчук, хотя его никто не спрашивал, высказал мнение, что обмотки ни при чем, но он вообще любил противоречить и был на плохом счету у Долгина.

Долгин составил письмо на имя главного инженера, предлагая вывести генератор в ремонт. Подписывая бумагу, Потапенко поморщился.

— Самое благоразумное решение, — заверил Долгин. — Генератор остановят и разберутся.

— Все же насчет обмоток у вас бездоказательно.

— Лучше рискнуть своим благополучием, чем оборудованием. Таков партийный принцип в технике, — произнес сурово Долгин, так что за соседними столами прислушались.

Неожиданно для всех главный инженер попросил электролабораторию дать заключение о генераторе.

На станцию откомандировали Кривицкого с лаборантами. Он вернулся оттуда через два дня и мрачно выложил перед Андреем пачку заснятых кривых. Выводы делать он категорически отказывался. Замеры он произвел, а выводов у него никаких нет. Делайте их сами.

Андрей с интересом рассматривал странные пики и впадины на кривых.

— Хотел бы я знать, при чем тут обмотки... — задумчиво сказал он.

Кривицкий насмешливо фыркнул и снова увильнул от прямого ответа.

Техническому отделу виднее. Коли они утверждают, что повреждены обмотки, не станем же мы с ними ссориться!

— Меня двенадцать лет назад один профессор приговорил к смерти от язвы желудка. Смешно было бы мне спорить с ним. Он ведь больше меня понимает.

Андрей пристально посмотрел на Кривицкого:

— Есть у вас какие-нибудь соображения — выкладывайте. Нет — так не напускайте туману. Скажите честно — сдаюсь, не понимаю. Тогда будем вместе разбираться.

Кривицкий свесил голову набок, прикрыл один глаз красным морщинистым веком и стал похож на петуха, прикидывающего, стоит ли ему бросаться в драку.

— Позвольте прежде узнать, правду ли говорят, что вы друзья с Потапенко?

— Правду, — нахмурился Андрей. — Старые друзья. Ну и что же? Наша дружба в делах не помеха.

— Тогда получайте: Долгин — халтурщик, — со вкусом сказал Кривицкий.

— Мастер спихотехники, вот кто такой ваш Долгин: Он не потрудился изучить данные. Обмотки тут, конечно, ни при чем — я ручаюсь. Вы и сами видите. А в чем тут суть, я так и не постиг. Техотдел мы посадить на мель можем. Вполне.

Зато и самим нам не выкарабкаться. — Он задумался. — Единственная моя надежда — на станционников. Я оставил копии всех замеров Борису Зиновичу.

Дежурный техник — не знаете его? — старый, опытный зубр.

— Еще чего недоставало, — возмутился Андрей, — у нас просят заключение, мы же поднимаем руки кверху, и нас должны выручать. Кто?

Станционники! Что станут говорить — в лаборатории сидят дармоеды, невежды.

Другое дело, когда обращаются за консультацией к профессору. А то дежурный техник! Инженер, вооруженный приборами, спасовал и обратился к технику.

Великолепно!

Кривицкий воинственно выставил острый подбородок.

— Я заботился о деле, Андрей Николаевич. Дай бог мне знать эти генераторы, как знает Борис Зинович. Вас беспокоит честь мундира? — Он язвительно изогнул губы. — Стыдно за меня? Пожалуйста. Будьте добры, возьмите материалы и найдите сами причину.

— И найду. За вас, учтите.

— И очень хорошо. Разрешите идти?

— Идите.

Андрей сидел над материалами всю ночь. Сидел из упрямства, сознавая, что разгадку ему не найти, причина таилась где-то вне генератора и черт ее знает, где именно.

Наутро он сказал Кривицкому:

— Поедьте на станцию к вашему Борису Зиновьичу.

Он так и не понял, почему Кривицкий упустил возможность злорадно съязвить и лишь пробурчал:

— Давно пора поехать по станциям. А то, как пришли, не вылезаете из лаборатории.

На Комсомольской Андрей был однажды еще студентом, во время практики. В памяти остались горы угля, копоть, перемазанные как черти кочегары у гудящих пламенем топок.

Теперь станция была неузнаваема. Ветер, когда-то гонявший тучи черной угольной пыли, пригибал тонкие молодые липки. Они выстроились шеренгами вдоль новых асфальтовых дорожек, отважно топорщась мерзлыми дрожащими ветками. Там, где высились хребты угольных гор, стояли длинные бетонные склады.

— А где дым? Кривицкий, где дым? Кривицкий ткнул пальцем куда-то в землю:

— Золоулавливатели поставили. Да... Я живу за два квартала отсюда — мы раньше никогда окон открыть не могли.

Встреча с Борисом Зиновьичем происходила в конторке дежурного техника.

Сколоченному из одних костей Борису Зиновьичу можно было дать и тридцать пять, и пятьдесят лет. С Кривицким у них существовали своеобразные отношения. Подобно многим сотрудникам Энергосистемы, они разговаривали чаще, чем виделись. Поэтому, встречаясь, они любили поболтать о таких вещах, о которых по телефону не скажешь. Оба они работали в системе давно, оба были остры на язык и понимали друг друга с полуслова. Несмотря на скверный характер, Кривицкий на каждой станции имел таких друзей.

Борис Зиновьич подал Андрею твердую, как щепа, руку:

— Слыхали, слыхали. Давно пора нам своих ученых занять.

— Какие там ученые! — отмахнулся Андрей не без досады. — Видите, пришел к вам с поклоном.

— Следовательно, считаете за унижение. Та-ак, — Борис Зиновьич поправил под спецовкой черный затрепанный галстук. — А вот академик Костиков Яков Сергеевич постоянно советуется с нами. Не стыдится. В книге своей так и написал: благодарю за помощь техников таких-то.

Он обиженно замолчал, а Андрей подумал: «И поделом, правильно меня раскусил. Ох и скотина же я!»

Плохо было, что не мог заставить себя сказать такие вещи вслух, и от этого злился и еще упрямей морщил переносицу и стучал пальцами по столу.

Кривицкий, как ни странно, накинулся на Бориса Зиновьича: нечего сказать, культурная станция — гостей встречают попреками.

Борис Зиновьевич расстелил схему генератора. Отголоски обиды еще звучали в его витиеватом предисловии: мы люди неученые, провинция, рассуждаем без интегралов.

— Никак нашел? — быстро спросил Кривицкий. — По носу вижу, что нашел.

Борис Зиновьевич осторожно покосился на Андрея:

— Признаться, набрел на одну мыслишку.

«Мыслишка» поразила Андрея — до чего просто! Потом он бурно обрадовался, потом с горечью подумал о себе: тупица! Потом, расспросив Бориса Зиновьевича, успокоился. Цоколь контрольной лампочки в цепи возбуждения! Найти здесь причину толчков нагрузки мог только человек, который годами работает с этим генератором, хранит в памяти все его капризы.

Борис Зиновьевич окончательных выводов не делал:

— Мне трудно судить. Вроде бы и так, а кто его знает — теоретически, может, и неверно.

Он настороженно следил за Андреем — вдруг этот самоуверенный парень высмеет все его теории?

Другой на месте Лобанова давно бы заметил его смущение, но Андрея целиком поглотила схема, вычерченная техником, — бывают же на свете люди, которым схема может доставить не меньшее наслаждение, чем картина художника.

В этой корявой схеме присутствовало то, чего не добиться никаким образованием, — удивительно верное чутье.

— Честное слово, я вам завидую, — признался Андрей. Борис Зиновьевич мгновенно вспотел.

— Мне осциллограммы Кривицкого помогли. Они выявили гармоники периодического процесса... — Он варварски щеголял техническими терминами: и мы, мол, не лыком шиты! Говорил он сердито, не желая показать, насколько ему была приятна похвала этого мальчишки.

— Начинаются комплименты, — сказал Кривицкий, — а дело будет стоять.

Андрей принялся быстрее чертить.

— Давайте тут же переключим генератор на другой возбудитель и проверим.

Заглянув через его плечо, Борис Зиновьевич в ужасе выхватил у Андрея карандаш:

— Что вы делаете! Мы же так погасим абонентов. Вот как надо. С вами тут недолго аварию натворить...

Уточнив программу испытаний, Кривицкий и Борис Зиновьевич отправились «утрясать» ее с диспетчером. Андрей вышел в машинный зал.

Поднимаясь на пульт, Кривицкий сказал Борису Зиновьевичу:

— Горячий больно. И молод, с людьми не умеет ладить.

— И нечего об этом тревожиться, — неожиданно возразил ему Борис Зиновьевич. — Специалистов ладить у нас и без него хватает.

Машинный зал встретил Андрея блеском стен, выложенных белым изразцом.

Лакированные, словно потные, громадные машины выталкивали волны теплого воздуха. Как будто они жарко и шумно дышали в своем неустанном беге.

Навстречу Андрею шла группа людей. Впереди в синей спецовке — Виктор Потапенко.

— Ты чего сюда явился? — спросил он, здороваясь с Андреем, и тут же, не дослушав, представил своим спутникам.

— Мой однокашник, новый начальник лаборатории. Прошу любить. Ну как? — спросил он у Андрея, широко, по-хозяйски обводя зал рукой. — Нравится? К лету все цветами засадим!

На ходу Виктор оглядывал приборы, пробовал рукой нагрев машин; приложив ухо, слушал ход новой турбины. От его взгляда ничто не ускользало.

— Почему до сих пор маслоподачу не привели в порядок? — обрушился он на сопровождающих. — Вы мне бросьте, думали — не замечу? Ишь, замаскировали!

С машинистами он здоровался за руку, знал их по имени-отчеству, с каждым у него происходил краткий, но свой разговор.

У молодого машиниста в лихо сдвинутом берете спросил: «Привык к новой колонке? А помнишь, как боялся? Вот, брат, кто смел, тот и съел. А что ходишь ты в отрепьях, это не годится. Культурный вид станции портишь». С седоусым турбинщиком побеседовал о рыбной ловле. Перекинулся шуткой с веселой крановщицей, справился у дежурного инженера про экзамены, словом — всем было понятно: идет свой человек, хоть и начальник, а простой, заботливый, настоящий хозяин.

Андрей с удовольствием наблюдал за Виктором. Большое дело — уметь подойти к разным людям без наигранной простоты. У Виктора получалось это с пленяющей естественностью.

Кто-то рядом с Андреем сказал:

— Напористый мужик. Дотошный.

Андрей обрадовался, будто это его похвалили. Он гордился сейчас своим другом. Наблюдая за Виктором, он примеривал к себе все, что ему в нем нравилось. Сила Виктора заключалась в умении обращаться с людьми. У него был свой продуманный стиль. Честно говоря, Андрей пытался несколько раз скопировать, манеры Виктора, — похлопывал по плечу, ругался, запросто болтал с рабочими, играл на их самолюбии и так далее. Оставалось ощущение стыда, как будто он совершал что-то оскорбительное по отношению к этим людям, обманывал их.

Возле злополучного генератора Кривицкий и Борис Зиновьевич присоединяли приборы. Виктор мельком оглядел собранную установку и принялся расспрашивать Бориса Зиновьевича о здоровье жены. Борис Зиновьевич выпрямился, держа в руке провод, пальцем другой руки прижал нужное место на чертеже. Отвечая Потапенко, он переминался с ноги на ногу с видом школьника, попавшегося на глаза нудному учителю. Когда Виктор в сопровождении свиты двинулся дальше, Борис Зиновьевич посмотрел на зажатый в руке провод, на схему и, восстанавливая нарушенный ход мыслей, ни к кому не обращаясь, покачал головой:

— Демокра-ат!

По его тону трудно было разобрать, какой смысл он вкладывал в это слово.

Началось испытание. Оно заняло всего несколько минут, полностью подтвердив предположения Бориса Зиновьевича. Все трое почувствовали себя именинниками; Андрей пришел в болтливое настроение — верный признак удачи.

— Представьте себе, еще вчера вечером сидели мы трое по своим комнатам и ломали головы, — рассуждал он. — Мудрили все врозь, и так могли мудрить еще год. Хорошо, что Кривицкий показал вам свои замеры. Вот, кстати, где надо искать стиль научной работы, — погрозил он пальцем Кривицкому, словно до этого спорил с ним.

Кривицкий напомнил о заключении Долгина.

— Эх, вы, — разочарованно сказал Андрей. — Мы обнаружили любопытнейшее явление, вас же заботят какие-то бумажки.

— А вам известно изречение Долгина? — иронически осведомился Кривицкий. — Без бумажки — ты букашка, а с бумажкой — человек!

Борис Зиновьевич до отказа подтянул затрепанный галстук.

— Желательно было бы, Андрей Николаевич, генератор в ремонт не выводить. У нас график собьется.

— Тебе одна забота, — проворчал Кривицкий. — А от нас потребуют доказательств. Почему не выводить? Придется все точненько рассчитать.

— Я сейчас посоветуюсь с Потапенко, — сказал Андрей. Борис Зиновьевич и Кривицкий переглянулись и молча начали отсоединять приборы.

Потапенко находился у крайнего агрегата, где мостовой кран осторожно опускал ротор турбины; такелажники, слесари, инженеры напряженно следили за движением огромного ротора, будто поддерживая его со всех сторон своими пристальными взглядами.

Бригадир монтажников подал крановщице команду «стоп». Ротор повис, покачиваясь над самыми подшипниками. Бригадир начал измерять зазоры, подсовывать деревянные подкладки. Присутствие начальства его явно нервировало. Он замялся и показал крановщице пальцем — снова поднимай вверх.

Андрей издали увидел, как Виктор тронул бригадира за плечо, сердито закричал на него. Тот помотал головой, видимо отказывался. Черные брови Виктора гневно сомкнулись.

— Раззява! Сапожники... — долетело до Андрея.

Отстранив бригадира, Потапенко сам дал знак крановщице. Тросы дрогнули, ротор плавно качнулся в сторону. Виктор, продолжая одной рукой показывать, другой ловко действовал деревянными подкладками. Он работал легко, улыбаясь, бесстрашно подсовываясь под качающуюся стальную махину. Он сочно, с азартом поругивался, и постепенно вокруг прояснело, люди повеселели, задвигались быстрее, ротор уверенно пошел вниз и мягко лег на подшипники.

— Виктор Григорьевич, вы — бог! — пропел начальник цеха, подавая ему паклю. Вытирая перепачканные в масле руки, Виктор подошел к Андрею.

Разгоряченные глаза его весело блестели.

Андрей был восхищен.

— Они бы тут еще битый час провозились, — самодовольно сказал Виктор.

Охваченный гордостью за Виктора, Андрей начал с восторгом рассказывать о сообразительности Бориса Зиновьевича и о результатах испытания.

— Значит, нашли, — не дослушав, сказал Виктор и повернулся к директору станции.

— Нет, я вижу, ты не понял, — огорчился Андрей. Он начал быстро чертить пальцем на лакированном кожухе генератора.

— Смотри сюда. Остроумно? Теперь ясно, какая бессмыслица подозревать обмотки.

Виктор вздохнул. Поодаль стояли, ожидая его, директор станции и начальники цехов.

— От тебя требуется дать заключение, — с холодком говорил он. — Либо выводить генератор в ремонт, либо ты гарантируешь его безупречную работу. В последнем случае ответственность ложится на тебя. Кроме того, придется детально рассчитать новый режим. На кой тебе возиться... Я делаю все, чтобы ты мог заниматься своим прибором, ты же сам себе болячки наживаешь. Напиши, что гипотеза этого Бориса Зиновича заслуживает рассмотрения, но, поскольку она нуждается в добавочном исследовании, целесообразно, во избежание риска, вывести генератор в ремонт. И будешь спать спокойно. Я тебе плохого не посоветую.

Виктор направился к инженерам, Андрей шел за ним, споря, доказывая, не обращая внимания на насмешливые и удивленные взгляды окружающих.

— Как у вас со спецодеждой? — спросил Виктор у директора, и все громко, наперебой заговорили, оттеснив Андрея в сторону.

Назавтра, прежде чем подписать заключение, Андрей показал его Кривицкому. Прочитав, Кривицкий посерьезнел и сказал, что такое заключение — это перчатка, брошенная в лицо техотделу.

— Перчатка! — Обращаться к Лобанову с подобными предостережениями было так же разумно, как заливать огонь бензином. — Написано правильно? — ожесточенно переспросил Андрей.

— Технически да, но форма!.. К чему такие выражения: «перестраховка», «верхоглядская ссылка на обмотки»? Или вот еще...

— Раз правильно, так нечего поливать сиропом. А насчет перчатки — глупости. У вас устарелые понятия о служебных отношениях.

— Возможно, — миролюбиво согласился Кривицкий. Иногда он сам поражался, как добродушно он сносит замечания этого лопухого мальчишки. — Все же, знаете, лучше молчать, чем говорить, и лучше говорить, чем писать.

Если уж на то пошло, позвольте подписать эту бумагу мне.

— Убирайтесь к черту с вашим благородством! — огрызнулся Андрей. — За кого вы меня принимаете?

Проследив, как он, царапая пером, размашисто расписывался, Кривицкий вздохнул. Ему было жаль Лобанова. Чем дальше, тем больше он убеждался, что Лобанову не ужиться с этим «террариумом», как называл он компанию Долгина.

«Ваш Лобанов годится для лаборатории, как Адмиралтейская игла для зубочистки или как телескоп для театра», — доказывал он Борису. Если переделать Лобанова невозможно, так следует хотя бы удержать его от безрассудных поступков.

— Хорошо, я уберусь, — сказал он. — С одним условием: давайте все расчеты сделаем мы с Борисовым. А вы отражайте атаки Долгина. И займитесь наконец вашим прибором!

Андрей погрузился:

— Надо еще поехать по станциям... Иначе я всякий раз буду попадать впросак, вроде как с вашим Борисом Зиновьевичем.

— Это все хорошо, но трубы...

— Какие трубы?

— Я слышу, как Долгин трубит боевой сигнал, — мрачно сказал Кривицкий, — он нам объявит войну. Увидите.

Проницательность этого скептика удручала Андрея. Пока что Кривицкий во многом уже оказался прав. Из всех обещаний главный инженер до сих пор выполнил одно: через несколько дней после их разговора он направил к Лобанову свою секретаршу.

Андрею подобные девицы казались на одно лицо — надменная пустышка, сияющая отраженным светом своего начальника, специалистка по телефонным разговорам и затачиванию карандашей.

Представшее перед ним надушенное зеленое платье, увенчанное кондитерским сооружением из шоколадных волос, как нельзя более соответствовало этому стандарту.

Андрей допрашивал ее придирчиво, уверенный, что ничего путного из нее не получится. Однако у него не было повода отправить назад эту девицу. Может быть, она сама откажется? Андрей обрисовал самыми черными красками тяжесть лабораторной работы.

Как-никак это был первый человек, которого он принимал на работу.

Мельком взглянул на направление — Цветкова Нина... «И фамилия какая-то игривая».

— Так, товарищ Цветкова. Сами-то вы хотите у нас работать? Цветкова разочарованно надула губки:

— Я полагала, что вы меня используете по специальности.

— Секретаршей? Хороша специальность! Вы значитесь младшей лаборанткой.

Так и будете работать, — твердо заключил он. Он послал Цветкову в группу Устиновой, попросив Майю поделикатнее намекнуть, что лаборатория — это не салон дамских мод, и подыскать Цветковой работу интересную и тяжелую.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

По предложению Бориса Зиновьевича генератор на Комсомольской переключили на новую схему. Кривицкий и Борисов сделали расчеты, нужные переделки, и толчки прекратились. Таким образом, благодаря заключению лаборатории генератор не был выведен в ремонт. Однако эта история вызвала своего рода «толчки» в техотделе.

— Пока Устинова была начальником, лаборатория с нами советовалась, — ехидно сказал Долгин.

Виктор смолчал.

Через некоторое время, когда надо было затребовать отчеты, Долгин сказал:

— Не знаю, Виктор Григорьевич, как подступиться к Лобанову. Если уж вы для него не авторитет, так на меня он совсем смотреть не будет.

— Откуда вы это взяли? — спросил Потапенко. Лицо Долгина выразило непримиримую суровость.

— Если уважаешь руководителя, то, согласитесь, так не напишешь, — и он в третий раз положил перед Виктором заключение лаборатории. — Поскольку Лобанов ваш друг, я воздерживаюсь от комментариев.

— А все же?

— Виктор Григорьевич, я человек прямой и принципиальный. — Тут Долгин сделал паузу и сурово, испытующе посмотрел на подбородок Виктора. — Партия учит нас отличать критику от злопыхательства. Когда сотрудник, вместо того чтобы прийти и честно, по-партийному, в глаза сказать: «Товарищи, вы тут неправы!» — допустим, мы были неправы! — начинает кляузничать главному инженеру... такая тактика, будем откровенны, — тактика склочников.

— Какова, по-вашему, цель этой тактики? — иронически спросил Виктор.

— Хочет показать себя за счет других.

— Ну, такими бумажками моего авторитета не подорвешь.

— Так-то так... — сказал Долгин, и плоские безбровые глаза его стали зеркально непроницаемы.

— Между прочим, электролаборатория находится в вашем ведении, Долгин. Я не имею возможности заниматься всем сразу. У меня таких лабораторий несколько и еще тысячи людей.

— А я, Виктор Григорьевич, нахожусь в критическом состоянии. С одной стороны, я сталкиваюсь с фактом дружбы. С другой стороны, я должен практически претворять в жизнь ваши установки и быть на уровне выдвигаемых вами задач...

Перенимая манеру Долгина, Виктор строго сказал:

— Там, где речь идет о работе, для меня не существует дружеских отношений, — он протянул Долгину заключение лаборатории.

Долгин взял листок с суровой торжественностью, как будто это был приговор или приказ о наступлении, сложил его и опустил в верхний кармашек своей черной гимнастерки.

Неосмотрительность Лобанова создавала ему врагов там, где, казалось, этого можно было свободно избежать.

Как-то Андрею позвонил заместитель управляющего Ивин.

— Лобанов, дорогуша, пришли ко мне домой кого-нибудь из твоих мальчиков — приемничек мой чего-то скис.

— У меня всего два радиотехника, — сказал Андрей, — и оба сейчас очень заняты, да и потом...

— Ерунда, — перебил Ивин. — Подумаешь, какие у вас там срочные проблемы. Бери мою машину и отправляй их. Они мне антенну устанавливали, так что они в курсе.

Андрей сдержался и посоветовал обратиться в радиомастерскую.

— Ну что ты, дорогуша, иметь свою лабораторию и бегать к дяде? — весело удивился Ивин.

— Вот именно, лаборатория! Холуев у меня нет, товарищ Ивин.

— М-м-да, — ошеломленно поперхнулся Ивин и, придя к какому-то решению, сказал с затаенной угрозой:— Трудно, я вижу, будет нам с вами сработаться.

— А я и не собираюсь ни с кем срабатываться. — Андрей с силой бросил трубку на рычаг.

Встретив в столовой Виктора, он громко поделился своим негодованием.

Рядом, за столиками, услышав фамилию заместителя управляющего, прислушались.

— Возьми тоном ниже, — сухо попросил Виктор. — Ты зря ломаешь копыя по пустякам. Взял бы и послал кого-нибудь. Откуда у тебя такая унылая прямолинейность? Интересно, а если бы я тебя попросил о том же?

— Послал бы тебя подальше.

— Хм... вот она — твоя дружба!

— Дурачина, я бы сам пришел и починил.

— А что за история у тебя произошла с директором Октябрьской, с Тарасовым? — вспомнил Виктор.

Андрей расхохотался.

— Я у него настоящий митинг устроил. Вижу, установлена на одном котле автоматика горения. А машинист управляет вручную. Почему? Объясняют — не налажена автоматика, вручную лучше получается. Я — к директору. А тот: «У меня план по экономии топлива, не могу я рисковать планом из-за вашей автоматике». — «Где же, — спрашиваю, — ее налаживать прикажете, если не у вас?» — «Не знаю, на другой станции, в общем где хотите. Вот если нам дадут готовые, отработанные приборы, пожалуйста, спасибо скажем. И народ я тоже заставить не могу, говорит, они материально заинтересованы в экономии топлива. А автоматика им все сбивает». Понимаешь, инженер, директор, и так рассуждает! — Андрей перевел дух и ожесточенно набросился на свою тарелку супа.

— Что же дальше? — спросил Виктор.

— Остался я до конца смены, собрал всех, кого мог, и стал держать речь.

Нельзя, говорю, требовать, чтобы такое сложное устройство с первого дня действовало безупречно. Его месяцами надо налаживать. Всем вместе. Придется кое-чем пожертвовать. Иначе нельзя. Как наладим, автоматика окупит себя с лихвой, на всех котлах поставим, вам же легче станет. Котлы у вас новые, а управление ими устарелое. Поговорили мы по душам. И что же ты думаешь — включили автоматику.

— А Тарасов? — спросил Виктор, катая по столу хлебный шарик.

— Что Тарасов? Самое интересное, что теперь машинисты с других котлов следят, чтобы автоматика была все время в работе.

— Ну, а Тарасов? — повторил Виктор.

— Не знаю, наверно, в амбицию ударился, — равнодушно сказал Андрей.

Виктор поднял глаза, с любопытством взглянул на Андрея и тотчас снова опустил их.

— Недостаток этой автоматики, — начал Андрей, отставляя тарелку, — заключается...

— А с Долгиным что у тебя за новая стычка? — спросил Виктор. Андрей пожал плечами и уже без прежнего воодушевления стал говорить, как он потребовал от Долгина заняться автоматикой на Октябрьской — ведь это обязанность техотдела, — и оказалось, что Долгин ни черта не смыслит в автоматике, понятия не имеет, как она должна работать. Конторщик. Андрей, не долго думая, сказал ему: «Позвольте, как же вы можете руководить, не разбираясь в технике? Подавайте в отставку».

— Глупо, — нахмурился Виктор. Он кончиком пальца придавил хлебный шарик, как будто сплющивая все, что было до сих пор сказано Андреем. — Зачем ты восстанавливаешь против себя людей? Долгин, конечно, не шибко грамотен. И в то же время он человек ценный. Дать ему отдельное задание — он вцепится в него как бульдог.

— Виктор, но я не могу спокойно проходить мимо...

— Ты не руководитель, а перпендикуляр какой-то...

— А ты... ты — параллель, — принужденно улыбнулся Андрей. Но Виктор, по привычке человека, которого не перебивают, продолжал говорить, не слушая Андрея:

— Пора бы уже тебе почувствовать, что такое ответственность. До сих пор ты отвечал за самого себя, поэтому тебе кажется, что так просто вводить новое на производстве. Тебе пора научиться смотреть не только снизу, но и сверху...

Андрей поймал себя на том, что ищет предлог, чтобы встать и уйти. В его чувстве не было ничего неприязненного, лишь привкус досады. Вряд ли стоило распространяться о митинге с кочегарами, да еще с таким пылом.

В тот же день Тарасов, приехав в Управление, пожаловался Виктору на Лобанова. Кто дал право этому тра-та-та хозяйничать на станции? Директор я или не директор? Тарасов бушевал, грозился пойти к главному инженеру.

Виктор прищурился:

— Брось. Ты не прав. Скажи мне спасибо, что Лобанов не пошел к главному. Автоматику, мой милый, надо внедрять. Тебе выпали бы по первое число. А так можешь написать в отчете — автоматика внедрена. И получишь благодарность.

Некоторое время Виктор еще пытался соблюдать обязанности опекуна по отношению к Андрею. Он убеждал его заниматься своим локатором и оставить в покое станции.

Андрей твердил:

— Я не могу быть невеждой, я обнаружил, что многому недоучился. Пока я корпел над диссертацией, техника ушла далеко вперед. Я должен изучить производство.

— Если бы ты изучал. Беда в том, что ты лезешь не в свои дела.

Оба они делали теперь над собой усилие, чтобы сохранить прежний дружеский тон. Это удавалось им все хуже. При встречах они испытывали принужденность. Андрей старался преодолеть это необычное для него чувство и никак не мог.

К себе домой Виктор больше его не звал. С Лизой творилось что-то неладное. Виктор все время ощущал в ее взгляде, в ее голосе какую-то скрытую, но не то осуждающую, не то

жалостливую насмешку и не хотел, чтобы Андрей это заметил. Собственно, Андрей мог бы прийти и без приглашения, и он пришел бы, потому что Лиза, да и, пожалуй, Виктор были все же единственными людьми, с кем он мог посоветоваться относительно Риты, но сейчас отношения с Ритой были такими трудными, что ни с кем о них не хотелось говорить.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Снова и снова он убеждал Риту развестись, переехать к нему и зажить нормальной человеческой жизнью. Так дальше продолжаться не может. Как она выносит фальшь их положения?..

Они снова сидели в той же комнате. Красноклювый аист насмешливо пялил на них круглый глаз.

Она придвинулась к Андрею, но он отодвинулся, требуя ответа.

Он чувствовал, как ее обижает эта незаслуженная грубость, и в то же время понимал, что ему нужно держаться настороже.

— Ты стала мне нужна, ты мне нужна каждый день. Я больше так не могу... Эта комната... Подруга... Неужели ты сама не видишь, какая это грязь?

Рита легла на кровать, потянулась, закинула руки за голову. Под кофточкой ясно обозначились ее маленькие груди.

— Опять, — скучая, вздохнула она. — Неблагодарный человек. Ну, иди сюда. Иди!.. Ты что, боишься меня?

— Я не хочу, чтобы ты смотрела на часы! — резко сказал он. Сегодня она не вывернется, а он не поддастся. Он поклялся себе в этом. Он говорил, стараясь не смотреть на вырез ее расстегнутой кофточки, на ее длинные ноги в тонких чулках. Разозлить ее... Пусть и она помучается, как мучается он.

— Кому ты лжешь? Я перестал понимать. Мужу?.. Мне?.. Не хочу я тебя такую. Не хочу!

Рита облокотилась на подушку.

— Ты собственник, — удовлетворенно улыбнулась она, снимая часы.

Он ошеломленно следил за ее пальцами, соображая, что все, о чем он говорил, имело и другое значение, льстящее ее женскому самолюбию, и, понимая только это значение, она не обижалась на его слова.

— Рита, все зависит сейчас от нашей искренности. Все!

— Историческая минута? — пошутила она, сохраняя ту же улыбку.

Охваченный плохо сдерживаемым гневом, он подошел к кровати:

— За что ты цепляешься? Не смей юлить... Почему ты не хочешь развестись? Чего ты боишься?

В его тоне было нечто такое, что заставило ее сесть.

— Да, я боюсь, — вдруг так же враждебно, как и Андрей, сказала она.

— Ты один... тебе это незнакомо. А у меня есть семья. Худая, хорошая, но семья. У меня есть что-то прочное. А с тобой... Кто знает, как у нас получится, когда я приду к тебе. — Она успокоилась и погладила свою голую вытянутую руку. — Ты попусту сердисься. Я верю — ты меня любишь и будешь делать все, чтобы было хорошо, но это ничего не значит. Может не получиться.

Тут не застрахуешься, дружок... — Тень абажура делила ее лицо пополам: лоб, волосы, глаза, прикрытые тенью, были мягкими и молодыми, а ярко накрашенный рот, подбородок, шея казались Андрею жесткими, и голос звучал суховато, рассудительно.

— Когда в войну пришла «похоронка» и в райвоенкомате мне сказали: вы не зарегистрированы, пенсии вам не положено, я на своей шкуре почувствовала, что такое «одинокая мать». Известен тебе такой термин? Из комнаты — я не была прописана у него — меня выгнали. Я стояла на улице одна, с дочкой. В одной руке дочь, в другой — чемодан. Ко мне подошел один тип и предложил переночевать у него. «Полкило хлеба дам». Да, я боюсь. Вот откуда у меня страх. Я не люблю мужа. Ты это прекрасно знаешь. Но я ему благодарна.

Обязана ему. Понятно? Ну, пускай привыкла... И дочка знает его как папу. Он ее любит. Чем они виноваты?.. Нет, нет! — Она зажмурилась, передернула плечами.

Она открыла глаза, улыбнулась, ласково взяла его за руку, словно уговаривая большого непослушного ребенка:

— Так нельзя рубить с маху, Андрей. Мне надо как-то самой подготовиться... Привыкнуть, что ли, к тебе.

— А я так не могу, — не разжимая зубов, сказал Андрей. — Я приду к твоему мужу и объясню ему все.

— Ты можешь испортить мне жизнь, и только... Куда ты торопишься? Мы нашли друг друга, мы любим, встречаемся. Тебе мало этого? Неблагодарный. Я ведь не жалуюсь. Мне-то труднее. Знал бы ты, как мне тяжело врать...

Она спрыгнула с кровати, все лицо ее оказалось на свету и стало некрасивым. Таким никогда не видел его Андрей. Он с неприязнью вглядывался в эти черты — какое-то странное сочетание безволия и суховатой рассудочности.

— Вот я и не желаю твоего вранья. И сам не могу терпеть, да еще обманывать. Я хочу ясности. Я так не могу, — повторял он, чувствуя, что, если она попробует снова увернуться, он способен ударить ее, хватить стулом по всем этим туалетным склянкам, бить, ломать, до крови рассаживая кулаки...

Она стиснула ворот кофточки, медленно опустилась на стул.

— Какой ты жестокий, — тихо сказала она. — Ну, чем я виновата? Я люблю тебя. Люблю. Больше у меня ничего нет. Чего тебе от меня надо? За что ты мучишь меня? За что?

Он вдруг весь сгорбился, его большие руки повисли.

— Как же так... если ты действительно любишь... — Всю силу воли он собрал сейчас, пытаясь устоять перед внезапно нахлынувшей жалостью и болью.

— Не понимаю я такой любви. Мне так вот ничего не страшно.

Она криво усмехнулась. Он смотрел на ее яркие, плотно сжатые губы, все еще ожидая

ответа.

— Ну так как же, Ри? Она молчала.

Тяжело переставляя ноги, он подошел, осторожно прижал ее голову к своей груди. Им вдруг стало грустно. Они не понимали и не думали — отчего, им просто было до боли грустно. Андрей тихонько гладил ее волосы. Концы их были светлее, подпаленные, словно измученные частой завивкой. И только на шее сохранились маленькие нетронутые нежные завитки.

Они расстанутся, они уже расставались — эта мысль ошеломила обоих.

Молчание все больше отдаляло их, и никто первый не мог нарушить его. «Она не виновата», — думал Андрей, не сознавая, что его грусть и нежность были верными признаками наступающей разлуки. Ну хорошо, пусть разлука, но только не разрыв...

— Если ты передумаешь, я буду ждать, — горло его пересохло, голос хрипел. — Может быть, ты решишься... Ри?

— Может быть, — тоже хрипло повторила она.

— Ну что ж... — сказал он, откашливаясь. Он осторожно отстранил ее и отошел.

— У тебя пуговица висит, — сказала Рита. — Дай я пришью. Она достала нитки, иголку. Андрей сел, не снимая пиджака.

— На тебе пришивать? Плохая примета, — пошутила Рита. Ее пальцы с иголкой медленно двигались под полой пиджака. Ее колено касалось ноги Андрея, он чувствовал теплоту ее тела и сидел окаменев. Она наклонилась откусить нитку — прямо перед ним светились ее волосы, мелкие прозрачные завитки на белой шее.

— Ты еще не уходишь? — тихо спросила она. Он поднялся, потрогал пуговицу.

— Крепко пришито, спасибо... Нет, я пойду.

Потерянная улыбка скривила ее губы. Андрей испытал невыносимую жалость, он хотел остаться, он должен был остаться, но знал, что стоит ему уступить, и он больше не найдет в себе сил снова начать этот разговор. Их отношения затянутся на годы, наполненные ложью, страхом, ревностью, замкнутые в мучительно-безвыходный круг, порвать который он уже не сумеет.

Руки ее недвижимо лежали на коленях. Широко открытые сухие глаза следили, как Андрей торопливо надевал пальто, путаясь в рукавах. А на стене, над кроватью, глуповато посмеивался красноклювый аист.

У двери он обернулся. Она вдруг шевельнула рукой, протянула пальцы, будто удерживая его. Сердце его дрогнуло от злого предчувствия.

И потом, когда бы Андрей ни вспоминал Риту, ее лицо, ее голос, они возникали почему-то вместе с этой протянутой рукой, на фоне этого нелепого, грубо раскрашенного коврика.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Мать Андрея умерла, когда ему было пятнадцать лет. Хозяйство перешло в руки Кати. Она

была на три года старше брата и считала своим долгом заниматься его воспитанием. Николай Павлович тоже стал строже следить за сыном.

Война подкосила здоровье отца, он вышел на пенсию, страдая от вынужденного безделья. В последний год, немного оправясь, он увлекся работой по дому как член комиссии содействия. Андрей радовался, что его безобидная деятельность отвлекает отца от мыслей о болезни. Когда-то отец, монтажник гидротурбин, был в глазах Андрея героем, мудрым, всезнающим. Теперь Андрей водил его гулять; посмеиваясь, выслушивал суждения о порядках в домоуправлении и поддавался, играя с ним в шашки.

— Папа, я ничего не знаю! — не раз сокрушался он, возвращаясь из лаборатории. Ему необходимо было кому-то пожаловаться.

Он изливал отцу горести, делился своими проектами, не ожидая совета, не интересуясь одобрением, потому что ему важно было иметь лишь слушателя. Как бы там ни складывалось на работе, он никогда не чувствовал себя одиноким. В этой части своей жизни он ощущал превосходство молодости, здоровья, силы и, как все взрослые дети, все меньше чувствовал себя сыном.

Там же, где он нуждался в участии, он неожиданно оказался понастоящему одинок. Он не мог рассказать о Рите никому, — ни Кате, ни отцу, никому. Здесь все были чужими. Шли дни, и каждый день уносил часть надежды.

Он все еще не мог поверить, что это не разлука, а разрыв. Понимал, знал и не верил.

Любовь умирала медленно и слишком мучительно. Заниматься он не мог: избегая расспросов отца, он по вечерам уходил в кино или слонялся по улицам, и время после работы тянулось уныло.

Весна в тот год наступала не под приветственный блеск солнца. Она сражалась многотрудно, денно и ночью ковыряясь в грязи, под хмурым небом, отступая перед ночными заморозками, отвоевывая каждый клочок земли. Со взморья налетали серые ветры, мотая окоченелые, но уже упругие ветви с примерзшими к ним комьями снега.

Кое-где еще лежали сугробы талого, источенного каплями снега. Он был совсем непохож на голубой снег ранней весны. Он уже не скрипел, а хлюпал под ногами. Казалось, что город устал от зимы. Устала промерзшая земля, устали крыши, стены, устали люди. И Андрей чувствовал, что он тоже устал от всего того, что было.

А солнце отовсюду упрямо соскребало тусклый налет зимы.

По реке, медленно кружась, толкаясь, плыли темно-серые льдины. На дворе битый лед лежал черными кучами подле мокрых полениц, прикрытых ржавыми листами железа. Обнажились облупленные карнизы с красным мясом кирпичей.

Чистое яркое белье на веревке слепило своей синевой, — такой сейчас снег где-нибудь за городом. Синева эта, наверное, от неба. Но сквозь пыльные окна оно казалось низким и мутно-голубым. А когда Андрей выходил на улицу, оно поднималось, чисто-синее, такое синее, что не было на свете ничего синей. И начинало казаться, что, может быть, вовсе не печально звенит капель по водосточной трубе. И ветви молодых лип вовсе не плачутся. На них лишь кое-где блестят прозрачные полукапли. Этим уж, наверно, не суждено упасть. Им не хватает влаги, чтобы собраться и полететь вниз. Они висят, как слезы ребенка, который раздумал плакать и уже смеется.

Внешне жизнь лаборатории текла размеренно и спокойно, но где-то в ее недрах шел все нарастающий процесс разрушения старых порядков. Борьба разрывала коллектив на группы,

чуть ли не ежедневно меняя соотношение сил.

Андрея это мало беспокоило, — логика жизни заставит всех рано или поздно признать его правоту. Бороться надо не за людей, а за дела. Он мало интересовался, есть ли у него враги в лаборатории, кто они; вот что действительно плохо, так это то, что в Управлении со дня на день оттягивали пересмотр тематики лаборатории, не хватало денег на покупку оборудования, и Долгин на все требования металлическим голосом отвечал: «Ничего, товарищ Лобанов, материальные затруднения обостряют ум ученого».

Что же касается обстановки в лаборатории, то Андрей думал так — никаких противников нет, просто есть люди, которые еще не поняли, чего он добивается. Дайте им завтра интересную работу, и не нужно никакой агитации.

Зачастую он даже не догадывался о подробностях той кропотливой работы Борисова и членов партбюро, которая разрушала старые, привычные взгляды людей, завоевывая Андрею новых сторонников.

Когда на заседании парткома Борисова спросили, что творится в лаборатории, он с удовольствием заявил: «Раскол. Полный раскол». То, что прежде представлялось ему дружным коллективом, на деле оказалось просто механической смесью. Сейчас же начиналась реакция химического соединения, и ничего страшного, если эта реакция протекает бурно.

Борисова поняли и поддержали, несмотря на грозные предупреждения Долгина.

В лаборатории значительная группа недовольных сосредоточилась вокруг техника Морозова. Хороший электромеханик, «золотые руки», Леня Морозов пользовался влиянием среди молодежи. Ему подражали в манере одеваться — небрежно, щеголевато, курточка с молниями, широкое свободное пальто, яркий галстук. Он играл на аккордеоне и превосходно танцевал. Дружба с Морозовым ценилась высоко. Считалось лестным провести с ним вечер; вокруг него всегда царила атмосфера какого-то заманчивого шика, у него было много знакомых хорошеньких девочек. Морозов и его приятели где-то собирались, выпивали, и случалось, что он являлся на работу «под мухой». Ему прощали — он считался незаменимым.

Морозов бил на то, что Лобанов, отказываясь от ремонта, лишает ребят возможности заработать. При Майе Константиновне все зарабатывали хорошо. На ремонте наловчились, а с этими научными работами выйдет полный «прогар».

После первой же полочки действительно пошли разговоры.

— За что ишачим? — шумел Морозов. — За пять пальцев и ладонь.

Ему сочувствовали, и попытка Борисова вмешаться ни к чему не привела.

— Вы на зарплате, — сказал Морозов, — а нам, сдельщикам, надо заработать.

В тот же день, зайдя в мастерскую проверить свой заказ, Борисов обнаружил на станке бронзовую зубчатку.

— Срочный заказ самого начальника лаборатории, — объяснил Кузьмич.

— Какой заказ?

— А вы узнайте у Морозова, он принес наряд.

Вызвали Морозова. Он заявил, что часовой механизм для нового реле ремонтируется по

приказу Лобанова.

Начиная догадываться, в чем дело, Борисов осмотрел механизм.

— Непонятно, — сказал он, пристально смотря на Морозова, — зачем корпеть над этим старьем, когда у нас на складе есть почти такие же готовые.

— Не почти, а в аккурат такие же, — улыбнулся глазами Морозов. — Там только дырочку просверлить для крепления.

— Почему же ты не подсказал Андрею Николаевичу?

— Ученого учить — только портить, — нагло вато усмехнулся Морозов. — Я доложил ему: вот шестеренки стерлись, он говорит: отфрезеруйте новые. Наше дело маленькое, слушай да подчиняйся.

Сдержанного Борисова вывести из равновесия было не так-то легко. Он попробовал вызвать Морозова на откровенность:

— Мы бьемся над перестройкой лаборатории, хотим заняться большими научными вопросами, установить новые автоматы на станциях, вы же нам палки в колеса суете. Почему?

Разговора не получилось. Морозов прикинулся непонимающим:

— Откуда вы взяли, Сергей Сергеевич? Вредитель я, что ли?

— Насчет учебы ты отговаривал ребят?

— Я про себя говорил. Мне до них какое дело. А я и так вроде с работой справляюсь. — Он поиграл металлической застежкой на куртке, пренебрежительно оглядел поношенный, с обтрепанными рукавами костюм Борисова. — Может, я плохой стал, что ж, поищите другого.

Борисов собрал комсомольское бюро и спросил — до каких пор они намерены идти на поводу у таких, как Морозов?

Резкость Борисова поначалу восстановила против него большинство комсомольцев. Как так — мы идем на поводу? Факты! А чем плох Морозов? Он хороший производственник!

Борисов попытался раскрыть нехитрую жизненную философию Морозова. Да, дело свое знает, чувствует себя незаменимым, понимая, что сверхурочные ему платить будут и нянчиться будут. Ну, а когда работа изменится и больше начнут головой, чем руками, действовать, тогда кто впереди окажется?

Неизвестно. Может, Ванюшкин. Может, Заславский. Может, Вера Сорокина. Если еще учиться начнут, тогда совсем Морозова позади оставят.

— Его не слава интересуется, — задумчиво сказал Ванюшкин. — Ему только рубль подавай. Рубль — это его компас.

— Не компас, а компас, — поправила Вера Сорокина. Воронько подозрительно посмотрел на нее:

— С моряками познакомилась?

— А как сформулировать его вину? — никого не слушая, говорил Ванюшкин.

— Фактов особых нет. Вредное влияние он, конечно, оказывает. Он угощает, вот за ним

любители выпить на дармовщинку и тянутся.

— Это ты неправ! — покраснев, воскликнул Саша Заславский. — Ты слухи собираешь.

— Ты, видать, сам выпивал с ним? Саша вскочил, стукнул кулаком по столу:

— Выпивал, ну и что? Я на свои выпивал. А потому, что хотел у Морозова кое-чему поучиться.

Воронько нерешительно пробасил:

— Товарищи, у нас поднимается благосостояние трудящихся. — Он замешкался. — Конечно, у Морозова сильные отрицательные пережитки... Он действует на психику... ну вот я, к примеру, в эту получку... на сто пятнадцать рублей меньше пришлось.

— Обывательщина, — сказал Ванюшкин. — Ты член бюро, ты дай политическую оценку.

— Очень просто, — затараторила Вера Сорокина. — Очень просто.

Морозов — типичный мещанин. Посмотрите, как он к девушкам относится. Про Соню Манжула вам известно, — почему же отпора ему не даете? К нему тянутся, он веселый парень. А мы что же, у себя веселья организовать не можем?.. А насчет денег тоже надо решить. Заработать всем хочется!

Перебить Веру никто не мог, она строчила без пауз, сваливая в одну кучу и лакированные туфли, которые она не может купить второй месяц, и методы агитации среди молодежи — на одном энтузиазме далеко не уедешь, и перевод, который ей надо матери послать, — вы его пошлете за меня, Сергей Сергеевич?

Борисов умышленно до поры до времени не вмешивался. Отступления «не по существу вопроса», как выразился Ванюшкин, обнаруживали новые, неизвестные Борисову причины морозовского влияния на ребят и то, как относились комсомольцы ко многим важным вещам, о которых почему-то стеснялись говорить на собраниях.

Вот, например, о деньгах, когда его спросили, Борисов сказал:

— Мы все не прочь получать побольше. Вопрос только, каким путем этого добиваться. Дайте мне три тысячи в месяц и пошлите пивом торговать — не пойду. И никто из вас не пойдет.

— И Морозов не пойдет, — вставил Саша Заславский.

— ...Кроме хороших костюмов и прочего у нас есть потребность в интересной работе. Мы мечтаем о коммунизме, мы хотим учиться, технику двигать вперед. Возможно, Морозов в пивной ларек не пойдет, но ремонт — это тоже вроде пивного ларька. Ремонтировать проще и денежней.

Ребята сидели в пальто, красные, потные. Они думали, что собираются на минутку, и не заметили, как заговорились до вечера.

— Вообще бы его следовало исключить из комсомола, — сказал Ванюшкин.

— С другой стороны, это позор для организации. Райком не утвердит. Скажут: воспитывать надо, не исключать.

— А что, мы не в силах перевоспитать? — самонадеянно сказала Вера Сорокина.

Ребята замахали на нее руками.

— Он сам кого хочешь перевоспитает.

— Скажет: «А-а-а, здрасте, начинаются ЦУ», — передразнил Ванюшкин, не раз без успеха принимавшийся за Морозова.

— Какие ЦУ? — не понял Борисов.

— Ценные указания.

— Да, бывает, одним ЦУ человека не проймешь, — улыбнулся Борисов.

Саша вскочил, стукнул кулаком по столу, полное, добродушное лицо его вытянулось.

— Вот так всегда. Дипломатия! Если уж на честность говорить, так давайте до конца. Думаете, нам неизвестно, Сергей Сергеевич, Морозов даже пьяным на работу являлся, и ему взыскания не дали. Майя Константиновна считала, что у нас и так много нарушений, что премии могут лишить и знамя не дадут...

— Правильно считала! — вставила Сорокина.

— Л нам это боком выходит. Разве после этого мы можем воспитывать?

Меня бы выгнали, если бы я пьяным пришел, да и любого из нас. Факт. А его нет. Закон-то для всех одинаков? А мы маневрируем. И все видят. Но оглобле стегаем, а не по лошади...

Борисов вздохнул. Дело не в Морозове. Все сводить к Морозову неумно.

Он задумался, почесал затылок, как бы сомневаясь, можно ли делиться какой-то тайной.

— Чувствуете ли вы, друзья, у нас, не где-то там, а у нас, здесь, разворачивается нешуточная борьба. («Черт его знает, правильно ли я поворачиваю?» — подумалось Борисову.) У нас начинается борьба с консерваторами. На нашей стороне пока еще сил недостаточно. Противники у нас есть посильнее, чем Морозов. Тут будет война серьезная. И кое-чем пожертвовать придется. Нам надо убедить, завоевать всю нашу молодежь. Во-первых, начнем с учебы...

Борьба! Это слово манило и звало вперед. Выходит, можно бороться и здесь, в этих до скуки привычных закопченных степях лаборатории; и здесь есть опасности, есть враги...

— Бороться, а за что бороться — толком неизвестно, — заметил Ванюшкин. — Ребята в мастерских еще меньше нашего в курсе.

Решили просить Лобанова выступить на комсомольском собрании с докладом о задачах лаборатории.

Накануне собрания Лобанов показал Борисову добросовестно составленный конспект доклада.

— Ну что ж, все правильно, — разочарованно сказал Борисов.

Признаться, Андрей готовился к докладу без особого интереса, поручили — придется делать, тем не менее равнодушный отзыв Борисова задел его самолюбие.

— Да просто скучновато, — признался Борисов в ответ на расспросы Андрея. — Цитаты, цифры, все на месте, а что толку? Вот мне ты свой локатор не так подавал. И для них тебе не доклад делать, а лучше бы рассказать, почему ты пошел учиться, чем тебя наука вдохновила...

После комсомольского бюро Борисова воодушевила идея поэтизации будничного труда. Суметь показать борьбу, опасности, зажечь ребят возможностью настоящих подвигов вот здесь, в лаборатории. Он спросил у Андрея, читал ли тот «Голубую чашку» Гайдара.

— Я недавно ее своим ребятишкам читал. Ах да, ты же холостяк! Так вот, отправился один человек с маленькой дочкой в путешествие, а весь-то их путь тянулся метров триста от дачи. И вдруг на этом пути оказались встречи и приключения, опасности, сражения, чудеса, как будто попали они в незнакомую страну. Они сумели увидеть мир другими глазами...

— Чепуха, — сказал Андрей, — при чем тут Гайдар? — И обиженно забрал свои листки.

Он попросил у Ванюшкина список комсомольцев. Большинство ребят окончили семилетку или ремесленное, кое-кто техникум. В графе «где учиться» почти у каждого что-нибудь да было написано. Один занимался в школе взрослых, другой — в кружке мотоциклистов или в яхт-клубе, а против фамилии Цветковой значилось — учиться в школе кройки и шитья. Ну, чем можно заинтересовать такую девицу? Как увлечь одним общим делом ребят, у которых столь разные вкусы?

Показать бы им, сколько красоты в будничной, но настоящей лабораторной работе, какой требует она фантазии, силы воли, какие здесь возможности.

Чтобы стать творцом, вовсе не обязательно быть инженером. Можно остаться простым лаборантом, монтажником и чувствовать себя воином того же отряда, где воевали Фарадей, Яблочков, Кржижановский. Воодушевить молодежь азартом исканий, чтобы она нашла здесь, в стенах лаборатории, свое призвание...

Задача была трудная. И, как всегда, трудность раззадорила Андрея.

Это было его первое выступление в лаборатории. Многие инженеры, стеснительно посмеиваясь, просили у Ванюшкина разрешения присутствовать на комсомольском собрании.

Андрей долго думал — с чего начать?

И он начал с того, как много лет назад в плохо протопленном, освещенном одной настольной лампой кабинете Кремля собирались по вечерам приглашенные Лениным электрики обсуждать план электрификации России. Он заставлял их прикидывать, сколько потребуется на первых порах материалов — провода, изоляторов, столбов, обсуждал проблему гидроторфа. «Нам нужны специалисты с „загадом“», — говорил он, умеющий сам, как никто, работать, опережая время.

Отойдя от истыканной флажками карты фронтов, он склонялся над другой картой страны. Там, где еще стояли войска Юденича и Деникина, рассыпались коричневые, синие, зеленые кружки будущих электростанций.

Чтобы типография могла отпечатать план ГОЭЛРО, пришлось выключить свет даже в правительственных зданиях Москвы, — такова была в 1920 году мощность московских электростанций. Этот план вместе с мандатом вручали каждому из делегатов Восьмого съезда Советов. На сцене Большого театра вспыхнули лампочки электрифицированной карты плана великих работ. Голодная, нищая юность советской энергетики зажгла в тот декабрьский вечер созвездия будущего Волховстроя, Шатуры, Днепрогэса, Свири.

Это была та вершина, с которой можно было обозреть прошлое и будущее электричества. Короткая, но бурная история электротехники была насыщена драматической борьбой, полной подвигов беспримерной нравственной силы. Маркс говорил, что электричество более опасный враг старого строя, чем все заговоры Бланки. Оно началось с компаса,

указывающего моряку верный путь, оно стало одним из двух слагаемых ленинской формулы Коммунизма.

Оно имело своих героев, своих предателей, отступников, свои жертвы.

Первым в этой битве пал сподвижник Ломоносова — Рихман. Его убило молнией при изучении грозы...

То, что рассказывал Андрей, не было связной историей электричества. Его интересовали те люди, чьими трудами выявлялись могущественные свойства электричества — самой совершенной энергии, самой гибкой, способной перевоплощаться, копить и сохранять свою силу, передаваться на тысячи километров, светить, греть, плавить металлы, резать, вертеть, взрывать, говорить, разлагать вещества...

В жизни одного поколения электротехника, начав с забавы, стала хозяином века. В год, когда родился Ленин, в мире не горела еще ни одна электрическая лампочка. Восемьсот фонариков выходили в сумерки на петербургские улицы зажигать газовые фонари. А еще через несколько лет «русский свет» уже пылал на набережных Темзы, на бульварах Парижа и Берлина. Для тех, кто творил его во мраке царской России, для Яблочкова, Лодыгина, для сотен забытых мастеров талантливого народа свет был не только источником лучистой энергии. Недаром в русском языке слово «свет» звучит как «истина», «счастье», «свобода», как символ любимого существа — это земля, вселенная, это, наконец, люди.

Под стать этим богатырям была и группа первых советских электриков. На плечи этих ленинских выучеников легло создание новых электростанций. Андрей с гордостью перечислял их имена — Кржижановский, Классон, Винтер, Александров, Графтио... Про каждого из них он мог рассказывать часами. Это были ученые нового склада. Большую часть своих научных работ они писали железом и бетоном на берегах Волхова, Днепра, Свири.

Трудно представить себе, в каких условиях начинались первые стройки. На строительстве Каширской ГЭС гвозди, простые гвозди приходилось делать вручную. Но и в этой нищете электрики умудрялись быть зачинателями новой культуры. Мало кто помнит, как в том же двадцатом году строители маленькой Тульской ГЭС тянули сквозь заснеженные поля две линии передачи: одну — на Оружейный завод, а вторую — в Ясную Поляну освещать Музей Толстого.

Пробираясь от села к селу сквозь метели и сугробы, прячась от рыскающих банд «зеленых», шел будущий автор проекта Днепрогэса инженер Александров. Он читал крестьянам доклады о Днепрогэсе, потом вытаскивал драгоценную бутылку разбавленную водой керосина для волшебного фонаря и показывал картины — синий Днепр, расчесанный бетонным гребнем плотины, здание станции, высоковольтные мачты... Он говорил о том, что эта станция будет крупнейшей в мире, осветит каждую избу в округе, поможет пахать землю. Над этим чудачком беззлобно смеялись: «Газу нема, дегтю нема, ситцу нема, мыла и того нет, — бреши, бреши...».

А через несколько лет двадцать крупнейших энергетиков страны были вызваны в Кремль. Речь шла о постройке Днепрогэса. Семнадцать из них отказались — таких станций мы не строили, опыта нет, мы не можем брать на себя ответственность. Три человека сказали: дайте оборудование — мы построим. И в 1927 году посреди Днепра, на скале «Любовь», взвился флаг — «Днепрострой начат».

История переплелась у Андрея с воспоминаниями детства, с рассказами отца. Дома он нашел среди порыжелых фотографий, почетных грамот, которыми награждали отца, среди старых писем, членских билетов МОПРа, Общества смычки города с деревней — несколько ветхих газетных вырезок: все это когда-то заботливо собирала мать. Там была вырезка из «Правды» за 1925 год: «Со всех концов поступают деньги во всесоюзный железный фонд

имени „Правды“». Далее следовал список фамилий и среди них подчеркнутая карандашом: «Лобанов Н. П.

— 3 рубля».

Рядом заметка, которая начиналась: «Обойдемся без заграницы, даешь советскую электролампу!»

Когда Андрей сейчас на собрании читал эту заметку, на слушателей вдруг повеяло жаром тех пламенных полузабытых лет. Кузьмичу вспомнился почему-то длинный дощатый барак, где шло партсобрание ячейки волховстроевцев. И он, еще молодой, с залихватским чубом, слюня карандаш, писал резолюцию о том, как среди волховстроевцев не нашлось ни одной руки, которая поднялась бы на защиту троцкистов.

А Борисов увидел вдруг себя мальчишкой на первомайской Демонстрации.

Комсомольцы в зеленых гимнастерках, с кожаными ремешками через плечо, несли плакат: «Долой Чемберлена, Керзона и Муссолини!» С какой завистью он смотрел на них! А в «Колизее» шла картина «Водопад жизни» с участием Лилиан Гиш, и на афише большими красными буквами было написано: «Мировая картина». Кино было немое, пианистка в коротеньком, до колен, платье играла в течение всего сеанса то романс «Синие звезды», то марш «Турандот». В магазинах продавали первые детекторные радиоприемники. На рабочую окраину Березовку прокладывали трамвайную линию.

Игорю Ванюшкину, и Саше Заславскому, и Воронько и другим ребятам эти годы казались далекими, наивными и удивительными. Было смешно и непонятно, что тогда жили люди, которые не верили в план ГОЭЛРО, называли электрификацию электрофикцией, не верили, что можно построить Волховскую станцию, каких-нибудь пятьдесят тысяч киловатт. Это же просто темные люди!

Оставив трибуну с лежащим там конспектом, Андрей подошел к рядам, испытующе вглядываясь в эти молодые, свежие лица, смысленные, исполненные ожидания и доверия, лукавые, с озорным блеском в глазах, лениво-благодарные, мечтательные, ушедшие в себя. Дошла ли до них та главная мысль, на которую он нанизывал, казалось бы, разрозненные факты? Ему хотелось раскрыть героические возможности работы ученого, увлечь их приключениями смелой мысли. Тот, кто создает новое, тот живет опережая время. Вы мечтаете о будущем? Его можно создавать и в этих стенах...

Прошлое всегда кажется удивительным и романтичным. Куда труднее почувствовать неповторимую красоту сегодняшнего. Андрей не раз слышал разговоры о том, что молодежь утратила романтику первых лет революции, что остывает накал высоких идей, которые озаряли жизнь старших поколений большевиков. Давно снята надпись: «Райком закрыт, все ушли на фронт»... Ну и что ж, ничего плохого нет в том, что двери райкома открыты. Каждое время рождает свою романтику. Попробуем извлечь ее из наших будней. Пусть она пахнет потом, а не порохом, но добыть ее — значит стать достойными своих отцов. Ведь и нынешние годы станут легендарными, и сегодняшним комсомольцам будут завидовать внуки. Почему же нам самим не отведать счастья наших трудных дорог?

Не каждому выпадает свершать подвиги или стать великим, но каждый человек хочет сделать больше, прожить свою жизнь ярко и счастливо. Лучше всего это удастся тому, кто умеет в своем маленьком деле увидеть большую мечту.

...Ничего этого он не сказал. Жестко и безжалостно он предупреждал о тяготах и невзгодах на этом пути. Не ждите никаких радостей. Придется отдать лучшую часть своей жизни самой скромной, может быть безвестной работе, где, открыв важное, новое, нужно молчать об этом, проверяя себя недели, месяцы, напрягать все силы, чтобы опровергнуть собственные опыты.

Работать и не хныкать, если слава достанется другому. Уметь снимать в тысячный раз одну и ту же кривую с таким же увлечением, как и в первый раз. Без сожаления отдавать свои мысли другим. Выстоять, если окажется, что все усилия потрачены впустую и завтра придется все начинать сначала.

Он рассказывал о новых гидростанциях, о линиях передач, которые, подобно железным дорогам, свяжут Урал, Москву, Донбасс, Заполярье, Кавказ.

Только вместо эшелонов с грузом по этим линиям будет мчаться энергия — хлеб нашей индустрии, да и сами железнодорожные магистрали станут электрическими...

Обстоятельства рождения нового всегда неожиданные. Единственное общее в них — это потребность жизни, прорывающаяся сквозь любые случайности.

В 1943 году на фронте Андрей впервые столкнулся с потребностью в локаторе. Он не любил вспоминать об этом тяжелом дне и, конечно, умолчал бы о нем, делая обычный доклад. Но это не был обычный доклад.

Шел бой. Неожиданно прервалась связь с соседним полком. Связист с поисков обрыва не вернулся. Тогда на линию направился лейтенант Глеб Медведев — веселый, озорной парень, любимец полка и друг Андрея. Андрей сел за телефон. Через четверть часа и трубке что-то щелкнуло, и глухая тишина наполнилась живыми шорохами. «Незабудка» откликнулась раскатом взволнованно благодарной ругани. А Глеб не возвращался. После боя Андрей пошел вдоль линии, по следу, обозначенному примятой травой. Глеб, очевидно, полз под огнем, ощупывая провод. Из пересохшей канавы линия связи взбегала на насыпь.

Это было самое открытое и опасное место. Здесь Глеба ранило. На песке и пыльных листьях лопуха темнели бурые пятна крови. Провод был цел. Остаток пути Глеба четко обозначался густым пунктиром засохшей крови. Андрей скатился по ту сторону насыпи и возле ивняка увидел Глеба. Он лежал лицом к земле. Левая заокоченная рука повисла на кустах, сжимая зачищенные куски провода. После смерти он продолжал поддерживать связь. Часы на его руке звонко тикали, отсчитывая минуты его посмертной вахты.

Так и похоронили Глеба с проводом в руке.

Вот тогда Андрей подумал, что, если бы место обрыва было известно, Глебу не пришлось бы лезть на эту проклятую насыпь, он мог обойти ее и пробраться кустами к ивняку, где лежал разорванный провод.

Андрей открыл папку. Из вклеенного кармашка он вынул кусочек обыкновенного нулевого провода в серой ссохшейся обмотке. С этой минуты все глаза оставались прикованными к столу, где лежал провод.

— Проблема определения места повреждения линии, или, сокращенно, проблема ОМП, — говорил Андрей, — охватывает и военную связь, и телеграф, и электрические дороги, и электрические линии передач, и кабели...

Как бы приподняв асфальтовый ковер улицы, Андрей показал в глубине земли кабели. Они пересекали площади, забегали в подворотни, спускались на дно реки, огибали телефонные колодцы, пробивались сквозь фундаменты.

Тончайшая кровеносная сеть огромного города, несущая ему свет, тепло, энергию.

Сколько врагов имели эти хрупкие артерии! Горячие трубы теплопровода подсушивали изоляцию. Подземные воды размывали грунт, и он, оседая, вырывал кабель из соединительных муфт. От движения машин, трамваев вибрирует почва, и даже вязкая

свинцовая оболочка кабеля не выдерживает — трескается. Влага неумолимо, день за днем пробирается к сердцу кабеля, к медным жилам. Стена изоляции рушится. Кабель пробит — и могучая сила уходит в эту брешь. В какие-то доли секунды маленькие чуткие реле должны отозваться на случившееся и спасти от гибели генераторы на станции. Линия отключается. Останавливается завод. Погружаются во тьму улицы, замирает на полпути подъемный кран, стоят трамваи... Авария! Обессилели насосы водопровода. Застывает расплавленный металл в ковшах... Авария!

Не всегда есть резервный кабель, резервная линия. Надо немедленно отыскать место повреждения и отремонтировать линию.

За десятки, иногда и сотни километров от города расположена гидростанция. Через леса, овраги шагают металлические опоры, неся на вытянутых ажурных руках провода. Сколько времени понадобится монтеру, чтобы пробраться вдоль линии по бездорожью и найти повреждение! А если ночь, пурга?

Много лет ученые изыскивают способы ОМП. Разработано немало остроумных методов, но каждый из них годен только для частных случаев: когда оборванный провод касается земли, когда место повреждения в кабеле выгорело полностью.

Большинство методов неточны: где раскапывать кабель — здесь или через десятки метров? Представьте себе линию от Сталинграда, от волжских гидростанций в Москву, от гидростанции на Ангаре, восемьсот, тысяча, полторы тысячи километров — всю единую высоковольтную сеть нашей бескрайней страны.

Для этой техники нужен новый метод, точный, безошибочный, мгновенный. Такого прибора еще нет. Но он может быть построен на принципе радиолокации. И должен быть построен.

Андрей посвящает своих слушателей в трудности задуманного, останавливаясь там, где для него самого начинается область догадок и исканий.

После речи Лобанова никто в прениях не выступал.

— Какие суждения будут насчет резолюции? — спросил Ванюшкин.

Все молчали. Пека Зайцев замороженно следил, как Лобанов прятал обрывки телефонного провода. Ванюшкин задумчиво посмотрел на Зайцева, потом сложил бумажку с наспех набросанным проектом резолюции и сказал:

— Считаю собрание закрытым.

На улице Ванюшкин и Саша Заславский догнали Цветкову. Разговаривать не хотелось. Каждый думал о своем.

Сашу взволновал рассказ о локаторе. С горделивым мужеством он мысленно следовал за Лобановым по тропе, где на каждом шагу попадались останки предыдущих исследователей. Затем тропа кончилась, дальше простиралась местность, куда еще не ступала ни одна человеческая нога. И Саша вдруг зримо, почти физически ощутил Неведомое. Оно манило своими трудностями, оно говорило: смотри, не все еще открыто, и на твою долю остались белые пятна.

Да... во что бы то ни стало надо работать вместе с Лобановым над этим локатором.

На собрании Нина Цветкова сидела в первом ряду. Она несколько раз поймала взгляд Лобанова. Глаза у него совсем зеленые, пожалуй, это красиво.

Уши, правда, оттопыренные и слишком большие. А здорово он увлечен своим локатором. Все

же он обратил на нее внимание. Вполне естественно. Не на Веру же Сорокину ему было смотреть, у которой нос вздернут так, что ноздри как иллюминаторы — все видно. Почему на танцплощадках не встречаются такие, как Лобанов? Если бы она училась в институте, она бы легко, конечно, разобралась во всех этих схемах...

«Первое собрание без резолюции, — думал Ванюшкин. — За такую инициативу может жутко нагореть. Ну, а какие тут предложить практические мероприятия? — спросил он, защищаясь от воображаемых обвинений инструктора райкома. — Организовать кружок любви к науке? Или обязать каждого комсомольца увидеть большую мечту в своей работе? Пет, дорогой товарищ, это вам не обычное собрание, это вроде митинга перед сражением. Теперь, если дадут научные темы, ребята будут вкалывать как звери. А если не дадут? Ну и пожалуйста, тогда начнем воевать».

Игорь Ванюшкин выпятил челюсть, голенастые ноги его в лыжных ботинках чеканно застучали по асфальту. Как никогда раньше, он чувствовал себя вожаком того комсомола, который уходил на фронт, уезжал строить Днепрогэс и Комсомольск, взрывал фашистские эшелоны...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На Октябрьской станции Андрей познакомился с заместителем начальника цеха Рейнгольдом. У Андрея всегда вызывали интерес люди, одержимые какой-либо творческой идеей. К этим одержимым принадлежал Рейнгольд. Он третий год в одиночку разрабатывал автоматический синхронизатор. Автомат мог значительно облегчить сложную процедуру включения генератора. Когда речь заходила о его изобретении, Рейнгольд болезненно настораживался, и Андрею стоило больших трудов заставить его разговориться.

Тронутый участием Андрея, Рейнгольд робко упомянул про готовую модель автомата. Модель была у него дома. «Видите ли, так уж сложились обстоятельства...».

Рейнгольд смотрел вниз, как будто разговаривал с полом. Его манера держаться напоминала поведение человека, который в чем-то виноват и все ждет, что его упрекнут, высмеют или обругают.

Перед дверью квартиры Рейнгольд, смущенно улыбаясь, поднял руку и несколько раз провел ладонью над крохотной, едва заметной дырочкой. Замок щелкнул, дверь отворилась.

— Фотоэлемент? — улыбнулся Андрей.

Маленькая двухкомнатная квартирка была начинена всевозможными мелкими, остроумно выполненными автоматами. Стоило открыть дверцы буфета, и полки освещались скрытыми лампочками. Терморегулятор открывал и закрывал кран парового отопления.

Вторая комната была превращена в мастерскую. Четырнадцатилетний Толя, похожий на отца, такой же сутуловатый, тихий, с большими прозрачно-голубыми глазами, красил лаком деревянную панель. На аккуратном верстачке стояла модель автомата.

— Вот... всей семьей работаем, — пошутил Рейнгольд.

— Почему так получилось, что вам не помогли? — спросил Андрей.

Рейнгольд достал толстую папку с перепиской по поводу автомата.

Выяснилась шаблонная история: на первый образец отпустили средства, он получился не совсем удачным, продолжать отказались и предоставили Рейнгольда самому себе.

«Эх, Виктор, Виктор!» — возмущался про себя Андрей, разглядывая резолюцию Потапенко: «Предложить автору представить для испытания законченный образец».

— С тех нор я и заканчиваю, — пояснил Рейнгольд. Форменная дикость!

Напиши в газету — не поверят. Андреи разгневанно ходил взад-вперед, не соизмеряя шага с размерами комнатки.

Автомат, в котором заинтересованы все станции страны, мастерится на дому!

Надо требовать, добиваться, ехать в министерство! Андрея подмывало схватить маленького робкого Рейнгольда за плечи, встряхнуть его, закричать ему: «Черт возьми, чего вы боитесь?!» Но Рейнгольд одну за другой показывал копии писем и ответов, тщательно подшитые в пухлую папку. Он даже не винил Потапенко, — что ж, тот по-своему прав, требуя гарантии.

— Прав? Да разве так бывает, чтобы все сразу удалось! Демонстрируя свою модель, Рейнгольд оживился и впервые поднял голову, посмотрел прямо на Андрея. У него были печальные и умные глаза. Две глубокие морщины от ноздрей как бы поддерживали усталый рот.

Слушая этого человека, Андрей поражался блестящей выдумке, изобретательности, с какой он умудрялся самыми примитивными домашними средствами разрешать сложные экспериментальные задачи.

— Я вижу, нет худа без добра, — вырвалось у Андрея. Рейнгольд кивнул:

— Голь на выдумки хитра. Как говорит Кирилл Васильевич Долгин — материальные затруднения...

— ...обостряют ум ученого, — смеясь, подхватил Андрей. Эту фразу он уже выучил. — И все же надо драться, — настаивал он.

Рейнгольд тихо сказал:

— Я жаловался. Тут приезжал начальник главка... Толя, ты бы пошел, там, кажется, мама пришла... — Когда мальчик вышел, он продолжал: — Меня после этого перевели из начальников цеха в заместители.

— И это надо было обжаловать! Протестовать — это же ваше право, нет — долг!

Рейнгольд втянул голову в плечи.

— У меня семья, — сказал он. — Был бы я один... Квартира ведомственная. Мне уже намекали... — Он спохватился, замолчал.

Андрей тоже молчал.

— Мало ли какая оплошка бывает на работе. Переведут рядовым инженером, — с угнетающей убежденностью сказал Рейнгольд. — Разница все же четыреста рублей. Для нас — сумма значительная.

Жена Рейнгольда силой оставила Андрея ужинать. Она была полной противоположностью мужа — толстая, энергичная, с басистым веселым голосом, запаса ее жизнерадостности

хватало на всю семью. Несмотря на ее очевидное диктаторство, Андрей с удовольствием подметил своеобразное равновесие влияний: входя в мастерскую, она вела себя тихо и уважительно, и, наоборот, отец и сын, покидая свое царство, попадали под ее безусловную и требовательную власть.

Ужинали не торопясь. По тому, как обсуждали домашние дела, Андрей понял, что это был единственный час, когда семья собиралась вместе, и ему было приятно, что его присутствие не мешает.

Над дверьми замигала голубая лампочка, — вскипел чайник. Хозяйка ушла в кухню, и отец и сын, заговорщицки подмигивая Андрею, положили ей в тарелку кусок масла.

— Она изводит себя, чтобы похудеть, — пояснил Рейнгольд. — Не могу видеть, как она голодает.

Хитрость их была разгадана, и разразился шуточный скандал.

В присутствии жены Рейнгольд распрямлялся, виноватое выражение исчезало с его лица, он становился самим собою. Молодость их отношений поразила Андрея, и было понятно, почему Рейнгольд так дорожил своей семейной крепостью.

Как всякий холостой молодой мужчина, Андрей был беспощаден к людям, которые чем-то поступались во имя семьи. Но сейчас он полностью оправдал Рейнгольда. А оправдав, тут же, с места в карьер, предложил перенести окончание работы над автоматом в лабораторию и затем добиваться перевода туда Рейнгольда.

Рейнгольд смешался, томительно отмалчиваясь. Жена пристально посмотрела Андрею в глаза.

— По-моему, начинать надо с человека, а не с автомата, — грубовато, но совсем не обидно подумала она вслух.

Рейнгольд живо обернулся к ней:

— Видишь ли, Валюта, меня упрекали в иждивенчестве... Теперь это дело чести — самому кончить.

«До чего же разобидели человека», — подумал Андрей. Ему были хорошо понятны невысказанные опасения Рейнгольда. Не станет ли в лаборатории его автомат общим автоматом? Как же он тогда оправдает три года своей борьбы?..

Можно было привести много правильных слов, осуждающих эти чувства, но Андрей смолчал, потому что, ставя себя на место Рейнгольда, он испытывал такое же ревнивое собственническое чувство.

Андрей предложил другой вариант: лаборатория берет шефство над автоматом, предоставит людей, оборудование, но руководить работой будет сам автор.

— Вы сумеете выиграть время и закончить автомат через полгода.

— Через полгода! — Валя закрыла глаза и тихонько стиснула руку мужа.

— Пускай даже через год, — сказал Рейнгольд. Муж, жена и сын с волнением переглянулись.

— Ну вот... — глубоко вздохнула Валя.

Спустя минуту она шумно и весело горевала: такое событие отметить бы как следует, а ей —

какая обида! — на дежурство бежать.

Прощаясь с Андреем, она сказала тихо и быстро, так, чтобы муж и сын не слышали:

— Вы не знаете, что все это значит для него... и для нас. Рейнгольд вышел ее проводить в прихожую. В зеркале было видно, как она взяла его голову и долго целовала в щеку, потом кончиками пальцев стерла следы помады.

И Андрей почувствовал, как одиноки они были до сих пор в основном, в том, что составляло дело жизни Рейнгольда.

Когда Андрей стал прощаться, Рейнгольд задержал его руку.

— Я ведь неудачник, — улыбнулся он. — Чего вы связываетесь со мной?

Какой вам интерес?

Надежда его была еще такой пугливой.

— А черт меня знает, чего я связываюсь с вами, — с искренним недоумением сказал Андрей.

— Мне надо заниматься совсем другим делом.

На станциях в высоковольтных районах Андрея встречали с вежливой настороженностью. Ученое звание делало его человеком особого, другого мира.

В этом другом мире, в тихих лабораториях, люди работали над точными приборами, производили сложные, малопонятные расчеты, там создавали новые формулы, новые конструкции. Производственная обстановка с ее тревогами и заботами о подсобных рабочих, о кирпичах, смазочных маслах должна была казаться Лобанову мелочной, а на людей, работающих здесь, он, наверно, смотрел с жалостью. Приписывая ему это, энергетики, в свою очередь, припоминали наезды консультантов, их часто заумные рассуждения, никому не нужные исследования, которыми по несколько лет занимались в институтах и потом сдавали в архив.

У Андрея были свои, не менее убедительные, претензии к производственникам. Воспитанник Одинцова, он хранил обиды, нанесенные учителю. Ценные разработки не внедрялись годами... Нет, не стоит растревать себя. У него — ограниченная, узкая цель: он приезжал выяснить условия будущей работы локатора.

И все же, собирая нужный материал, он не мог удержаться и, проклиная свое любопытство, постоянно отвлекался. То его восхищали, казалось бы, самые элементарные для любого монтера вещи, и он без стеснения обнаруживал свое невежество, то он вдруг ставил и тупик опытных инженеров, подмечая такое, что никому и в голову не приходило.

Каждая станция была открытием. Гидростанции были разные, как реки, на которых они стояли. Теплостанции — одни работали на угле, другие — на торфе. Никогда еще так стремительно не пополнялись его знания. Он собирал и впитывал все, не отдавая себе отчета, зачем это ему нужно, охваченный жадностью познания, самой притягательной из всех человеческих страстей.

Роковую роль в этом играл Борисов.

— Как, ты до сих пор не познакомился с Краснопевцевым? — коварно изумлялся он. — Он же на Пролетарской станции усовершенствовал регулятор напряжения.

— Зачем мне твой Краснопевцев? — защищался Андрей. — Хватит. К черту!

Я должен заниматься своим делом.

Борисов умолкал и, выждав некоторое время, подступал с другой стороны:

— На Пролетарской установлен генератор с водородным охлаждением.

Любопытная штука.

— Плевать я хотел на генератор! Нужен он мне, как корове седло.

Отцепись от меня со своими воспитательными приемчиками.

Поостыв, он ворчливо, невзначай бросал:

— Генератор-то, наверно, какой-нибудь старый приспособили?

— Новенький. Последний выпуск, — невозмутимо сообщал Борисов.

— Ты коварный искуситель, — сдавался Андрей. «Искуситель» всяческими способами заставлял Андрея присматриваться на станциях к людям.

Должность энергетика была, по его словам, самая главная должность на земле. Энергетики давали людям свет, тепло, силу, — это была их продукция.

Бесстрашно и умно управляли они напряжениями в сотни тысяч вольт, гигантскими машинами, где бушевали потоки воды, раскаленный пар под давлением в десятки атмосфер. Их профессия требовала непрерывного общения со смертельной опасностью.

Чем лучше они работали, тем незаметней выглядел их труд.

Попадая на станцию, Андрей забывал о словах Борисова. Со всех сторон его влекли к себе всевозможные реле, моторчики, регуляторы. Среди них встречались его давние институтские приятели. Он обнаруживал их на станционных пультах, в жаре котельных, у занесенных снегом затворов плотин, в трансформаторных будках. Иногда он с трудом узнавал их. На пульте Пролетарской станции он отыскал регулятор напряжения, про который ему твердил Борисов. Когда-то в аспирантуре Андрей участвовал в конструировании этого регулятора. За толстым стеклом, пощелкивая, изящно кланялись рычажки, вертелись зубчатки. Малиново светились радиолампы сквозь решетчатый футляр.

Но что-то чужое появилось в приборе. Лак потрескался, помутнели никелированные части, сбоку торчали какие-то грубо приваренные щитки неизвестного назначения.

Андрей невольно потер ладонь, нащупывая следы ожога. Это случилось еще в институте, когда, налаживая прерыватель прибора, он, одурев от долгих неудач, схватился за включенный провод.

— Где ж тут прерыватель, что-то я его не вижу? — спросил он у дежурного инженера.

Тот лениво ткнул пальцем в сторону радиоламп. Андрей заглянул сквозь дырочки футляра и ничего не понял.

Он вспомнил слова Борисова и спросил, где Краснопевцев. Оказалось, что этот дежурный инженер с припухшим сонным лицом и есть Краснопевцев.

— Куда же вы убрали прерыватель? — повторил Андрей. — Я знаю, что он был, я сам работал над этим регулятором.

— Добрый регулятор, — дипломатично заметил Краснопевцев.

— Значит, не очень, раз прерыватель убрали, — начиная злиться, сказал Андрей. — Для чего вы это сделали?

— А без него много лучше, — спокойно ответил Краснопевцев.

Пока он объяснял, почему «выкинул» прерыватель, лицо и вся фигура Андрея изображали поочередно сначала недоверчивую усмешку, потом стыд, потом шумный восторг. Действительно, лучше и проще. Однако Андрей был не новичок в науке, он знал цену подобной простоте.

— До чего ж у вас мило получается, — покачал головой Андрей. — Взяли да выбросили. Вы мне, как говорится, очки не втирайте. Много пересчитывать пришлось?

Наконец ему удалось чуть-чуть растормошить этого увальня. Краснопевцев достал клеенчатую тетрадь, исписанную вычислениями.

— Помаленьку у нас начинают заниматься автоматикой, — заговорил он.

— Несколько институтов запрягли в эту колымагу. Недавно приехал автор одной схемы. А наши релейщики тоже вроде меня кое-что подправили в его устройстве.

Так вы бы видели, в какую амбицию ударился этот деятель. Мол, как смеее без моего ведома, тоже, мол, исследователи. Так что разные авторы бывают. С вашим братом уходи держи остро.

Расчеты Краснопевцева отличались той завидной инженерной простотой, которой так недоставало самому Андрею. Опираясь на метод Краснопевцева, следовало бы вообще пересчитать весь регулятор.

— Ого! — оживился Краснопевцев. — Вы шутите!

— Обязательно пересчитайте. Чрезвычайно любопытно может получиться.

Сонная дымка снова затянула лицо инженера. Глазки его спрятались за припухшими щеками.

— Кто? Я? Куда там! Времени нет. Я дежурный инженер, тут ничем отвлекаться нельзя.

Он подошел к панелям, строго осмотрел приборы, постучал согнутым пальцем по стеклу амперметра. На все доводы он отвечал так, как будто Андрей уговаривал его заняться какой-то забавой, — У нас так повелось, — спокойно приговаривал он, — там, где начинается дежурный инженер и начальник цеха, там кончается собственно инженер.

Спор их прервался приходом лысого круглолицего человека.

— Товарищ директор... — начал было рапортовать Краснопевцев, но директор махнул рукой:

— Оставь ты, ради бога, я отдохнуть пришел. Краснопевцев представил Андрея.

— Калмыков, — сказал директор и, усаживаясь в кресло, устало вытянул ноги. — Калмыков второй и последний. В армии меня так звали. Я ростом не вышел, в строю замыкающим стоял. Был у нас в роте еще Калмыков первый. А я, значит, Калмыков второй и последний. Чего смеетесь? Мне это было хуже острого ножа, мало что второй, так еще и последний. Ну теперь, слава богу, у меня есть еще Калмыков третий и не последний... — Он благодушно похотывал, радуясь возможности поболтать.

Разозленный упрямством Краснопевцева, Андрей слушал болтовню Калмыкова с

неприятно. Лысина сияет, толстый подбородок дрожит, сразу видно — человек самодовольный и хвастун.

— Ну так как же? — в десятый раз обратился Андрей к инженеру. Уж больно не хотелось ему отступить.

Вместо ответа Краснопевцев, хитро щурясь, передал Калмыкову содержание их разговора. Калмыков оглядел Андрея и промолчал.

— Вас это не интересует? — иронически спросил Андрей. Калмыков жалобно вздохнул:

— Не везет мне сегодня. Сбежал с диспетчерского, чтобы не ругаться, и попал в полымя. Пойдемте лучше на солнышко. И он двинулся к дверям, ведущим на трансформаторную площадку.

На открытом бетонном балконе стояли великаны трансформаторы. Солнце поблескивало на лакированных ребристых изоляторах, под серыми стальными кожухами слышалось довольное басовитое жужжание.

— Ох и славно! На таком молодом солнышке самое время нагорать. — Калмыков расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, ослабил галстук, блаженно подставляя солнцу черноволосую грудь.

— Ладно, — сказал Андрей в спину Калмыкову, — мы сами пересчитаем регулятор. Мы включим его в свою тематику. Но вам должно быть стыдно.

— А вам? — спросил Калмыков. — На пасху и в аду грешников не мучают.

— И после этого вы смеете упрекать ученых... Калмыков потер лысину жестом полной безнадежности.

— Разрешите, я вам байку одну расскажу. — Он вежливо взял Андрея под локоть и повел вдоль площадки, стараясь держаться солнечной стороны.

— Сын мой, Калмыков третий, будучи четырех лет, этой зимой так высказался. Елку мы устраивали. Я нарядился дед-морозом и вышел раздавать подарки. Назавтра спрашиваю его: «Нравится, Миша, подарок, что дед-мороз принес?» — «Так это ты был, папа», — говорит. Спрашиваю: «Чего ж ты кричал тогда: здравствуй, дед-мороз?» Он отвечает: «А чего ж, если вам нравится, пожалуйста». Этаким снисходительным тоном, как говорят с детьми. Я это к чему? Да к тому, что если вам нравится, пожалуйста, ковыряйтесь с этим регулятором. Считайте нас за детей. Считайте. Но не требуйте от нас восторгов по поводу ваших развлечений.

— То есть как развлечений? — почти спокойно переспросил Андрей.

Шедший сзади Краснопевцев предостерегающе кашлянул.

— Хороши, а? — спросил Калмыков, кивая в сторону трансформаторов. — Богатыри! Москвичи прислали.

— Нет уж, позвольте, — заволновался Андрей. Он стал перед Калмыковым, загораживая солнце. Зажмуренные глаза Калмыкова открылись, взглянули на Андрея холодно и твердо.

«Сейчас он пошлет меня к черту, — подумал Андрей. — Тогда я скажу ему все, что о нем думаю».

— Вы в котельной были? — спросил Калмыков. — Были? Ага, ну и каково ваше впечатление?

Неинтересно? Приборов мало новых? Так, так. Идите за мной, — жестко приказал он.

С неожиданной для тучного человека ловкостью он скатился по крутой, узкой железной лесенке, юркнул в тесный проход между горячими, обложенными асбестом трубами. Андрей, полусогнувшись, еле поспевал за ним.

Оказавшись на нижнем этаже котельной, они подошли к стенду, за которым сидел машинист. Огромный котел, высотой с четырехэтажный дом, обвитый трубами, лесенками, мостиками, гудел, сотрясая горячий, душный воздух.

Машинист, напряженно вытянув шею, безостановочно обегал глазами приборы, одна рука его нажимала кнопки, другой он подавал знаки помощникам. Они перебегали от одного штурвала к другому, вертели, открывая и закрывая заслонки. Лица их блестели от пота. Улучив свободную минуту, машинист схватил брезентовые рукавицы, подбежал к топке и, налегая грудью на железную шуровку, заворочал ею.

Калмыков потянул Андрея за рукав, подвел его к одному из штурвалов.

— Открывайте! — крикнул он на ухо. — Как раз меняют режим.

Андрей повернул теплое тугое колесо.

— Быстрее! — передавая знаки машиниста, он командовал, наставляя Андрея открывать заслонки.

«Подумаешь!» — пожал плечами Андрей. Через минуту ему уже пришлось скинуть пиджак, горячая испарина заливала шею. Калмыков командовал в нарастающем темпе. Андрей перекрывал клапаны, тянул какие-то рычаги, краны; надев рукавицы, толкал тяжелую шуровку, пламя из красного окошечка топки палило лицо. Воздух с каждой минутой густел. Андрей хватал его открытым ртом. Пот ел глаза. От непривычных усилий заныла поясница, но голос Калмыкова подгонял, не давая передохнуть.

Кочегары, стоя поодаль, белозубо ухмылялись. Только теперь Андрей начинал постигать тяжесть их работы. Ослепшего, задыхающегося, его посадили за пульт. Он вертел головой от парометра к указателям уровня, приходилось следить за тягомером, за газоанализатором и еще за десятками приборов, сигнальных лампочек, уровней.

Калмыков что-то крикнул Краснопевцеву, тот взял Андрея за руку и повел в застекленную кабину. Андрей обессиленно плюхнулся на табуретку. Вслед за ними вошли Калмыков и машинист.

— Притомились с непривычки? — участливо справился Калмыков. — Со сноровкой и то за день умаешься. Как, Разумов? — подмигнул он машинисту.

— Известно. Котлы наши старые. Сейчас кое-какую механизацию ввели, — закуривая, сказал Разумов. — Да и то, домой придешь, поел и — спать.

— Чуете? — благодушно спросил Калмыков. И вдруг без всякого перехода, на той же самой благодушной ноте, принялся колотить Андрея тяжелыми, как булыжники, словами. Краснопевцев только поеживался, остерегаясь, как бы свистящие вокруг удары не задели и его ненароком. Это был, как говорили на станции, «большой директорский разнос».

— ...Вас расчелтик привлекает, вы нам новый соус измышляете, а мы жрать, жрать хотим! Вы желаете нам маникюрчик навести, а нам бы до баньки дорваться. Мы с вашим регулятором напряжения еще десять лет спокойно поработаем. Вы бы лучше о Разумове позаботились. Почувствовали, каково кочегарам приходится? Вот для кого стараться вам положено! Чтобы у людей руки после смены не дрожали от усталости. У вас там, в заоблачных высях, ничего

такую неизвестно. Вчера являются ко мне из одного института: «Здравствуйте, мы вам разработали систему защиты от прямого удара молнии». А такой прямой удар у нас бывает раз в тысячу лет. И вот на этот случай наготовили специальных аппаратов. Серьезные люди. Кандидаты, доктора.

Измышляют, чем бы поразить бедных туземцев. «Ах, как так, год назад в „Известиях Академии наук“ напечатан новый метод расчета, а вы не знаете.

Варварство». А мне трижды на... на этот метод. Мне надо, чтобы Разумов вручную не вертел шибера. Но — молчи! Молчи или признавайся: виноват, мол, не читал про новый метод. Признавайся, иначе в рутинеры запишут.

Андрей сидел потирая шею. А они трое, как судьи, стояли перед ним.

Разумов покуривал, Краснопевцев непроницаемо шурился, а низенький толстый Калмыков, которого не брали ни жара, ни усталость, перекрывая шум, продолжал разделявать Андрея:

— ...Высасываете из пальца дикую, никому не нужную чепуховину. Жизни не знаете. Котлы — вот что надо автоматизировать! Котлы! Кто будет ими заниматься, по-вашему?

— Вы тоже хороши, — удалось наконец несколько оправиться Андрею. — Вот у Тарасова автоматика поставлена, а что толку?

— Ага! Делитесь на «мы» и «вы». Тут-то и корень всех бед. «Мы» и «вы».

А должно быть одно «мы».

Выйдя на улицу, Андрей глубоко вдохнул свежий весенний воздух. Кричали скворцы. На подсохшем асфальте девочки скакали по расчерченным «классам».

Андрей вспоминал вяжущий жар котельной, потные, напряженные лица кочегаров.

Хороший урок он получил сегодня. А Краснопевцева он доконает. Краснопевцев будет делать автоматику для котла. И Борисова, и Кривицкого, и Майю поставим на это дело. Ловко проучили его, ткнули носом, как щенка.

Заметив любопытные взгляды прохожих, он поднял воротник, пряча хмурую и неудержимую улыбку.

Автомат Рейнгольда был закончен на два дня раньше положенного срока.

Андрей добился перевода Рейнгольда в штат лаборатории, дал ему в помощь Борисова, и сочетание получилось удачное. Рейнгольд — прирожденный изобретатель, достаточно подсказать ему идею, и она выростала в виде готовой конструкции. Его буйное воображение следовало сдерживать, направлять, иначе он начинал изобретать все, что приходило на ум. Таким сдерживающим началом служил Борисов. Он обладал ровной, неунывающей уверенностью, великолепной памятью, много читал и трезво определял, что надо и чего не надо делать.

Предстоял заключительный этап испытания автомата на гидростанции. Туда решено было отправить вместе с Борисовым Рейнгольдом двух лаборантов — Нину Цветкову и Сашу Заславского. Относительно командировки пришлось договариваться техотделом. Однако Долгин, изображая суровую любезность, разъяснил, что поскольку эта работа в плане не значилась, то странно слышать о каких-то командировках.

— Как бы там ни было, работа сделана, — сказал Андрей, — автомат готов.

— Кто разрешил вам делать его?

— Мы делали его в счет будущего плана. Скоро новая тематика будет утверждаться, мы и включим туда автомат.

Тогда Долгин как бы между прочим вспомнил о ремонте приборов. Вопрос с командировками будет улажен при условии, если Лобанов возобновит прием приборов по указанию Долгина.

Предложение было сформулировано мастерски, скользко-безопасные фразы можно было застенографировать, и никто не усмотрел бы в них ничего плохого.

Суть крылась в оттенках да ударениях, но за всем этим стояло главное: «Я вам командировку и прочее, а вы мне ремонтируйте приборы. Согласны?».

Отказ Андрея был внимательно выслушан и взвешен где-то за ширмой этого плоского неподвижного лица.

— Однако ж нигде не сказано, что вашу тематику утвердят, — сказал Долгин.

Андрей уверенно махнул рукой:

— К тому времени мы выложим результаты. Победителей не судят.

Долгин задумчиво записал что-то в блокноте.

— Странная у вас какая-то позиция, товарищ Лобанов. Повсюду вам чудится борьба, — победители, побежденные... Вместо дружной работы... Борисов у вас тоже, очевидно, идет на поводу.

— Может быть, мы вернемся к делу? — сдержанно сказал Андрей. Он снова пытался вразумить Долгина. Как бы там ни было, факт остается фактом. Прибор готов — его надо испытать.

Долгин встал, оперся кулаками о стол. В такой позе он обычно открывал собрания.

— Что касается прибора этого Рейнгольда, техническому совету предстоит разобраться, следовало ли вообще его делать. А пока я вынужден вам напомнить установку наших партийных органов. — Металл зазвенел в его голосе. — Основой нашей деятельности служит план. Нарушение его — преступление против государственной дисциплины. План — это закон...

— Закон, да не самый главный, — тоже вставая, сказал Андрей.

— Вы скверно знаете установку вышестоящих организаций.

— А вы скверно изучаете политэкономия, — сказал Андрей ошеломленному Долгину.

Но это служило слабым утешением. Как бы там ни было, прибор надо испытать. Андрей решил отправить бригаду Рейнгольда под свою ответственность. Семь бед — один ответ.

Спустя два дня после отъезда бригады его вызвал Потапенко. За последнее время все дела с лабораторией техотдел вел через Долгина; Виктор дал понять Андрею, что, во избежание всяких толков, так будет удобнее, поэтому сегодняшний вызов встревожил Андрея.

Виктор молча поздоровался и протянул напечатанную на машинке бумагу.

В докладной записке на имя главного инженера сообщалось о резком ухудшении работы электролаборатории. Младший персонал предоставлен самому себе, инженеры во время

работы читают литературу... («Информация налажена! А вот какую литературу читают — не написали».) Упала труддисциплина, о чем свидетельствует увеличение числа выговоров и взысканий. («Так ведь требовательность возросла! Морозову вкатили выговор за опоздание — сами комсомольцы потребовали. Эх, разве можно так перевернуть все вверх ногами!..») Закупаются ненужные приборы. Нелегально был изготовлен автомат Рейнгольда. Самовольно послана бригада на ГЭС. Руководитель в лаборатории бывает мало...

Докладная была солидно оснащена цифрами и выглядела весьма убедительно.

Основной удар направлялся против Лобанова — человек, может быть, и знающий, но абсолютно неспособный руководить.

Откинувшись на спинку кресла, Виктор изучал лицо Андрея. Он знал заранее, что произойдет: Андрей сейчас рассвирепеет, «полезет в бутылку» и начнет опровергать пункт за пунктом.

С того момента как Андрей подал в техотдел проект новой тематики лаборатории, Виктор понял, что пришла пора решить дальнейшую судьбу Андрея.

Он честно оттягивал эту неприятную минуту. Совесть его была спокойна, он сделал все, чтобы предотвратить увольнение Андрея. Несмотря на нашептывания Долгина, он и виду не подал, что его затронула история с генератором.

Натянутые отношения Лобанова с начальством рикошетом задевали Виктора. «Ваш друг...» — спешили сообщить ему какую-нибудь новость о лаборатории. Виктор слушал с кислой улыбкой. Бесполезно было что-нибудь советовать Андрею — он делал по-своему. Мало того, он выступал с критикой техотдела: почему не занимаются перспективами развития системы, телеуправлением, новой аппаратурой. Лаборатория постепенно выходила из-под влияния Виктора.

Лобанов давал понять, что он не нуждается в указаниях. Его самостоятельность наносила прямой ущерб авторитету начальника техотдела. Так произошло с автоматом Рейнгольда. В свое время Виктор решил, чтобы этот неудачник сам довел до конца свою затею, с какой стати вмешиваться в это сомнительное мероприятие! В подобных делах следовало придерживаться мудрого правила: не будь первым, чтобы испытать новое, а также не последним, чтобы отбросить старое. Лобанов же делал демонстративный жест: полюбуйте, техотдел отверг, а мы, люди науки, оценили, пригрели. Следовательно, выходит, что в техотделе сидят консерваторы? Перестраховщики? Еще хуже получилось с планом.

Встречная, новая тематика противоречила всей прежней политике Виктора, она как бы объявляла неверными все его прошлые планы. Объективно план Лобанова «лил воду на мельницу» оппозиции внутри техотдела. Этот план подрывал репутацию Виктора как руководителя. Да и, кроме того, почему он должен брать на себя ответственность за фантазии Лобанова, на которых можно в два счета сломать себе шею.

Тонкий нюх Долгина с точностью до минуты определил наивыгоднейший момент вручения начальнику докладной записки. Виктору оставалось ее подписать и переслать главному инженеру. При нынешнем положении вещей отстранить Андрея от работы ничего не стоило. Достаточно одного факта самовольной командировки. Никто ни в чем не сможет упрекнуть Виктора.

Известно, как он всегда защищал Лобанова. Наоборот, будут говорить: вот пример принципиальности, не посчитался с дружбой.

Андрей читал бумагу, тихонько насвистывая. Это была его старая привычка: когда встречалось какое-нибудь трудное место в учебнике, он начинал посвистывать. Виктор вспомнил, сколько раз они скандалили с Андреем в общезитии, — им с Костей мешал этот

дурацкий свист. Андрей умолкал и через минуту, забывшись, опять начинал свистеть.

Теплое, чистое чувство старой дружбы вдруг охватило Виктора. Он привстал, взял бумагу из рук Андрея, сложил, разорвал ее.

— Точка, — улыбнулся он, и Андрей увидел перед собой прежнюю Виктора.

— Не будем к этому возвращаться. Оформи командировки своим беглецам, я подпишу.

— Есть, товарищ начальник, — весело подчинился Андрей. Они сидели молча, растроганные.

— Ох, Витька, Витька... — тихо вздохнул Андрей.

Они заговорили о новом плане. Виктор доказывал, что техсовет лобановский план не утвердит.

— Все твои проблемы им малопонятны. Игра с закрытыми картами. Впереди большие хлопоты и дальняя дорога... — Виктор прилег грудью на стол, понизил голос. — Возьмем из твоего плана главное — твой локатор — и давай включим его в мой план. Тогда мне удастся провести его через техсовет наверняка.

— Да, это будет легче, — нерешительно подтвердил Андрей.

— Ты развяжешь руки и мне и себе. А если ты будешь настаивать, чтобы приняли твой план целиком, то его завалят и вместе с ним завалится и твой локатор.

— Тебе виднее, — не то согласился, не то съязвил Андрей. Недавнее теплое чувство быстро исчезало. Будто тучи снова затягивали солнечный просвет. И лучше бы не было того просвета, после него еще темнее стало.

«Согласиться? — думал Андрей. — А что я обещал Калмыкову? А Разумову?

А Борисову?»

В течение месяца они мотались по станциям, ремонтным заводам, согласовывая, уточняя каждый пункт плана.

Внутри лаборатории возникали обиды и ссоры, потому что у каждого инженера нашлись свои выстраданные, давно лелеемые темы, а все предложения в план уместить было невозможно. Кривицкий притащил старые синьки — проект исследования распределения нагрузок. «Были когда-то и мы рысаками, — сказал он со своей обычной усмешкой. — Разрешите перенести этот прах на новое кладбище». Несмотря на это саркастическое предсказание, он несколько раз проверял, включена ли его тема в план. Борисов и тот, изменив всегдашней сдержанности, энергично пропихивал свою идею автоматизации переключений. Он напустил на Андрея своих друзей — монтеров подстанции, и они преследовали Андрея, упрашивая, доказывая, угрожая всякими бедами, если лаборатория не займется автоматизацией переключений. У всех было вложено в план свое заветное. Как они все вострепнулись! Сколько надежд было связано с этим планом! Советовались со станционниками, отбирали самые животрепещущие вопросы.

— А как же лаборатория? — медленно спросил Андрей. — Она по-прежнему будет изоляторы испытывать?

Виктор сочувственно пожал плечами. Как говорил Ленин: «Лучше меньше, да лучше».

Уж не считает ли он Виктора рутинером? Нет, дорогой дружок, в жизни двумя красками не

обойтись. С одного боку смотреть, и верно — консерватор, с другого посмотришь — государственный человек.

Причину многих бед Виктор усматривал в политике министерства. За невыполнение плана бьют смертным боем, а за автоматы да регуляторы — не было их, ну и еще год не будет. Консерватизм, перестраховка порождаются условиями. Человек сам по себе консерватором не рождается. В техотдел поступают сотни разных предложений. Чтоб некоторые из них проверить, требуются капитальные затраты. Откуда их взять? Министерство ассигнований на это не дает.

Виктор рассказал о непорядках в министерстве. А где, спрашивается, он имеет возможность критиковать министерство? Его, Виктора, критикуют и на станциях, и на производственных совещаниях, и в парткоме. А он? Попробуй он где-нибудь выступить! Ни одного вопроса потом в министерстве не решишь.

Он закончил, довольный широтой и смелостью своих взглядов.

— Наверное, приготовил для меня футлярчик с надписью: «рутинер», и я в этот футлярчик не укладываюсь. Так, что ли, признавайся? — рассмеялся он.

Многое в рассуждениях Виктора Андрей не мог опровергнуть, одно знал он твердо — в таких вопросах следует слушаться своей партийной совести.

Привести подобное возражение он не хотел, сразу представляя себе презрительную улыбку Виктора, — наивный, мол, идеалист. Но больше, чем возражения Виктору, его занимала сейчас судьба плана. Стыд охватывал его при мысли о том, что он может изменить товарищам. Пойти на сделку, пренебречь интересами лаборатории, всего коллектива ради своих собственных? Он с безрассудной откровенностью выложил все это Виктору.

— Ты вносишь слишком много психологии в административную работу, — устало и не без досады сказал Виктор.

Терпеливо продолжая уговоры, он с раздражением чувствовал, что его слова только усиливают внутреннее сопротивление Андрея. Лицо Андрея принимало все более серьезное и упорное выражение.

— Забываю все тебя спросить, — вдруг сказал Виктор, — ты встречаешься с Ритой?

Это было так неожиданно, так резко и Виктор при этом так испытующе прищурился, что Андрей оторопел, не нашел ответа и вслед за тем еще больше смутился от мысли, что это был какой-то прием.

Виктор удовлетворенно полузакрыв глаза, задумался. Потом он посмотрел на лежащие перед ним обрывки докладной записки, медленно скомкал их, задержался:

— Ну, так как же?.. Ты можешь удовлетворить мою просьбу? Намек был достаточно явный.

— С моей стороны, конечно, хамство, — смущенно пробормотал Андрей, сохраняя то же упорное выражение на лице, — но я не могу иначе, я буду драться за наш план.

Виктор бросил бумагу в корзинку и улыбнулся одной из своих самых покоряющих улыбок. Не можешь, и ладно. Что за счеты.

После ухода Андрея он распорядился собрать через два дня технический совет, предложил Долгину подготовить выступления.

Вечером Виктор поехал к Тонкову, а от него к Майе Устиновой. Он никогда у нее не был и с

трудом отыскал ее квартиру. В сложных положениях он предпочитал действовать решительно, быстро и необычно.

Майя удивилась его приезду, но Виктор без всякого предисловия приступил к делу. На локатор Лобанова надежда плохая. Таково мнение крупных ученых. Не возьмется ли Майя усовершенствовать существующий метод Тонкова? Это гораздо реальнее. Конечно, не одна, помогать ей будет сам профессор Тонков. Все необходимые условия ей создадут. Есть возможность, как говорится, утереть нос Лобанову. Вообще-то с ней поступили несправедливо. Виктор тут ни при чем, его, к сожалению, не спрашивали. Лаборатория стала скверно работать. Не сравнить с тем, что было... Помните, как мы с вами хлопотали насчет водопровода?

— Помню... Я не совсем понимаю, Виктор Григорьевич, ведь Лобанов ваш друг?

Она тихонько покачивалась на качалке. Виктор сидел на диване. Напротив, на стене, висела фотография мужа Майи. Он был моряк и находился в плавании.

— Да, — сказал Виктор. — Скучаете по вечерам?.. Я думал, что вы с удовольствием возьметесь за это дело. Вы единственный человек, кто может конкурировать с Лобановым.

Майя задумалась. Мечтательное выражение медленно проступало на ее лице.

— Ну что ж, я с радостью займусь... Конечно, Лобанов... Да, это будет трудно... — Она засмеялась и громко сказала: — Ну и хорошо. — Словно вспомнив что-то, она пристально посмотрела Виктору в глаза. — Но все же я не совсем понимаю...

Виктор почувствовал, что ему надо сейчас найти какой-то очень убедительный ход.

— Есть чувства посильнее дружбы, — серьезно и задумчиво сказал он, придавая своему лицу решительное выражение, как будто он хотел сказать что-то смелое и трудное. — Мне очень хочется сделать для вас что-нибудь хорошее.

Майя покраснела. Виктор искоса поглядел на нее. «Фигурка у нее славная, — подумал он. — Личико бесцветное, но фигурка славная. И глазенки ничего».

— Так что, видите, Майя, — он грустно усмехнулся, — во всяком деле ищите всегда личные интересы.

Он смотрел на нее тем особенным печальным взглядом, который говорил очень много и ничего. Виктор умел так входить в игру, что начинал по-настоящему переживать. Ему действительно стало грустно оттого, что Майя безразлична к нему, ему хотелось услышать от нее тоже какие-то хорошие, теплые слова.

— Ладно, Виктор Григорьевич, я возьмусь, — сдержанно сказала Майя, смущенно отводя глаза.

«Стоп, — сказал себе Виктор. — Не зарываться».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Окончив десятилетку, Нина Цветкова подала заявление в Технологический институт. Конкурс был большой, спрашивали по принципу: кончается билет — начинается экзамен. Преподаватели попались как на подбор — старики и придиры. При таких условиях трудно

добиться справедливости, оправдывала себя Нина. И вообще экзамены не отражают подлинных знаний человека... Нина провалилась, но не горевала и решила годик-другой отдохнуть. Она поступила служить секретаршей. Это была милая и симпатичная работа, кругом солидные, вежливые люди, отношение самое внимательное.

До сих пор она была ученицей, не очень прилежной школьницей, и все, а тут вдруг она почувствовала, что главное в ней не то, что она плохо решает задачки, а то, что у нее яркие глаза и красивые волосы. Она просто впервые почувствовала силу своей молодости и красоты. Ей нравилось флиртовать сразу с несколькими, заставляя их ревновать, писать ей красивые письма, каждый вечер приглашать ее то на танцы, то в театр. Она не преследовала никаких целей, она просто чувствовала себя счастливой оттого, что ее любят, ухаживают за ней, добиваются ее.

Обижало одно обстоятельство В Управлении сотрудники ухаживали за ней прежде всего как за секретаршей, на стороне же все серьезные, стоящие молодые люди, с которыми она знакомилась, почему-то первым делом спрашивали, кем она работает, и, узнав, что секретаршей, как-то менялись в обращении. Не то чтобы какие-нибудь вольности, этого она не допускала, но у них появлялось «воображение», отношения становились легкомысленными. Не было настоящего чувства.

Танцы, кино были для них всего-навсего отдыхом. Для нее же настоящая жизнь начиналась после работы.

«Лаборантка» звучало куда авторитетнее, чем «секретарша».

— Я работаю в электролаборатории. — Она научилась произносить эту фразу значительно, с утомленным вздохом.

Если разобраться, в этом вздохе была правда. Работа оказалась грязной, тяжелой и скучной. Заставляли разбирать образцы горелой изоляции, часами просиживать у стенда, записывая показания приборов. Она пробовала слушать пояснения Майи Константиновны.

— Понятно! — отвечала Нина и про себя думала: «Хоть бы я на четверть поняла».

Особенно ее смущал внимательный взгляд Лобанова. Проходя мимо, начальник лаборатории всякий раз задерживался и спрашивал, что она делает, зачем. Первое время она, приняв независимый вид, увиливала от прямых ответов. Работаю, ну и все тут... Но отшить его оказалось не просто. Всякий раз он допытывался, почему она включала то, а не это, и, когда он уходил, она чувствовала себя ничего не смыслящей девчонкой. У некоторых мужчин была такая манера ухаживать, но Лобанов не обращал внимания на ее внешность. И это тоже задевало ее.

Женщина со вкусом знает не только как нужно одеваться, но и как ей нельзя одеваться. Нина составила для себя новый идеал элегантной женщины.

Она сменила шелковые платья на синий халатик, такой же, как у Майи Константиновны, стала так же гладко, на пробор, зачесывать волосы. Она закончила безнадежную борьбу за маникюр и, чуть не плача, остригла длинные, миндалевидные ногти. Она стала подражать Майе Константиновне во всем, вплоть до строгой, сдержанной улыбки. Недостигаемой оставалась спокойная уверенность каждого движения Майи Константиновны.

Доклад Лобанова на комсомольском собрании произвел на Нину неожиданно сильное впечатление. Собственная жизнь показалась ей постной, скучной, никому не нужной. На следующий же день она попросила отпустить ее учиться в институт. Она заявила об этом Лобанову со всей непреклонностью человека, принявшего решение час тому назад.

Лобанов сидел за письменным столом, сжав голову руками, и пустыми, отсутствующими глазами смотрел на Нину. Перед ним лежали лиловая папка и раскрытый журнал.

— Вздор, — рассеянно произнес он, продолжая одобрительно кивать Нине.

Она удивленно остановилась. Он посмотрел на нее умоляюще, как бы прося о молчании. «Чудак, — подумала она, — честное слово, чудак».

— Простите, пожалуйста, — Лобанов тряхнул головой и поспешно сказал: — Обязательно надо учиться. Вам работать тяжело?

— Нелегко, — призналась она, не успев сообразить, к чему этот вопрос.

— Боюсь, что вы бежите от этой самой работы, — уже спокойно, целиком входя в разговор, сказал Лобанов. — Я про себя знаю. Между нами, мне тоже порою до того скверно, бегом бы убежал в институт.

— Вы? — недоверчиво сказала Нина.

— Вы загорелись, но, боюсь, это вроде как на сырые дрова плеснули керосином. Не обижаетесь? В институте будут свои трудности, и опять придется куда-то бежать.

Он вышел из-за стола и встал перед нею, заполнив собой всю комнатку.

— Идите в институт тогда, когда без него станет совсем неважно, когда ваша специальность вам начнет сниться по ночам, когда вам без нее свет будет не мил. Вам что сегодня снилось?

Нина покраснела, и оба засмеялись.

— Поработаем еще вместе... Вот когда вам станет тесно у нас и узнавать больше нечего, тогда приходите — честное слово, отпущу. Перед глазами Нины был его твердый подбородок, тонкая крепкая шея, на которой билась голубоватая жилка. По воротничку трикотажной рубашки тянулись неумело заглаженные складки. «Наверно, сам гладит», — подумала Нина.

Гидростанция, куда приехала бригада Рейнгольда, стояла посреди лесов, вдалеке от населенных пунктов. С высокой плотины, насколько хватал глаз, тянулась черно-зеленая кромка леса. У самого берега реки белели домики небольшого станционного поселка. Была середина мая. Прозрачной зеленью оделись березы. Цвела черемуха. Дни стояли сухие, теплые. Все свободное время Нина бродила по окрестностям. Ей хотелось побыть одной. От тишины, чистого неба ее тянуло на беспричинные слезы. Думалось о том, то она никого не любит, и пропадает молодость, и нет большого, настоящего чувства...

Ей вспомнилось детство, когда они с отцом — отец ее служил лесником — неделями пропадали в лесах.

Здесь, в доме приезжих, Нина вставала рано-рано. Она мылась из железного дребезжащего ручной мойки. Вода была вкусная, холодная до ломоты и тоже напоминала детство. Босиком Нина спускалась по скрипучей лестнице, садилась на крыльцо и долго смотрела, как просыпалась река.

Иногда в лес за нею увязывался Саша Заславский, иногда с ними шел и Борисов. Нине нравилось уводить их далеко в лес. Здесь она была хозяйкой.

Она заставляла их собирать голубые и белые пролески, и особенно — редкую желтую. У подножия старой ели она показывала густо раскиданную шелуху шишек — это «белкина столовка». Присев в кустах, они дождались, когда красноватая белка спрыгнула вниз и,

ухватив передними лапками шишку, принялась быстро выскребывать семена.

— Ружьецо, ружьецо бы! — страдал Борисов.

В нескольких километрах от ГЭС лежало большое озеро. Саша раздобыл лодку, и они вдвоем с Ниной отправлялись кататься.

...Почему-то считается, если от дождя на воде пузыри, то будут затяжные дожди. Вот под такой дождь с пузырями и попали однажды посреди озера.

Пристали к крохотному островку, сели под елку, а озеро все в пузырях, словно кто воду кипятит. Платице на Нине промокло, но было не жаль платья и приятно оттого, что не жаль и можно сидеть на берегу, смотреть на воду и не заботиться о том, нравишься ли ты в таком виде или не нравишься. Впрочем, она знала, что нравится. Но хотя Саша был милый паренек и ей нравились его толстые губы, курчавые короткие волосы, но сейчас, — сейчас ей было все равно.

На отмелях валялись ракушки. Нина принялась растворять их и щекотать улиток. Саша, выхваляясь, кидал в воду плоские голыши, они подпрыгивали — два... три... четыре «блина»!

— Удивительное дело, — сказал Саша, — ты совсем другая стала, как сюда приехали.

— Куда — сюда, на озеро?

— Нет, на ГЭС... Ты серьезнее, чем в городе. Нина отбросила ракушку и задумчиво спросила:

— Тебе нравится Майя Константиновна? Как человек?

— Мне нравятся блондинки, — с неумелой развязностью сказал Саша.

Нина надменно осмотрела его с ног до головы.

— Запомни: человек, лишенный непосредственности, становится посредственностью.

Эту фразу она слыхала от Майи Константиновны и не раз с успехом применяла ее.

— Майя Константиновна — толковый инженер, — сказал Саша, — но я предпочитаю Лобанова.

— А что в нем хорошего? — посмеивалась Нина и с удовольствием слушала, как Саша расписывал Лобанова. — Много ты понимаешь; по-моему, он бесчувственный человек, — заключила она и тут же перевела разговор на другое.

Саша ничего не замечал, он был счастлив оттого, что она разрешила ему накинуть ей на плечи пиджак и похвалила его за греблю.

Дождь перестал, прояснилось, они сели в лодку и поплыли по гладкому озеру-небу. Все небо было в озере. Они наезжали на облака, и Нина, перегибаясь через борт, видела свое лицо с мокрыми кудельками волос посреди серебряных гор. А ближе к берегу по воде протянулись четкие отражения деревьев. Опустив руку в воду, Нина трогала верхушки елей. Все было вверх ногами. Все было наоборот. Почему ты нравишься тому, кто тебе безразличен, а тот, кто тебе нужен, не обращает на тебя внимания?

На станции хозяином чувствовал себя Саша. Он показывал Нине станционные сооружения, они спускались в потерну — коридор, проложенный в теле плотины.

Там пахло холодной сыростью, и было жутко представить, что над головой мчится вспененная масса воды. Интереснее всего было стоять на мостике, над плотиной. Бетонная гребенка плотины расчесывала реку на множество водопадов.

Они свирепо грохотали где-то под ногами, мчались, крутились. Радужное облако водяной пыли висело над бетонными водоспусками, оседая холодными каплями на щеках.

— Какая силища пропадает! — кричал Саша.

Он возмущался, почему нельзя сделать плотину выше и сохранить эту буйную весеннюю воду.

— Ну их, гидротехников, — расстраивался Саша, — пошли на пульт, там я все знаю, что к чему.

Центральный пульт был действительно великолепен. Пульт всякой электростанции — это ее гордость. Ни в одно помещение не вкладывается такой заботы, как в помещение пульта. Чистота здесь доведена до предела. Любая хозяйка может лишь мечтать о подобном блеске. Начиная от мраморных панелей и до последнего, запрятанного под сеткой проводов болтика, все горело и сверкало. Даже старожилы, много лет изо дня в день принимая смену, не могли не любоваться светлой праздничностью пульта. Что ж тут говорить о новичках вроде Нины.

За стеклами перья самописцев («ябедники» — называли их дежурные) чутко вычерчивали кривые, вспыхивали разноцветные сигнальные лампочки, неслышно разговаривали на своем языке стрелки приборов. Одна стена пульта была стеклянной, сквозь нее виднелся машинный зал. Гигантские, похожие на черные зонты, генераторы мерно гудели.

А что творилось за панелями пульта! Вообразить только, что человек в состоянии разобраться в этом хитросплетении бесчисленных проводов, контактов, предохранителей.

Нина с уважением смотрела на Сашу.

— Я что, — самоотверженно признавался он, — вот Борисов... Но и Борисов и Рейнгольд уступали, по мнению Саши, Лобанову.

— Подумаешь, — дразнила она, — Лобанов!

Однако здесь, на станции, Саша становился неуступчивым и, как говорил Борисом, «вымещал на Инне всю свою любовь».

— А мне Морозов знаешь, что сказал? — нараспев говорила Нина. — Что твой Лобанов — карьерист. Ему нужно лишь сделать нашими руками этот локатор.

— Морозов — сплетник! Мы ему хвост прищемили, вот он и шипит! Неужели ты веришь?.. Нина, ты, по-моему, попала под влияние отсталых...

Всякий раз, когда разговор касался Лобанова, Нина начинала поддразнивать Сашу и с удовольствием слушала, как он приписывает Лобанову самые невероятные достоинства. Она не стеснялась поддевать на этот же крючок Борисова и Рейнгольда, но те были сдержаннее. Впрочем, Рейнгольд за последнее время стал куда общительнее. Первый месяц после его прихода в лабораторию из пего слова было не выдать. А недавно, когда Саша хвастался пультом, Рейнгольд рассказал о больших станциях, которыми управляют на расстоянии. Высокие ворота станции закрыты, в пустом светлом зале спокойно работают генераторы. На станции ни души. Пульт стоит за сотни километров, где-нибудь в Москве или Ленинграде. Дежурный подходит к этому пульту, всматривается в приборы и видит все, что творится на станции.

Работа на станции была первая в жизни Нины интересная работа. Никогда не забудет она день, когда опробовали смонтированный автомат. Рейнгольд, бледный, неловко, мучительно улыбаясь, повернул выключатель. Рука его дрожала. Нина впилась глазами в приборы. Она уже знала, что они должны показывать. И все же не она первая уловила мгновение, когда генератор мягко подключился. Первым сказал Борисов: «Вот и все». Он вынул платок, вытер виски и пожал руку Рейнгольду.

Эти мужчины какие-то черствые. Столько волнений, ожиданий, а когда, наконец, свершилось, слова путного сказать не могут. И все же минута была удивительная, у Нины навертывались слезы от радости за Рейнгольда, за всех.

Она никогда еще не испытывала такого счастья.

Явились сотрудники станции с поздравлениями. Принимали поздравления главным образом Саша и Нина, потому что Рейнгольд и Борисов были чем-то недовольны, шептались, заставляли Нину напаивать добавочные сопротивления, регулировать пружины...

Комиссию, приехавшую принимать автомат, возглавлял Потапенко. Заметив Нину, он издала приветливо помахал рукой:

— Ого, комбинезон, платочек... вас не узнаешь.

И все?.. Подойти постеснялся! А когда она работала секретаршей, явно ухаживал — на машине катал, духи дарил. Да... деловитый товарищ. Ну и плевать. Все мужчины обманщики... А все-таки Лобанов не такой. И, подумав о Лобанове, она почему-то опять пришла в хорошее настроение. Впрочем, Лобанов тут, разумеется, ни при чем, просто день был прекрасный. Теперь Рейнгольда поздравляли официально. Потапенко красиво говорил о содружестве науки и техники. Потом директор станции прочитал приказ с благодарностями всей бригаде. Нина услышала свою фамилию. К ней оборачивались, смотрели; чтобы не покраснеть, она наклонилась к Саше и сердито попросила перестать жать ей локоть.

Продолговатый лакированный ящик автомата висел, надежно приболченный, на боковой панели.

Завтра они уедут, думала Нина, а автомат останется здесь работать. И когда бы ей ни пришлось попасть сюда, она всегда сможет с гордостью спросить у дежурного: «Ну, как поживает наш автомат? Довольны им?» — «Спасибо вам, — скажут ей. — Теперь красота: нажал кнопку, и никаких забот...» Жаль только, что Лобанов не приехал. Он услышал бы приказ и тоже оглянулся бы на нее.

Ее отвлек Рейнгольд. Он сидел рядом с ней и весь подергивался. «Я не могу, — говорил он Борисову, — что ж это происходит, товарищи...»

Из их разговора Нина поняла, что работу над автоматом необходимо продолжать, а станция и комиссия постановили включить этот единственный образец в эксплуатацию.

— Я выступлю, — сказал Борисов. Рейнгольд схватил его руку.

— Тогда выступайте сами, — рассердился Борисов.

Нина улыбнулась, — чтобы Рейнгольд да выступил! «Гиблое дело», — подумала она. Но в это время Рейнгольд с отчаянием махнул рукой, встал и заговорил. Он чем-то сейчас напоминал горящую головешку, которую хотят сунуть в воду, а она, отфыркиваясь, трещит и стреляет колючими, обжигающими искрами.

Жора Галстян, дежурный техник, сверкая глазами, прошипел Саше Заславскому:

— О себе заботитесь. Стыдно. Это вы его настроили.

— Автомат не вам одним нужен, — так же яростно отвечал Саша. — Его отработать надо, чтобы на всех станциях можно было установить...

— Ну и отработывайте. Нам и этот хорош.

Они уже ругались вслух, Рейнгольда было плохо слышно, он говорил, обращаясь только к Потапенко, подступал к нему вплотную и тыкал, тыкал маленьким костистым кулачком.

Саша призывал Нину в свидетели, она отмалчивалась. В душе она была на стороне Жоры Галстяна, ей было жаль прекрасного чувства удовлетворения завершенностью работы. Зачем Рейнгольд испортил такой чудесный день?

Потапенко поднялся, прерывая Рейнгольда, и, вкладывая жесткую силу власти в свои слова, подтвердил, что прибор пока остается на станции, вопрос о дальнейших работах решится особо.

— Найдем возможности, — сказал он, но все понимали, что это просто формула прекращения скандала.

Жора Галстян ликовал.

— Слыхал? — допытывался он у Саши. — Учись, как государственно решать вопросы.

Борисов отозвал Нину в сторону и приказал немедленно ехать в город разыскать Лобанова, пусть он телеграфирует, как быть. К ним подошел Рейнгольд, он вовсе не походил на побежденного. Нину поразила перемена, которая произошла с этим человеком. Движения его стали размашистыми, голос громким, кепка сдвинулась набок, глаза злющие и веселые, как будто он радовался чему-то. Начал он возбужденно, с половины фразы, словно продолжал разговор:

— ...неужто я люблю станцию меньше их!

Один из станционных инженеров тронул его за плечо и встревоженно сказал:

— А знаете, Рейнгольд, Виктор-то Григорьевич остался недоволен вашим выступлением.

Рейнгольд передернул плечами.

— Да? Ну и пусть. — Он повернулся к Борисову. — А с благодарностями их — вот... — Он помахал перед носом Борисова выпиской из приказа и с мрачным наслаждением скомкал ее.

Борисов слабо поморщился:

— Зачем горшки бить!..

К городу Нина подъезжала воскресным утром. Перроны были запружены народом. Поминутно, с короткими гудками, отходили электропоезда. Мимо Нины спешили веселые компании с чемоданчиками, волейбольными мячами; светлые краски костюмов, крики мороженщиц — все это оглушило и ослепило Нину после лесной тишины.

— А ведь это Нинок! — услышала она вдруг. Чья-то рука опустилась на ее плечо. То был Ленька Морозов и вся ее старая компания. Они стали уговаривать ее поехать на взморье, милостиво прощая ей непростительный костюм. Какая может быть работа в воскресенье! Работай, но помни, что ты не лошадь! Она не сразу отказалась, успев оценить свою самоотверженность. Пробиваясь сквозь толпу, на всякий случай внимательно смотрела по

сторонам. Высокий широкоплечий мужчина в белой безрукавке, под руку с женщиной, читал расписание поездов.

Что-то показалось знакомым Нине в наклоне его спины. Мог же поехать Андрей Николаевич за город в воскресенье? Она поспешила вперед, неприязненно косясь на женщину, со злорадством отмечая ее жилистые ноги, бесформенную талию.

Зайдя сбоку, она увидела близоруко сощуренное чужое лицо с мочальной бородкой. Собственная радость несколько смутила ее.

Прямо с вокзала она поехала к Лобанову. Стоя в трамвае, она как-то особенно остро осознала, что едет к нему домой. Ей стало не по себе.

Нервничать, положим, нечего, держать себя она, слава богу, умеет. Туфли вот на низком каблуке. Надо было заскочить домой, переодеться. Костюм этот тоже ей не очень идет.

Она подошла к дверям его квартиры совсем расстроенная.

Лобанова дома не оказалось. Толстенькая румяная девочка, участливо посмотрев на обескураженное лицо Нины, крикнула в глубину квартиры:

— Мама, тут дядю Андрея просят! Вы к нам приехали? — спросила она, глядя на чемоданчик в руке Нины.

— Таня, ты что же гостей не приглашаешь? — спросила женщина в переднике, выходя в прихожую. Выслушав Нину, она попросила ее подождать и провела в комнату Андрея Николаевича. Скоро вернется отец, он знает, где Андрей.

Женщина извинилась и ушла в кухню, оставив Нину с девочкой.

Нина огляделась. Комната была небольшая, продолговатая, с окном во двор. Снаружи, во всю ширь окна, приделан ящик с цветами. Вдоль стены висели грубые некрашенные полки, плотно заставленные книгами. Вещи чувствовали себя здесь гостями, они жались по углам — несколько стульев, кушетка, тощий шкаф.

По-хозяйски расположился один лишь письменный стол, деловито неряшливый, закапанный чернилами, заваленный бумагами. Поверх раскрытой книги лежала коробка с карамельками и велосипедный насос. Это почему-то успокоило Нину, она спросила девочку:

— Твоя мама — сестра дяди Андрея?

— Сестра, — сказала Таня и, считая знакомство завязанным, сообщила Нине наиболее важные события: — Дедушка вернется скоро, он ушел в контору домохозяйства, там сегодня открывают игрушечную библиотеку. Это дедушка придумал. Дядя Андрей говорит, что это хорошая... приятие, — запнулась Таня.

Нина, смеясь, поправила:

— Мероприятие.

Она подошла к столу. На стене висел портрет Маяковского с собачкой на руках. «Куплю сегодня книжку Маяковского», — подумала Нина.

Андрей с утра сидел в Публичной библиотеке, просматривая американские журналы.

Наморщив лоб, он пробежал глазами сообщения о водородной бомбе. С научным бесстрашием авторы вычисляли, какой мощностью должна обладать водородная бомба,

чтобы радиус ее теплового действия был двадцать миль.

Обсуждались различные проекты отравления рек радиоактивной водой. Всеобщий интерес вызывала проблема: достаточно ли взрыва кобальтовой бомбы, чтобы прекратить человеческую жизнь на земле. Компания «Белл- телефон» в рекламной статье сообщала, что ею возглавляется серийное производство ядерного оружия.

Белл... вспоминал Андрей...

Изобретатель телефона. Юношей Белл желал работать над слуховым аппаратом, мечтая помочь глухонемым. И вот через три четверти века его фирма работает над аппаратами, мечтая ими уничтожить миллионы людей. Да, думал он, эти личности давно бы пустили в ход свои бомбы, если бы у нас не было подобных бомб. И поэтому мы будем иметь то же, что имеют они, и даже больше, чтобы весь мир мог спокойно жить и работать.

В журналах Андрей искал сведений о докторе Раппе. Полгода назад Рапп опубликовал несколько интересных данных о прохождении коротких волн по проводам. Судя по всему, Рапп подходил к той же самой проблеме, над которой работал Андрей, подходи и оригинально и совсем с другой стороны. С тех пор больше никаких сообщений о работах Раппа не появлялось. Вот и сейчас, тщательно просмотрев последние номера журналов, Андрей опять ничего не нашел. Молчание Раппа его несколько удивляло и беспокоило. Раньше статьи Раппа печатались регулярно. В прошлом годовом обзоре ассоциация американских ученых рекомендовала доктора Раппа как одного из талантливых молодых физиков Штатов. Откровенно говоря, Андрея подстегивало наличие такого серьезного соперника. Иногда не мешает, чтобы тебе наступали на пятки. Может быть, его работы засекретили? Маловероятно. Пока что исследования носили чисто теоретический характер. Поймав себя на чтении некрологов, Андрей улыбнулся — мало ли что могло случиться с Раппом: заболел, поссорился с шефом, наконец, мог наткнуться на какое-то препятствие. На какое?

Заметив перед своим столом Нину, он механически поздоровался с ней, не удивляясь ее появлению, но, как только она начала рассказывать о том, что произошло, он вскочил.

— Эх, черт! — выдохнул он, мгновенно наливаясь гневом. Пока он сдавал журналы, Нина оглядывала большой светлый зал, уставленный рядами письменных столиков, за которыми сидели старые и молодые люди. Тишину нарушал только шелест страниц, а за высокими окнами бушевал веселый солнечный день, и Нина старалась понять этих людей, жертвующих таким славным воскресным днем. Среди них были красивые, нарядно одетые девушки. Среди них был и Лобанов. Никто не заставлял их сидеть здесь, — это же не студенты, которым волей-неволей надо готовиться к экзаменам...

Лобанов потащил ее на улицу.

— Форменный грабеж, — ругался он на ходу. — Захватили автомат, как пираты. Зарабатывают себе дешевую популярность. А?

Нина не знала, что отвечать. Он круто повернулся к ней, так, что они чуть не столкнулись.

— Решать надо немедленно. А что решать?.. Опять все вверх тормашками!

Опять локатор побок, занимайся чужими делами... До каких пор мне так разрываться... К черту! — он размахивал своими кулачищами прямо перед ее лицом. И хотя она понимала — будь на ее месте другой, Лобанов обратился бы к нему с теми же словами, — она была рада тому, что он делится с ней своей досадой. Охваченная сочувствием, она шла с ним, робко заглядывая ему в лицо, еле поспевая за его крупным шагом.

— А Рейнгольд-то каков! — вдруг засмеялся Лобанов. — Нет, вы вздумайте. Рейнгольд-то! Выступил против Потапенко. Так и сказал, да?

Нина повторила рассказ о Рейнгольде.

— Что же нам делать? — успокаиваясь, спросил он, обращаясь к ней, именно к ней. По тону его голоса она поняла — он действительно ждал ее помощи. Она считала себя просто курьером, а он обращался к ней как к товарищу. Ей страстно захотелось придумать что-нибудь удивительно умное. Как назло, в голову лезла всякая чепуха, вроде того чтобы украсть автомат. И почему она такая глупая?

— Чего вздыхаете, устали? — спросил Лобанов. — Давайте чемоданчик, я свинья — не заметил.

— Да нет, ничего, — смешалась Нина. — Андрей Николаевич, а главный бухгалтер не мог бы нам помочь?

— При чем тут бухгалтер?

Когда она была секретарем, ее всегда поражала власть главного бухгалтера; перед ним склонялись самые строптивые начальники, его слово было законом для всех.

— Пойдите, Нина, — закричал Лобанов, — вы гений! Эх, телефон бы его домашний.

Чего-чего, а это сколько угодно! Заученные номера телефонов всех начальников — это, пожалуй, единственное, что она вынесла из своего секретарства.

Они стояли рядом в тесной будке. Лобанов разъяснял главному бухгалтеру смысл случившегося:

— ...Придется изготавливать автомат заново, это вчетверо удорожит исследования.

Потом он прикрыл микрофон и, сияя своими зелеными глазищами, шепнул Нине: «Ругается!»

Нина слышала, как главный бухгалтер кричал:

— ...Не разрешу им принять на инвентарь!

— И не дадите нам ни копейки денег на новый автомат? — спросил Андрей.

— Не ругаю, а обнимаю. Вы защитник науки. Вы... вы богиня Минерва!

Они выскочили из будки, Лобанов сиял.

— За Минерву он не обиделся? — тоже улыбаясь, побеспокоилась Нина.

— Старик гимназию кончал... Да и чего обидного? Вы тоже Минерва!

Она не совсем поняла, что он хотел этим сказать и кто такая Минерва, но, несомненно, это было что-то хорошее.

Они забежали на почту, послали ликующую телеграмму Борису.

— Давайте отпразднуем нашу победу, — сказал Андрей. — Пойдемте в кино?

Она не видела, не слышала того, что творилось на экране. Рука ее лежала на подлокотнике, плечо слегка касалось плеча Андрея. Однажды он накрыл ее руку своей рукой, он сделал это так просто, что она поняла, насколько это несерьезно. С этого момента она сидела, боясь

пошевельнуться, ожидая, когда он опять возьмет ее за руку. Его рука была где-то совсем рядом, она чувствовала тепло его кожи. Неверные голубые отсветы падали на его лицо. Он был целиком поглощен картиной, наклоняясь к Нине, приглашал ее посмеяться или посочувствовать. Нина уселась поудобнее и переместила руку. Теперь их плечи, их локти плотно прижимались друг к другу. Но вскоре Андрей отодвинулся, уступая ей место. И она потеряла то, что имела. Рука ее лежала такой одинокой...

Сколько молодых людей вот так же, в кино, пожимали, ласкали ее руки, ей было приятно, но она никогда не стремилась к этому, не ждала этого. Сейчас же самым главным в жизни казалось ей прикосновение его руки. Она была бы счастлива, возьми он ее пальцы в свою широкую ладонь. Ничего, ничего ей больше не надо.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Поддержать Лобанова на техсовете мог директор Пролетарской ГЭС Калмыков. За несколько часов до заседания Потапенко позвонил Калмыкову и попросил немедленно подготовить ответ на письмо министра.

— Ах да, техсовет, — рассеянно спохватился Потапенко. — Ну ладно, ладно, твое счастье, можешь не приезжать, пришли кого-нибудь.

Придвинув список членов технического совета, Виктор поставил минус против фамилии Калмыкова. Борисова тоже не будет... Ну, теперь вроде все. В каждом деле нужна подготовка. Управлять людьми — значит предвидеть. И Виктор даже немного жалел Андрея. А вообще ему полезно будет. Сегодня, дружище, тебе предстоит убедиться, что есть еще и другая наука и что с Виктором Потапенко бороться не следует. Потапенко может взять тебя за шиворот, как щенка, и отщелкать по носу. И сделает это он даже не своими руками.

Вопрос о новом плане работ лаборатории стоял последним в обширной повестке дня. Андрей хотел было протестовать, но, заметив, отсутствие Калмыкова, промолчал, надеясь, что вскоре Калмыков подойдет. Через полчаса вместо Калмыкова появился Краснопевцев, союзник, как понимал Андрей, малоавторитетный.

Воздух посинел от табачного дыма. Напряженное ожидание утомило Андрея.

Заседание шло третий час. Члены техсовета тоже устали. Некоторое оживление внес приезд профессора Тонкова.

— Вы разрешите? — стоя в дверях и кланяясь, приятно пророкотал он.

Долгин вскочил, освобождая кресло. Тонков поздоровался с главным инженером, с Потапенко, величественно кивнул остальным и уселся, положив перед собой толстый портфель желтой кожи с монограммой.

— Товарищи, мы пригласили сегодня на заседание Юрия Ильича Тонкова, — провозгласил Потапенко, не глядя на Андрея.

Главный инженер придвинул гостю план работ лаборатории, рассказывая вполголоса, о чем идет речь.

Тонкову нравилось почтительное внимание, которым встречали его производственники. Он считал себя главой школы, ему полагалось руководить институтом, раздавать идеи. Тратить силы на научную работу он не мог и считал неразумным. Он использовал молодых, они росли

под его руководством, они выполняли его исследования, и он позволял им быть соавторами, так было лучше для них, по крайней мере их печатали без промедления. Он еле успевал бывать в различных комиссиях, комитетах. Он испытывал удовлетворение от непрерывного потока телеграмм, пригласительных билетов, повесток. Ему нравилось жаловаться на свою загруженность. Он был значим, нужен. И кто знает, может быть, действительно на нем держалась наука?

Когда наконец добрались до последнего пункта повестки дня, кто-то предложил перенести вопрос об электролаборатории на следующее заседание.

Главный инженер посмотрел на Лобанова.

— Обязательно, обязательно надо обсудить сегодня, — горячо сказал Андрей.

Все задуманные Андреем мероприятия упирались в утверждение плана.

Десятки раз Андрей требовал от главного инженера дать возможность лаборатории заниматься хотя бы несколькими научными исследованиями и постоянно наталкивался на какое-то вязкое, изнуряющее, непонятное противодействие. Если бы ему сказали твердое «нет», он мог бы потребовать объяснения. А то все соглашались, кивают головами... и все на этом кончается. Нет, не кончается, а тянется, тянется без конца. И не придерешься — говорят радушно, искренне: «Разумеется, вот только утвердим план, и тогда — пожалуйста». Все ссылались на план; таким образом, от плана зависело и направление работ, и создание его собственного локатора, и оборудование.

Потапенко неожиданно поддержал Андрея.

— Мы этот вопрос решим быстро, — сказал он, показывая, что отстаивает интересы лаборатории, и в то же время низводя обсуждение в разряд тех удобных, незначительных дел, когда от членов совета требуется лишь проголосовать.

Докладывая о своем новом плане, Потапенко говорил как о предрешенном вопросе, устало, почти небрежно, останавливаясь лишь на наиболее выигрышных местах. Для каждого предприятия у Потапенко был приготовлен сюрприз. Пожилой мастер, кабельщик Наумов, посплюнув карандаш, записал себе: «Электронагреватель».

— Давно пора. Костры жжем на улицах. Срам, — пробормотал он.

— Может быть, кое-кому покажется, что в плане мало чисто научных работ, — сказал в заключение Виктор, — но нам следует в этом году прежде всего обеспечить насущные нужды наших предприятий, поднять элементарную культуру производства, а за тем уже приняться и за высокие материи.

Все понимающе улыбнулись. Виктор так же мягко и устало ответил на вопросы и, собрав бумаги, уселся по левую руку от главного инженера.

— Какие будут суждения? — спросил главный инженер.

— Ясно, — пробасил с места директор Комсомольской Тарасов. — План правильный. Лишь бы выполнили.

Слово предоставили Лобанову. Резкий звук его голоса сразу согнал миролюбивое настроение. После мягкой речи Потапенко слова Андрея резали слух своей грубостью.

Он сам чувствовал, что взял излишне круто, что аудитория раздражается против него, но поведение Виктора, и подозрительный приезд Тонкова, и вся обстановка, которая явно складывалась не в пользу Андрея, вынуждали его рисковать.

— У нас сильный коллектив, средства... А вы хотите из пушки по воробьям. Разве так надо использовать нас? Кто же будет решать настоящие проблемы технического прогресса? Выходит, не кому. «Электронагреватели»... — с издевкой повторил он. — Воз можно, для технического отдела это верх науки.

А я гарантирую: вот вы, товарищ Тарасов, поручите это любому инженеру на станции, он сделает нагреватель с тем же успехом, что и мы.

— Как же, больше нам делать нечего, — отозвался Тарасов. Главный инженер постучал карандашом. Чем безнадежнее становилось положение Андрея, тем яростнее он нападал. Вместо плана Потапенко он призывал утвердить план настоящих научных работ. Тут были и усовершенствование автомата Рейнгольда, и автоматизация управления котлами на теплостанциях, и локатор.

Он критиковал каждого из двадцати человек, сидящих перед ним за длинным, крытым зеленым сукном столом, он обрушился на главного инженера и директоров станций, испытывая радость уже оттого, что наконец начался открытый бой.

— ...Вы, товарищ Пятников, прославились наладкой приборов, — обращался он к монтеру Пятникову, — а вдуматься, так все ваше умение от нашей отсталости идет. Приборы наши давно пора выбросить и поставить вместо них автоматы, освободить людей от тяжелого труда. Давно пора. Вы не виноваты, товарищ Пятников, но, честное слово, вы мне напоминаете старорежимного писаря с гусиным пером, когда кругом стучат машинистки...

— Регламент! — строго напомнил Долгин.

— Сколько вам надо? — спросил главный инженер. Андрей попросил десять минут, члены совета зашумели. Андрей, ни слова не говоря, сел на место.

Перед ним положили записку: «Правильно. Только не горячитесь». Подписи не было, и эта трусливая поддержка не обрадовала Андрея. Он почувствовал усталость. Мускулы лица ослабли, голова стала тяжелой. По когда начал выступать Наумов, он словно ожил.

Потапенко ввел Наумова и Пятникова в техсовет в качестве парадных фигур: представители рабочих. Заслуженный мастер, Наумов выступал крайне редко, это был добрый, очень мягкий человек из той категории безответных, скромных работяг, для которых легче проработать целый день, чем сказать пятиминутную речь. Однако сейчас, конфузливо тиская в пепельнице дымящую папироску, Наумов сказал, что все же локатор им, кабельщикам, понужнее электронагревателя.

Вслед за Наумовым выступил Пятников и бойко отчитал и Наумова и Лобанова. Не касаясь существа дела, он начал говорить о рабочем классе, о техническом прогрессе, о том, что Лобанова не интересуют инициатива рабочего класса, ему ничего не стоит обидеть рабочего человека.

Все помнили, что ничего такого Лобанов не говорил, но Пятникову сочувственно кивали и успокаивали его, укоризненно поглядывая на Андрея, — разве можно обижать рабочего человека, да еще знатного нашего рабочего.

Андрей с надеждой посмотрел на Краснопевцева, тот опустил глаза, лицо его стало сонно-безразличным.

«Герой коридора», — презрительно подумал Андрей.

Однако у Лобанова нашлось несколько неожиданных приверженцев. Инженер высоковольтных линий передач сказал:

— В Америке на заводах существует особая должность — «думающий инженер». Он занимается исключительно рационализацией. Ходит по цехам и думает. Его обязанность дать в год экономии на такую-то сумму. Вникните, товарищи, какое уродство: один думающий инженер, и то за деньги.

— Зачем им думать, завод чужой, — сказал главный инженер. Говоривший повернулся к Тарасову и, воинственно указывая на него пальцем, перешел в нападение:

— Плохого вы мнения о наших инженерах. Бойтесь доверять им. А они с удовольствием займутся небольшими исследованиями. Не возьмутся — так заставим. А лаборатория пусть и впрямь высокими материями занимается.

— Высокая-то высокая, да чтобы материя была, — усмехнулся главный инженер.

Виктор улыбнулся вместе со всеми, хотя ему вовсе не было смешно.

Подобно опытному врачу, который бдительно следит за пульсом больного, он сразу почувствовал неприятные перебои в ходе заседания. Что-то переменялось.

Как ни мало было сторонников у Лобанова, их слушали с каждой минутой внимательнее. Последняя реплика главного инженера звучала вполне одобрительно.

Виктор видел, как Андрей поднял голову, и, внимательно слушая, быстро записывал. Наверно, думает снова выступить. Губу закусил, лицо спокойно, что-то придумал. Виктор незаметно кивнул Долгину.

Опираясь кулаками о край стола, Долгин дождался особой, многозначительной тишины. Если бы никто не понимал языка, на котором он говорил, то по драматически звенящему, прокурорскому голосу, по тому, как Долгин грозно наклонялся вперед, стал бы ясен разоблачительно-осуждающий характер его слов.

Пятников поместился удобнее в кресле, глаза его забежали от Долгина к Лобанову, и многие взгляды тоже обратились к Лобанову, проверяя, действительно ли этот человек способен на такое.

Долгин обвинял Лобанова в том, что пересмотр плана вызван исключительно желанием Лобанова заниматься локатором. Лобанов пришел в лабораторию ради локатора, что ни для кого не секрет. План, выдвинутый им, — фикция, она нужна, чтобы маскироваться. Отсталые настроения Лобанова проявляются в безразличии к нуждам производственников. Отрыв от масс, выразившийся в создании обособленности инженерных работников лаборатории, осужден партийными органами. Лобанов пытается использовать ситуацию в целях получения материальных средств для занятий над локатором. Очевидно, он запланировал докторскую диссертацию, статьи. Вот в чем подоплека происходящих событий!

Обтянутое бледной кожей гладкое лицо его поднималось все выше, в скорбном негодовании. Вместо «товарищ Лобанов», Долгин употребил местоимение «он», и это придавало его словам какую-то особую, разоблачительную окраску.

— Наши лучшие изобретатели-рационализаторы не требуют государственных средств на разработку своих идей. Возьмите, к примеру, товарища Рейнгольда.

Мы его не освобождали от работы, не окружали его помощниками...

— Ложь!.. — крикнул Андрей. — Как вам не стыдно, Долгин! Вы же член парткома!

— Критику надо любить, — бесстрастно ответил Долгин. И, отвернувшись к главному инженеру, сурово продолжал: — Пока что у него существует одна голая идея локатора.

Используя свое служебное положение...

— Товарищ Долгин, мы здесь разбираем не поведение Лобанова, а план, — вмешался главный инженер.

Долгин запнулся. Все зашевелились, заговорили, освобождаясь от угнетающего набата этого медного голоса. Наумов наклонился к Андрею, похлопал его по коленке:

— Загнул, загнул Долгин. Напустил дыму. Инженер-высоковольтник отозвался вполголоса:

— Дыму много, а нажарено мало.

Тем не менее, обвинения Долгина достигли цели.

— Вот оно в чем дело, — сказал Тарасов, — нам советуют нагреватели делать, а сами будут научный капитал наживать.

— Насчет капитала, — подхватил Долгин, — предлагаю заслушать ценное мнение профессора Тонкова, крупнейшего специалиста по этому вопросу.

Он не заметил двусмысленности своей фразы. Главный инженер прикрыл подбородок рукой, чтобы спрятать улыбку, и сказал:

— Мы были бы рады.

Тонков погладил бороду, откашлялся и задумался.

Легкий шепоток пробежал вдоль стола, и наступила почтительная тишина.

«Ловко придумано», — стиснув зубы, усмехнулся про себя Андрей.

Нарушая эту почтительную тишину, Андрей вдруг потянулся и шумно зевнул, похлопывая рот ладонью. Он сам не понимал, зачем он это сделал. Наверно, это было единственное, чем он мог выразить свое презрение к Тонкову, и к Долгину, и к тому спектаклю, который будет сейчас здесь разыгран.

Мальчишеская выходка Лобанова никому не понравилась. Главный инженер покачал головой, даже Наумов смутился.

Кротко пожав плечами, Тонков рассказал, как он имел возможность ознакомиться с идеей аспиранта Лобанова и еще тогда предупредил его о бесплодности этой темы. Нужную точность получить на локаторе невозможно...

Ему не хотелось бы полагать, что в данном случае Лобановым движут какие-то низменные мотивы, будем все же считать, что имеет место искреннее заблуждение молодого ученого. Он, Тонков, рекомендует продолжать совершенствовать существующий метод, дополнив его новыми разработками Тонкова, поскольку этот метод лежит в русле всех традиций русской науки. Его институт согласен взять на себя доведение этого метода в содружестве с электролабораторией.

— Будем надеяться, что такая дружба окажется плодотворной как для вас, Андрей Николаевич, человека, вступающего в науку, так и для всего коллектива лаборатории, — эффектно закончил он, показав всем, насколько интересы науки он ставит выше личной антипатии.

В сравнении с дерзостью Лобанова предложение Тонкова выглядело чрезвычайно благородно. Тонкову пожимали руку, он кланялся, улыбался, блестя красивыми большими

зубами.

Андрей сказал хриплым от долгого молчания голосом, что старый метод был отвергнут им еще во время работы над диссертацией, еще тогда он убедился в бесплодности штопки этой рухляди. Для него вопрос ясен: он не намерен заниматься реставрацией изношенного старья.

Вот когда Виктор Потапенко улыбнулся от души, потому что он точно предвидел такой поворот событий.

— Разрешите, Дмитрий Алексеевич? — спросил он у главного инженера. — Конечно, жаль, что Андрей Николаевич так категорически отказывается от предложения профессора Тонкова. К счастью, у нас есть выход. Молодой талантливый инженер лаборатории Устинова горячо берется за это исследование, и я думаю, мы всячески поддержим ее инициативу.

«Сговорились за моей спиной. Так... так», — возмущенно думал Андрей. По раскрытому листку блокнота бежали записи его возражений Долгину и Тонкову, формулы, доказательства. Прочь. Ничего не нужно. Он выдернул листок и разорвал. На мгновение встретился взглядом с Виктором и в глубине его черных глаз увидел злорадное напряженное ожидание. И тогда, готовый к тому, чтобы заявить, что он отказывается от руководства лабораторией, Андрей вдруг понял, что на это и рассчитывал Виктор. Все, что происходило на техсовете, сводилось к этой ловушке. Она оставалась замаскированной от всех, кроме него и Виктора.

— Товарищи, я вынужден подчиниться, — медленно сказал Андрей. — Поскольку я оказался в меньшинстве, кое-кто может считать, что я был не прав. Но я буду действительно не прав толь ко в том случае, если не добьюсь своего.

Глаза Виктора полузакрылись; когда он открыл их, они были снова безмятежно ясные, с обычным лукавым и приветливым блеском.

Главному инженеру захотелось приободрить Лобанова:

— Важен результат, Андрей Николаевич. Какой метод, каким прибором — дело десятое. Нам важно иметь гарантию. Мне кажется, профессор Тонков предлагает надежный путь.

— Дмитрий Алексеевич, яичный порошок, конечно, надеж нее, — сказал Андрей. — Мы не рискуем нарваться на тухлое яйцо. Но ведь порошок невкусен.

Главный инженер рассмеялся:

— Ага, а тухлое яйцо все-таки возможно? Вот то-то и оно. Этой фразой он как бы подводил итог своим размышлениям.

Какая-то часть его души была на стороне Лобанова. Сквозь неуклюжую резкость лобановских слов, сквозь его задиристость, неумение ладить с людьми Дмитрий Алексеевич разглядел и другое — Лобанов смело ставил коренные проблемы автоматизации, и, если даже Долгин и прав, Лобанову нельзя отказать в таланте и страстной вере в свой локатор. Чутьем опытного администратора Дмитрий Алексеевич угадывал какую-то продуманность в действиях Потапенко, и этим же чутьем он руководствовался в своем решении: Лобанов по сравнению с Тонковым фигура не авторитетная. Если провалится Лобанов со своим локатором, ему, главному инженеру, скажут: куда же вы смотрели, поручили мальчишке, сами виноваты; если провалится Тонков, всегда можно возразить: Тонков — человек заслуженный, кому же было поручать, как не ему. И все согласятся.

Большинством пятнадцати против четырех технической совет одобрил план, предложенный

Потапенко. Воздержался Краснопевцев.

Весь план, выдвинутый лабораторией, в том числе и локатор, — все было отклонено.

Виктор догнал Андрея в гардеробе:

— Домой? Я тебя подвезу.

— Пошли, — рассеянно ответил Андрей.

Они вышли из подъезда, молча постояли, глубоко вдыхая чистый воздух.

— Давай договоримся, — сказал Виктор, — после работы, как бы там ни ссорились, мы прежние друзья. Не люблю я смешивать эти вещи.

Андрей спустился на ступеньку, лицо его пришлось вровень с лицом Виктора.

— Нет. Не выйдет. В деле врозь — и вообще врозь. Не могу я с тобой миловаться. Вот. Тебе куда? Ах, в машину! Ну, пока.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Пройдя сотню шагов, Андрей остановился и повернул назад, в Управление.

Он взял в охране ключи и пошел в лабораторию. С четверть часа стоял он у себя в кабинете перед столом, не зажигая огня, рассматривая спинку кресла. В «инженерной» невнятно бормотало радио. На улице сипло покрякивали автомобили.

На столе белел вырванный из блокнота листок. Андрей взял его, поднес к глазам. «Вам несколько раз звонил Фалеев», — разобрал он почерк Майи Устиновой. Он аккуратно сосчитал число букв в записке, возвел в куб, потом извлек квадратный корень. Вспомнилось, как Фалеев, прощаясь, говорил: «Ты вернешься. Я надеюсь, ты скоро вернешься».

Андрей положил листок обратно, выдвинул ящик стола, на ощупь разыскал среди бумаг тонкую папку со схемами локатора. Не торопясь, он развязал тесемки, проверил листки. Вынул из наклеенного кармашка кусочек провода.

Изоляция совсем высохла и крошилась в руках. Как будто снова он увидел заоченелые пальцы Глеба и тикающие на холодной руке часы. Положив провод на место, он завязал папку. Больше ей тут оставаться ни к чему. Нечего ей тут делать.

Он оглядел комнату, не забыл ли он еще чего-нибудь.

Он положил руку на телефон. Холодная трубка казалась очень тяжелой.

Он медленно набрал номер. Сухо отщелкивая, крутился диск. Услышав голос Фалеева, Андрей секунду молчал, преодолевая желание повесить трубку.

— Это Лобанов, — сказал он. — Ты звонил?

— Целый вечер звонил, — обрадовался Фалеев. — Как живешь? Ушел от нас и совсем оторвался. Ну, как там работается, много успел с локатором?

— Все в порядке, — сказал Андрей. — Полный порядок.

— Не разочаровался еще?

— С чего ты взял... Что нового у вас?

— Может, просто скрываешь, Андрей, а? Мы место штатное получили, доцента. Рассчитываем на тебя. Старик разболелся, я один верчусь. Совсем запарился... Ты чего молчишь? — подождав, спросил Фалеев.

— Ты за этим звонил?

— Что-то с тобой творится, Андрей.

— Ничего не творится.

— Послушай, к нам послезавтра американская делегация приезжает. Хотел пригласить тебя для представительства. Ты ведь по-английски свободно понимаешь.

— Понимаю. Может, приеду.

Несмотря на позднее время, улица была полна народу. Стоял первый по-настоящему летний вечер. На бульваре пахло свежими листьями, травой. Люди смеялись, разговаривали, и никому не было дела до Андрея. Острое чувство одиночества, какое бывает только у очень старых людей, охватило его.

Он подошел к братской могиле, начал читать слова, высеченные на граните:

Не горе, а зависть рождает судьба ваша в сердцах всех благодарных потомков.

Славно вы жили и умирали прекрасно.

Андрей покачал головой: «Вот, Глебушка, какие тут у нас дела», зябко повел плечами и пошел, не выбирая дороги. Он двигался все быстрее и быстрее, стараясь как бы раствориться в движении. На каком-то перекрестке над его ухом пронзительно взвизгнули тормоза. Андрей вздрогнул, мускулы его сработали быстрее, чем мысль, он отскочил в сторону. Прямо перед ним остановился высокий грузовик. От резкого тормоза заднюю часть кузова занесло в сторону. Покрышки дымились. Шофер высунулся из кабины и закричал на Андрея яростно, но с облегчением. Андрей вернулся на тротуар. Пройдя несколько шагов, он опомнился, мурашки пробежали по спине. На висках выступил пот.

Андрей оглядел ноги, руки и содрогнулся. К чему-то готовился, куда-то рвался, а сделать ничего еще не успел. Кто-нибудь подобрал бы его лиловую папку, отдали бы ее отцу или в лабораторию, и там бы она лежала и лежала. И неизвестно, жил он когда-нибудь или вовсе не жил. «Славно вы жили и умирали прекрасно...» Ноги его ослабели, никогда еще, ни на фронте, ни после, он не испытывал такого страха перед смертью.

Завидев пивную, он зашел и устало присел за столик. Официант что-то спросил у него, Андрей несколько раз кивнул головой. Потом перед ним очутился стакан водки, кружка пива и два бутерброда. Он выпил водку не поморщившись, не закусывая. Приятная теплота обожгла желудок, но мысли оставались ясными. В углу пивной баянист лениво играл «Дунайские волны».

Пахло сыростью и табаком. Напротив Андрея, подмяв кулаком щеку, сидел одутловатый мужчина с красным шмыгающим носиком. Сдувая пену с пива, он из-под нависших седых жидких волос смотрел на Андрея. Глаза у него были живые, умные и словно чужие, как будто кто-то подошел сзади и смотрит в дырки, пробитые на испитом, дряблом лице.

— Не берет? — заботливо спросил мужчина. — А вы глоточками, помаленьку и сразу пивцом

запивайте. Никита! — крикнул он официанту. — Два и кружку! С радости напиться легко. С горя это труднее. Я третий день пью, и как в раковину. А раньше взял маленькую, и готов. — Он повертел принесенный стакан. — Выпьем? Каждый за свое. Вы инженер, я знаю. Теперь все инженеры, инженеры. Век машин и витаминов. Ну, да мне все равно.

Они сдвинули стаканы и выпили.

— И сразу пивца. Оно и забродит, — мужчина шмыгнул носом и вдруг забеспокоился. — Пойдите, я о чем?.. Ага, вот, знаете, если бы мне завтра умирать, я бы ему высказал все.

— Кому?

— Начальнику конечно. Я на него десять лет работаю. Он лауреатом стал, а я как был, так и остался. — Он с каждой мину той пьянел, но глаза его оставались трезвыми. Говорил он лениво, без чувства, как будто рассказывал о чем-то постороннем, малоинтересном. — Вчера он мне преподносит: «Давайте, говорит, Евгений Семенович, ваши образцы, я их обработаю: потому, дескать, вам дальше не под силу. А сами готовьтесь в новую экспедицию». Он обработает! Там все сделано — он обработает. Фамилию поста вит сверху — и конец. Так каждый раз. У него несколько таких овец, вроде меня. Стрижет их аккуратно.

— Почему же вы терпите? — спросил Андрей.

— Вы пейте пиво. Хорошее пиво. А то оно нагреется.

— Нет, оно холодное.

Мужчина отставил кружку, рука его дрожала, и пиво выплеснулось на стол.

— Пойдите, я на чем остановился?

— Оставим этот разговор, — сказал Андрей.

— А-а-а, так вот, образования, то есть диплома, у меня нет. Кто я против него — тля! Пока со мной разберутся, он из меня форшмак сделает.

Жизнь, мой дорогой сосед, пока что неудобоваримая штука. Жена у меня. И дочь. Мне критиковать жена не раз решает. Уважительно? Мой вам совет: если боитесь одиночества — не женитесь. Или поздно уже?

— Нет, еще не поздно.

Светло-желтая лужица пива растекалась по скользкому мрамору. Андрей следил, как закругленным мыском она подползала к рукаву. Пришепетывающий голосок утомляюще бился в уши:

— ...заболеть бы раком, тогда бы я высказался начистоту. При всех, на собрании встал бы и спокойненько рассказал. Все, что знаю. Паук, сволочь, обворовываешь людей, не уважаю я тебя, плевал я ни тебя, я не хуже тебя могу писать... Он ведь всего-навсего плюс. Он не самостоятельная величина. Плюс, и все. Пусть я единица, а он плюс. А плюс сам по себе не имеет смысла.

— А кто он такой? — спросил Андрей.

Человек шмыгнул носиком, оглянулся и, хитро зажмурясь, погрозил Андрею пальцем.

— Вы слизняк, — сказал Андрей, пробуя выговаривать твердо. — Бунтарь на коленях! Раком заболеть, тьфу. Ты думаешь, я стану таким, как ты? Не в-вый-дет. Уже не вышло.

Сквозь дырки в сизом студенистом лице на Андрея снова глянули чужие, трезвые глаза.

— Вы правы, — неожиданно согласился человек. — Я смиренный, беспринципный. Но нас много, — он печально скривил бесцветные губы, — да, нас много.

— Ложь, — Андрей встал, глотнул воздух. — Нас больше. Будь вас много, вам бы негде спрятаться было. — Он успокаивался, слушая свой громкий голос.

— Вы прячетесь за спинами настоящих. Дезертиры. Вы сами себе противны. Я предпочитаю иметь дело с вашим шефом, чем с вами: его по крайней мере приятно бить по морде.

Пивная лужица поползла до папки. Опираясь о край столика, Андрей выложил деньги.

— Паскудно то, — с отвращением сказал Андрей, — что вы такое ничтожество, — вас ничем не проймешь.

...В столовой горел свет; отец, всхрапывая, дремал в кресле. На столе, укрытый газетой, стоял ужин. Андрей, задевая стулья, подошел, тронул отца за плечо.

— Иди спать, — сказал он. Николай Павлович потер глаза:

— Ждал, ждал и проспал. Ты давно пришел? Ну, как решили? Андрею хотелось скорее остаться одному, никому и ничего не рассказывать, не выслушивать утешения. Лечь и заснуть. Он сам был виноват — задолго до этого дня он заразил домашних своими тревогами. Сперва нехотя, но постепенно распаяясь, переживая то, что было, он стал рассказывать. Ему приходили на ум новые доводы, которые он не сообразил привести на заседании, и от этого его досада возрастала. И, приводя сейчас эти запоздалые доводы, он только сильнее убеждался в несправедливости случившегося.

Старый и молодой Лобановы внешне были непохожи: Николай Павлович и ростом был ниже, лицо вытянутое, кончик носа шариком, не приплюснутый, как у Андрея, глаза выцвели и стали голубоватыми. Но было между ним и сыном глубоко запрятанное внутреннее фамильное сходство, то самое, про которое в народе говорят «одна кровь». В этот момент оно проявилось даже в позах — оба сидели прямые, вздернув головы, неудобно подавшись вперед.

— Чего молчишь? — обиженно спросил Андрей.

— А какой с тобой, с пьяным, разговор, — брезгливо сказал Николай Павлович, — выпороть бы тебя.

Андрей посмотрел на высохшие, со вздутыми синими венами руки отца, и ему вдруг стало грустно оттого, что эти руки никогда уже не смогут взять ремень и отхлестать, как бывало.

Как быстро уходило время и уносило с собой то единственно навсегда близкое, самое родное на земле, которого потом будет всегда не хватать и которым так преступно пренебрегаешь, пока оно есть.

Бледный, с закушенной губой, он сдвинулся на край кресла и, неловко обнимая отца, порывисто уткнулся ему лицом в живот. Цепочка часов холодила щеку, и от цепочки и от старенькой, вязанной еще матерью жилетки исходил знакомый родной запах. Он почувствовал, как на голову ему легла рука отца.

— Уйду я, пап, уйду я, — сдавленно сказал он. — Не могу... говорят — карьерист... маскируюсь... Уйду. Поступлю в институт... К Одинцову тоже нельзя... А здесь — один против всех.

— А твой Борисов, а лаборатория? — спросил отец. Андрей поднял голову, веки его нервно вздрагивали.

— Ну что Борисов? Что мы можем?

— Напиши в министерство, в ЦК, в газету... — Николай Павлович отстранил Андрея, встал, заходил по комнате молодым, быстрым шагом. — Мало ли куда обратиться можно. Придумать — это еще не фокус, ты вот сделай до конца. Ты добейся.

Андрей махнул рукой:

— Годы уйдут на это. Не понимаешь ты... Разве такую стену прошибешь?

— Трудов жалеешь?

— Трудов! — Андрей вскочил, пошатнулся, расставил ноги. Ноздри его широкого носа раздулись. — Я могу по восемнадцать часов в день, не надо мне выходных, не надо отпуска. Дайте только работать. Своим делом заниматься.

Приду я жаловаться в горком. Как им судить? Что у меня есть? — Он потряс руками. — Ничего у меня нет. На чем доказывать?! На пальцах?

— Когда тебе было пятнадцать лет, ты брался перевернуть науку. Помнишь с плитой дело? Нет, сынок, не под силу тебе, видать... Ты еще первый кусочек хватил, и уже не по зубам. Не можешь — отойди в сторонку и не путайся.

Слишком легко тебе все доставалось. Изнежился. В институт захотел — пожалуйста. В аспирантуру — уговаривали: подавайте заявление, Андрей Николаевич. В лабораторию пожелал — будьте добры. Гладенькая дорожка у тебя была. Так и думал по ней катиться? Ан, глядишь, — стукнули, и сразу авария.

Расхныкался. Слушать тошно.

— Так ведь несправедливо стукнули! — крикнул Андрей.

— Ты не кричи. Ждешь, чтобы тебе справедливость на блюдечке поднесли.

За справедливость надо драться. Ты народ винишь, ты себя вини, что не убедил их...

Снова Андрей был мальчишкой. Перед ним стоял не больной старик, о котором он привык заботиться, водить гулять, с которым всегда было некогда посидеть, а сильный человек, умница, много повидавший и испытавший в жизни, и ни смерть матери, ни болезнь, ни старость не сломили его.

Горячим туманом застлало глаза. Он не стыдился. Послушно, как мальчишка, позволил отвести себя к кровати. Так и заснул, не отпуская сухую, шершавую руку отца, совсем как в детстве.

Проснулся Андрей раньше обычного. Казалось, ночью в разговоре с отцом не было ничего решено. Несколько минут он продолжал лежать, проклиная опостылевшую лабораторию и самого себя за то, что она ему постыла. Вскочил, прошелся в трусиках, босиком по холодному линолеуму, распахнул окно.

Напротив девушка, стоя на подоконнике, протирала стекла и пела: Посмотри, милый друг, Как прекрасна весна на рассвете...

Вслед за взмахами ее руки по стеклу тянулся прозрачный блеск.

Славная вещь — утренняя гимнастика! Выгнуться, ощущая свое тело от подошвы до шеи. Раздуть легкие так, чтобы свежий ветер ходил в груди.

Почувствовать каждую свою клеточку. Крепкие у нас руки? Крепкие! Сердце?

Здоровое! Грудь? Широкая. Но мы будем еще сильнее. Пригодится.

— Ты чего это размахался? — Отец, улыбаясь, стоял в дверях. — Иди-ка сюда, — позвал он внуку. — Ты знаешь, как я этого мужчину вчера отлупцевал?

Пусть он тебе расскажет, А то ты думаешь — дедушка только грозиться умеет!

— Дядя Андрей, это правда? — вытаращив глаза, спросила Таня.

В семье Лобановых сохранилась прямота отношений, свойственная рабочим семьям, и поэтому грубоватое напоминание отца о вчерашнем не показалось Андрею бестактным. Клин вышибается клином.

— Это еще что, — Андрей рассмеялся и поднял Таню на руки, — когда мне лет четырнадцать было, вот тогда мне шибко от дедушки доставалось.

И он рассказал ей про случай с плитой, о котором ему вчера напомнил отец.

Они жили тогда на Днепрострое, в большом деревянном бараке. Кухня была общая, с длинной чугунной плитой. Первой обнаружила случившееся Мария Федотовна. Ей понадобилось снять с плиты сковородку. Она протянула руку и с криком отскочила от плиты. В течение последующих трех минут все женщины убедились, что на плите ни к чему нельзя прикоснуться. Кастрюльки, сковородки, миски — все было под током. Кто-то попытался вытащить свой чугунок палкой, чугунок опрокинулся, паром заполнило всю кухню. Женщины суетились и бегали вокруг плиты, где подгорали каши, выкипали супы, валил дым и чад.

— Я знаю, чьи это проделки! — кричала Мария Федотовна, подступая к Лобановой. — Это ваш хулиган!

— Конечно он, больше некому! Сколько терпеть эти безобразия! Называется — мать! — кричали хозяйки.

Они разгневанно обступили тоненькую, как травинка, женщину. Она и не пробовала защищаться. Единственно, с чем она не соглашалась, что он сделал это со зла. Но малейшее упоминание об Андрее только пуще распалило женщин.

Они припоминали все беды, причиненные этим мальчишкой.

Это он устроил автоматическую защелку на дверях, которая испортилась как раз в тот момент, когда Николаевы спешили на поезд. Пришлось взламывать двери.

Это он придумал солнечный кипятильник и чуть не устроил пожар.

Это он пропускал какие-то радиоволны через кошку Марии Федотовны, от которых кошка взбесилась.

Вечером Николай Павлович по настоянию барака выпорол Андрея. Все пять семей остались в тот день без обеда.

Ночью Андрей пробрался на кухню и вытащил из-под плиты самодельный трансформатор. Ладно, оставайтесь со своими дровами и керосинками вместо высокочастотного нагрева.

Задыхайтесь и мучайтесь. Раскаетесь когда-нибудь, да будет поздно. Люди отказывались от великого изобретения, они били и преследовали изобретателя. Он недавно читал о Галилее, и мысль, что судьбы их чем-то схожи, немного утешала его...

Припоминая сегодня об этом случае, так же как вспоминал вчера отец, Андрей незаметно присоединил свою нынешнюю беду к цепи уже прошедших бед, каждая из которых тоже казалась когда-то непоправимой.

На работу Андрей ходил пешком. Город, словно умытый чистым ночным воздухом, прибранный в ожидании наступающего дня, каждое утро встречал Андрея какой-нибудь новостью — то свежевыкрашенным домом, то книжными новинками в витринах, а то просто светом раннего солнца. Среди деловитой утренней толпы Андрей ловил лица, высветленные той же веселой надеждой на приходящий день, что жила в нем. Никто не знал, что принесет с собою этот день: может быть, он уйдет впустую; может быть, он кончится усталостью и огорчением; все может быть, но утром никто об этом не думает. Утро — это юность дня, оно полно замыслов и упрямых надежд.

Ах, Борисов, Борисов, разве я думаю сдаваться...

С утра по лаборатории пополз слухок, что, мол, план провалился из-за локатора: если бы Лобанов согласился пожертвовать локатором, то остальная тематика прошла бы. Борисов зашел к Андрею, плотно притворив за собою дверь:

— Тебе надо поговорить с людьми.

— О чем? Что надо выполнять этот навязанный нам план или что этот план никуда не годится?

Борисов засмеялся. Удивительное у него лицо: когда он смеялся, глаза почти закрывались, превращаясь в узенькие, мохнатые из-за длинных ресниц щелки. Когда он становился серьезным, глаза его делались большими, приобретали какое-то пытлиное выражение.

— Расскажи им все, как было. Андрей нехотя согласился.

Слушали его молча, потом Кривицкий сказал, поскребывая жесткий подбородок:

— Из истории известно, что Пифагор при открытии своей знаменитой теоремы принес Юпитеру в жертву сто быков; поэтому все скоты дрожат, когда открывается новая истина.

— Остроумно, — похвалил Новиков, — однако в результате мне предстоит конструировать электрощетку для очистки ржавчины с опор. Колоссально!

Потрясающая проблема!

«Ага, заело!» — удовлетворенно подумал Андрей. Настроение у всех было злое и бодрое. Молчали Усольцев и Майя Устинова. К Майе Андрей не хотел обращаться, он избегал вообще смотреть в ее сторону, а Усольцева он спросил:

— Что вы предлагаете?

— По-моему, — осторожно и равнодушно сказал Усольцев, — пройдет годик, там прояснится.

Рейнгольд набросился на него, воинственно размахивая руками. Выждав паузу, Андрей сказал:

— Вы знаете, Усольцев, как получается электрический ток? Усольцев пожал плечами:

— Ток возникает при пересечении проводником магнитных линий.

— Вот то-то и оно, что при п е р е с е ч е н и и.

— Андрей Николаевич, а как же с вашим локатором будет? — тихо спросил Рейнгольд.

Андрей молчал.

— Нельзя ли, пока суд да дело, взяться тебе за теоретическую часть? — спросил Борисов.

— Попробую, — сказал Андрей, — я уже думал, кое-что, может быть, удастся обосновать.

Больше ничего не было сказано. Все разошлись по своим местам. Но у Андрея стало легче на душе.

Потапенко спешил закрепить свою победу. Заключение договора о содружестве с институтом Тонкова Виктор со свойственным ему размахом обставил как историческое событие. Он пригласил представителей горкома партии, вызвал кинохронику, корреспондентов. Текст договора, отпечатанный в типографии, содержал семь страниц. Акт подписания происходил в малом зале заседаний. Андрей наотрез отказался участвовать в этом «буме», как он сказал Борисову.

— Стоит ли ломать копыя по пустякам, — усомнился Борисов. Он предполагал на днях побывать в райкоме по делу Андрея, и ему не хотелось давать в руки Долгина никаких козырей. Но разве Андрея переубедишь? Заладил свое: уеду на встречу с американской делегацией, превосходная причина, так и передай в случае чего, что меня Фалеев просил.

Тонков прибыл в сопровождении многочисленных сотрудников.

— Мои ученики, — представлял он их корреспондентам.

От лаборатории договор подписывали Борисов и Майя Устинова.

— Начальник лаборатории, очевидно, против творческого содружества, — громко заметил Долгин главному инженеру. Объяснения Борисова Дмитрий Алексеевич выслушал хмуро.

— Все же, товарищ парторг, со стороны Лобанова это несколько демонстративно получается.

Майя подписывала последней, от волнения рука ее дрожала, и подпись получилась некрасивой, с царапиной и брызгами на росчерке. Пришел праздник и на ее улицу! Хватит выслушивать ей жалостливые утешения. Вот оно, дело, на котором она оправдывает себя в глазах товарищей, в собственных глазах! Скоро она сама пожалеет Лобанова с его локатором. Она искренне верила в Тонкова, в его научный авторитет, она не могла не торжествовать. Ну что ж, они сквитаются с Лобановым. И то, что он сегодня не пришел, было началом его поражения.

Тонков произнес прочувствованную речь о союзе труда и науки.

— Мы приобщим вас к творчеству, — говорил он. — Вы, рядовые инженеры-производители, будете участвовать в наших заседаниях, мы поможем вам постигнуть сущность процессов. Мы опустим кристалл теории в раствор практики...

Потом выступали Потапенко, главный инженер и Пятников. Вспыхивал магний, оператор вертел ручку аппарата. Глядя в объектив, Тонков пожимал руки Потапенко и Майе Устиновой.

— Ваш будущий помощник по лаборатории, — представил ее Потапенко.

— О, не помощник, а сподвижник! — Тонков поднял палец. — Я надеюсь, мы с вами разработаем мой метод раньше, чем начертано в договоре. Вы сможете сделать на этом материале диссертацию.

Майя краснела, улыбалась, счастливый огонек горел в ее глазах.

А в это время Андрей ходил с американцами по институту и, старательно выговаривая английские слова, объяснял, почему советские студенты получают стипендию.

Единственным, кто более или менее нравился Андрею из всей этой шумной компании, был профессор Стрейт. Костлявый, нескладно скроенный, одно плечо выше другого, он хлопал себя по оттопыренным карманам, то и дело терял зажигалку, вечное перо, платок, перебивая собеседников нелепыми вопросами, однако при этом ни на минуту не упуская нить разговора. Его занимали преподавание и электротехника, больше ни о чем он не желал слушать, зато обо всем, что касалось этих предметов, он выспрашивал мастерски. В физической аудитории, заметив среди десятков висящих портретов портрет Франклина, он притопнул от удовольствия.

— Та-та-та, будьте уверены, Стрейт, это повесили специально для нас, — сказал ему молодой химик, длинный, с круглой головкой, похожий на тросточку с набалдашником. Стрейт повернулся к Андрею, тот безучастно повел плечом.

Стрейт взял кресло, кряхтя влез на него с ногами, дотянулся до портрета, пошарил за рамой рукой. С грохотом прыгнув с кресла, он обошел каждого из делегатов, тыча под нос волосатую руку, измазанную в пыли и паутине. Желтая костяная лысина его сияла от удовлетворения. Выскочив в коридор, он подозвал первого попавшегося студента, подвел его к портрету.

— Профессор Стрейт просит вас, — переводил Андрей, — рассказать, что вы знаете о Франклине.

Он с тревогой посмотрел на худенького юношу с сумкой через плечо, но тот, бойко ввернув несколько английских фраз, объяснил:

— Франклин — известный американский физик. Занимался атмосферным электричеством, также громоотводом. — Понизив голос, он, улыбаясь, спросил Андрея: — А нельзя ему сказать, что Франклин негров защищал?

— Почему нельзя, скажем, — и Андрей перевел про негров.

— А в нашем университете портретов русских ученых нет, — проговорил Стрейт, внимательно глядя на Андрея, — и студенты ничего не знают ни о Менделееве, ни о Ломоносове.

— Я так и думал, — сказал Андрей. — А Франклина портрет у вас есть?

Стрейт засмеялся:

— Ваша пропаганда вам тоже морочит мозги...

Фалеев и Зоя Крючкова шли рядом с Андреем и подбивали его спросить Стрейта, видел ли он, как линчуют негров, и как он к этому относится, подписал ли он Стокгольмское воззвание.

Переводчица, услышав их разговор, обернулась.

— Пусть спрашивают гости.

— Мне стыдно перед вами, мистер Лобанов, — сказал вдруг Стрейт. — Вы так свободно говорите по-английски, мне тоже следует изучить русский.

Электрику полезно знать русский язык.

Провожая американцев к машинам, Андрей спросил Стрейта, известно ли ему, почему давно не появляются статьи мистера Раппа.

— Видите ли, Рапп больше не занимается физикой. Он получил наследство, — сказал Стрейт.

— Позвольте, при чем тут наследство? — удивился Андрей. Стрейт пожал плечами:

— Зачем ему теперь заниматься физикой? Он имеет двадцать тысяч долларов и год. Я вижу, мистер Лобанов, вы чего-то не понимаете... — Стрейт пыхнул сигарой и криво усмехнулся. — Бескорыстные в науке — это идеал, а идеал влечет к себе не многих. У нас это называется прогрессом. — Если Стрейт иронизировал, то слишком грустно.

— Понятно, — жестко сказал Андрей. — Раньше ученые шли на костер, теперь они у вас предпочитают идти в банк.

Стрейт открыл было рот, но ничего не сказал и, роняя пепел на рукав, кряхтя полез в машину.

После отъезда американцев Зоя Крючкова открыла окна.

— Сколько дыму от этих сигар, ужас, — сказала она. — Курят без разрешения. У нас монтеры и те спрашивают, можно ли закурить, — она презрительно скривила губы. — Дикари. А ваш Стрейт тоже хорош, — накинулась она на Андрея. — Залез ножищами на кресло.

Перед уходом Андрей справился, работает ли Фалеев над регуляторами.

Узнав, что он по-прежнему в порядке любопытства одолевает отдельные теоретические казусы, Андрей предложил ему помочь одному станционному инженеру (Андрей имел в виду Краснопевцева) составить теорию расчета регулятора котла. Обреченный надолго работать в одиночестве, он призывал Фалеева к тому, чего сам был лишен, и от этого речь его приобрела выстраданную убедительность.

Фалеев мялся, бубнил про лекции, про экзамены, но, когда Андрей умолк, он спросил:

— А сроки какие?

Особенно его развеселил рассказ о том, как Андрея заставили работать в котельной.

Фалеев чувствовал, что его спокойному житью-бытью приходит конец. Виной тому было не только соблазнительное предложение Андрея. Новое понятие «содружество» заставляло каждого ученого призадуматься над своей деятельностью.

Фалееву было боязно оторваться от налаженного быта, от не стесненной никакими сроками кабинетной работы. Не так-то просто решиться понести свои формулы на суд кочегарам и машинистам в жаркий и дымный грохот котельной.

И все же искушение узнать истинную цену многолетней работы было слишком велико.

Договорились встретиться у Андрея в лаборатории с представителями станции.

Педагогический институт устраивал вечер встречи своих питомцев со студентами. Лиза узнала об этом случайно, от Риты. Сама Рита идти на вечер не собиралась. Последнее время она стала нелюдистой, замкнутой; Лиза подозревала, что это как-то связано с Андреем. Расспрашивать она стеснялась, хотя Виктор с какой-то странной настойчивостью толкал ее на это.

Узнав про институтский вечер, Лиза запрыгала от радости. Она побежала в ванную, зажгла газ, натянула старенькую резиновую шапочку, чтобы не испортить прически. Когда-то с этой шапочкой она ходила в бассейн. На двухсотке у нее было приличное время. Вместе с ней плавал и Женька Самойлов из их группы. Он тогда чуть ли не ухаживал за ней. Она давно уже не виделась ни с кем из своих однокашников, кроме Риты, не знала — кто, где, как... Она подумала: разумеется, станут расспрашивать про работу... Нет, она не пойдет.

Что ей ответить?

Весь день она убеждала себя, что идти не следует. Когда по радио прогудело семь часов, она вдруг вскочила и начала собираться. Заставила себя достать новое вечернее платье из черного бархата. Явись она в студенческие годы в таком шикарном виде — девчонки лопнули бы от зависти! Сегодня же они просто переглянутся между собой — ясно, мол, жена ответработника...

В раздевалке на нее налетела Машка Стародубцева, повисла на шее, визжа и смеясь. И эта минута определила для Лизы все настроение вечера. Исчезли прожитые годы, семья, Лиза почувствовала себя вновь той студенткой, которая носилась по этим лестницам, томилась в этих коридорах во время сессии, до хрипоты спорила на собраниях. Кругленькая вертлявая Машка, похожая на воробья в своем сереньком платье, тащила Лизу наверх, выпаливая новости, окликая знакомых. Дорогой к ним присоединялись, бывшие однокурсники, пока наконец их не собралась внушительная гурьба. Обнявшись, занимая чуть ли не весь коридор, они двинулись в актовый зал.

По дороге им попадались группы уже совсем давних питомцев института.

Там были лысые, седые мужчины; они тоже смеялись, хлопали друг друга по плечу, женщины обнимались, вытирали глаза.

Из Лизиной группы, кроме Машки Стародубцевой, пришло семь человек.

Судьба каждого сложилась удивительно, вовсе не так, как она была задумана.

Ленька Пушкив стал доцентом, носил толстые, без оправы очки, Машка шлепнула его по заметному животу и возмутилась: подумать только, это тот самый Ленька, который писал километры романтически-меланхолических стихов.

— Наша встреча будет у Разъезжей, Я приду к твоим Пяти углам... — завывая, прочла Машка...

У Тоси Федоровой, трусихи, бледневшей, когда ее вызывал преподаватель, на лацкане блестели два ордена Красной Звезды.

— Девочки, кто этот красавчик? — нарочито громко спросила Лиза, заметив Женю Самойлова.

— Ага! — торжествующе крикнул Женя. — Красавец! Раскаиваешься? Упустила.

Зародышем дразнила.

Кто бы мог предположить: Женька Самойлов — лентяй, хвостист, бузотер — способен терпеливо и с увлечением преподавать в школе глухонемых.

Зато никого не удивило, что Люся Огородникова, бывший комсорг их группы, работает инструктором горкома.

— После такой группы тебя могли и секретарем горкома вы двинуть, — заявил Пушков.

На Люсе было чудесное трикотажное платье с вышивкой; вообще девчонки были разодеты по последней моде, ничуть не хуже Лизы, и Лиза была довольна, что надела вечернее платье — хороша она была бы в вязаной кофточке!

Белоколонный, сияющий радужными огнями хрустальных люстр зал был полон.

Из конца в конец кого-то окликали, бегали по рядам, здоровались с преподавателями, и старейшему профессору института, Льву Никанорычу, явно не хотелось открывать заседание. Стоя за столом президиума, он с улыбкой смотрел в зал, как будто эти минуты встреч, расспросов, узнаваний и были самой важной частью программы. Лиза вспомнила, что «Лев» был куратором их пятьсот десятой группы. Не долго думая, они забрались на сцену, окружили старика, заставили его вспомнить пятьсот десято со всеми ее бедами и происшествиями.

— Самойлов, это вас я застал с папироской в аудитории? — ехидно спросил Лев Никанорыч.

— Меня! — с охотой признался Женька.

И все принялись вспоминать, как Женька Самойлов поспешно сунул правую руку с папироской в карман, а Лев Никанорыч подошел и, делая вид, что ничуть не заметил, поздоровался, и Женька должен был вынуть руку, и Лев Никанорыч долго тряс ее, участливо расспрашивая о чем-то, пока не запахло паленым, — у Женьки выгорела тогда большая дыра в кармане.

— Лев Никанорыч, сознайтесь, нет среди нынешних таких орлов-спартанцев, — проникновенно оказал Леня Пушков. — Кильки! Сосунки!

И действительно, им всем показалось, что нынешние студенты стали значительно моложе: первокурсницы донашивали коричневые форменки школьных лет, парни выглядели совсем мальчиками.

— Бедные, — вздохнула Машка, — куда им распознать ваши слабости, Лев Никанорыч!

Все заулыбались, вспомнив: правильно, если на экзамене приходится туго, надо вернуть Льву Никанорычу что-либо помудреннее о Гоголе, тогда старик сам начнет увлеченно рассуждать и, расчувствовавшись, поставит хорошую отметку.

На заседании выступали питомцы института, рассказывали, где и как они работают. На трибуну выходили выпускники разных лет, они говорили трогательно, не без нравоучительности, с наивной уверенностью, что уж их-то студенты послушают.

В перерыв Пушков предложил «смотреться» с концерта и пошататься по институту.

— Сачок! — с великолепным презрением произнесла Люся Огородникова, им доставляло удовольствие припоминать всякие студенческие словечки. — Сачок, наверное, ты сам сматываешься со своих лекций.

Они заглядывали в кабинеты, вспоминали все хорошее и смешное, что было пережито в этих

стенах.

— «Молния!» Ребята, глядите, наша «Молния!» — закричала Машка.

В коридоре стояла большая грифельная доска с заголовком «Молния».

Цветными мелками была нарисована захлапленная комната общежития, на полу кучи мусора, кровати не прибраны. Внизу объявление; «Вниманию старшекурсников, в чьих комнатах временно проживали студенты первого курса! Трест очистки города сообщает, что в его распоряжении имеются мощные экскаваторы, бульдозеры, самосвалы».

Под объявлением приписка: «Чепуха, все равно после нас не вывезете. Любимов Е.».

На втором курсе, впервые в институте, они организовали веселую сатирическую газету. Выходит, их почин удержался. Они с гордостью переглянулись.

— Даже доска та же, — стала уверять Машка.

— По-моему, и объявление то же, — сказал Пушкив, — я его сочинял.

Висели и другие «Молнии», теперь они выходили на каждом факультете.

Наконец добрались до своей родной аудитории. В комнате было темно, Леня долго шарил по стене, нащупывая выключатель.

— Где ты ищешь, — ликуя, крикнула Лиза, — он же справа! Вспыхнул свет, и они увидели перед собой знакомую комнату, длинные столы, большие доски.

Лизе показалось, что скамейки стали чуть ниже, да и вся комната вроде уменьшилась. На свежеекрашенных столешницах невозможно было различить выцарапанные когда-то инициалы. Зато, выдвинув один из ящиков, Лиза нашла на боковой стенке надпись. Все столпились вокруг и читали: Л. Пушкив с прелестной Л. Здесь сидели на ОМЛ.

— Лиза, это ж про тебя, — позавидовала Тося Федорова. — Единственное произведение Пушкива, которое до сих пор волнует читателей.

— Ну-ну, вы не очень, — Леня поправил очки и откашлялся. — Вы бы лучше, товарищ Федорова, сообщили, что вам известно из биографии Ронсара.

Тося, копируя себя, со страхом огляделась вокруг, нервно переплела пальцы.

— Я... я не Федорова, я теперь Полянская.

— Вечно с вами какая-нибудь история, — рассердился Пушкив, — то задания не выполнили, то фамилия не та.

На правах бывшего комсорга Люся Огородникова заняла преподавательское место и потребовала, чтобы каждый отчитался, как он живет.

Лизе хотелось вспоминать и вспоминать их студенческие годы, но все закричали: «Правильно, давайте отчитываться!»

Разумеется, первой взяла слово Маша Стародубцева. Она работала литературным редактором. В мире не существовало более неблагодарной профессии. Если книга получалась плохая — значит, ее испортил редактор; если хорошая — значит, несмотря на все усилия редактора. Ругайся, выслушивай оскорбления, вживайся в авторскую систему

мышления — требуют, как с гениального актера, а разве кто-нибудь видит этого актера на сцене?

По ее яростному топу все понимали, как она горда своей работой. Не обращая внимания на смешки, она рубила воздух крепкой маленькой ладонью, договорясь в азарте до того, что легче написать книгу, чем ее отредактировать.

Ее с трудом утихомирили.

Лиза понимала, что дойдет очередь и до нее.

«Ну и что ж, я мать, я воспитываю двоих детей», — мысленно повторяла Лиза, пытаюсь представить, как она произнесет это вслух и как это прозвучит.

И всем станет ясно, что она права и поступить иначе не могла, и все ей будут сочувствовать...

В дверь просунулся какой-то паренек, вопросительно прислушался, видимо пытаюсь определить характер совещания.

— Заходите, юноша, — пригласил Леня Пушкив, — не вы ли тут обитаете?

— Да, это аудитория пятьсот десятой группы, — осторожно подтвердил паренек.

Все просияли, поняв наконец, чего им не хватало.

— Вот мы и встретились со своими потомками, — сказала Люся.

Азартно потирая руки, Пушкив скомандовал потомку тащить сюда своих коллег.

Студенты входили неторопливо, с чувством собственного достоинства.

Польщенные взволнованным интересом, с которым их встречали, они держались с невозмутимостью все в жизни видевших и испытавших. Это должно было отличать пятикурсников от всех остальных.

О, как хорошо понимала их Лиза! Первокурсники бы только толпились в дверях, подталкивая друг друга, второй курс ввалился бы с жадным, откровенным любопытством. Третий вел бы себя развязно — краснели бы и пытались острить насчет своих профессоров. Наиболее озабоченные и серьезные — это четвертый курс. И, наконец, вот он, пятый, у которого все позади и все впереди. Рядом с Лизой села смуглая, скуластая девушка и выжидательно посмотрела, как будто разрешая Лизе спрашивать. Они познакомились, девушку звали Ганна Луденкова.

— Я из Болгарии, — пояснила она.

Томительное предчувствие мешало Лизе найти нужный тон.

— Скажите, вы правда занимались в нашей группе? — чисто выговаривая по-русски, спросила Ганна.

Лиза подумала: может быть, все обойдется, пойдут разговоры со студентами и не к чему будет рассказывать о себе. Она облегченно рассмеялась и сказала:

— Да, да. Я сидела на этом месте, видите, — она выдвинула ящик и показала обведенный лиловыми чернилами стих Пушкива.

Оказалось, что теперь Ганна сидит за этим столом. Это совпадение почему-то взволновало

обеих. Ганна слегка отстранилась, оглядывая Лизу, и Лиза с мягкой грустью думала, что Ганна силится представить ее студенткой.

Но узкие глаза Ганны смотрели мечтательно и допрашивающе, и тогда Лиза вдруг поняла, что Ганна всматривалась в нее, как в собственное будущее. С новой силой дурное предчувствие охватило Лизу.

— Где вы преподаете? — спросила Ганна.

Но спине, по груди Лизы медленно поднималась краска.

— Продолжаем, товарищи, — деловито сказала Люся Огородникова. — Давай, Тося.

Лила поспешно пожала Ганне руку под столом:

— Подождите, послушаем Тосю.

Тося встала и начала рассказывать спокойно и старательно, как будто ее куда-нибудь выбирали и она сообщала свою биографию.

— Я развелась с мужем, он пить стал. Мне надо было подыскивать работу ближе к дому, потому что детский сад в семь часов закрывался...

Она поступила в Музей Ломоносова. После школы музейная работа выглядела скучновато, по, читая Ломоносова, она заинтересовалась малоисследованной стороной его творчества — научной поэзией.

«Я мать... — снова мысленно начала Лиза. — У меня двое детей, я пожертвовала собою, я помогала мужу стать... Кем стать, кем?» — У нее перехватило дыхание, она вдруг почувствовала, что сейчас все поймет, но она понимала лишь, что дело не только в том, работает она или не работает.

— ...Понимаете, ребята, Ломоносов первый и пока единственный сумел сложные научные проблемы выразить вдохновенным поэтическим словом. — Глотнув воздух, Тося прочла:

Неправо о вещах те думают, Шувалов,

Которые стекло чтут ниже минералов,

Приманчивым лучом блистающих в глаза.

Не меньше пользы в нем, не меньше в нем краса.

Убегая от своих мыслей, Лиза смотрела на нее с жалостью, думая о том, как она постарела.

— Очень здорово интересно, — шепнула Ганна. — Как хорошо вы придумали нас позвать. А вы не выступали еще?

— ...В советской науке еще больше поэзии, разве она не должна вдохновлять наших поэтов?

— Тося раздумянулась, и Лиза механически отметила, что румянец идет ей. Тосю перебивали вопросами, разговор захватил и студентов.

Когда-то они считали Тосю неудачницей. Тося плохо училась, была какой-то вялой, даже туповатой. А теперь... И Люся, и Машка, и Женька Самойлов, как они ее слушают, все они

изменились — стали уверенные, сильные, энергичные. Тося, которую она всегда жалела и к которой относилась немного свысока, эта Тося чувствует себя ничуть не хуже Леньки Пушкина, бойко отшучивается, и спорит, и ни перед кем не робеет.

Лиза увидела себя со стороны, и словно увидела то тяжелое стыдное чувство, с каким она трусливо следила за Тосей, пытаясь угадать, когда Тося кончит.

— Ну конечно же, — счастливо повторяла Тося, — я пишу об этом ради сегодняшнего дня.

Лизе показалось, что Люся Огородникова посмотрела на нее. Лиза поднялась, чувствуя настороженный взгляд Ганны.

— Вы уходите?

— Нет, нет, — с трудом улыбнулась Лиза и, продолжая улыбаться, вышла.

Быстро, почти убегая, она отстучала пустынный коридор, облегченно вздохнув, когда толпа в актовом зале скрыла ее, завертела, вытолкнула в круг танцующих. И трубные звуки оркестра, и мелькание разгоряченных лиц разметали ее мысли, мешая сосредоточиться, и она была рада этому. Ей нужно было немедленно закружиться в танце по скользкому паркету, вести на ходу острый, шуточный разговор, ловить провожающие взгляды, ни о чем больше не думая.

Это не был обычный танцевальный вечер, все были заняты своими встречами с однокашниками, никто не замечал одиночества Лизы, считая, что и она тоже разыскивает своих. Подчиняясь этому ощущению, она с деловитой безучастностью пробиралась меж танцующих, высматривая неизвестно кого, пока не столкнулась лицом к лицу с Львом Никанорычем.

— Пригласите меня танцевать, — обрадованно попросила она. Он удивился, шуточно запротестовал, она упрасивала, держа его за рукав.

Они протанцевали два круга, слишком медленно для Лизы, но когда Лев Никанорыч, запыхавшись, усадил ее на свободное место, она почувствовала себя несколько успокоенной.

Он сел рядом, обмахивая лоб маленьким платком. Было смешно и умилительно оттого, что он называл ее девичьей фамилией, разговаривал о бальных танцах и держался со старомодной, но приятной галантностью.

Он поинтересовался, где она работает. Она, поражаясь своему спокойствию, вдруг рассказала ему все. Он вежливо спрашивал про детей, здоровы ли, про мужа, потом задумался и грустно сказал:

— Жаль, что так все сложилось... Лиза разгладила платье на коленях.

— Лев Никанорыч, я собираюсь идти работать. Он не слушал ее.

— Да-с, вот так, читаешь рефераты, принимаешь экзамены... За то время, какое я трачу на каждого студента, можно книгу написать... — Смягчая свои слова, он тронул ее руку. — Вам, к счастью, незнакомо подобное... Расходуешь себя на человека, а ему это так и не пригодилось. Пропали твои труды. А в жизни хочется успеть побольше сделать. Представьте, каменщик дом сложил, а в нем никто не живет.

— Лев Никанорыч...

Лицо его поскучнело, он пошутил относительно стариков, которые всюду лезут с наравочениями, и отошел, облегченно расправив плечи.

Лиза стиснула пальцы. Ей хотелось остановить старика, закричать — ну чем, чем она виновата?..

Она вернулась к своей аудитории. Подходя, замедлила шаг и остановилась.

Попробовала беспечно улыбнуться, вот сейчас она смело вбежит и крикнет: «Ох, вы, сухари! Все еще рассуждаете? Пошли танцевать, там так весело!»

Из-за неплотно притворенной двери доносился взволнованный голос Ганны.

Надо было непринужденно ступить всего несколько шагов...

Ноги не подчинились ей. Они, как чужие, провели ее на цыпочках мимо дверей, до конца коридора. Крепко держась за перила, Лиза с застывшей улыбкой сошла вниз в гардероб, оделась и вышла на улицу.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Шумиха, поднятая вокруг договора о содружестве с Тонковым, не утихала.

Ежедневно в лабораторию являлся какой-нибудь корреспондент или журналист.

Андрей отсылал их к Майе, но иногда и его заставляли высказать свое мнение.

Скрепя сердце он старался отделаться общими словами. Он утешал себя тем, что для миллионов читателей в данном случае важен сам факт совместной работы ученых с производственниками, а не то, над чем они работают. Хуже всего было то, что этот трезвон кружил голову Майе. Ее серые честные глаза загорались, когда она произносила имя Тонкова, и становились враждебно-холодными при разговоре с Андреем.

Он старался по возможности не вмешиваться в ее работу. Помогать ей не позволяла ему совесть. Все, что она делала, не имело в его глазах никакой цены.

Однако как начальник лаборатории он находился в двусмысленном положении. Что следовало, например, отвечать Саше Заславскому — почему Тонков выступает против локатора? Говорить правду — выходит, что он настраивает сотрудников лаборатории против Тонкова, а значит, и против Майи.

Андрей чувствовал, что Виктор и Долгин ждут малейшей его оплошности, чтобы заявить: Лобанов создает невыносимые условия Майе Устиновой, Лобанов против содружества и т. п.

Скрывать свои убеждения он тоже не мог. По крайней мере, перед Сашей.

Он замечал, что этот пытливый паренек относится к нему с нескрываемым доверием.

— Представь себе, — сказал Андрей, — что Тонков разрабатывает теорию стрельбы из лука. А мы с тобою создали скорострельную пушку. Кому после этого нужна его теория?

— Так чего ж вы... — начал было Саша, но Андрей грубовато повернул его за плечи:

— Иди, иди, остальное — дело администрации.

Саша понимающе присвистнул. Больше он ни о чем не расспрашивал.

Превосходство сил противника, а главное, очевидная несправедливость делали Лобанова в его глазах героем. Он был готов на все, чтобы помочь Андрею Николаевичу, но пока что приходилось терпеливо ждать. Подобно Лобанову, он держался с внушительной сдержанностью. Когда Нина Цветкова заговаривала о Майе Константиновне, он сожалеюще цокал языком: «Молчи уж!..»

Борисов поддерживал тактику Андрея:

— Время работает на нас. На совете многие голосовали бы за тебя, если бы на них не навалились Потапенко и Тонков. Будем подымать ярость масс и вербовать себе сторонников.

Доводка автомата Рейнгольда шла полным ходом. Калмыков, узнав о согласии Фалеева принять участие в расчетах котельных регуляторов, обещал прислать Краснопевцева.

Андрей умышленно помедлил с ответом.

— Краснопевцева? — наконец переспросил он. — Трусоват ваш Краснопевцев.

Побоялся поддержать нас на техсовете.

— Зато башковитый, — по-торгашески хитрил Калмыков, почувствовав реальность лобановской затеи. — Осуждаете его? Может быть, он чуточку прав, а? Следует взвесить, ой как взвесить, где надо тычком, а где ползком. На первый взгляд он вроде мямля, а вы бы видели, как он меня на производственных совещаниях дол бает. Соколом налетает. Для вас — лаборатория, для него станция главное.

Андрей обрадовался, но сделал вид, что уступает Калмыкову. Кое-чему он научился за эти месяцы.

Краснопевцев приехал в лабораторию за полчаса до срока. Сохраняя равнодушно-сонное выражение лица, вперевалочку обошел комнаты лаборатории.

Преждевременно располневший, малоподвижный, он выглядел значительно старше своих лет. На самом же деле он всего четыре года назад кончил институт и был прислан на станцию. Ему казалось, что он совершит многое. И вот незаметно миновали четыре года. Нельзя сказать, чтобы они прошли даром. Оборудование он изучил, кое-что удалось наладить. Но где-то в душе его по-прежнему жила мечта о науке — Науке с большой буквы.

Встреча с Лобановым растревожила Краснопевцева. Он злился на Лобанова, огрызался и отнекивался, когда Калмыков посылал его в лабораторию, но если бы вместо него послали кого-нибудь другого, он почувствовал бы себя оскорбленным и в чем-то обокраденным.

Обходя лабораторию, он остановился перед столом, на котором была смонтирована какая-то схема, лежали приборы, тянулись провода. В раскрытой тетрадке — незаполненная таблица замеров.

Краснопевцев осторожно тронул реостат. Обмотка была еще теплой. Вот так бы и ему сидеть за столом, искать, думать, думать до одури в голове. Ему представилась уходящая вдаль вереница дней и недель. Представились котельная, задвижки, заслонки, шибера, снабженные электромоторами, спокойные позы машинистов, ухмыляющаяся физиономия Разумова и его руки, натруженные, тяжелые, спокойно лежащие на мраморе пульта. Представился и маленький в застекленном кожухе регулятор, властвующий над гигантской машиной котла. А вот и сам Краснопевцев... Нет, он не мыслил себя вне станции, он любил производство с его неослабной погонялкой забот, вознею с машинами и людьми, любил планы, напряженный ритм этого завода энергии. Существовал, должен же быть какой-то еще не изведанный путь,

где скрещивались манящая радость познания и деловитая, требовательная жизнь производства.

Краснопевцев воровато оглянулся, — никто не смотрел на него. Вытер о штанину вспотевшую руку и повернул выключатель. Стрелки приборов качнулись.

Краснопевцев медленно двинул ползунок реостата. Повинуясь, стрелки вразнолад разбежались по шкалам, одни вверх, другие вниз, одни словно нехотя, еле-еле, другие размашистыми скачками. Краснопевцев взял карандаш и крепко, не умещаясь в узкой графе, проставил в таблице недостающую цифру показаний электрометра.

Неужто он не сможет? Он посмотрел на свою запись, недоверчиво улыбаясь маленьким пухлым ртом, чувствуя, как он стосковался по такому труду.

В кабинете рядом с Лобановым он увидел лысеющего бледного человека в безупречно отглаженном сером костюме. Это был Фалеев. Краснопевцев натянуто поздоровался. Настороженно поглядывая друг на друга, они долго не могли разговориться. И вместе с тем обоим взаимно влекло чувство большее, чем любопытство, какая-то давняя внутренняя неудовлетворенность, как будто каждый из них способен дать другому то, чего ему не хватало.

Андрей был взволнован — он понимал, насколько эта встреча могла оказаться решающей в судьбе и Фалеева и Краснопевцева. Разряжая обстановку, он грубовато посмеивался над их церемонным знакомством:

— Снюхиваетесь? Ну как, понравились?

Сам думал встревоженно — получится ли что-нибудь?

Через час он оставил их вдвоем, успевших поздороваться, навеки разойтись, обменяться номерами телефонов, составить черновик графика совместной работы.

Ровно в шесть, со звонком, Андрей покидал лабораторию. На многих это производило невыгодное впечатление. Майя обычно оставалась работать до позднего вечера; да и остальные инженеры частенько задерживались — кому требовалось подготовить отчет, кому не терпелось испытать собранную схему.

Андрей спешил к своей лиловой папке. Он занимался или дома, или в Публичной библиотеке. Его лишили возможности идти путем эксперимента, лишили лаборатории, — хорошо, он рассчитает локатор теоретически. «Пока что, — успокаивал он себя, — пока что посмотрим, как это получается на бумаге».

Приходилось влезать в такие дебри математики, о которых он не имел ни малейшего понятия. Отвлеченное мышление было ему не по нутру. Его брала тоска при виде страниц, исписанных математическими знаками. Но деваться было некуда.

За первые две недели он достиг жалких результатов, равных одному удачно поставленному опыту. Он сравнивал себя с путешественником, идущим из Ленинграда в Москву вокруг земного шара.

«Гений есть терпение мысли, сказал Ньютон. Я не гений — значит, я должен быть еще терпеливее», — утешал себя Андрей.

Поначалу ему было очень трудно переключаться после лаборатории на книги. Его локатор и лаборатория стали совершенно разными, ничем не связанными между собой мирами. Читая книгу, Андрей вдруг спохватывался — обязательно надо кого-нибудь послать к Тарасову, проверить, как там налаживают автоматику. Мысли его непрестанно обращались к

лабораторным делам, и вдруг он с ужасом обнаруживал, что в течение часа прочел всего лишь одну страницу. Он уставал не от усилий понять прочитанное, а от стремления сосредоточиться.

Он давал себе на каждый вечер задание. Сиди хоть до утра, приказывал он, но сделай. Его самого удивляло количество страниц, которые он читал и исписывал. Но он только жмурился и потирал веки, когда глаза начинали слишком болеть. Он напрягал свой крепкий организм до отказа. Он не позволял себе никаких развлечений, вел затворническую жизнь. Сестра Катя с Таней и Николаем Павловичем переехали на дачу. Муж Кати после работы отправлялся к ним, и Андрей жил один.

С половины мая наступила жара. К полудню асфальт становился мягким.

Город ремонтировался, красили фасады, меняли трамвайные пути, в душном воздухе висела густая желтая пыль. Особенно тоскливо было по воскресеньям.

Тянуло за город. Андрей мечтал выкупаться, полежать в траве. Защищаясь от солнца, он опускал занавески, сидел в одних трусиках и бегал обливаться под кран.

На столе между чернильницами стояла маленькая фотография Риты. Андрей случайно наткнулся на нее в старых тетрадках. Пожелтевший любительский снимок. Кажется, фотографировал Виктор в ту, довоенную, весну, где-то за городом. Они играли в мяч. Вытянув руки, Рита бежала на объектив. Поднимая глаза от своих расчетов, Андрей всякий раз невольно смотрел на этот снимок, и постепенно ему начало казаться, что Рита бежит к нему...

Может быть, она единственный человек, который сейчас думает о нем.

Никому другому нет дела до него. Борисов уехал на дачу, все со своими девушками, женами, детьми, лишь он один. Смешно ждать до сих пор ответа Риты. Никакого ответа не будет. Он понимал, что с Ритой кончено навсегда. В самом сочетании этих слов — Рита и навсегда — было что-то жутковатое.

Навсегда — значит до самой смерти. Так и не узнать, как она... жалела ли она, что все так оборвалось... Никогда не держать ее за руку, уже больше не будет ничего... Ему хотелось ненавидеть свою тоску по ней. Если бы он мог считать ее во всем виноватой! Он понимал, что она обеими руками держалась за свою с таким трудом построенную семью. И вдруг все разрушить, уйти и начать — в который раз — заново, для этого надо много душевных сил, а если их уже нет? Только теперь он начинал постигать, что у нее была своя, пусть маленькая, но неопровержимая правда. А все война. Война помешала им, она измотала, искалечила Риту.

У него не было желания вернуть прошлое, он ни в чем не раскаивался, но какая-то горькая тоска все сильнее отравляла его. Тоска ни по ком, тоска одиночества, пустых комнат, светлых вечеров, смеха и шепота чужого счастья под окнами. Андрей поворачивал фотографию лицом к стене. Неужели у него не хватит воли забыть ее? Он презирал себя, называл себя тряпкой, размазней, слюнтяем. Собственная слабость разъяряла его. Надо относиться к женщинам проще и циничнее, как Новиков, и нечего туч разводить антимионии. Девушки ищут женихов, женщины — любовников. Все объясняется очень просто. Можно спокойно прожить без любви. Не стоит зря мучить себя. Есть работа, и есть удовольствия.

Как теория это успокаивало. Однако на приглашения друзей он отвечал сердитым отказом. Постепенно его оставили в покое.

Лицо его стало суше, резче, проступили широкие скулы, глаза покраснели и ввалились, от непрерывного сидения за столом он начал ходить чуть сутулясь.

— Тебе кажется, что не щадить себя — это подвиг, — негодовал Борисов. — Посмотри, на кого ты стал похож. Это не подвиг, а расточительство, вредное и ненужное. Ты волюнтарист! — Он увлекся психологией и обожал щеголять новыми терминами.

Однажды, догнав Андрея на улице после работы, Нина спросила, не пойдет ли он на футбол. Она стояла перед ним загорелая, свежая, робко протягивая билеты. Его вдруг страстно потянуло плюнуть на свои интегралы, переодеться, поехать с Ниной на футбол, поорать, болея за «Динамо», потом гулять по парку, есть мороженое и болтать о всяких пустяках. Он посмотрел на часы, взял Нину за кисть и медленно, с сожалением отвел ее руку, успев почувствовать под прохладной тонкой кожей частый пульс.

— Надо заниматься, — с заминкой сказал он. — Слыхали, такое есть нудное словечко: надо. Самое скучное из всех слов.

Нина отошла без улыбки, ничего не сказав. В тот день она назло Андрею поехала на стадион с Сашей, смеялась и кокетничала с ним, позволила проводить себя до дому, даже поцеловать, мечтая о том, чтобы Андрей увидел ее в эту минуту.

А в эту минуту он, обнаружив очередную ошибку, стучал кулаком по голове, проклиная свою тупость. Скверная, трусливая мыслишка закрадывалась ему в душу: а вдруг все, что делает, чепуха?

Он вернулся к высохшему руслу своих дум — к спору с Одинцовым. Стоила ли борьба таких жертв? Пока он тащился по этим обходным путям, другие обгоняли его. Дима Малютин, с которым он вместе кончил аспирантуру, создавал новый тип трансформатора; Гуляев опубликовал исследование об атмосферном электричестве. Ну и пусть... Черт с ними! Его дело — готовить локатор, чтобы и Наумову и его бригаде было легче работать.

Мысль, что когда-нибудь благодаря локатору энергетики наконец избавятся от многих лишних забот и тревог, заставляла его торопиться. Но все чаще и чаще он стал ощущать какую-то непонятную умственную усталость. А между тем, лишенный возможности работать с приборами, наблюдать реальные процессы, он вынужден был постоянно домысливать, напрягать воображение.

Очевидно, он переутомился. Ему необходимо отвлечься. Он поехал на дачу к сестре, но и здесь мозг его продолжал безостановочно работать в том же направлении. В Управлении заметили его рассеянность и посмеивались — Лобанов повредился на своих повреждениях, локационное сумасшествие. Он сам почувствовал, что с ним происходит что-то неладное. Работа над локатором продвигалась все медленнее и труднее. Он стал раздражительным, с трудом сдерживался, чтобы не вспылить по малейшему пустяку.

Охваченный тревогой, он вспоминал о первых вечерах, проведенных с Ритой. Как хорошо ему работалось в ту пору! Просматривая записи тех дней, он завидовал себе, убеждаясь, как оскудела его фантазия. Теперь он жил только частью своей души.

Однажды душным, предгрозовым утром он, несмотря на свою рассеянность, заметил в лаборатории какое-то необычное и странное внимание к себе.

Некоторые посматривали на него с любопытством и в то же время виновато, другие, подавляя улыбку, отворачивались.

— Ты читал? — угрюмо спросил Борисов. — Почитай стенгазету.

Андрей поднялся к Управлению. В коридоре висел свежий номер стенгазеты; Управления. Вокруг толпились служащие, кто-то громко смеялся.

— А вот и сам герой! — сказал инспектор по технике безопасности.

На Андрея оглянулись и, давая ему дорогу, расступились.

В последней колонке газеты он увидел карикатуру на себя и под ней длинное стихотворение. Задумчиво поглаживая подбородок — это часто выручало его в трудных положениях, — он внимательно читал, не пропуская ни одного слова, чувствуя на себе пристальные взгляды окружающих. Стихотворение, или, вернее, басня, называлось «Кот и мышь», в скобках стояло: «Заимствовано у ряда баснописцев, чтобы в конце концов посвятить А. Н. Лобанову».

Однажды некий юный кот

Решил ловить мышей, и вот

Подготовлять он начал сразу

Теоретическую базу.

Далее подробно описывалось, как кот готовил диссертацию о методах локации мышей и получил ученую степень. После трехлетних трудов он знал все способы нахождения мышей.

...и лишь

Не видел он живую мышь,

Что, впрочем, очень, очень мало

Героя нашего смущало.

Приведя самонадеянные рассуждения кота по этому поводу, автор наконец отправил героя на первую охоту, снабдив его зачем-то готовальней, линейками и прочими атрибутами учености. Но бедному коту так ничего и не удалось поймать... Понятие о локации, по-видимому, несколько не обременяло автора.

Но написано все это было бойко, весело, и если страдал смысл, то выигрывала рифма.

Ученый кот промолвил: «Так-с,

Определяем параллакс,

И первым делом мы запишем

Полярные координаты мыши».

А вслед за тем ученый кот

Спокойно произвел расчет,

Определил довольно тонко

Спектральный класс и тип мышонка.

Путем изящных вычислений

Нашел систему уравнений,

Нашел усилие Де Ку

И приготовился к прыжку.

Кот шепчет: «Не уйдешь, малыш».

Но что такое, где же мышь?

Пока расчет производился,

Объект расчета в норке скрылся.

Таков итог печальных дел —

Сорвалась у кота атака.

В науке кот собаку съел.

А в практике — так «кот заплакал».

Андрей оглянулся, все молча смотрели на него.

— Остроумно, — сказал он, — правда, не по адресу, но остроумно.

О том, насколько эта басня извращала истину о Лобанове, знали немногие.

Большинство, доверчиво посмеиваясь, отождествляло ученого кота с Лобановым.

Саша был вне себя.

— Искажение фактов! — жаловался он Нине. — Надо послать опровержение от имени общественных организаций лаборатории.

Сочувствие и интерес к Лобанову сближали молодых людей. Саша полагал, что именно он своими постоянными похвалами сумел внушить Нине этот интерес.

Значит, она разделяет его чувства. «Значит, она равнодушна ко мне», — думал он. Что только не служит топливом для любви!

— Сорвать бы эту стенгазету, — сказала Нина.

Саша строго покачал головой. Это не метод. Действовать надо по-другому.

Нина презрительно фыркнула.

Вечером после работы она, выждав, когда опустеют коридоры, бритвенным лезвием вырезала басню и карикатуру. Она нажимала на лезвие с такой силой, что надрезала обои на стене под газетой. Бумага была толстая и страшно громко трещала. Нина с трудом скомкала ее в руке, комок получился большой, угловатый, его никак не удавалось запихнуть в урну.

Уходя, Нина вдруг подумала, что уборщица может обратить внимание на этот ком бумаги. Бегом она вернулась. В коридоре возле стенгазеты стояли уже двое мужчин и рассматривали дыру в последней полосе.

Не смея повернуть назад, Нина прошла мимо них, щеки ее горели, она повертелась на лестнице, спустилась вниз и лишь на улице сообразила, что находка вырезанного куска не будет уликой против нее.

Назавтра поднялся переполох. Нина слыхала, как Лобанова вызывали в партком, и у нее начало все валиться из рук. Она сожгла амперметр и с каменным лицом выслушала выговор Майи Константиновны.

Никто из инженеров не верил, что преступление совершено Лобановым. Они так и говорили — преступление. Что она наделала! Она хотела помочь Лобанову, а вместо этого причинила ему неприятности. Вчерашний поступок казался ей теперь дурацким. Боже, какая глупость! Разве не ясно было, как это скверно кончится. Разумеется, сейчас все подозрения пали на Лобанова. И как же он оправдается?

Леня Морозов злорадно рассуждал о том, как пропишут теперь Лобанову.

— Отдай наш гальванометр, — сверкая глазами, сказала Нина. — И замолчи, невозможно работать. Трещит, как баба.

Когда Нина была в ярости, даже Морозов остерегался с ней связываться.

Она решила пойти в партком и во всем признаться. Скажет: вырезала просто так, просто понравилась ей басня — и вырезала на память. Не расстреляют же ее за это. Она напудрилась и побежала в партком к техническому секретарю Таисии Дмитриевне. Сперва она болтала о всяких разностях, потом невзначай спросила: кто сейчас у секретаря парткома Зорина? А наши — Лобанов и Борисов — ушли уже? Ну, как с ними?

Таисия, пожилая женщина со смуглым цыганским лицом, рассказала, что виновного не нашли. Лобанов, конечно, ни при чем, он вчера был на совещании и потом уехал к Тарасову на станцию и не возвращался.

— Но вырезал кто-то из ваших, — закончила Таисия, закладывая бумагу в машинку.

— Почему это обязательно из наших? — облегченно сказала Нина. — Как будто другие не могли! Просто нашлись благородные люди. Факт, что несправедливая басня, поэтому и вырезали.

В обеденный перерыв к ней подошел Саша.

— Как тебе нравится этот случай? — спросил он, глядя ей в глаза.

Нина вспомнила свою вчерашнюю неосторожную фразу и смутилась.

— Ясно, так бороться нельзя, — повторила она его слова. — Между прочим, ты не был в Приморске? Мне дают туда путевку в дом отдыха...

— Не был... Нина, это ты вырезала? — тихо спросил он.

По его печальному волнению она поняла, что ей бояться нечего.

— А если я? Побежишь на меня доносить Борисову?

— Зачем ты это сделала? Она посмотрела на часы:

— Пошли во двор, покидаем мяч... И чего ты горячишься? Я просто пошутила. Я тебя испытываю. Пошли.

По дороге она сказала:

— Ты должен быть доволен. Конечно, это не метод, но все почувствовали, что народ против. И Лобанову легче.

— Уж больно ты к сердцу принимаешь... — глухо сказал он и не кончил.

Нина не обратила внимания на его красноречивую недомолвку. Когда они проходили мимо стенгазеты, там была подклеена свежая полоса с той же басней и карикатурой. И это не огорчило Нину. Опасность миновала. Когда-нибудь придет день, и она признается во всем тому, ради кого она совершила это. Как бы ни был глуп ее поступок, она доказала, что любит. И способна на все ради него. Она никогда не испытывала такого чувства.

«Вольфрамовые контакты должны иметь, — читал Андрей, — высокую температуру плавления, необходимую твердость...» — Он улыбнулся. Технические термины приобрели вдруг другой смысл: «...должны иметь однородность вещества».

«Правильно», — подумал он.

Басня в стенгазете, казалось бы, нанесла ему удар в самый критический момент, когда он так нуждался в поддержке. Как ни странно, он не чувствовал себя убитым, наоборот, он как-то встряхнулся. «...Вольфрамовый контакт должен быть вязким, чтобы противостоять расплющиванию». В особо тяжкие минуты ему вспоминался разговор в пивной, и это воспоминание всегда заряжало его новой порцией гневной энергии. Хотелось быть как железо под молотом — чем больше бьют, тем крепче.

Разумеется, даром ему это не сходило. Сухой, ожесточенный блеск появился в глазах. Обращение его стало еще строже и официальнее, неприятная черствость укоренялась в характере.

Теоретические подсчеты подтвердили возможность создания локатора.

Узнав, что техотдел выпускает научно-технический сборник, Андрей на основе полученных выводов написал статью о принципе работы локатора.

Он пытался вообразить себе, что подумает Одинцов, прочитав его статью.

Может быть, старик смягчится. И в глубине души обрадуется. А вдруг возьмет и позвонит? Когда он мысленно представил, как Одинцов, сидя в своем скрипучем плетеном кресле, будет водить толстым синим карандашом вот по этим строчкам.

Андрея прохватил озноб. Оказывается, все эти месяцы мысль о старике жила в нем.

Статью не приняли. Долгин с улыбкой сказал:

— Ваша статья неактуальна.

Андрей отправил ее в журнал «Электричество». Оттуда она вернулась быстро с уничтожающей рецензией Тонкова. Андрей добавил к статье несколько резких замечаний в ответ на рецензию и послал статью еще в два журнала, имеющие отношение к электротехнике.

В течение месяца он аккуратно получал рукописи обратно. Борисов, единственный человек, с которым он делился своими неудачами, иронически сказал:

— «ООМ», Организация Общественного Молчания. — Потом он переменял тон.

— Не печатают? — Он старался казаться веселым, глаза его колюче блестели сквозь узкие мохнатые щелки. — Значит, боятся! Значит, мы правы. Бороться-то им в открытую нечем!

Только в журнале «Техника молодежи» появилась краткая заметка о новом приборе, разрабатываемом в Энергосистеме. Андрей узнал об этой заметке при странных и важных обстоятельствах.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

За длинным столом, покрытым зеленой скатертью, сидели бритоголовый с коричневым обветренным лицом морской инженер-полковник и молоденький голубоглазый майор.

Вопрос главного инженера прозвучал равнодушно и устало. Слишком равнодушно. Такое бесстрашие было мало на него похоже. Дмитрий Алексеевич словно говорил: вот, пожалуйста, сейчас вам подтвердят, что я, к сожалению, прав. В самом вопросе подсказывался ответ. И ответ этот должен дать Андрей.

Ему предстояло, очевидно, разрешить какой-то спор, начатый здесь задолго до его прихода.

Моряки выжидающе смотрели на Андрея. Из своих кроме главного инженера в кабинете находился один Потапенко. То, что мог ответить Андрей, не было новостью для главного инженера и тем более для Потапенко. Андрей должен подтвердить, что ничего, кроме общего принципа идеи локатора, у него пока нет. Его свидетельство, выходит, необходимо только для убеждения этих офицеров. В чем? О чем просили моряки и на что не соглашался главный? Почему такое непримиримое выражение на лице Потапенко?

Все эти соображения и вопросы промелькнули в голове Андрея одно за другим, заставляя его насторожиться и не спешить с ответом. Потапенко нетерпеливо постучал пальцами по столу. Глаза Андрея светились от напряжения. Ловко уклонившись от прямого ответа, он, петляя вокруг да около, втянул в разговор моряков. Впервые в жизни он изворачивался и хитрил, охваченный настойчивым предчувствием значительности происходящего.

Моряки от имени крупного конструкторского бюро просили принять заказ на разработку локатора для сложной электросети новых океанских кораблей. Откуда им известно о локаторе, Андрей не знал. Главный инженер и Потапенко доказывали, что ничего реального пока нет, и предлагали поделиться результатами исследований Майи Устиновой. Но старый метод даже в усовершенствованном виде не устраивал моряков. Будь у моряков локатор, проектировщики могли бы значительно упростить электрическую сеть на кораблях. Просьба подкреплялась бумагой от весьма авторитетной организации, поэтому просто отказать главный инженер не мог. Самое правильное — раскрыть морякам всю беспочвенность их надежд на локатор, с тем, чтобы они сами отказались от наказа. И сделать это лучше всего мог автор прибора.

Главный инженер не сомневался в том, что Лобанов должен, вынужден будет разубедить моряков. Дмитрий Алексеевич вертел в руках бумагу, подписанную человеком, которого он давно знал и уважал, и мысленно подыскивал слова ответного письма.

Обращаясь к Андрею, полковник рассказывал, какое значение для них имеет новый прибор. Он говорил не торопясь, словно давал ему время подумать, прежде чем ответить. Андрей, без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами, выставив худые локти с красными

натертыми пятнами, поглаживал пальцами подбородок. Выглядел Андрей несерьезно. Виктор даже поморщился: что подумают моряки.

Полковник кончил. Андрей облизнул сухие губы и сказал быстро, хрипловатым голосом:

— Считаю, мы можем принять ваш заказ.

Никто не вскочил, не удавился, хотя у каждого внутри все напряглось, как перед сигналом к бою.

Дмитрий Алексеевич опустил на стол бумагу, вынул портсигар, щелкнул крышкой, закурил. Все смотрели на желтый огонек спички.

— По-моему, Андрей Николаевич, вы не имеете пока никаких положительных результатов, — мягко сказал Дмитрий Алексеевич.

Андрей кинул взгляд в сторону Потапенко, насмешливо раздул ноздри.

— У вас, Дмитрий Алексеевич, устарелые сведения. Я закончил расчеты.

Они дали хорошие результаты.

— Зато экспериментальной проверки не было. Вы лучше меня знаете, что опыт часто опрокидывает бумажные доказательства.

«Вы же сами виноваты, сами не дали мне возможности провести лабораторные работы», — подумал Андрей. Сдерживая нарастающий гнев, он упрямо наклонил голову:

— Я настаиваю на своем предложении. Я уверен, что получится.

— А я вот не уверен, — спокойно усмехнулся главный инженер. — Так государственные дела не решают. Вы понимаете, какую мы ответственность берем на себя?

— Понимаю.

— Нет, не понимаете, — раздраженно отрезал главный инженер.

До сих пор молчавший майор осторожно заметил:

— Конечно, нам нужна уверенность. Если она будет, мы по-иному спроектируем сеть кораблей.

Главный инженер расценил его слова как поддержку.

— Вот именно. А какую вы можете дать гарантию, Андрей Николаевич?

— Гарантию, — процедил Потапенко. — Отвечать-то нам придется.

— Суть не в ответственности — махнул рукой главный инженер, — большое дело испортить можем.

— Я все же хотел бы еще раз услышать мнение товарища Лобанова, — сказал полковник. — Взвесьте все «за» и «против».

Андрей задумался, честно проверяя свои силы. Ни на минуту он не усомнился в своем детище. Сердце его стучало так, что он слышал его толчки.

Все, все могло решиться сейчас.

— Вам достаточно моего ручательства? — спросил Андрей. — Товарищ полковник, конечно, для вас это связано с риском. Но ведь если бы всякий риск останавливал инженеров, то...

— Там, где можно, надо избегать риска, — прервал его главный инженер.

— За счет чего? — спросил полковник. — Отказавшись от заказа?

Потапенко, откинув рукав, посмотрел на часы:

— Давайте так, товарищ полковник: мы всесторонне обсудим со специалистами предложение Лобанова и дадим вам на днях окончательный ответ.

Полковник качнул круглой головой:

— Боже мой, какая осторожность...

Судя по настроению полковника, теперь уже не могло быть и речи, что он сам мирно откажется от заказа. Главный инженер натянуто улыбнулся:

— Вы, товарищи, плохо знаете Лобанова. Он и без вас сумеет положить нас на обе лопатки.

Полковник и майор встали.

— Если Андрею Николаевичу нужна экспериментальная база, — сказал полковник, — пожалуйста. В нашем распоряжении...

Главный инженер обиженно прервал его:

— От добра добра не ищут.

После ухода моряков на некоторое время воцарилось молчание. Позвонил телефон, и пока главный инженер разговаривал, Андрей и Виктор сидели молча, не глядя друг на друга.

— Ну-с, — сказал главный инженер, швырнув трубку на рычаг. — Ну-с, Андрей Николаевич, вы представляете себе, в какую историю вы нас тянете?

Зачем надевать себе на шею этот хомут? Что, у нас своих мало? Сами для себя не рискнули сделать, а тут извольте для дядей стараться.

Потапенко вскочил, с неприкрытой злобой взглянул на Андрея.

— Будем говорить начистоту, — резко сказал он. — Заявление Лобанова преследует цель показать, как его затирают. Свои мешают, а чужие... Он не брезгует никакими средствами. Полюбуйтесь, Дмитрий Алексеевич, на какие трюки он пустился.

Потапенко положил перед главным инженером журнал «Техника молодежи» с обведенной красным карандашом заметкой.

— Якобы прибор готов. Формальная самореклама. Нам запросы шлют...

Моряки тоже, наверно, отсюда узнали...

— А я-то понять не мог, откуда они пронюхали, — сказал главный инженер, читая заметку.

Он не спешил с выводами. Протянул Лобанову журнал, внимательно следил, как изумленно раскрылись красные усталые веки, как честно встретили его взгляд глаза Лобанова.

— В первый раз вижу эту заметку, — признался Андрей. Он живо обернулся к Потапенко: —

Кто тебе пишет? От кого запросы?

Он позабыл сейчас о всех обидных обвинениях Потапенко и о главном инженере, ждущем его ответа, ему важно было знать: кому нужен его прибор.

Главный инженер улыбнулся, прикрыл рот рукою, строго покашлял.

— Не говорите ему, Виктор Григорьевич, а то найдет еще просителей.

— Не беспокойтесь, сами найдут... — сказал Андрей. — Неужели вы не понимаете, что многие нуждаются в этом приборе? Жизнь заставит нас...

Сегодня вы отобьетесь от моряков, завтра к вам придут ваши же рабочие.

Локатор нужен! Никуда не спрячетесь от него. Вы можете помешать мне, но кто-нибудь другой сделает его. Что же касается моих скрытых целей...

— Не будем о них препираться, — властно сказал главный инженер. — Время покажет, у кого какие были цели.

Андрей торопливо кивнул.

— Погодите, Андрей Николаевич. Мне кажется, вы как-то излишне трагически воспринимаете происходящее, — продолжал главный инженер. — Новатор поначалу свою идею всегда вынашивает в подполье. Потому что, если ее вытолкнуть на свет незрелой, сразу затюкают. А как же иначе? Вот таких, как мы, надо убедить. Чем идея смелее, тем людям труднее отказаться от старого. И все это время автор одинок. Бояться этого не следует. Как говорится, в корове молоко не прокиснет. Временное одиночество неизбежно и, пожалуй... полезно. И борьба до определенного момента тоже полезна.

— И то, что линии передачи в ремонте простаивают по нескольку дней, тоже полезно?

Дмитрий Алексеевич посмотрел на розовые оттопыренные уши Лобанова и жестко сказал:

— Вот вы дайте мне такой прибор, чтобы предупреждать аварии, за которые меня лупят, тогда будьте спокойны: ни одной ми нуты он у вас не пролежит.

Всех посажу вам помогать. Сам пойду к вам лаборантом работать.

— Так, — сказал Андрей вставая. — Значит, необходимость нового вы определяете тем местом, по которому бьют... Имейте в виду, бьют вас или не бьют, примете вы заказ или нет, локатор будет сделан. Не у вас, так у моряков. — Он положил на стол туго сжатый кулак. — Костью лягу, а сделаю.

Посмотрим тогда, как будет выглядеть ваша инженерная репутация.

Главный инженер задумчиво рассматривал кулак Андрея, точно оценивая его силу...

— Вот это серьезная угроза, — ответил он, неожиданно улыбнувшись.

Удивительно обезоруживающая улыбка была у этого человека. Или только на Андрея она так действовала?

Андрей доверчиво раскинул руки, покрасневшее потное лицо его дышало азартом.

— Да что мы, в самом деле, не инженеры, что ли! Давайте я вам сейчас притащу свои расчеты. Посмотрим.

— Вопрос слишком серьезный, — холодно сказал Потапенко, упорно избегая обращаться к Андрею. — Надо создать авторитетную комиссию.

Андрей не удержался:

— Ха!.. Во главе с профессором Тонковым?

— Ничего, как-нибудь разберемся сами, — сказал главный инженер. — Крупные и мелкие дробы проходили. Тем более что ваш Тонков, кажется, не очень-то объективен.

«Что, не вышло? — подумал Андрей. — Не такой-то уж простачок наш главный».

— Подавайте сюда ваши бумаги, Андрей Николаевич, я дома посмотрю, подготовлюсь, чтобы не задавать вам глупых вопросов. — Говоря это, главный инженер придвинул к себе календарь и стал записывать.

Андрей видел, как вверх ногами к нему из-под кончика пера побежали слова: «А. Н. - локатор — отзыв». Кончик пера повертелся в раздумье на точке и скользнул дальше: «Лобанов — Потапенко (?)». Вопросительный знак тревожно выглядывал из скобок, нависая над обеими фамилиями.

Лиловая папка, принесенная Лобановым, была отложена в проволочную корзиночку, куда главный инженер складывал текущие бумаги. К вечеру их скопился целый ворох, они завалили папку Лобанова — срочные, важные, категорические. Они требовали немедленного решения, о них нельзя было забыть.

После приема посетителей началось совещание с энергетиками заводов, потом слушали доклад управляющего стройтрестом; весь день в кабинете толпились люди. Прибыли вагоны с оборудованием — его необходимо немедленно распределить. Со станций поступили жалобы на торф — слишком влажный; трансформаторщики просили разрешения заменить одну изоляцию другой. Звонили из горкома партии, из Москвы, звонил администратор гостиницы: Жена директора бельгийской фирмы жалуется, что у нее в номере тускло горит лампочка. И в цепкой памяти Дмитрия Алексеевича разговор с Лобановым отодвигался все дальше, в опасный разряд тех дел, которые подождут.

В восемь вечера явился последний посетитель. Это был главный инженер одного из крупных текстильных комбинатов города. Оба главных знали друг друга много лет. Их отношения принадлежали к той распространенной категории служебной или деловой дружбы, когда хорошо изучил человека, много раз выручал его в тяжелые минуты, уважаешь, любишь его, но никогда не был у него дома, не имеешь понятия, где он живет, есть ли у него жена, дети...

Дмитрий Алексеевич первый раз за день потянулся в кресле.

— Затащила меня недавно жена в Дом композиторов на творческую дискуссию, — неторопливо рассказывал он, наслаждаясь передышкой. — Я в музыке профан, сижу ушами хлопаю. Но дело не в этом. Понравился мне тон, сама система обсуждения, пони маешь, Ираклий Григорьевич, очень как-то по-дружески вправляли мозги автору. Причем без всяких протоколов, голосования, если хочешь, по-семейному, в хорошем смысле этого слова. Советовались, вместе думали, что бы там сделать со звучанием какой-то темы. Я позавидовал. Нам бы с тобой такой дом. Куда бы люди незавидной специальности нашей — руководители — могли бы зайти, посидеть, побалакать.

Ираклий Григорьевич, толстый сидящий грузин, полузакрыв масляно-черные глаза.

— Казанская сирота. У тебя, верно, очень много свободного времени.

Слишком много. Тебя, верно, мало ругают. Совсем мало. Композитор дома сидит.

Пишет. А ты на людях. Советуйся с ними, пожалуйста. Директор у тебя есть?

Парторг есть? Помощник, за мы есть? — Он горестно зажмурился. — Мне, дорогой, некогда все их советы выслушивать. А тут еще ехать в твой клуб.

Впрочем, особо противиться Ираклий Григорьевич не собирался. Клуб так клуб. Пожалуйста, с пивом и с блинами.

— Чуешь, какой я хороший? Зачем нам спорить из-за таких пустяков. Сам понимаешь, приехал к тебе клиент, просит мощность, ты ему про клуб. Он уступает — значит, и ты должен уступить. Подписывай, пожалуйста.

Дмитрий Алексеевич рассмеялся, пригрозил пальцем:

— Чей хлеб ем, того и песенку пою?

Речь шла о дополнительной электрической мощности комбинату. Дмитрий Алексеевич доказывал, что мощность увеличить нельзя. Электрохозяйство комбината запущено, на подстанции стоит старое, изношенное оборудование.

— Пойми ты, чужак в любую минуту у тебя и так может случиться неприятность. Твоя подстанция — аварийный очаг. — Дмитрий Алексеевич вышел из-за стола. — Я знаю, знаю, почему ты не хочешь строить новую подстанцию и прокладывать резервный фи дер. Авось, небось да как-нибудь проживем...

— Слушай, а может, действительно проживем?

— Психология временщика.

— Послушай, дорогой, ты меня обижаешь, — сказал Ираклий Григорьевич, добродушный блеск его глаз погас. — Нехорошо. Не хороший намек. — Он стал говорить с резким акцентом. — Ты знаешь, какое я задание получил? Кровь из носу, а выпустить вдвое больше. Твоей жене штапель нужен? Шелк нужен? Всем нужно. Мне впору успеть станки установить. Новую подстанцию, новый кабель прокладывать — с очень большим удовольствием. Как станет посвободнее — пожалуйста.

— А когда у нас бывает посвободнее? Ираклий Григорьевич понимающе усмехнулся:

— То-то и оно, что не бывает.

Он опечаленно подергал себя за кончик тонкого хищного носа, но в следующую минуту как ни в чем не бывало лихо хлопнул себя по коленкам.

— Хочешь, открою тебе секрет? — Он таинственно понизил голос. — Одному тебе, пользуйся моей добротой. У меня теория такая: если новая техника нужна, она сама пробьет себе дорогу, как бы я ни сопротивлялся ей. Я вроде фильтра. То, что преодолет меня, заслуживает право на существование.

Диалектику помнишь? Новое рождается в борьбе со старым. Так вот я — это старое, без которого не родиться новому.

— Силен, — признал Дмитрий Алексеевич, и оба расхохотались.

Дмитрий Алексеевич смеялся и вспоминал, где он недавно слышал подобные слова или что-то похожее. От кого? При каких обстоятельствах?

Смех, как хорошая смазка, помог Ираклию Григорьевичу подъехать к разговору о мощности с

другого бока:

— Прямо заявляю — не дашь мощности, буду с тобою драться. Через горком, министерство. Охота тебе связываться?

— Допустим, я тебе дам мощность, — сказал Дмитрий Алексеевич, осматривая чернильный прибор, бумаги, карандаши, словно разыскивая что-то. — Ты немедленно поставишь новые станки, включишь. Кабель хлоп — и пробился.

Резервного нет. Пока повреждение найдут — половина цехов будет стоять. Что тогда?

Ираклий Григорьевич махнул рукой, плюнул через плечо:

— Типун тебе на язык! Пожалуйста, не шути. Конечно, я иду на риск...

При слове «риск» Дмитрию Алексеевичу показалось, что вот-вот вспомнит, кто говорил так про новую технику, и опять сбил мысли этот вымогатель.

Дмитрий Алексеевич аж крякнул с досады.

Ираклий Григорьевич не сдавался. С неподдельной жалостью к самому себе он описал, как встретят его требование на кабель и новую подстанцию в министерстве.

— Скажут — спекулируешь на задании. И, самое обидное, опять ведь попрекнут — спокойной жизни захотел. Ох мне эта спокойная жизнь, некуда спрятаться от нее! Как будто это вредительство — спокойная жизнь. Никогда я не имел ее, но, знаешь, Дмитриии Алексеевич, иногда она мне снится. — Он сладко прицокнул языком. — Это что-то райское... Да, чуть не забыл, — спохватился Ираклий Григорьевич. — Ты у меня как-то компрессор просил.

Завтра тебе пришлю. Освободился он у меня.

«Сейчас я тебя прочу, взяточник», — улыбаясь, подумал Дмитрий Алексеевич.

— Вот спасибо, Ираклий Григорьевич, — поклонился он. Приятно иметь дело с человеком отзывчивым... несмотря ни на что. Нет в тебе этакого барышнического душка: я — вам, а вы — нам...

Он умолк, хотя знал, что Ираклий Григорьевич ожидает продолжения.

Убедившись, что продолжения не будет, Ираклий Григорьевич с натугой сказал:

— Да, конечно. Пришлю... Значит, встречаемся в горкоме?

Дмитрий Алексеевич кивнул.

— А может, все-таки дашь мощность?

— И не надейся.

Теперь, когда все было кончено, не имело смысла сердиться. Каждый из них понимал это и даже сочувствовал другому.

— Приехать бы домой, книжку почитать по новым станкам, — сказал, прощаясь, Ираклий Григорьевич, — так нет, придется писать на тебя жалобу. А ты говоришь, новой техникой заниматься.

Оставшись один, Дмитрий Алексеевич долго смотрел на пустое кресло, где только что сидел Ираклий Григорьевич. Часы пробили девять. Он вздохнул, вытащил из корзинки отложенные

бумаги. Взгляд его упал на лиловую папку...

Так вот в чем дело! Вот откуда это ощущение слышанного. Почти те же доводы он, Дмитрий Алексеевич, приводил в споре с Лобановым.

А сейчас чужие губы произносили их с такой же легкостью: «Риск...», «Само пробьется...».

Он переводил глаза с папки на стопку бумаг и обратно. Взял папку, зачем-то взвесил ее в руке, швырнул в сторону. Фильтр... диалектика! Шутник этот Ираклий. Однако, как он тут ни вышучивался, он на самом деле фильтр.

Дмитрий Алексеевич придвинул бумаги, взял карандаш. Сколько раз просил эту новую: не умеете чинить карандаши — не беритесь. Была Цветкова — был порядок. Отпустил к Лобанову, теперь... А черт, опять сломался... Да, Лобанов. Подумаешь, теоретик...

Дмитрий Алексеевич решительно оделся, погасил свет, дошел до дверей, постоял, вернулся, взял со стола папку.

Всю дорогу в машине он молчал, закрыв глаза; шофер решил, что начальство дремлет, но, когда проезжали мимо школы, Дмитрий Алексеевич ворчливо сказал:

— Чего не гудишь? Детей жалея, а не аккумуляторы.

За ужином он оставался мрачным, неразговорчивым и, не допив чая, ушел к себе в кабинет.

Раскрыв папку, он стал небрежно перелистывать рукопись, Почерк-то, почерк! Как будто этого Лобанова лихорадка трясла. Схемы какие-то кривые, уже по внешнему виду можно представить, что это за работа. А самоуверенности — «локатор дает принципиально новое решение...». Бред! Так и знал. Откуда взялась такая точность? Собачий бред!

Дмитрий Алексеевич, фырча, заглянул в последние страницы, форменная белиберда. «Определять повреждения можно одним прибором и в линиях и в кабелях, независимо от их длины, материала...» Этот Лобанов, видно, сам повредился. Верно про него писали — ученый кот. Изволь разбираться с таким фанатиком, фильтр... Ираклий — тот действительно рутинер. Кабель я его заставлю проложить. Опять какая-то формула. Откуда она взялась?

Вошла жена, покачала головой:

— Ты еще не переоделся. Сейчас придут гости. Анна Мироновна с Зиночкой.

Дмитрий Алексеевич облегченно захлопнул папку. Потапенко, пожалуй, прав, Лобанов затащит в такую историю, стыда не оберешься. Симпатичный.

Фантазер он!

— Все. Капут! — весело сказал он. Потрогал щеки, не надо ли бриться.

Сойдет! — Я как раз хотел с Анной Мироновной посоветоваться насчет своего ревматизма. Ты иди, я сейчас.

Он стал расшнуровывать ботинки. Однако странно, откуда взялась эта формула? Надо все же написать Лобанову заключение. Ираклий... тот действительно фильтр. А про меня... Кто в прошлом году вытащил предложение Васи Воронина? Ездил специально на коллегия, хлопотал. А если я не поддерживал Лобанова, так правильно делал. Лобанов из пальца высосал идею.

Ну, идея, положим, хорошая... Много хороших идей. Откуда все-таки формула взялась?

Он подошел к столу, не садясь, перелистал рукопись, нашел непонятную формулу.

Жена застала Дмитрия Алексеевича у стола. Он стоял без пиджака, в носках, одной рукой перелистывая рукопись, а другой держа ботинок.

— Митя, — торопливо сказала она, — Анна Мироновна уже пришла.

— Анна Мироновна? — переспросил он. — К черту Анну Мироновну.

Она испуганно подняла брови:

— Что с тобой?

Дмитрий Алексеевич опомнился, виновато закрыл рукопись:

— Ничего, я сейчас, сию минуту. Ты иди.

На вырванном из блокнота листке он набросал саму собой складывающуюся фразу: «Отмечая несомненную ценность произведенных т. Лобановым расчетов, полагаю, что они все же не дают права решать вопрос о практической реализации...»

Он перечеркнул, начал резче, опять зачеркнул. Ему не терпелось сейчас же позвонить Лобанову и сорвать на нем свою злость. Он и позвонил бы, но телефон стоял в передней, надо было пройти через столовую, где сидели гости.

Триста шестьдесят пять раз в году он собирался поставить параллельный телефон здесь, у себя в кабинете. Дмитрий Алексеевич присел на кушетку и начал надевать туфли. Из-за неплотно притворенной двери доносился запах пирогов и неясный шум голосов. Мусоля разлохмаченный кончик шнурка, Дмитрий Алексеевич подбирал формулировку заключения о работе Лобанова. Его раздражало непонятное, непривычное отсутствие нужных слов. Кто-кто, а он славился умением одной фразой убить человека. Вчера на подстанции, когда при нем пробовали сослаться на плохую работу повой машины, он вежливо сказал начальнику: «Вы знаете, мне кажется, что на подстанции нет инженеров». И этого было достаточно... Ну, а я-то инженер, и не просто инженер, а главный, главный инженер. «Фильтр», — снова с яростью вспомнил он Ираклия Григорьевича. Не нравится быть фильтром? Тогда разберись, не занимайся отпихнизмом.

Так и не дошнуровав туфли, он подошел к шкафу, достал справочник с твердым намерением уличить Лобанова в ошибке. За справочником последовал толстый том «Физических основ», за ним пыльный комплект прошлогодних журналов. Черт возьми, выходит, Лобанов прав... Он вернулся к первой странице рукописи. Спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу, он пробирался к сути дела, и чем дальше он шел, тем больше у него скапливалось вопросов.

Когда к нему снова заглянула жена, в кабинете было накурено, на полу валялись журналы и книги. Дмитрий Алексеевич читал, сидя верхом на стуле.

— У тебя что-нибудь стряслось, Митя? — забыв о своем негодовании, встревожилась она.

Раньше бы он досадливо махнул рукой — «новая морока». Ведь прибор Лобанова тащил за собою непредвиденные и вовсе необязательные хлопоты. Если даже прибор и хорош («ну, это мы еще посмотрим!»), придется налаживать производство, доставать материалы, ломать сопротивление Потапенко и всех его приспешников. Одно потянет другое. Калмыков выступит на активе: «Прибором Лобанова занимаетесь, а котельную автоматику забыли?» Заманчиво, ох как заманчиво прихлопнуть этот локатор в зародыше и уберечь себя от всех грядущих связанных с ним тревог. Он улыбнулся — до чего явственно, почти физически, ощущалось это желание.

Дмитрий Алексеевич взял жену за плечи, притянул к себе и, целуя в глаза, сказал:

— У меня и впрямь стряслось... При худе худо; а без худа и того хуже, одним словом — приятная неприятность. Ты там извинись за меня, ну придумай что-нибудь, что у меня грипп, тиф, коклюш, что угодно...

Оказалось, что он не знает некоторых новых характеристик изоляторов. И насчет линии передач у него пробелы. Но, во всяком случае, разобраться можно.

За последние годы он привык листать журналы и книги, схватывая лишь самое общее, чтобы быть «в курсе». Сейчас он читал работу Лобанова, сознавая, что от него зависит судьба локатора. С каждой страницей ему становилось легче. Есть еще порох в пороховницах!

Чтение рукописи раскрывало Дмитрию Алексеевичу ход мыслей и поисков Лобанова. Печатные строки безлики, в них не остается следов неудач и отвергнутых сомнений. Рукопись — это увлекательная повесть о самом авторе, о его характере, о его мышлении.

Вот неуверенно перечеркнутая схема, через несколько страниц Лобанов возвращается к ней, он пробует подступиться к ней с одного бока, с другого и наконец, отчаявшись, пишет: «Проверить опытным путем».

Лишенный эксперимента, он вынужден рассматривать иногда по десять возможных решений. Ему бы поставить один-два опыта, и сразу стало бы ясно, но в его распоряжении только бумага. Каторжная обязанность волочить за собою все десять вариантов привлекла Дмитрия Алексеевича на сторону Лобанова сильнее, чем все докладные записки Андрея, чем его речь на техническом совете. Нельзя было дольше оставаться равнодушным. Он не заметил, как из читателя превратился в соратника.

Он шел вслед за Лобановым, переживая его сомнения. Бросался вместе с ним за мелькнувшей догадкой, неуверенно вытянув руки, пробирался в темноте, натыкался на стены, ликовал, нащупав истину.

Иногда на полях попадались посторонние замечания: «Прочитал триста страниц Тонкова для того, чтобы убедиться, что их можно было вовсе не читать».

«Можно создать вещь превосходную, но окончательную — никогда».

«Когда будет макет, опробовать, годится ли формула для других случаев».

«Ох и аппетит», — думал Дмитрий Алексеевич.

Местами, где Лобанов брал препятствия прыжком, Дмитрию Алексеевичу приходилось приставлять лестницу; местами он подолгу останавливался, восхищенный мыслью, крепкой, как удар кулака.

Он страдал вместе с Лобановым, не имея возможности поставить самый простой опыт.

— Испытать, — стонал он. — Идиотство рассчитывать такой контур. Его подобрать на стенде, испытать — и конец.

Кто виноват в этом? Ему было стыдно. Проглядел. Не заметил.

Неужто заболел скверной трусливой старостью? Давно ли сам дрался с прежним начальством, громил: такие-сякие, перестраховщики, боитесь нового!

Не за это ли его выдвинули, доверили такое высокое место? Ведь была же в нем когда-то та же безоглядная протестующая смелость, что и у Лобанова.

Закостенел. Появилось расчетливое равнодушие, и научился защищать его умело, почти искренне. Неужели стал такой, как Иракий Григорьевич? План, да план, да план... С Васей Ворониным случай-то был в прошлом году! И все. И больше припомнить нечего... Фильтр. Неужто это неизбежные последствия возраста, которые приходят вместе с сединой, одышкой и ревматизмом?.. Фу, что за глупости!

Он вскочил, заходил по комнате, спотыкаясь о кипы книг и журналов.

Потапенко и Долгина придется, очевидно, заставить силой. Они будут ссылаться на Тонкова, тогда он им возразит: пускай работа идет параллельно.

Здоровое соревнование, полезное для обеих сторон, — принимаете вызов? Всякие доводы против можно расценивать как стремление к монополии. Да и наконец, Виктор Григорьевич, разберитесь сами, как это сделал главный инженер, и возрадите по существу схемы локатора. Не под силу разобраться самому — призовите на помощь ваших инженеров. Аппарат у вас, слава богу, большой.

Поручите, к примеру, Захарчуку... Он улыбнулся, представив себе кислую физиономию Потапенко при этих словах.

А ты, товарищ Лобанов, тоже — летаешь хорошо, садиться не умеешь.

Откуда ты взял, что локатор годится только для линии передач и кабелей? А трансформаторы? А контрольная проводка?

Дмитрий Алексеевич довольно потер руки. Он почувствовал неоценимую силу своей опытности. Он мог охватить взглядом всю картину, шире, чем Лобанов, раздвинуть рамки возможностей локатора. Перед ним как на ладони лежало все его огромное хозяйство, известное только ему со всеми своими взаимосвязями и перспективами, со всеми своими болезнями. И это закономерно, потому что он главный инженер, именно инженер. Еще повоюем, детинка с сединой всюду сгодится! Черт его знает, может, взять да самому набросать принципы локации повреждений в контрольных цепях? Свежее, молодое волнение испытывал он от одного этого желания, робкого, полузабытого, памятного с юности и такого непохожего на повседневные заботы последних лет. И тревожная, ревнивая радость, что ему первому пришла в голову мысль о новых неизвестных возможностях локатора, радость открывателя, была тоже иной, совсем отличной от радостей его обычной работы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Последнюю неделю Саша Заславский с ног сбился, подготавливая прогулку на парохоме. Комитет комсомола решил нанять парохом, субботним вечером уйти в залив, встретить там рассвет, а день провести в Лесопарке. Программа обсуждалась горячо. Надо было позаботиться о концерте самодеятельности, волейбольной сетке, радиоле, договориться относительно буфета, прояснить щепетильный вопрос о спиртных напитках. Саше в качестве ответственного приходилось выслушивать рождавшиеся ежечасно предложения Пеки Зайцева, звонить в Речной порт, разбираться с одним комсоргом, который отказывался брать на прогулку комсомольцев, не уплативших членские взносы. Среди всех этих срочных и сверхсрочных дел было одно вовсе не срочное, но мучительное для Саши, и чем дальше он его откладывал, тем больше оно мешало ему.

Под вечер он вызвал Борисова в коридор, в полутемный тупичок, где стоял красный пожарный ящик с песком. Борисов курил, а Саша маялся, не зная, как начать разговор. На

первый взгляд просьба его не представляла ничего такого, из-за чего стоило бы волноваться. Он просил Борисова переговорить с Лобановым о переносе отпуска на следующий месяц. Борисов осведомился, почему он хочет перенести отпуск.

Саша покраснел: По семейным обстоятельствам.

— Не умеешь врать — не берись, — сказал Борисов, даже не взглянув на него.

— Ну, знаете!.. — попытался возмутиться Саша, а потом с отчаянием попросил: — Только, Сергей Сергеевич...

— Могила, — успокоил его Борисов.

— Одним словом, я запланировал поехать вместе с Цветковой в дом отдыха.

Она еще не знает. Я с ней в это воскресенье на прогулке думаю договориться.

Мне перед этим надо определенно...

— Сюрприз, значит?

— Сюрприз, только не знаю, приятный ли... — Саша вздохнул.

После случая со стенгазетой его отношения с Ниной окончательно запутались. Подозревать Нину он не имел права и не хотел. И вместе с тем что-то мешало Саше относиться к ней с прежней искренностью. Ему казалось, что она это понимает и сторонится его.

— А почему ты сам не обратишься к Андрею Николаевичу насчет отпуска? — спросил Борисов.

Саша рукой махнул:

— Лобанов занят, к нему не подступишься.

— Подожди, он на прогулку едет?

— Мы его и не приглашали.

— Это еще почему? — удивился Борисов.

— С какой стати Андрею Николаевичу выходной себе портить, ему скучно будет с нами! — сказал Саша.

Не столько слова, сколько эта уверенность, высказанная без всякой обиды на Лобанова, неприятно поразила Борисова.

— Откуда у тебя такое мнение?

— Почему у меня? — неохотно сказал Саша. — Ребята тоже решили его не приглашать. Говорят — при нем будут стесняться.

— Да в чем стесняться? — наседал Борисов. Саша окончательно смутился.

— Видите ли, Сергей Сергеевич... Лобанов очень уж нацеленный на свое дело человек. При нем и подурчиться вроде как неудобно. Он очень правильный... Вы не подумайте чего плохого, — заторопился он, — ребята его сильно уважают, он вовсе не сухарь, мы знаем — он физкультурник. И шутит он здорово...

Борисов задумался.

— А сам-то ты хочешь, чтобы он поехал? Саша молчал.

— Вот что, — сказал Борисов. — Андрея Николаевича обязательно пригласите. Не ради вежливости, а ради самого что ни на есть отдыха. Сами вы сухари, о себе лишь заботитесь. Посмотри, на кого он стал похож. Стесняться его нечего, это чепуха... Одним словом, я все беру на себя. И насчет отпуска тоже похлопочу.

У Саши словно гора с плеч свалилась.

А Борисов крепко задумался. Лобанова пригласить стесняются... Чепуха?

Не такая уж это была чепуха.

Когда Борисова выбирали в партбюро, он отказывался — инженер он молодой, ему еще учиться надо. Парторганизация лаборатории подчинялась партийному комитету Управления. Секретарь парткома Зорин, человек податливый, вялый, откровенно мечтал вернуться к инженерной работе.

— Куда это годится, — жаловался он Борису, — совсем забываю свою специальность.

Борисов понимал его и сочувствовал, тревожась за собственную инженерную судьбу. Правда, парторганизация лаборатории была малочисленная, но все равно совмещать работу с секретарством было нелегко.

— Нашли лошадку, — ругала его жена. — Заседания, совещания... Для этого ты институт кончал?

Пока он был рядовым коммунистом, ему достаточно было выступить с предложением, критиковать, подсказывать, выполнять поручения. Теперь все изменилось. Он должен был сам принимать решения, действовать и заставлять действовать других. Чувство ответственности за все неполадки лаборатории, за каждого человека мучило его своей неопределенностью. Крут его обязанностей не был ничем ограничен. Отвечать приходилось за производство, за политучебу, за настроения людей, за все.

По мере того как Борисов сближался с Лобановым, находил с ним общий язык, он ощущал на себе всевозрастающую неприязнь Долгина, который, занимая в парткоме прочные позиции, делал все, чтобы опорочить Борисова в глазах членов парткома.

Поводом для первого крупного столкновения послужила история с Морозовым.

После комсомольского бюро число поклонников Морозова быстро уменьшилось. То ли обзлившись, то ли желая показать себя, Морозов однажды явился на работу пьяным. Прежде подобные случаи сходили ему с рук, но теперь Борисов настоял на том, чтобы отправить Морозова домой и дело о прогуле передать в суд. Через несколько дней Борисова вызвали в партком.

— Что ж это получается, товарищ Борисов? — сказал Долгин. — Дисциплина-то у вас падает.

Борисов объяснил, в чем дело:

— По-моему, не падает. Мы не желаем больше никому давать спуску.

Долгин поставил галочку против соответствующей графы сводки. Факт остается фактом. Показателем дисциплины является количество взысканий, а соответственно — количество

нарушений. За последний месяц взыскания увеличились вдвое, вдобавок — прогул.

— Ну, а что ж, товарищи, прикажете не наказывать? — спросил Борисов. — Вы же рассуждаете формально. Формализм чистейшей воды.

— Ты пойми, чудак, — сказал Зорин, — о нашей воспитательной работе как будут судить? Вот я такую сводку отправлю, с меня же спросят: почему допускаете?

— Приходится констатировать, — сурово начал Долгин, — политико-воспитательная работа в лаборатории ухудшилась, о чем свидетельствует...

Борисов грубо перебил его:

— Вы на что толкаете меня? Скрывать факты?

Долгин стукнул кулаком по столу:

— Говори, да не заговаривайся. Почему Морозов раньше не прогуливал? Вот в чем корень. Ты должен не взыскания накладывать, а воспитывать людей, чтобы искоренять подобные явления.

Обычная выдержка изменила Борисову. Пользуясь тем, что в кабинете кроме него находились только Зорин и Долгин, он с сердцем выругался:

— Черт бы вас побрал с вашими сводками! Морозов двадцать раз прогуливал, его давно судить следовало, а мы все боялись, цацкались с ним. А теперь, когда мы решили навести порядок, вы берете его под защиту. Так выходит? Руки нам связать хотите? Не выйдет. Контрщипки, сводки вам нужны благополучные!

Он покинул партком обозленный и расстроенный. Чем глубже он вникал в партийную работу, тем сильнее поднимался в нем протест против отупляюще формальных методов, насаждаемых Долгиным при молчаливом согласии Зорина.

Взять, к примеру, социалистическое соревнование. Испокон веков повелось, чтобы каждый месяц каждый работник брал на себя соцобязательство. Полагалось включать не меньше четырех-пяти пунктов, с «охватом» производственной деятельности, общественной деятельности, учебы. А что получалось?

У себя на партбюро Борисов проанализировал некоторые обязательства. Вот Кривицкий пишет: провести наладку регулятора на Комсомольской ГЭС.

Спрашивается, в чем тут его заслуга, если он это обязан сделать по плану? У всех значится одно и то же: активно участвовать в общественной жизни.

Уборщица тетя Ньюша обязалась чисто убирать помещение. При чем тут соцсоревнование?

— Ну, а какие же пункты ей брать? — спросила Майя.

— Да лучше никаких, чем такие, — просто сказал Борисов. — Соревнование имеет смысл, когда человек хочет и может сделать что-либо сверх положенного.

Ну какой прок в тети-Нюшином обязательстве, если оно написано за нее Усольцевым, чтобы соблюсти стопроцентный охват?

Майя задумалась.

— Так-то оно так, да что скажет...

— Долгин? Разумеется, он что-нибудь да скажет. Но у нас то же есть головы. За последнее время, по-моему, в нашем учреждении исказили идею социалистического соревнования. Живая инициатива исчезла. Все делается по подсказке.

Решительность Борисова понравилась членам бюро. Договорились перестроить систему соревнования: обязательства пусть берет тот, кто, допустим, хочет и может выполнить свою работу раньше положенного срока.

Постепенно соревнование начало приобретать первоначальный боевой задор, обязательства принимались по личному долгу, без формальностей. На производственном совещании Воронько сказал:

— О, це гарно, а то уси пальцы обсосал, чего еще выдумать. Возьму я теперь один пункт — сдать экзамены на четверки. Мне это зараз дюже приспичило.

Показатели работы лаборатории улучшились, однако на первых порах количество индивидуальных обязательств уменьшилось, и Долгин не преминул обрушиться на Борисова.

Еще с той поры, когда Борисов работал монтером, у него сохранилась простота обращения, выгодно отличающая его от многих инженеров. Он оставался самим собой с рабочими, не искал их расположения, честил их, когда это было нужно, на чем свет стоит, и тем не менее каждый делал его своим поверенным в трудных обстоятельствах.

Партийная работа ежедневно открывала Борисову сложность человеческих характеров, ставила перед ним задачи, не учитываемые ни в каких планах.

Почему так трудно и болезненно переживает добродушный Воронько свой роман с Верой Сорокиной? Откуда появилась в Майе Устиновой эта не свойственная ей замкнутость? Какой тайная забота последнее время гложет Кузьмича?

Раньше рядовой коммунист Борисов мог посочувствовать Ванюшкину, которому никак не удавалось получить комнату; и вот уже год он жил с молодой женой врозь по общежитиям. Теперь секретарь партбюро Борисов обязан был действовать.

Уборщица тетя Нюша, седенькая, с больными ногами в толстых красных шерстяных чулках, рассказала Борисову:

— Утречком тащусь я на работу — дождь как из ведра. Едет мимо наш Потапенко. Развалился барином в машине, посмотрел, как я ковыляю, хоть бы глазом моргнул. А сам знает, что я после болезни. Ты вот разъясни мне, Сергеич, стряслось бы с ним что, если он остановил бы свой автомобиль и подвез меня?

Какие бы верные слова он ни сказал тете Нюше, он чувствовал себя в долгу перед ней. И то, что он вынужден был порой отвечать словами там, где требовалось дело, — мучило его.

Несмотря на все это, несмотря на неприятности, которые доставлял Долгин, на свое неумение разобраться до конца в человеческой психологии, Борисов замечал, что ему все больше нравится партийная работа. Она заставляла его подтягиваться. Он был уже не только коммунист, он был руководитель, и постоянное чувство ответственности заставляло его следить за собою, бороться со своими слабостями, освобождаясь в этой борьбе от многого, что раньше мешало ему.

Глубже изучая людей, он ставил себе все более сложные задачи. Взять хотя бы Андрея Лобанова. В стремительном росте его характера Борисов давно ощущал какую-то тревожную односторонность. Правда, до сих пор его беспокойство вызывалось случайными, не

связанными единой мыслью наблюдениями.

Борисов замечал, что ему за последние месяцы как-то не хочется говорить с Лобановым ни о чем, кроме как о работе. А ведь Лобанов особенно дружил именно с ним — Борисовым.

Память подсказывала и другие, казалось бы, малозначащие примеры.

Однажды весной Новиков появился в новом костюме. Вся лаборатория давно уже наслышалась про этот костюм. Все усердно нахваливали материал, покрой, фасон; сияющий Новиков обратился к проходившему мимо Лобанову, а тот сухо сказал:

— Сегодня надо ехать на станции, зря вырядились.

Он был прав. Действительно, из-за костюма командировку пришлось отложить. И все же в его правоте было что-то бездушное.

Когда же это все началось? Борисову казалось, что еще до техсовета, весной, в личной жизни Лобанова случилось что-то ожесточившее его. Затем техсовет, изнуряющая работа над локатором в одиночку усилили эту отчужденность. Лобанов отстранял от себя все, что не имело непосредственного отношения к работе. С его появлением прекращались посторонние разговоры.

Кривицкий никогда не жаловался в его присутствии на свою язву желудка, тетя Нюша, заслышав шаги Лобанова, переставала читать Борисову письмо своей племянницы с Дальнего Востока и хваталась за щетку.

Борисов честно припоминал и не мог припомнить, чтобы когда-нибудь и кабинете Лобанова запросто посидели, поболтали о жизни, о своих семейных делах. Самого Лобанова эти темы не интересовали. Или он нарочно сдерживал себя? Черствым человеком его тоже нельзя было назвать. К просьбам и нуждам сотрудников он относился внимательно, делая все, что было в его силах. А вот поди ж ты, ни у кого не возникало желания показать Лобанову фотографию своего ребенка, пригласить на именины, рассказать новый анекдот. Быт людей, составляя как бы подводное течение жизни лаборатории, обходил Лобанова стороной, и постепенно это становилось привычкой.

До сегодняшнего дня Борисов считал, что ни уважение к Лобанову, ни авторитет его не страдали от этого. Лобанов умел увлечь сотрудников своими замыслами, он создавал вокруг себя как бы магнитное поле, возбуждая у каждого ответную силу либо отталкивания, либо притяжения, не оставляя никого нейтральным. Нельзя было работать вместе с Лобановым, не принимая участия в его волнениях, во всем том, что каждый час отражалось в горящем взгляде его зеленоватых глаз.

Борисов лучше всех знал, как туго приходилось последние два месяца Лобанову. Он сам требовал от Лобанова собрать всю волю в кулак, не обращать внимания на толки и пересуды, не принимать к сердцу дурацкую басню в стенгазете... И вдруг в этой напряженной обстановке обрушиться на Лобанова с упреками с самой неожиданной стороны? И это предстояло сделать Борисову, человеку, в котором Лобанов видел свою ближайшую незыблемую опору.

Да и в чем упрекать, чего требовать? Чтобы он миловался со всеми, расспрашивал про детишек, когда у него мысли заняты совсем другим? Требовать у него сердечной близости к людям, — а подумал ли ты, товарищ секретарь, не будет ли это бессердечным и жестоким по отношению к Лобанову?

Подождать? Ведь это, казалось бы, не мешает самому главному — работе.

Но так ли уж не мешает? Пусть мнение ребят никак не связано с «производственной характеристикой», но разве не обидно за Андрея? Не хотят его приглашать. Не любят его — вот в чем суть. Уважают, слушают, все, что угодно, теплоты же, близости, любви — нет. Неужели ему будет скучно с такими чудесными ребятами? Не может быть, без особой уверенности твердил Борисов, пытаюсь представить Андрея не за работой, а вот так, гуляющим вместе с молодежью, да еще, чего доброго, с какой-нибудь славной дивчиной под руку.

Уж на что Саша Заславский, казалось бы, влюблен в Лобанова — и тот, в сущности, смотрит на него как на чужого человека.

Мучительно обдумывая случившееся, Борисов увидел ту полосу отчуждения, которая постепенно отдаляла Лобанова от коллектива, обрекая его на одиночество, особенно неприятное теперь, когда главный инженер наконец разрешил включить конструирование локатора в лабораторный план и надо было сколачивать дружную, работоспособную группу.

Борисов предполагал в воскресенье отправиться снимать дачу, но коли такие обстоятельства, решил он, поеду с ними: свой глаз — алмаз, чужой — стекло.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Пароход покачивался на мелкой речной волне, поскрипывали сходни, принимая новых и новых гостей. Поздняя вечерняя заря окрасила алым цветом почти всегда серую, взъерошенную ветром реку, гранитную набережную, белоснежную рубку парохода. На медных поручнях, в чисто протертых стеклах иллюминаторов пылали десятки маленьких спящих солнц. На трубы духового оркестра было больно смотреть, они словно извивались, раскаленные докрасна, в руках музыкантов.

Борисов пожалел, что поехал без жены.

— Присоединяйся к нам, холостякам, — крикнул ему Новиков. — Какие девушки! Глаза разбегаются.

Стоило ступить на борт парохода, ощутить под ногами качающуюся палубу, как сразу приблизились небо и вода, глаза невольно потянулись к лилово-прозрачной дымке залива. А по обоим расходящимся берегам, скрепленным пряжками мостов, раскинулся огромный город — карминовые волны крыш, трубы с косматыми гривами дымков, золотые острия шпилей.

Не успели отчалить, как с палубы взмыла, понеслась песня, и с этой минуты, не умолкая, кочевала она всю ночь, от борта к борту, Спускалась в каюты, даже капитанский мостик не оставила в покое.

Старенький пароход, наверное, впервые вез на себе такой большой груз веселья и радости.

Молодежь затащила Борисова на верхнюю палубу, там начались танцы.

Издали, поверх голов, Борисов заметил Андрея, кивнул ему, но толпа разделила их. Потом Борисов увидел, как Андрей спустился вниз, побродил между столиками буфета, прошел на корму и устроился в укромном местечке, присев на бухту каната.

«Подойти к нему или нет? — думал Борисов. — Рано еще, подожду. А может, в самый раз именно сейчас встряхнуть его?»

— Сергей Сергеевич, выручай! — крикнул Новиков. — Разобьем эту парочку.

Он показал на двух кружившихся девушек — кареглазую красавицу Галю Семенову из планового отдела и толстощекую коротышку — сестру Пеки Зайцева.

— Разрешите вас разлучить, — сказал Борисов девушкам и, спутав все расчеты Новикова, подхватил Галю Семенову.

Он еще раз взглянул вниз, на корму. Отсюда, с палубы, фигура Андрея казалась одинокой и маленькой. «Ну и сиди», — в сердцах подумал он.

Вынув записную книжку, Андрей хотел, как обычно, подвести итоги недели.

Он задумчиво смотрел за борт на кипучий сизый бурун, который, не отставая, бежал за кормой.

Если бы ему пришло в голову, что эта вода, и небо, и музыка мешают ему думать о деле, он, конечно, немедленно заставил бы себя заняться делом. Но он находился в состоянии какого-то странного бездумья.

Карандаш в его руке повисел, повисел, опустился на чистую страницу и нарисовал парусник с узким бушпритом, с оснасткой, веревчатыми лестницами, кливером. Мачтыгнулись под ветром, трещали паруса. Парусник мчался сквозь бурю из далекого детства, населенный смелыми моряками, открывателями новых земель, путешественниками...

Ветер, и на самом деле тугой, теплый, трепал волосы, забираясь под рубашку, вздувал ее пузырем. За бортом парохода шумно бурлила вода.

Красота летнего вечера постепенно покорила все его чувства. Он не заметил, как встал, облокотился о поручни. Брызги, разбитые ветром, обдавали лицо мелкой пылью. Перед ним была только вода, с каждой минутой она раскрывала все шире свою бескрайнюю даль. Пароход выходил в залив. Тяжелый, продымленный городской воздух отступал перед свежими крепкими запахами, певучей воды. В белесом тумане, за дозорными силуэтами островов садилось красное солнце. Через все морс поперек насыщенных синевой полос протянулась рябиновая дорожка. Гладкая волна дышала теплом, настоящим за долгий день.

Андрей не представлял себе человека, равнодушного к морю. С детства оно было предметом его мечтаний, местом воображаемых подвигов. Мечталось когда-нибудь поселиться на самом берегу моря, засыпать под его неумолчный прибой, вставая, встречать его каждое утро новым и таким же прекрасным.

Перед величественной вечной громадой моря многое в собственной жизни казалось порой мелким, пустым, не стоящим внимания. Оставалось только самое важное, главное.

Чья-то маленькая, горячая рука легла на его руку. Рядом с ним стояла Нина.

— Послушайте, — сказал он, не в силах оторваться от певучей косой волны, бегущей от борта:

Придается все,

Лишь тебе не дано примелькаться.

Дни проходят,

И тысячи, тысячи лет.

В белой рьяности волн,
Прячась в белую пряность акаций,
Может, ты-то их, Море,
И сводишь, и сводишь на нет.

Впереди и с боков его окружала вода, как будто он стоял не на палубе парохода, а мчался по волнам сам, разрезая воду, чувствуя ее плотную силу.

Он пригнул голову, крепче сжал поручни. Яростно сопротивляясь, раздавались в стороны шипящие пласты воды. Веселое возбуждение борьбы охватило его. Это были редкие дивные минуты полного душевного счастья, совершенно безотчетного, когда тело и ум сливаются вместе, распахаясь навстречу ветру, запахам, краскам. Пароход покачивался в такт задумчивому ритму строк:

Ты на куче сетей,
Ты курлычешь,
Как ключ, балагурия,
И, как прядь за ушком,
Чуть щекочет струя за кормой...

Андрей перевел дух, слизнул с губ холодную, чуть горьковатую влагу.

— Хорошо, — медленно сказала Нина.

Держась за поручни, она откинулась назад на вытянутых руках. Темноглубое платье облепило ее фигуру, билось и шелестело в ногах, закинутые назад волосы струились но ветру.

— Про море, наверно, нельзя писать плохо, — благодарно ответил он.

Они молчали, и он был доволен, что с ней так приятно молчать.

Солнце скрылось. Рябиновая дорожка на воде погасла. Наступила ночь.

Светлое молочное небо без солнца выглядело странно пустым...

Какая-то шумная компания приблизилась к борту. Накрашенная женщина с тонкими, выщипанными бровями воскликнула: «Что за живопись!»

— Пойдемте танцевать, — тихо сказала Нина. Поднимаясь за ней по узкому трапу, Андрей невольно смотрел на ее голые загорелые ноги и впервые подумал о Нине как о женщине. Начиная с этой минуты каждый взгляд, каждое прикосновение открывали ему в Нине новое. Танцуя, он ощущал ее высокую грудь, рука его чувствовала сквозь ткань ее горячие плечи.

Это стесняло его и в то же время было приятно. Нина была ниже его на целую голову; когда он смотрел вниз на ее запрокинутое счастливое лицо, ему казалось, что он смотрит в синюю кипучую воду.

И, как прядь за ушком,

Чуть щекочет струя за кормой...

Он отыскал эту прядь, и сразу же из глубины памяти всплыла другая — не темного золота, как у Нины, а светлее, своевольная, смешная, — такую не видят в зеркале, когда причесываются...

— Как хорошо, что вы поехали с нами, — сказала Нина.

Он сжал в ответ ее руку и, уже не думая, не вспоминая ни о чем, закружился, поглощенный лишь плавной мелодией вальса и радостью от близости этой девушки.

Палуба сливалась с гладью моря, и казалось, что они мчатся по огромному залу из моря и неба. Где-то рядом мелькнули синие глаза Борисова, один глаз подстрекающе мигнул, Андрей улыбнулся и снова закружился, чувствуя щекой волосы Нины.

А Борисов снова пожалел, зачем он не взял с собою жену. Поехал в качестве парторга. Что за глупая и скучная затея! Как будто нельзя просто поехать, как все люди, потанцевать со своей Любашей, отдохнуть без этой заранее поставленной задачи — кого-то поучать, наставлять, воспитывать. Как будто без этого он перестанет быть коммунистом. Вот ведь прекрасно все обстоит у Андрея и без его вмешательства.

Заметив в группе молодежи Сашу, Борисов кивнул в сторону Андрея с Ниной:

— Видал? А ты боялся!

Саша виновато развел руками. Когда танец кончился, Борисов извинился перед Ниной и увел Андрея.

Они спустились в кают-компанию. Свободных столиков не было.

— Сергей Сергеевич, подсаживайтесь к нам, — окликнул их Воронько.

Он сидел с Кузьмичом, красный, взъерошенный, шумно вздыхая и усердно подливая старику из графинчика.

— За ваше здоровье, Сергей Сергеевич, — он смущенно посмотрел на Андрея. — Может, вы тоже за компанию, Андрей Николаевич?

— Что-то рано ты начал, Воронько, — недовольно сказал Борисов.

Судя по возбужденному виду Воронько, Андрей ожидал, что он ответит какой-нибудь дерзостью, но Воронько послушно поставил рюмку на стол:

— Танцевать я не умею, Сергеич, вот беда.

— Телок ты. Она там стоит и скучает, — сказал Борисов. Воронько недоверчиво улыбнулся, пригладил волосы.

— Разыгрываете? — Он вскочил и двинулся к выходу.

— Кто ж это по нем скучает? — спросил Андрей. Кузьмич удивленно крикнул, а Борисов сказал:

— Есть одна дивчина...

Подошла официантка, Борисов долго и придирчиво выбирал, колеблясь меж отбивной и жареным гусем.

— Что же вы без жены? — спросил Андрей Кузьмича, стараясь как-то завязать разговор.

Кузьмич странно посмотрел на него и, ничего не ответив, налил себе пива.

— Нарушили мы вашу беседу с Воронько, — натянуто улыбаясь, снова начал Андрей.

Кузьмич задумчиво тянул пиво. Борисов тоже молчал, вертя рюмку.

— Вот, Сергеич, мы с тобой родители, — неожиданно сказал Кузьмич. — Мне-то уж поздно... один сын — нет сына, и два сына — еще не сын, три сына — это сын. Ты цацкаешься со своим Колькой, сделал бы лучше еще двух...

Вспомнишь меня когда-нибудь. Вот объясни, Сергеич, отчего это плохих детей больше любишь? — Он осушил стакан, пузырьки пивной пены лопались на его сморщенных губах. — Чудно получается: пока мы молоды, они нам не нужны, а когда мы стары, мы им не нужны...

— Разные дети бывают, — сказал Борисов, не зная, чем утешить старика.

— Почему разные? — мрачно спросил Кузьмич.

— Растут двое близнецов, — сказал Борисов, — из одного чело век получается, а другой — никудашка. Вроде бы непонятно. Кто же виноват? И все же мы, родители, виноваты. По ночам, бывает, тихонечко грызет тебя эта мысль: где же, когда я ошибся?

Кузьмич слушал его и сочувственно кивал, радуясь тому, что есть человек, который угадал его горькие ночные мысли.

Официантка принесла гуся. Кузьмич вытер платочком усы, поднялся.

— Давайте с нами, — пригласил Андрей.

— Спасибо, вы извиняйте меня, если о чем не по-праздничному толковал. У нас, старых, все не вовремя.

— Сын у него от рук отбился, вот он где, корешок, — задумчиво пробормотал Борисов, когда Кузьмич отошел. — Да... А с женой он лет десять как не живет и страсть не любит, когда о ней спрашивают.

— Я не знал, — буркнул Андрей.

— Ты многого, я вижу, не знаешь.

За едой говорили про гуся, про погоду. Андрей, глядя на Борисова, ел с аппетитом, только косточки хрустели. Борисов рвал крылышко руками, коричневый жир стекал у него по подбородку, глаза от удовольствия сузились в мохнатые щелочки.

Как бы между прочим, Борисов осведомился, нельзя ли перенести Заславскому отпуск на следующий месяц. Андрей помотал головой — самый разгар работы с локатором.

— Возьми себе кого-нибудь другого в помощь.

Они перебрали всех лаборантов и техников, единственной более или менее свободной оказалась Цветкова.

— Цветкову? Нет, Цветкову нельзя задерживать, — сказал Борисов.

Андрей сердито фыркнул: того нельзя, этого нельзя, в чем дело?

Обещание, данное Саше, связывало Борисова, но ежели Лобанов делает вид, что не понимает, надо ж ему прямо сказать. И он сказал.

— Саша и Цветкова? — рассматривая узоры на скатерти, переспросил Андрей. — Что ж, серьезно у них это?

— У нее — не пойму. У него серьезно. Ты же знаешь, он парень искренний.

Они замолчали. Вокруг звенели посудой, журчала вода за бортом, мелко дрожала водка в рюмках. Шум голосов и топот ног на верхней палубе заглушались звуками аккордеона.

— Кто это играет? — спросил Андрей.

— Наверно, Морозов. — Борисов положил локти на стол, подался вперед, вперив в зрачки Андрея свой твердый взгляд. — Послушай, Андрей, почему ты людей наших не знаешь? Впускаешь их к себе только через служебный кабинет... Тебе вот это душевное одиночество, этакая рационалистичность, рассудочность не мешают? Ну хотя бы в творчестве...

— Философия, психология, — сказал Андрей. — Терпеть не могу психологии.

— Наверно, мешают, и чем дальше, тем больше будут мешать. Откуда у тебя это? То ли неустроенность личная... Жениться тебе надо.

— Ага, жениться, чтобы легче было разрабатывать локатор, — расхохотался Андрей. — Блестящая идея. Это как, по-твоему, не рассудочность?

— Ты не придирайся, — обиженно сказал Борисов. — Ты прекрасно знаешь, что я имел в виду. А если мне трудно выразить, то потому, что не хочу обижать тебя. Я бы мог тоже посмеяться кос над чем. Я же знаю, как ты оправдываешь себя. Вот, мол, я был поставлен в такие условия, когда приходилось работать одному. И я не имел права просить ни у кого помощи. Это все верно. И кажешься ты себе героем — вот, несмотря ни на что, добился. А какой ценой ты добился? Себя иссушил и вокруг себя зону пустыни создал.

«Выхожу один я на дорогу...» Ты на дорогу выбрался, но теперь-то в одиночку тебе не справиться. И бригада — это тоже не арифметическая сумма голов и рук.

Борисов старался, чтобы слова его били в самую точку. Андрей морщился, фыркал, сердился, раздражался хохотом, поеживаясь от удовольствия, как под хорошим душем, а Борисов злился, думая, что его удары пропадают впустую, что Андрей в чем-то главном остается почти неуязвимым. Даже когда он чувствовал себя правым, все равно ему было трудно с Андреем, потому что он любил Андрея и ощущал себя слабее его.

«До чего же я неспособный человек, — терзался Борисов. — Ну как бы мне забраться к нему в нутро, схватить его за живое».

Когда Борисов замолчал, Андрей, не поднимая глаз, вдруг спросил:

— И давно это у них началось?

— У кого?

— У Заславского.

— Кто их разберет. Ты Новикова обязательно возьми к себе в группу. Он натура увлекающаяся, и если его энергию переключить с женщин на...

— Сергей, ты способен на один вечер забыть про дела? Борисов посмотрел в окно.

— Рыбаки куда забрались... Знаешь, Андрей, — не оборачиваясь, проговорил он, — один считает самым важным приборы, которые делают люди, а другой — людей, которые делают приборы.

Андрей ничего не ответил.

В полночь начался концерт самодеятельности. Андрей сидел в последнем ряду вместе с женой и сыном Рейнгольда. Сам Рейнгольд за рубкой, где скрывались артисты, помогал Ванюшкину налаживать какой-то фокус.

Вел концерт Новиков. Он незатейливо, но щедро острил, смеялся вместе со всеми и неохотно уступал место артистам.

— Ох и весельчак же он у вас, — сказала жена Рейнгольда. Когда Новиков назвал фамилию Воронько, публика зашумела, раздались аплодисменты. Воронько вышел в черном костюме с туго завязанным галстуком и сразу же начал кого-то разыскивать. Проследив его взгляд, Андрей увидел Веру Сорокину. Андрей улыбнулся, его словно озарило, и он поразился, как это до сих пор он не замечал их отношений и имел глупость как-то раз ругать Воронько в присутствии Веры.

Воронько вздохнул и запел. У него оказался красивый густой бас. Пел он на украинском языке старинную казацкую песню.

Последнюю фразу, там, где казачка молодая разлюбила, не дождалась казака, он вдруг оборвал на середине, махнул рукой и ушел, серьезный, нисколько не смутившись. Это не испортило впечатления. Его вызывали долго и безуспешно, не хлопала только Вера Сорокина. Когда начался следующий номер, она незаметно встала и ушла за рубку.

Потом Ванюшкин показывал фокусы с напильниками, изгибал их, заставлял висеть в воздухе. Потом Нина Цветкова в вышитом сарафане, бряцая монистом, танцевала венгерку. Красные сафьяновые сапожки ее лихо стучали по дощатой палубе. Впереди Андрея сидел Саша, его аккуратно подстриженная шея порозовела. Подняв над головой руки, он оглушительно хлопал и ладоши. Нина выбегала раскланиваться и, почувствовав се взгляд, Андрей отвернулся к жене Рейнгольда.

— Не знаете, с чем она выступает? — спросила жена Рейнгольда, когда Новиков вывел на сцену Соню Манжула. Андрей знал только, что Соня работает испытателем, и больше ничего. В течение полугода изо дня в день встречал он эту бледную, тихую, некрасивую девушку, и никогда у него не возникало желания поговорить с ней. Андрей никак не мог представить, с чем она может выступать. Ее появление на сцене поразило его. Однако почему-то никто из зрителей не удивился. Андрей пробормотал в ответ жене Рейнгольда что-то невнятное. Из публики кричали:

— Соня, Маяковского!

— Чехова!

— Про Щукаря!

Новиков успокаивающе поднял руку. Андрей не расслышал его слов, и только когда Соня начала, он понял, что она читает чеховский рассказ «Шуточка».

Сперва ему мешала ее неподвижная поза, безжизненно повисшие руки. По вот при словах: «Я люблю вас, Надя» — пальцы ее слабо шевельнулись. Это робкое, просыпающееся движение было заметнее и выразительнее, чем если бы она закричала или раскинула руки. С каждым словом голос ее крепнул, и все, чему Андрей удивлялся, отодвигалось куда-то в сторону перед большой мыслью, которую вкладывала Соня в этот много раз слышанный рассказ.

Забавная шуточка с наивной Наденькой... Наивной, или доверчивой, или страстно ждущей большого чувства? Иногда так легко и приятно бросить на ветер эти три старинных слова: я люблю вас... И в голову не придет, каким несчастьем может обернуться эта легкость для доверчиво открытой души.

Наверно, слова эти произнести можно, лишь когда трудно дышать, когда кровь стучит в голове и страшно, как перед смертью.

Лицо Сони зацвело тонким румянцем. Она протянула руку навстречу ветру, настоящему ветру с залива, глаза ее стали большими, они смотрели куда-то поверх голов, вслед несущимся над пароходом чайкам. Она казалась сейчас Андрею красавицей, и ему хотелось, чтобы кто-нибудь, волнуясь, шепнул Соне: «Я люблю вас».

В антракте Андрей пошел за рубку. Окруженные ребятами, Соня Манжула, Нина и другие девушки о чем-то весело спорили. Андрею хотелось подойти к Соне и сказать что-то хорошее. Не найдя удобного предлога и стыдясь того, что ему нужен предлог, он зачем-то спросил у Воронько, где Борисов, и отошел, поживаясь от неловкости.

«Почему я не замечал ее раньше? — думал он о Соне. — Почему я не замечал, что она умная, талантливая?»

Как будто приподнялся край занавеса, маленький краешек, за которым Андрей увидал совсем иную жизнь людей, казалось бы хорошо ему известных.

Соня выступает в концерте, Воронько влюблен в Веру Сорокину, Нина и Саша, Кузьмич... и у каждого из них лаборатория — лишь часть жизни, и, приходя в лабораторию, они не могут оставить на пороге свои радости и тревоги, а приносят с собою переживания, которые и помогают и мешают им так же, как и ему самому.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Утром причалили к Зеленой пристани. Борисов потянул Андрея на пляж купаться вместе с молодежью. На пляже царила безлюдная тишина, длинные косые тени парусиновых зонтиков лежали на подсыхающем песке. После города тихий воздух казался необычайно чистым, как и все это радостное свежее утро.

Когда Борисов разделся, Андрей увидел у него на груди татуировку — женщина с распущенными волосами и подпись «Жанна».

— Интересная особа, — сказал Андрей. — Вполне художественно, а главное — прочно.

— Ошибка юности беспечной, — конфузливо пояснил Борисов. Андрей вошел в воду последним. Он еще не купался в это лето, и вода показалась ему холодной. Зайдя по колено,

он остановился, зябко скрестив руки на груди. У ног, на песчаном дне, колыхались солнечные прожилки, скользили пугливые стайки рыб.

Борисов критически оглядел Андрея, выделявшегося своей молочной белизной среди бронзовокожих ребят.

— Где это ты так успел загореть? — спросил Борисов, мстя за татуировку.

— В Публичной библиотеке, — сказал Андрей.

Он все еще не решался войти в воду. Борисов подозвал Ванюшкина и Пеку Зайцева, пытавшегося сделать стойку в воде, скомандовал им:

— Давайте окрестим начальство, — и первый плеснул в Андрея.

Ребята переглянулись. Ванюшкин нерешительно почесал грудь и начал поправлять мокрые трусики. Увертываясь от Борисова, Андрей заметил эти колебания Ванюшкина, и ему стало неприятно и стыдно.

Втянув острую голову в плечи, Пека осторожно ударил рукой по воде.

Охая, вздрагивая от холодных брызг, Андрей завертелся во все стороны. Пека осмелел, отчаянно взвизгнул и кинулся поливать Андрея целыми пригоршнями.

Ванюшкин тоже закричал и начал бить по воде ладонью. Смеясь, Андрей побежал вперед, они за ним; спасаясь, он нырнул и, уже ничего не боясь, повернул назад, схватил Борисова за шею и окунул его с головой. Глотнув воздуха, Борисов пытался что-то сказать, Андрей снова погрузил его в воду. Пека вертелся поблизости, пробуя выручить Борисова.

Отпустив Борисова, Андрей погнался за Ванюшкиным. — Ванюшкина ему не догнать! — кричал Пека. — Смотрите, как Ванюшкин толково идет. Стильный брасс!

Вокруг Борисова столпились ребята, споря, догонит Лобанов Ванюшкина или нет. Плывая кролем, Андрей не мог смотреть вперед, зато он выигрывал в скорости. Почувствовав, что его нагоняют, Ванюшкин обернулся и круто свернул, Андрей, не заметив этого, продолжал плыть напрямик. Его остановили крики: «Андрей Николаевич, правее, правее!» Среди множества голосов он различил захлебывающийся от азарта голос Саши и густой бас Воронько. И то, что волновались за него ничуть не меньше, чем за Ванюшкина, придавало Андрею новые силы, — его принимали в свою семью. Собственные неосознанные растущие тревоги и упреки Борисова, из которых он не упустил ни слова, все это по-молодому просто разрешили эти крики. Во что бы то ни стало он должен догнать Ванюшкина. Хотя бы ради того, чтобы заслужить похвалу ребят. Эта маленькая, пустячная победа была ему сейчас нужнее любых деловых успехов.

Разыскав среди солнечных бликов, прыгающих с волны на волну, стриженую голову Ванюшкина, он устремился к нему, перейдя тоже на брасс и плывя частыми и сильными гребками. Ванюшкин снова обернулся, ища его глазами.

Андрей глотнул воздух, нырнул, поплыл под водой. Через несколько секунд он различил в зеленоватой воде ноги Ванюшкина. Судя по их беспорядочным взмахам, Ванюшкин вертелся на месте, высматривая, куда девался преследователь. Андрей схватил его за ноги.

На берегу увидели, как Ванюшкин вдруг странно забился, взмахнул руками и исчез под водой.

— Наша взяла! — закричал Саша, толкнув кого-то из ребят, и началась веселая свалка.

Назад Андрей и Ванюшкин плыли не торопясь, болтая и хохоча без всякой причины. Вода уже не казалась холодной, и жаль было вылезать на берег.

— Ты заработал право почивать на лаврах, — заявил Борисов, когда они с наслаждением растянулись на теплом песке, закрыв головы рубашками.

Андрей видел, как Саша и Нина, взявшись за руки, побежали играть в мяч.

Нина была в черном купальном костюме с вышитым на плече якорем, они с Сашей были одного роста, одинаково загорелые.

«Вот и хорошо», — устало, с приятной грустью подумал Андрей. Перед закрытыми глазами поплыли оранжевые круги и среди них запрокинутое лицо Нины, она что-то говорила ему, он не слышал.

Потом он чихнул и, с трудом разлепив веки, приподнялся на локтях. Возле него на корточках сидела Нина, щекоча его соломинкой. Должно быть, его заспанная физиономия имела дурацкий вид. Нина, посмеиваясь, тихо сказала:

— Вставайте, сгорите.

Борисов спал, похрапывая. Солнце стояло высоко, пляж шумел, полный народу, а Нина была уже не в купальнике, а в своем темно-голубом платье.

Пока Андрей одевался, она притащила полотняный зонт и воткнула его так, чтобы тень закрывала Борисова.

Обходя загорающих, они выбрались в парк. Андрей ждал, что Нина пойдет к «пяточку», но она свернула в сторону от главной аллеи. Не сговариваясь, они выбирали безлюдные, расписанные тенями дорожки, забираясь и глухую часть парка, которая незаметно переходила в редколесье. Дорожки сменялись извилистыми, лукавыми тропками. На траве под деревьями лежали отдыхающие.

Запахи разогретой хвои, трав, берез, наплывая друг на друга, создавали единый аромат леса. Самый воздух состоял из этого густого настоя, из шума деревьев и птичьего гомона.

Деревья поредели, перешли в кустарник, открылась луговина. Несколько женщин, растянувшись цепочкой, косили траву. Поросли розовой кашки, серебристые метелки, лилово-желтые иван-да-марья падали полосками, теряя сразу в скошенных рядах многоцветную пестроту своих нарядов. Там, где прошли косцы, оставалась ровная зеленая щетинка, словно женщины махали не косами, а кистями, окрашивая луг однотонной зеленой краской.

Ничего не сказав Андрею, Нина побежала к пожилой женщине, которая отстала от своих подруг и отдыхала, утирая пот рукавом. Нина стала ее о чем-то просить, женщина недоверчиво посмеивалась, указывая на туфли Нины.

— Испытай, Прокофьевна, убытку не будет! — крикнула одна из женщин.

Прокофьевна что-то ответила, отчего все женщины засмеялись, и протянула Нине косу.

«Вот взбалмошная девчонка!» — забеспокоился Андрей, заранее переживая насмешки женщин.

Нина ногтем попробовала лезвие косы, невозмутимо приладила поудобнее ручку и, не оглядываясь на Андрея, пошла вперед, плавным точным махом огибая кочки, не сбиваясь в узких проходах между кустами. Тонко посвистывая, сверкала коса, расчищая зеленую дорогу

перед этой совсем незнакомой Андрею девушкой, непохожей на кокетливую модницу, любительницу танцев, надменную, капризную Нину, с которой он впервые столкнулся полгода назад. Крепко расставляя загорелые ноги, она с упоением взмахивала косой, разбудив у Андрея желание вот так же ладно подсекать длинные сочные полосы трав, слышать, как поет коса в руках: раз — взжик, раз — и взжик...

Он шел за Ниной, завидуя ей и любуясь ею. Нина обернулась в сторону притихших женщин:

— Догоняйте, что ли!

— Ай да девка! — засмеялись они, довольные своим разочарованием. — А кавалер твой что же отстаёт?.. Нынче мужики только командуют!

Вытерев косу пучком травы, Нина вернула ее хозяйке.

— Где это вы научились косить? — спросил Андрей, когда, перейдя луговину, они вошли в лес.

— Я родилась и росла в лесу, — сказала Нина. — Лесная девка. И потом каждое лето ездила к отцу в леспромхоз. А в лесу, знаете, как, там косилкой не пройдешь.

Нина прикрыла рукой Андрея свои глаза. Андрей подводил ее к деревьям, вслепую она ощупывала кору и определяла породу; потому Андрей заставлял ее угадывать деревья по запахам сорванных листьев. Нина растирала их, нюхала и безошибочно называла — ольха, рябина, орешник. Лес был для нее живой толпой, где толкались, шумели, спорили ее знакомцы, где у каждого дерева был свой характер, своя судьба.

Она утверждала, что ее отец мог определять породу даже по шелесту листьев. Андрей и Нина остановились под осиной, закрыв глаза, плечом к плечу.

— Слышите, звенит, — сказала она.

Андрей попытался различить оттенки этого шелеста, и ему казалось, что он действительно улавливает разницу: твердые листья дуба стучали, клен мягко шептал, а осина тонко и жалобно звенела.

— Больше всего я люблю березу, — сказала Нина, присев на корточки перед молоденькой березкой, пальцы ее перебирали тонкие, прозрачные листки. — А вы?

— Я?.. Я сосну.

— Тут их нет, они, наверное, выше по откосу растут. Она вскочила и побежала, скрывшись в зеленых зарослях.

— Андрей Николаевич! — донесся ее голос. — Идите сюда.

Он нашел ее на солнечной брусничной полянке перед высокой сосной.

— Дарю эту сосну вам, — сказала Нина. — Вы знаете, если надрезать ствол ножом, вырезать стрелку, то потечет живица. У вашей сосны ее больше, чем у других деревьев.

— Живица, — задумчиво повторил Андрей. — Хорошее слово. Жи-ви-ца. Вот видите, а на вид сухое, безжизненное дерево.

Ветер внизу весело болтал в молодой поросли можжевельника, а наверху вел важный разговор, гулко гудя в темно-зеленой кроне сосны.

Если бы Андрей умел, он бы сейчас запел. Потребность в таком бездумно-счастливым

солнечном дне, в любви, в тепле дружеских рук давно копилась в нем. А он почему-то боялся этой простой радости, ограждал от нее свою работу. Зачем?.. Сейчас, когда эта нелепая ограда рухнула, он не испытывал ничего, кроме облегчения.

— Какая это была глупость, — сказал он. — Нина, не обращай те на меня внимания. Я как пьяный. Такой день сегодня. И вы такая...

— Какая? — вдруг глухо, неподвижными губами спросила Нина.

— Чудесная! — ответил он просто.

— Андрей Николаевич!.. — испуганно сказала она и сразу опустила голову.

Руки ее легли в ладони Андрея. — Вы... это правда?

Ни о чем не думая, он притянул ее к себе. Закрыв глаза, она прижалась к нему и поцеловала в губы.

Ее губы были горячие, словно нагретые солнцем, по-лесному свежие, казалось, что все запахи хвои, и горьковато-душистого папоротника, и сладких березовых листьев исходили от ее губ.

Руки чувствовали влекущую тяжесть ее тела, губы чувствовали прохладную твердость ее стиснутых зубов. Крепко прижимая ее к себе, он держал ее на весу; он был сейчас бесконечно сильным. От этого лесного воздуха, от стучавшей проснувшейся крови было так хорошо... И он знал, что сейчас может стать еще лучше, стоит им только посмотреть друг другу в глаза.

На куст можжевельника уселся галчонок. Наклонив головку, он настороженно блестел пуговичкой глаза. Что-то знакомое, пережитое, тенью прошло в памяти Андрея, заставляя сравнить прежнее мучительное чувство с тем возбуждающим волнением, которое он испытывал сейчас. Нет, это не любовь. Ему стало горько и тоскливо, — найдет ли он еще когда-нибудь настоящую любовь.

Он медленно поставил Нину на землю и отстранился. Не глядя, он отыскал ее руки, взял их осторожным, ласковым движением.

— Нина... — хрипло начал он. Хотел облизнуть губы, но на них жили еще не остывшие следы ее губ, влажные отпечатки ее зубов, запахи леса. Опустив глаза, он смотрел ей в ноги. Она стояла чуть косолапо, в неудобной позе, боясь пошевелиться. Все ее игривое, развязное кокетство слетело. Перед ним была беззащитная девчонка, трогательная в своем девичьем, боязливом ожидании. Он вдруг увидел себя ее глазами, и ему стало стыдно. Сейчас он не испытывал к ней ничего, кроме мужской бережливой жалости.

— Нина... — Он чувствовал на лице ее взгляд. Руки ее дрогнули, он понял, что она по-своему понимает его волнение, готова прийти к нему на помощь, и от этого может произойти что-то не нужное, нечестное, непоправимое. Секунда, другая — и он бы не выдержал.

— Нина, — твердо сказал он. — Не надо. Вы мне нравитесь. Вы... — Его решимость показалась ему жестокой.

Он поднял глаза и увидел, что она силится улыбнуться. Кривая, болезненная улыбка была первым, чем она могла защититься от его слов. Он был благодарен ей за эту тяжкую, но мужественную улыбку. Теперь они преодолели самое трудное.

— С чего вы взяли, Андрей Николаевич, — громко, слишком громко сказала Нина. — У меня просто было хорошее настроение.

Черные зрачки ее сузились. Она тряхнула головой, небо, отраженное в ее глазах, дернулось и исчезло.

— Ладно. Вы молодец, Нина. Я виноват, если испортил вам настроение. — Он сказал так нарочно, чтобы она могла ответить ему: «Мне? Испортить? Как бы не так!». Но она только высвободила руки и помахала затекшими пальцами.

Меряя его взглядом, она неожиданно, с вызовом, спросила:

— Если я вам нравлюсь, то чего же вы испугались?

Она вполне овладела собою. И хотя это облегчало разговор, Андрея опечалил вернувшийся к ней игривый тон. Нина переступила с ноги на ногу, и ничего не осталось от ее милой позы, от недавней близости.

Андрею стало жаль ее и захотелось чем-то утешить:

— Я подумал о вас, о себе и еще об одном человеке.

— О ком?

— Он по-настоящему любит вас. Я его тоже люблю, уважаю и, понимаете...

— Это вы о Заславском хлопчете? — помолчав, сказала она.

Беззастенчивая насмешка в ее голосе рассердила Андрея. «Будь я даже влюблен в вас...» — хотелось начать ему, но это было бы слишком безжалостно.

— Какой вы добрый, Андрей Николаевич! Паинька, ну и только.

Андрей отступил, оперся рукой о сосну.

— ...Точно сцена Онегина с Татьяной. Оркестра только не хватает, — пальцы ее все быстрее отщипывали и рвали листок. — А где же я? О себе подумали, о Заславском подумали... Я знаю его не хуже вас. Зря стараетесь.

Не люблю и любить не буду... и все тут. У него настоящее, истинное... А вдруг у меня тоже настоящее? По-вашему, я легкомысленная? Тогда зачем я вашему Саше нужна? Просто глупо выходит... Эх вы, такой умный, испугались свое го чувства. Ответственности побоялись? Ответственности... Господи, до чего ж вы плохо в людях разбираетесь. — Она презрительно покачала головой.

Волосы ее рассыпались, закрыли лоб, глаза, она мотала головой и все никак не могла стряхнуть тяжелую прядь.

— Нина...

— Довольно, слушать вас не хочу. Я-то... ничего не побоялась... Она сорвала ветку и, похлестывая себя по ногам, пошла по тропке.

Медленно выпрямлялась примята ее ногами трава. Андрей все стоял, ожидая чего-то. Упала шишка, Андрей вздрогнул, оторвал прилипшую к сосне руку.

«Скверно. Худо все... — думал он. — И правильно. И она права. А иначе я не мог...»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Саша заглянул на лужайку, откуда доносились глухие удары мяча. Нины и здесь не было. Несколько минут он для вида поиграл с ребятами.

— Что-то ты, старик, кислый? — заметил Пека Зайцев.

— Все понятно, — подмигнул Ванюшкин, принимая пасовку. — Владимир Ленский в ауте.

На краю площадки Леня Морозов, сидя на футляре для аккордеона, тихонько подбирал какую-то мелодию. Он подозвал Сашу, пригнул его к себе за шею, крепко дыша запахом водочного перегара:

— Нинку ищешь? Она с начальством в лес отгрэбла. Саша скинул его потную руку:

— Тебе что за дело?

— Ну, ну, — обиделся Морозов, — о тебе, дураке, забочусь... Он растянул аккордеон, пробежал по клавишам: Наша Нинка что орех, Так и просится на грех.

— Послушай, ты, — спокойно сказал Саша, — ты подлый тип. По всем пунктам ты подлая личность.

Сквозь детскую припухлость его губ проступила энергичная линия рта.

Саша был похож на боксерскую перчатку, круглую и мягкую снаружи, в которой спрятанный кулак чувствуется только в момент удара.

— Ты думаешь, что за Соню Манжула простится тебе? — тихо продолжал Саша. — И на Лобанова клеветать разрешим? Мы твои маневры понимаем.

Морозов вскочил, ругаясь, размахивая кулаками.

— О чем дискуссия? — спросил, подходя, Ванюшкин. Ребята прекратили игру и окружили Заславского и Морозова.

— Видали цацу? — возбужденно обратился к ним Морозов. — Подхалим лобановский. Ты в мои личные дела не суйся, погляди лучше на Лобанова, как он с твоей Нинкой... — Морозов похабно выругался.

Сайт, побледнев, шагнул к нему, но ребята схватили его, удержали.

— Тебе не годится, — внушительно разъяснял Саше Ванюшкин. — Ты лицо, ответственное за мероприятие.

Воронько аккуратно взял Морозова под локоть своей железной рукой.

— Пойдем поговорим, — пробасил он, легонько подталкивая Морозова вперед.

Их провожали одобрителем молчанием. Как секретарь комсомольского бюро, Ванюшкин не мог санкционировать подобные методы, по сей час он сам с удовольствием присоединился бы к Воронько.

Бледный, ничего не замечая, Саша быстро шел по парку. Ему вдруг все стало ясно — Нина любит Лобанова. Это открытие потрясло своей страшной безвыходностью. Глупо пробовать соперничать с Лобановым — умным, талантливым, интересным. Ничего удивительного в том,

что Нина предпочла Лобанова ему. Разве он сам не нахваливал ей Андрея Николаевича? Все, за что он любил и уважал Лобанова, оставалось в силе, и в то же время он не мог убедить себя, что так должно быть. Нина? Но, вспоминая ее поведение, он с ужасом убеждался в том, что вся уверенность в ее чувстве куда-то исчезла; за что бы он ни хватался, все пропадало, ускользая меж пальцев, как вода.

Ничего не было. Он все выдумал, ему все казалось, она ни разу не сказала: «Я люблю тебя». Но ведь он и сам еще не решался спросить ее об этом. Что делать? Как же он будет теперь? Представить себе, что между ним и Нивой все кончено, он не мог, это была какая-то несообразность, пустота... Он вдруг страстно начал убеждать себя, что все неправда. Пускай Лобанов сейчас гуляет с Ниной, что из того? Надо держать себя в руках и не поддаваться на провокацию всяких отсталых элементов вроде Морозова.

Вдруг в соседней аллее Саша увидел темно-голубое платье Нины. Он побежал к ней через газон. Нина остановилась, нетерпеливо похлестывая себя прутиком по ногам. Лицо ее было надменное, застывшее, волосы сбились, она дышала тяжело и нервно, как будто за ней кто-то гнался.

— Что с тобой? — спросил Саша. Она посмотрела на него с ненавистью.

— Тебя кто-нибудь обидел?

Ее запекшиеся губы ответили недоброй улыбкой. Саша набрал воздуха и спросил напрямик:

— А где... Андрей Николаевич?

— Отстань, — сквозь зубы сказала она. — Отстаньте вы все. — Она подняла руку, готовая ударить прутом, если он попытается задержать ее. Краска медленно сходила с Сашиного лица.

— Нина... он что, обидел тебя?.. Не может быть. Нина уходила не отвечая.

Возле эстрады она встретила Борисова и рассказала ему, как она вырезала заметку из стенгазеты. Ей хотелось до конца испытать всю горечь унижения, отрезать себе все пути возврата в лабораторию... Ничего сейчас ее не пугало: чем больше несчастий, тем лучше. Пусть соберут комсомольское бюро, пусть ее исключат из комсомола...

Глаза ее налились слезами. Она стояла, боясь пошевелиться.

По своему родительскому опыту Борисов знал, что в такие минуты утешение ведет к плачу. Поэтому он грубовато и сухо спросил Нину: с какой стати она разоткровенничалась? Бессвязно, не таясь, не щадя себя, она рассказала все.

«Молодец Андрей», — подумал Борисов.

— Ну, за что тебя разбирать на бюро? — сказал он. — Это его надо разобрать, как он смеет не любить такую дивчину? Значит, взяла и резанула газету бритвой? Сильно!.. — Он вдруг рассмеялся и с уважением посмотрел на Нину. — Честное слово, не ожидал от тебя. Я, признаться, не думал, что ты способна на такое чувство... А ну их всех к черту! — Он весело махнул рукой.

— Не дам тебя обижать. Но сам-то я тебя отчитаю...

К концу дня все собрались на пароходе, загорелые, охрипшие, усталые, поэтому на обратном пути было тихо. На нижней палубе лежали в шезлонгах, лениво переговариваясь. Пека, скрестив ноги, сидел на полу и донимал Лобанова немислимыми вопросами: можно ли выдрессировать китов так, чтобы они таскали за собой баржи, до какой длины можно

отрастить ногти, зачем писать новые книги?

Мысли его прыгали непостижимым образом. Вопросы он задавал для того, чтобы поспорить. Если с ним соглашались, ему становилось скучно. По любому поводу он выдвигал собственную теорию. Он имел свою теорию медицины, свою теорию использования Луны. Относительно книг он доказывал, что уже написано так много всяких романов и стихов, что старых прочитать некогда, зачем же новые писать.

— Ишь ты! — благодушно удивился Борисов.

— Это, конечно, чепуха, — сказал Андрей, — но интересно другое. Вы задумывались когда-нибудь, сколько книг может прочитать человек за свою жизнь?

— Тысяч сто, — немедленно ответил Пека.

— Тысяч тридцать, — сказал Ванюшкин.

Стали рассуждать, какие книги, по сколько страниц. Андрей предложил вычислить. Допустим, вот Пека в среднем читает в день пятьдесят страниц.

— Да, допустим, — согласился польщенный такой цифрой Пека.

— Читает он одну книжку в месяц, — фыркнул Ванюшкин.

— Средняя книга имеет, ну, триста страниц, — продолжал Андрей, — значит, одна книга в шесть дней. Значит, за триста шестьдесят дней...

— Шестьдесят книг, — вычислил Пека.

— Так, а за пятьдесят лет?

— Три тысячи, — выговорив эту цифру, Пека разочарованно посмотрел на Андрея, потом на ребят. Получалось что-то маловато.

— Три тысячи за всю жизнь, — говорил Андрей, — считая и учебники. А в Библиотеке Ленина больше пяти миллионов книг. Представляете себе, как надо тщательно отбирать, чтобы успеть прочитать самое хорошее.

Заинтересованные разговором, ребята придвинулись ближе к Андрею.

Подошли Воронько с Верой Сорокиной, Новиков, Соня Манжула.

Наблюдая за Андреем, Борисов с удовольствием убеждался, что тот ледок отчуждения, который существовал еще вчера, незаметно подтаивал, ребята с Андреем спорили, его перебивали, спрашивали. Пека теребил его за рукав. За минувшие сутки ребята сдружились с Лобановым больше, чем за полгода.

— Есть такие книги, которые несколько раз перечитываешь, — сказал Воронько. — Вот «Петр Первый», например.

— Если книгу не стоит читать два раза, то ее вовсе не стоит читать, — внушительно изрек Новиков.

Ребята наперебой перечисляли любимые книги. Андрей старался заранее угадать, кто что назовет, и большей частью ошибался. Для него было открытием, что Борисов любит Тургенева, а Соня Манжула — «Далеко от Москвы»; ему казалось, что должно быть наоборот. Когда очередь дошла до Пеки, тот неуверенно сказал:

— Роман в двух частях «Тайна синего замка». Автор оборван.

— А у вас, Андрей Николаевич? — спросила Вера Сорокина.

— У меня по настроению, — сказал Андрей. — Последнее время я две книжки перечитываю — «Сын рыбака» и Джека Лондона «Мартин Идеи».

Вдруг раздался резкий голос Саши:

— А «Иудушку Головлева» вы перечитывать не любите?

Все повернулись в его сторону. Он курил, облокотясь о поручни, пуская дым уголкем искривленного рта. Андрей внимательно всмотрелся в его потемневшие глаза.

— Давно не перечитывал, — сказал он. Саша сплюнул за борт.

— Зря...

Новиков вынул гребешок, стал причесываться, Воронько густо откашлялся, никто больше не смотрел на Сашу.

— Почему это наши писатели мало пишут про любовь? — сказала Вера Сорокина, стараясь нарушить неприятное молчание.

— Теперь редко встречается несчастная любовь, — начал Новиков. — Нетипично. Так, Ванюшкин?

— Точно, — выпалил Ванюшкин. Все знали, что он женился год назад, был счастлив и ждал через несколько недель рождения сына.

Никто не заметил, откуда появилась Нина Цветкова. Волосы ее были гладко зачесаны назад и повязаны газовой косынкой. Густо припудренное под глазами лицо стало строже. Ей уступили плетеное кресло.

— Практически встречаются у нас безобразные факты, — говорил Ванюшкин.

— Есть такие жучки, охмурят девушку, а потом бросят. А то, например, считают: гулять с ней можно, а жениться — нет. Как так — он техник, а она простая работница. Конечно, с приближением к коммунизму такие пережитки будут выдыхаться.

— Да, при коммунизме люди будут честные, без подлости, — сказал Саша.

Выставив нижнюю челюсть, он в упор смотрел на Лобанова.

Вера Сорокина вздохнула:

— Неужели при коммунизме будут несчастные люди? Красивый человек, нравится всем, а в любви никакой удачи. Может так случиться?

Все задумались, плохо представляя себе несчастных людей при коммунизме.

— По-моему, счастье станет необходимостью, обязанностью, как у нас сейчас учеба, — мечтательно улыбнулась Соня Манжула.

— О чем речь? — громко спросил Морозов, присаживаясь на ручку кресла рядом с Ниной.

После трепки, полученной от Воронько, Морозов реши, что надо, назло всем, держаться так, как будто ничего не произошло. Он по-своему рассчитается и с Сашей, и с Воронько, и с

Лобановым.

Он обнял Нину за плечи, она усмехнулась, быстро взглянула на Андрея и не отстранилась.

— О любви спорят, — вздохнул Пека.

Борисов, не вмешиваясь в разговор, следил за Сашей, не понимая, что с ним происходит. С приходом Морозова спор принял иной характер. По мнению Морозова, несчастная любовь была выдумкой неудачников, все зависит от «подхода»: знаючи, можно покорить любую девушку, на одну надо потратить неделю, на другую — год, вот и вся разница.

— Невинность — все равно что безграмотность, — рассмеялся Морозов.

В прежние времена подобные его рассуждения пользовались успехом, по сейчас все молчали.

— Спортсмен ты, — тихо сказала Соня Манжула. Закусив губу, она встала и быстро отошла.

Морозов фыркнул ей вслед и, пробуя скрыть смущение, сказал:

— Теряться в этом деле нельзя. Тут смелостью надо брать. Девчата, вы ведь любите смелых?!

Рука его держала Нину за плечо, на одном из пальцев поблескивало кольцо с квадратным камнем.

Ни одно из столкновений по работе не возбуждало у Андрея такого отвращения к Морозову, как этот разговор.

— Вы и впрямь охотник, — сказал Андрей.

— Тут, Андрей Николаевич, теряться нельзя, — повторил Морозов, радуясь, что хоть кто-то отвечает ему.

— А Андрей Николаевич в таких случаях не теряется, — громко сказал Саша.

Никто не понимал, что с ним стряслось. Он цеплялся к каждому слову Лобанова, явно напрашиваясь на ссору. Всем стало неловко и стыдно. Ванюшкин подошел к нему, стиснул ему руку, что-то зашептал. Саша только рванулся и ничего не ответил.

— Ты, Заславский, чепуху порешь, — твердо сказал Борисов, кладя руку на окаменевшее от напряжения колено Лобанова. — Морозова защищаешь? Андрей Николаевич правильно подметил насчет охотника. Вы, Морозов, относитесь к женщинам как к животным. Побольше подстрелить. Я лично избегаю разговоров о любви. Но если хотите знать, мое мнение такое: в любви надо быть принципиальным. Если человек действительно любит, тогда он имеет право требовать.

— Насильно мил не будешь, — сказал кто-то.

— Разрешите спросить вас, Андрей Николаевич, — звенящим голосом сказал Саша. Он отстранил Ванюшкина и подошел к Лобанову, по-мальчишески пригнув голову. — Вот хотя бы вы, ухаживаете за девушкой... Она для вас самая лучшая. И вот какой-нибудь тип пошел с ней гулять и начал приставать к ней.

Стукнули бы вы его и больше в их сторону не смотрели бы... или как?

Андрей облегченно улыбнулся:

— Ну что же, если он действительно приставал к ней, стукнул бы, а вот от девушки не отступился бы.

— Гордость должна быть какая-то, — растерянно сказал Саша. — Самолюбие ведь у каждого...

Андрей встал. Пека, сидевший на полу между Сашей и Лобановым, предусмотрительно отодвинулся.

— Именно из-за самолюбия. Что ж, по-твоему, любовь — это так: обиделся и ушел? Самолюбие... Конечно, если сам себя любишь больше всех... Нет, я советую драться за свое чувство, пока есть хоть маленькая надежда... И... — Андрей потер кончик носа, — и, скажем, если бы мой лучший друг встал мне на пути, я бы не уступил ему дорогу.

Проходя мимо Саши, Нина презрительно бросила:

— Эх ты, мыслитель недоразвитый!

«Недоразвитый», — счастливо повторил про себя Саша, начиная догадываться о том, что произошло между Ниной и Лобановым в лесу. Прежде всего он был счастлив, что к нему вернулась вера в Лобанова. И даже когда он думал о том, как теперь сложатся его отношения с Ниной — она, без сомнения, влюблена в Лобанова, — то даже эти мрачные, горькие мысли согревало чувство радостной благодарности к Лобанову.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Наука имеет свои странности. Сначала исследователь ценит те явления, которые связываются законом; когда же закон установлен, исследователь начинает ценить исключения из него, так как только они обещают ему нечто новое.

Первые же лабораторные опыты дали расхождение с результатами, полученными Андреем теоретически.

Андрей решил проконсультироваться с профессором Григорьевым. Этот человек обладал редкой способностью мыслить теоретически. Для него перевести физические явления на язык формул было так же естественно, как для стенографистки записать человеческую речь знаками.

Ему было около сорока лет — возраст для профессора весьма небольшой; если бы не высокий лысеющий лоб, он казался бы еще моложе — столько юношески застенчивого сохранилось в его облике.

О способностях и характере Григорьева ходили легенды. Он мог, например, явиться на лекцию и заявить: «Все, что я вам читал прошлый раз, — ахинея. И в учебниках по этому разделу — тоже ахинея. Я тут кое-что надумал.

Следовательно, на самом деле картина выглядит так...»

Он мог допускать ошибки и неточности в ходе выводов, но всегда приходил к правильному результату, потому что знал, что ему надо получить.

Печатных работ у него было мало. Говорили, что он до смешного непрактичен. Его привлекали к консультации в самых различных областях. С щедростью большого таланта он

повсюду делился своими идеями, методами, предоставляя другим разрабатывать следствия. В лабораторной обстановке он чувствовал себя неуверенно, терялся при виде аппаратуры; аспиранты острили, что он не умеет отличить паяльник от рубильника.

Теперь, когда работу над локатором перенесли в лабораторию, Андрей решил, что он имеет право обратиться к Григорьеву.

...Отодвинув бумаги, которые разложил перед ним Андрей, Григорьев попросил передавать суть дела на словах. Он откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и приготовился слушать. С закрытыми глазами лицо его выглядело по-ребячьи круглым и добрым. Андрей говорил, а рука его с карандашом непроизвольно тянулась к бумаге. Нужно было нарисовать, показать, но Григорьев не открывал глаз. Глупое положение. Не вытерпев, Андрей сказал:

— Здесь диаграмма меняется вот так, — и провел на бумаге кривую.

— Как это «так»? — усмехнулся Григорьев. — Вам пора уметь без бумаги рассказать так, чтобы все было ясно.

Досадуя, Андрей попытался растолковать ему свои затруднения, обходясь без жестов и бумаги, и сразу почувствовал, как это сложно. Он отбросил детали, останавливаясь лишь на основном. Объяснение пошло легче. Однако, пренебрегая деталями, Андрей сам часто с недоумением запинался. Он впервые смотрел на свою работу издали и порою не мог различить, что же его затрудняло: важное оказывалось мелким, общая идея местами терялась.

Григорьев открыл глаза. Обычно наивно-кроткие, они сейчас были окружены грозными морщинками.

— У меня тоже этак бывает... — Он постучал себе согнутым пальцем по лбу. — Я тогда призываю своего сына, ему тринадцать лет, и рассказываю ему о своих трудностях так, чтобы он понял. Бывает, при этом и самому все становится ясным. Следовательно, главное — понять, чего ты добиваешься. А у вас сумбур полный. Голову мне морочите, а сами не разобрались. Мусор, вздор! Нет, нет, довольно! — Он замахал тонкими нервными руками. — Называется кандидат наук! — Григорьев подошел к ассистенту, который работал за соседним столом. — Как вам нравится, няньку себе нашел?

Обнаружить такие любопытные противоречия и не суметь в них разобраться!

Ассистент спокойно кивнул, продолжая работать. Высоким, неприятным голосом Григорьев еще несколько минут кричал на Андрея:

— Добейтесь ясности и тогда приходите. Милости прошу. — Он критически оглядел гостя. — Если в амбицию не ударитесь... Да, вот еще, — угрюмо остановил он Андрея в дверях. — Со знаком там у вас... Плюс надо...

Проверьте. Плюс.

Андрей опустил на скамейку в вестибюле. Несмотря на всю свою целеустремленность, он легко впадал из одной крайности в другую. Какую ценность представляла его работа и он сам, если Григорьев с первого взгляда высмеял все его «великие» проблемы? Полугодовые усилия, жертвы и достижения мгновенно поблекли, превратились в малоудачную рядовую работу, которую Григорьев играючи мог бы выполнить за неделю. Затем Андрей несколько утешился, обозвав Григорьева зазнайкой, сомнамбулой, и стал размышлять, почему в уравнении должен стоять плюс, а не минус.

— Как ваше самочувствие? — лукаво осведомился у него проходивший мимо ассистент

Григорьева. — Неважное? А шеф-то поет «Средь шумного бала».

— Выставил меня дураком — и поет.

— Э-э, не знаете вы Матвея Семеновича, — усмехнулся ассистент. — Он такой! Обругал бы он так меня, я бы прыгал от радости. Если бы он вас считал тупицей, он бы сделал за вас все и до трамвая бы проводил. А «Средь шумного бала» высоко котируется.

Ассистент оказался прав. Через несколько дней Григорьев сам позвонил Андрею и справился, почему он не приезжает. Андрей, вспыхнув от удовольствия, что-то промямлил. «Приезжайте завтра, — попросил Григорьев, — прямо на дачу».

Андрей отрепетировал перед Сашей Заславским предстоящую речь.

После истории на пароходе Саша боялся, что не сможет смотреть в глаза Лобанову. Но на следующее утро Андрей спросил, согласен ли Саша работать в его группе над локатором. Саша только ожесточенно кивнул головой. С этого дня, несмотря на разницу возрастов и положений, между ними установилась искренняя дружба. Саша доверял Лобанову свои тайны и сомнения. Мать мечтала сделать из него агронома, а он убедился, что рожден быть электриком. Он кончал вечерний техникум. Он хотел учиться дальше и не желал покидать лабораторию, ему не хватало времени читать книги; если же учиться в заочном институте, то совсем отстанешь от культурной жизни. Это был клубок жизнерадостных противоречий. Саша стремился быть рассеянным, как Жуковский, и внимательным, как Чаплыгин, целеустремленным, как Фарадей, и разносторонним, как Ломоносов. В нем бродила тьма неустоявшихся, пожирающих друг друга желаний.

Когда, в день отъезда к Григорьеву, Андрей проверил на Саше свои объяснения, то внешняя простота и доступность задачи захватили Сашу. В течение дня он предложил Лобанову несколько способов повышения точности локатора. Выслушав возражения, Саша говорил: «Минуточку!» — и через четверть часа предлагал новый способ. Он проводил Андрея на вокзал и до отхода поезда выдвигал один проект за другим, вконец истощив терпение Андрея. Стоя на подножке вагона, Андрей кричал на Сашу:

— Техник называется. Городишь ахинею. Закона Ома не понимаешь.

Когда поезд тронулся, Андрей подумал: «Полезней, конечно, чтобы он вцеплялся в науку, а не в меня...»

Постой-ка, ведь насчет переключателя он лепетал, кажется, дельно...»

Дача Григорьева стояла у моря, над крутым каменистым обрывом. На калитке висела обычная надпись: «Осторожно, злая собака!» Слово «злая» было зачеркнуто и поверх каракулями Матвея Семеновича написано: «сварливая».

Андрей открыл щеколду, но в это время его тихонько окликнули. За деревом стоял незнакомый мальчик с такими же светлыми, выпуклыми глазами, как у Григорьева, и манил Андрея пальцем.

— Идите за мной, — загадочно сказал мальчик.

Андрей двинулся за ним через кусты. У обрыва к высокой ели была привязана толстая веревка.

— Можете по-альпинистски спуститься? — спросил мальчик. — А то там дальше ступеньки есть.

Воспользоваться ступеньками значило навсегда погубить себя в глазах мальчика.

— Что ж это у вас никакого пароля нет, — строго сказал Андрей, входя и игру. — А вдруг я — это не я!

Он деловито ощупал веревку, оглядел свой костюм и начал спускаться, упираясь ногами в отвесную стену обрыва. Вслед за ним ловко соскользнул на руках провожатый.

— Неплохо, — похвалил он Андрея.

На узком песчаном берегу Матвей Семенович Григорьев, в трусиках, в компании трех полуголых мальчишек швырял камнями в бумажный кораблик, прыгающий на волнах. Завидев Андрея, он что-то сказал ребятам, и они неохотно удалились. Андрей снял пиджак, лег рядом с Григорьевым на стынувший песок, лицом к морю.

На этот раз все было по-другому. Григорьев слушал Андрея внимательно и говорил с ним как с равным.

Кое в чем Андрей разобрался самостоятельно, остальное сформулировал четко, надеясь поставить Григорьева в тупик и в то же время боясь, чтобы и впрямь Григорьев не развел руками.

Несообразности, пугающие Андрея, прельщали Григорьева как предвестники новых, неустановленных законов. С помощью Григорьева он как будто поднялся на сильных крыльях и увидел свою работу в цепи других проблем, увидел ее место, ее соседей. С поразительной интуицией Григорьев улавливал в кажущемся хаосе выявленных Андреем несообразностей черты закономерности. Он указал выход из чащи, в которой Андрей бродил столько времени. Это была буквально крылатость, — иного слова Андрей не находил. На этой высоте, где Андрей задыхался, а Григорьев чувствовал себя отлично, можно было наконец охватить взаимосвязь непонятных доселе явлений.

— Робеее вы перед высшей математикой, — бранился Григорьев, — а с ней надо быть на «ты»!

Подобно полководцу, он намечал лишь общий стратегический план — тактические приемы Лобанов найдет сам. Конденсатор, кстати, придется делать особый; сегодня в гостях у Григорьева будет специалист по конденсаторам, некий Смородин, пускай Лобанов договорится с ним.

Григорьев указал на возможность применения принципа локатора для различных линий связи.

Андрея восхищал его метод: сопоставить самые отдаленные понятия, не смущаясь тем, что эти сопоставления подчас грубы и химеричны. Этот метод требовал бесстрашия, но мог привести к великим открытиям, до которых никогда не додумались бы рассудительные и трусливые умы.

Узкогрудый, с кроткими, наивными глазами человек безбоязненно замахивался на такие незыблемые, освященные великими авторитетами понятия, что Андрей только пугливо поеживался. К чему его рост, его мускулы, когда тщедушный Григорьев по сравнению с ним — сказочно отважный великан.

Андрей подумал, что Матвей Семенович не случайно выбрал местом беседы эту пустынную отмель, где нельзя пользоваться бумагой, справочниками, где ничто не стесняло воображения и на фоне голубых океанов неба и воды отчетливо возникала суть, душа, ядро работы.

Григорьев сел, охватив руками острые коленки.

— Нет-нет, вы нашли что-то большее, — задумчиво сказал он невпопад и вслед за тем пояснил Андрею, что было бы заманчивым попытаться с помощью локатора проверить чрезвычайно важные положения о механизме электрической дуги, над которой Григорьев работал последние годы.

Горделивой радостью взбудоражило Андрея — его локатор мог быть чем-то полезен Григорьеву; и удивило: есть, оказывается, вещи, над которыми сам Григорьев бьется годами; и растрогало — с какой робкой деликатностью Григорьев просил о помощи!

— Эх, мне бы освободиться... — мечтательно вздохнул Матвей Семенович.

— От чего?

— Я сейчас делаю Тонкову математическое обоснование для его знаменитых мостовых методов.

— Помогаете моему конкуренту, — засмеялся Андрей. — Не ужели вы считаете его метод...

Григорьев пожал плечами:

— Ничего я не считаю. Заставляют. Ну и... теоретически задача любопытная.

— А практически?

— Практически это, наверно, так же нужно, как железнодорожное расписание с точностью до сотой доли секунды.

— Зачем же вы связываетесь с этой чепухой? — возмутился Андрей.

— Позвольте, какое я имею право вмешиваться в практическую сторону дела? Я у Тонкова работаю по совместительству. Он директор, сам ученый. Он обидится. Да и потом... сколько мне пришлось уже делать расчетов для мышей!

— с тоскливой застарелой горечью сказал Матвей Семенович. — Не первый раз...

— Ладно, прах с ним, с Тонковым. Давайте мы вашу теорию дуги доведем до конца, — сказал Андрей. — Как только с локатором все утрясется, я попробую приспособить схему для ваших измерений.

Григорьев руками замахал. С какой стати Лобанову связываться с такой обузой? Получилось, будто он навязался, расхныкался тут. Нет, нет... Он вскочил, начал торопливо одеваться.

Теория электрической дуги имеет решающее значение для выключателей новых мощных гидростанций. Ею могут пользоваться сварщики, прожектористы...

Андрей, горячась, перечислял десятки отраслей техники. Григорьев взволнованно и смущенно подпрыгивал на песке, пытаясь попасть ногой в штанину. Андрей поддержал его.

— Я с радостью, Андрей Николаевич, — бормотал Григорьев, — я всем, чем могу, помогу вам... Дайте мне всю расчетную часть.

Андрей накинул пиджак, счистил песок.

— Использовать вас так, Матвей Семенович, — это все равно, что колоть орехи паровым молотом. Вы достаточно помогли мне сегодня. Беритесь за вашу дугу.

Еще час назад Григорьев казался Андрею полубогом. Теперь перед ним был человек, который тоже над чем-то бился, тоже проделывал пустые, ненужные работы, мечтал, был

трогательно щепетилен, позволял Тонкову эксплуатировать себя. И от этого он стал Андрею ближе.

Позади них раздался свист. Матвей Семенович сунул пальцы в рот и свистнул в ответ. Кусты раздвинулись, и двое мальчишек — один с выпуклыми григорьевскими глазами, другой незнакомый — сообщили:

— Они собрались.

Григорьев сделал знак рукой. Головы скрылись, в глубине оврага захрустели ветки. Белесые брови профессора сдвинулись, наморщив переносицу.

— Это разведка, — таинственно и важно сказал он. — Мне врачи запретили купаться, ну, следовательно, надо избежать скандала. Мы с вами не виделись, имейте в виду. Двигайтесь на дачу, а я своим ходом.

— Ваш ход известен, — в тон ему сказал Андрей. Матвей Семенович погрозил пальцем и скрылся в кустах.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

По заведенному в поселке ученых обычаю, в субботние вечера собирались по очереди у кого-нибудь играть в карты. В этот вечер принимали Григорьевы.

К приходу Андрея в большой, смежной с верандой, комнате сидело человек шесть. На веранде четверо пожилых мужчин шумно играли в подкидного дурака.

Самого Григорьева еще не было.

После разговора с Матвеем Семеновичем Андрей находился в том возбужденно-приподнятом состоянии духа, когда все окружающее служит источником радости.

Он поздоровался с женой Григорьева и подумал, что у Григорьева должна быть именно такая жена — маленькая, хрупкая, с узким лобиком, прикрытым веселыми кудряшками, отчего лицо ее выглядело кукольным, капризным. Ее звали Зинаида Мироновна, и это имя тоже показалось ему уютным. Любая мелочь в обстановке комнаты, вплоть до старомодных кресел с высокими неудобными спинками, находила у Андрея свое оправдание. Он испытывал почти благоговейное чувство, как будто здесь можно было разгадать волнующую тайну того, как живут и творят подлинные таланты.

Вместе с Зинаидой Мироновной он обошел гостиную, пожимая руки гостям, и несколько не удивился, когда его подвели к Тонкову.

— О, приятная неожиданность, — проговорил Тонков, показав крупные белые зубы.

Сбоку от столика, за которым чопорная седая мать Зинаиды Мироновны раскладывала пасьянс, на диване сидели остролицая, небрежно причесанная девушка и молодой человек с веселыми пухлыми щеками.

— Смородин! — представился он, крепко встряхнув руку Андрея.

Андрею нравились физически здоровые, сильные люди, и то, что Смородин, к которому он

собирался обратиться с просьбой о конденсаторе, оказался таким жизнерадостным, милым здоровяком, обрадовало его.

Зинаида Мироновна, пристроив Андрея, удалилась, шурша платьем, к Тонкову.

Девушку звали Анечка. Она обладала острым, насмешливым язычком и на правах племянницы Зинаиды Мироновны вышучивала присутствующих. Ей помогал Смородин. Андрей смеялся, чувствовал себя преотлично, уверенный, что такой безжалостно-иронический тон и должен царить в доме Григорьевых.

— Ого, Петушков извлекает рубль, — объявила Анечка, указывая в сторону веранды. — Взгляните на его седовласую львиную голову, ай-я-яй, такого человека оставили в дураках.

— Зато он оставил всех в дураках при защите, — подхватил Смородин. — Слыхали, Андрей Николаевич, историю с его докторской диссертацией? Он защищал по электрохимии. Химики считали, что в химии он ничего не понимает, но электрик он выдающийся, а электрики голосовали за него как за химика.

— Теперь он получает свои шесть тысяч, — сказала Анечка, — окружил себя таинственным полумраком и вылезает оттуда, что бы обозвать кого-нибудь кретином.

— Анечка, расскажите, какой протокол сочинили наши ребята о Петушкове, — попросил Смородин.

Анечка рассмеялась.

— В своей речи, — нараспев заговорила она, — соискатель коротко и четко изложил содержание темы, доказывая необходимость присвоения ему степени доктора наук. Из выступлений оппонентов явствовало, что диссертации они не читали, но каждый из них имеет о диссертанте свое определенное мнение.

Заклучи тельное слово Петушкова свидетельствовало, что возражений оппонентов он не слушал, зато о каждом из них...

В гостиную вошел Матвей Семенович. Он был в черном костюме, с наспех повязанным галстуком, скучный, натянутый. Сконфуженно он совершил, очевидно тягостный для него, обряд рукопожатий и ответов на учтивые расспросы о здоровье. Дойдя до Андрея, он подмигнул, пробурчав что-то вроде «рад вас видеть». Потом он направился на веранду, но теща, не отрывая глаз от пасьянса, тотчас сказала:

— Матвей, вас там просквозит. Григорьев послушно вернулся.

Зинаида Мироновна громко пожаловалась Тонкову:

— Вы бы повлияли на Матвея. С его здоровьем его посылают по заводам из-за этого самого содружества. Сидеть в цехах, где вредный воздух...

— Зиночка... — коротко попросил Матвей Семенович.

— Пожалуйста, не спорь, — властно остановила его Зиночка. «Ого, не такая уж она куколка», — озадаченно подумал Андрей.

— Я удивляюсь: куда смотрит общественность института. Не ужели непонятно, как надо беречь таких людей. Юрий Ильич, объясните мне, разве у нас не может существовать чистой науки?

Тонков, нежно поглаживая бороду, успокаивал:

— Это временная кампания. Рациональное зерно в ней, конечно, есть, только... — Он изящно пошевелил белыми пальцами, как бы играя гамму, и многозначительно поднял брови. — Президент Академии, когда речь зашла о связи науки с производством, сказал мне: «Не надо отвлекать ученого мелочами, дружба с производством должна быть такой, чтобы не резать курицы, несущей золотые яйца». Наше, Матвей Семенович, призвание — выдвигать основные идеи.

Андрей ждал, что Григорьев жестоко высмеет Тонкова, и готов был прийти на помощь, спросить у Тонкова, зачем же он лицемерит, заключив договор о сотрудничестве с электролабораторией, но Григорьев молчал, потирая лысину, как бы стараясь понять, чего же хочет Тонков. Андрей был уверен, что здесь, в доме Григорьева, Тонков должен чувствовать себя ничтожеством. Однако Тонков держался самодовольно, уверенно, и рядом с его черной бородой, осанистой фигурой и шелковой ермолкой Григорьев в своем мешковатом пиджаке выглядел до обидного щуплым и невзрачным. Видно было, что, за исключением сына, никто в доме с ним не считался, что относились к нему как к большому ребенку, которого надо поминутно останавливать и вразумлять. Здесь он был совсем не похож ни на того Григорьева, который безжалостно прогнал Андрея при первом свидании, ни на того Григорьева, который час назад, на пляже, бесстрашно сокрушал великие авторитеты.

Андрей заметил, что у Зинаиды Мироновны визгливый голосок, и что от седых бровок и пасьянса тещи Григорьева веет нелепой старомодностью.

Постепенно он начинал ощущать некоторое несоответствие между тем, что должно окружать Матвея Семеновича, и тем, что было в действительности.

— Посмотрите, — сказала Анечка, наклоняясь вперед, — что там вытворяет Ростовцев.

Сморозин прищурился, всматриваясь, и расхохотался:

— Ну и ловкач, он из своего портсигара устроил перископ и подсматривает карты этого тюфяка Пуданова.

Черноволосый, подвижный Ростовцев азартно размахивал руками, его тонкий с горбинкой нос лукаво морщился, из четырех игроков ой был самый азартный и шумливый.

Петушков звенящим комариным голоском о чем-то безуспешно спорил с ним, крохотные глазки его злобно сверкали. Пуданов слушал их с благодушно-сонной улыбкой. Четвертый игрок, высокий неподвижный старик, сидел к Андрею спиной.

Андрей знал Ростовцева как одного из лучших специалистов по антеннам. В своей области он считался магом, волшебником и верховным судьей. Судя по рассказам Анечки, он крепко оберегал свое первенство, бесцеремонно отталкивал тех, кто пробовал его обогнать. Он не боялся ввязываться в любые драки, отстаивая свою руководящую роль. У него было хорошее чутье нового: стоило появиться многообещающей работе, он тотчас подхватывал ее идею и разрабатывал дальше. Благодаря своей прекрасно оборудованной лаборатории, способным помощникам, благодаря невероятному трудолюбию и блестящим способностям он быстро обгонял автора и снова победно шествовал впереди.

— Выходит, он какой-то коршун, стервятник? — мрачно сказал Андрей.

— Ничего подобного, — возразила Анечка, — он вовсе не честолюбив. И не завистник. Он искренне уверен, что никто лучше его не сделает. Может быть, он и прав. Во всем другом, кроме антенн, он добрейший человек. А какой шутник и выдумщик!

— Ого, вы, оказывается, умеете видеть и хорошее, — с иронией проговорил Андрей.

Анечка покраснела, открыла было рот, но ее перебил Смородин:

— Слыхали, какой номер недавно выкинул этот Ростовцев? У Пуданова есть машина, и он считает себя незаурядным водителем. Когда машина стояла в институтском гараже, Ростовцев забрался туда и приделал к глушителю милицейский свисток. Приспособил он его так, чтобы свисток действовал, начиная от определенной скорости. Вечером сажает Пуданов нашего шефа Тонкова в машину, и они едут на дачу. Только разогнались на проспекте — свисток.

Пуданов останавливается, подходит к милиционеру. Тот: «Ничего не знаю», — все же на всякий случай записал помер. Поехали дальше. Как газанут — свисток. Тормозят, осматриваются — никого нет. Кое-как выбрались на шоссе.

Опять свисток. А кругом ни души.

Стариканы чуть не спятили. Галлюцинации!

Пуданов, о котором шла речь, сидел к Андрею боком. Андрей с трудом узнал его. Пуданов растолстел, обрюзг, благодушная улыбка неизменно дремала под тенью его сизого носа.

— Чем он занимается? — спросил Андрей.

— Разводит астры, — отозвалась Анечка.

— Нет, серьезно?

— Единственное дело, к которому он относится серьезно. — Анечка рассказала, что его коллекция насчитывает около пятидесяти видов астр.

Последний раз Андрей видел Пуданова до войны на лекции о созданных им фотоэлементах. Пуданов стал лауреатом, его избрали членом нескольких ученых советов, ввели в редколлегии журналов, о нем писали, он давал интервью, его имя приобретало все большую известность. Слава постепенно становилась его хозяином. Она заставляла его все меньше времени уделять научным работам, избавила от мелких обязанностей и тревог. И вот... астры! А ведь Пуданов — это не Петушков. Тот бездарность, дрянь, по этот — настоящий ученый. И был талант, большой талант. Андрею стало грустно.

— Очевидно, Пуданов до конца жизни останется человеком, — сказала Анечка, — о котором будут говорить: «Ну как же, помни те, это он когда-то наделал шуму со своими элементами» — или что-то в этом духе.

— Так и будет, — весело сказал Смородин, — на него уже сей час ссылаются в предисловиях, а не в тексте.

Андрея покорило этот веселый тон, эти мелкие злорадные насмешки, с безопасного расстояния запускаемые в Пуданова.

— Не понимаю, чему вы радуетесь, — хмуро сказал он.

Тем временем Григорьев, пользуясь уходом тещи, улизнул на веранду, где игроки шумно приветствовали его появление.

Сидевший до сих пор спиной к Андрею высокий старик поднялся и протянул руки навстречу Григорьеву. Несмотря на старомодный пиджак, седые волосы, стриженные ежиком, он выглядел удивительно молодо. Его морщинистую смуглую шею красиво оттенял белый отложной воротничок; кроме Андрея, только он был без галстука. Взяв Григорьева под руку, он стал прогуливаться с ним по веранде легким юношеским шагом.

— Кто это? — спросил Андрей у Анечки.

— Кунин.

— Кунин! — Андрей покраснел от удовольствия. Это имя было связано со славой зачинателей русской физики. Кунин работал вместе с Лебедевым, Лазаревым, он знал Попова, Тимирязева, во всех учебниках описывались его знаменитые опыты по электростатике. Еще студентом на экзамене Андрей выводил формулу Кунина.

— Сколько же ему лет?

— Он ровесник Медному всаднику... — начал было Смородин, но осекся под хмурым взглядом Андрея и заговорил о недавней статье Кунина, в которой старик якобы впал в идеализм. Андрей читал ее. Статья покушалась на некоторые классические понятия электрофизики, это была смелая попытка создать единую теорию, объяснить противоречия, и Андрей прощал автору рискованные порой утверждения, плененный свежестью, искренностью и смелостью его суждений.

Мимо них проходил Тонков под руку с Зинаидой Мироновной. Услыхав разговор о Кунине, он сказал:

— Да, да... в наших академических кругах считают, что он серьезно скомпрометирован. Зинаида Мироновна, вы должны предостеречь Матвея Семеновича.

Ошибки Кунина стоят достижений некоторых ученых, — угрюмо сказал Андрей и густо покраснел.

Тонков, мило улыбаясь, заметил, что вести научные споры в присутствии дам было бы непростительно.

Раздосадованный, Андрей вышел на веранду, подумывая, как бы попрощаться с Григорьевым и уехать.

Пуданов, дремотно улыбаясь, кивал Петушкову и смотрел в угол веранды, где Кунин, Ростовцев и Григорьев о чем-то оживленно говорили. Видно было, что Пуданову и скучно слушать болтовню Петушкова, и лень встать, но если бы кто-нибудь поднял, он с удовольствием присоединился бы к тем троим.

Увидав Андрея, Матвей Семенович представил его друзьям. Они приняли его радушно: Кунин — рыцарски внимательно, Ростовцев — лукаво, выискивая, нельзя ли над чем подшутить.

Они рассуждали, есть ли на Марсе люди. И то, что в этом разговоре не было ничего мудреного и нового, и то, что в таких выражениях об этом могли спорить мальчишки, порадовало Андрея.

В их обществе Григорьев прояснел, взбодрился, неуступчиво мотал головой. Перед Андреем снова стоял прежний Григорьев.

— Вы знаете, как произошли звезды? — хитро сморщив нос, спросил Ростовцев. — Это остатки миров, где люди открыли атомную энергию и не смогли договориться...

Никто не улыбнулся. Да и сам Ростовцев вдруг посерьезнел.

Смуглое лицо Кунина стало бесконечно старым. Зорко прищурились выпуклые глаза Григорьева. Слова Ростовцева круто повернули мысли Андрея, обнажили перед ним то суровое чувство ответственности за судьбу науки, за судьбу человечества, которое роднило души этих людей.

Лучше, чем кто бы то ни было, они знали страшную силу атомно-водородного оружия.

В эту минуту Андрей почувствовал, что эти трое, несмотря на все их человеческие слабости и недостатки, были учеными в том высоком смысле слова, который он никогда не решился бы применить к себе. Они — генералы науки, он — ее солдат; и, как солдат, он придавал особое значение каждому их жесту, слову, испытующе сравнивал их, таких разных, словно определяя возможный вариант собственной судьбы. Целиком никто из них не подходил ему, они были слишком индивидуальны. Зато он отбирал для себя достоинства каждого из них: «Такие тебе полезны!» и недостатки: «Берегись, чтобы они не стали и твоими!»

Подошел Тонков и, вкрапывая намеки на опальное положение Кунина, предложил провести в его лаборатории какое-то исследование, обещая помочь оборудованием. Благодетельство Тонкова не должно было вызывать никаких сомнений, он поможет Кунину, рискуя, может быть, собственной репутацией; вряд ли Кунин, обвиненный в релятивизме, идеализме и эмпиризме, вправе рассчитывать на какие-либо ассигнования.

Кунин учтиво поклонился, восхитив Андрея той утонченной вежливостью, которой сопровождался его холодный, категорический отказ. И тут же, без видимой связи, Кунин вспомнил один случай времен его студенческой работы у знаменитого Лебедева:

— Тогда Петр Николаевич один из первых в России занимался рентгеновскими снимками. Наша неказистая лаборатория была единственной физической исследовательской лабораторией в стране. Условия были трудные. У нас работал, например, всего один лаборант — Давид. Личность замечательная — мастер на все руки, но характер преотвратный, брюзга, и, надо сказать, Петра Николаевича он любил, но не уважал нисколько. По мнению Давида, Петру Николаевичу не хватало авантюризма. Давид обожал представительных. Да, так вот однажды утречком вваливается в наш подвал купчина. Бобровая шуба нараспашку, пузо вперед, белый жилет залит вином, — видно, прямо из «Яра».

Бородища — во! — Кунин выставил грудь и, багровея, рыкнул: «А где тут профессор-фотограф?» Петр Николаевич в другой комнате занимался, утренние часы его были святы, никто не смел его тревожить. Давид заметался и, умиленный грозной осанкой купца, не выдержал, позвал Лебедева. Выходит Петр Николаевич. Купец ему: «Вы фотограф?» — «Какой фотограф?» — «Вот что, уважаемый, желательно, значит, нам свой внутренний портрет иметь». Это он про рентген. «В натуральную величину чтобы сделали». Махнул он рукой на наши низкие, полутемные комнатки. «Больших денег не пожалеем. Ежели потрафите, так и супруги портрет закажу». — В этом месте Кунин обвел всех глазами, неуловимо выделив Тонкова. — Лебедев побледнел, да вдруг как топнет ногой, как гаркнет: «Давид! Гони его в шею!» Это милейший, обходительный Петр Николаевич, от которого слова громкого никто не слышал! Григорьев конфузливо, но довольно потер лысину. — Кто-то из наших студентов потом его попросил: «Петр Николаевич, сняли бы купца ради лаборатории, мы бы аппаратуры накупили». Лебедев обрезал: «Вы, милостивый государь, как видно, считаете науку шлюхой». А Давид после изгнания купчины проникся к Лебедеву величайшим почтением.

Тонков, старательно прохихотав вместе со всеми, отошел к Петушкову.

— Треплют вас за статью? — сочувственно спросил у Кунина Ростовцев.

— Ну что ж, треплют, но треплют, а кто-то должен дело делать, — устало сказал Кунин. — Не на них же надеяться, — он кивнул в сторону Тонкова. — Их дело трепать. А я, знаете, сейчас новую статью готовлю. Ну, были ошибки, так ведь и хорошее было.

Вскоре Ростовцев и Кунин, захватив с собою Пуданова, ушли, и Андрей заметил, что все оставшиеся, кроме Григорьева, как-то оживились, почувствовали себя свободнее.

Матвей Семенович сник, сиротливо маясь между гостями.

Андрей хотел было расспросить его о Куinine, понимая, что и Матвею Семеновичу это будет приятно, но Григорьевым завладел Смородин, упрасывая его взять рукопись для рецензии.

С грубоватым простодушием «рубахи-парня» он пояснял, какой ему нужен отзыв. Надо было отдать ему справедливость: наиболее щекотливые вещи он умел преподносить так беззастенчиво, что в любую минуту их можно было обратить в шутку.

— Критические замечания, конечно, нужны, — разъяснял он Матвею Семеновичу, — но ровно столько, чтобы издательство не боялось заключить договор.

Вслед за ним Петушков комариным голоском напомнил Григорьеву о своем аспиранте. Знакомое выражение муки появилось на лице Григорьева.

— Извините, я смотрел диссертацию, — он слабо развел руками, — беспомощная работа. Кое-что там, конечно, есть... — поспешно добавил он.

— Из одних перлов состоит только перловая каша, — язвительно перебил его Петушков. — Это «кое-что» вы и помогите ему раз вить. Молодежи, голубчик, надо помогать.

Конфузаясь, Григорьев пробормотал что-то извиняющееся.

— Да, да, — вздохнул Тонков, — в этих случаях приходится жертвовать собою. Кунин — тот по старости отделяется притчами, а нам с вами, Матвей Семенович, надо создавать собственную школу, это удастся немногим.

— Ну, вам нечего жаловаться, — живо подхватил Смородин, ваша школа цветет.

Тонков отмахнулся, притворяясь недовольным этой откровенной лестью:

— А сколько это отнимает энергии! Вспомните, Смородин, каким вы пришли ко мне. — Он неожиданно обернулся к Андрею. — Вам я тоже кое в чем сумел помочь с диссертацией, несмотря на то, что вы как будто и не сочувствуете моей школе. — Он тронул рукав Андрея всепрощающим жестом.

Андрею стало неловко перед Григорьевым, он собрался было возразить, но Григорьев поспешно переменял тему.

— Значит, вам известно про локатор, — обрадованно сказал он Тонкову. — Чудесно может получиться, а? Берегитесь, ваш метод под угрозой.

За толстыми стеклами, как в аквариуме, метнулись скользким блеском глаза Тонкова.

— Эх, Матвей Семенович, — быстро засмеялся Тонков, прикрывая глаза короткими исками. — В вашем возрасте, ха-ха-ха, и столь легкомысленное увлечение. Ай-я-яй... Признаться, не думал, что Андрей Николаевич после такого провала на техсовете будет на стаивать на своем. Не думал.

Безрассудная молодость.

Во время ужина Андрея посадили между тещей Григорьева и Смородиным.

Раскладывая на коленях салфетку. Смородин спросил Андрея:

— Значит, это о вас мне рассказывали? Вы после аспирантуры пошли на производство?

Андрей кивнул.

— Как же вам удалось договориться о кандидатской ставке? Ее платят только в институтах.

— Я получаю как обычный начальник цеха.

— Так вы теряете на этом рублей семьсот. Чем же вас компенсируют?

— У меня интересная работа.

— Хо, да вы альтруист...

Андрей чувствовал себя самым посторонним за столом, если не считать Матвея Семеновича. То непринужденно возвышенное состояние, в котором он входил в этот дом, окончательно рассеялось. Подавленный сладкой любезностью Тонкова, церемонными манерами тещи Григорьева, Андрей держался напряженно, досадуя на свою неуклюжую стеснительность. Ясная и холодная злость быстро наполняла его душу. Напротив него, потряхивая седыми кудрями, шумно возился над своей тарелкой Петушков, подозрительно сверля Андрея злыми глазками. На другом конце стола завязался разговор о доступности изложения научных работ.

Бархатный баритон Тонкова снисходительно возражал Анечке:

— ...Мой молодой друг, ценность научного труда неизбежно снижается при стремлении автора к популяризации.

Петушков встrepенулcя:

— Что же, вы прикажете выразить интеграл Дюамеля четырьмя действиями арифметики? — Он ехидно посмотрел на Андрея и выплюнул рыбью косточку. — А позвольте спросить, зачем? Я пишу для специалистов и употребляю выражения, понятные им. Учитесь, никому не заказано.

— Согласен. В наше время одни знания представляют собою абсолютную ценность, — поддержал его Смородин, накладывая себе на тарелку икру.

«А пусть их», — подумал Андрей. Он проголодался и ел с удовольствием, посмеиваясь над человеческой слабостью — заткнут рот салатом и бутербродами, и вроде как-то неудобно становится ругаться.

— Упрощенчество исходит из тщеславия, — мягкими коlobкa ми докатывались тонковские фразы. — Подобные ученые жаждут признания большой аудитории.

Подлинное творчество движется внутренним интересом. Важно ли было Гегелю, что его читало, вероятно, не более тысячи современников, а понимало человек двадцать?

Григорьев откашлялся и сказал, обращаясь к своей тарелке:

— А вот это... «Диалектика природы» Энгельса написана куда понятней, чем у Гегеля, и тоже вполне научная и полезная...

— Матвей, оставьте горчицу. Вам нельзя ничего острого, — остановила его теща.

«Бедняга, — подумал Андрей о Григорьеве. — В одиночку он слаб. Ему нужны такие, как Ростовцев и Кунин. Талант плюс сильный характер — вот чем надо обладать, чтобы разделаться с Тонковым... Почему Тонков ненавидит Кунина, почему он подминает под себя Григорьева? Да потому, что он сам бесталанный... Очевидно, только ученый, обладающий настоящим талантом, может радоваться, что имеет конкурентов...»

Обмахиваясь салфеткой, Тонков говорил:

— ...Узкие практические задачи приходят и уходят. Остается наука, ее законы. Настоящий ученый оценивается по его теоретической работе. Закон Столетова всегда останется законом Столетова.

— Ах, так это к вопросу о славе, — протянула Анечка.

— Отчасти и о славе.

— Ну, у вас ее достаточно, — любовно сказал Смородин. Андрей улыбнулся: «Общество взаимного восхищения».

— Мне не за себя обидно, — скорбно вздохнул Тонков, поймав улыбку Андрея. — Жаль нашу творческую молодежь. Вот вы, Андрей Николаевич.

Растрчиваете свое дарование на какой-то химерический прибор. Ну, допустим, затратив на него несколько лет и массу нервной силы, сделаете. А дальше что?

Пройдет год, какой-нибудь инженер, глядишь, усовершенствует этот прибор, другой еще что-нибудь в нем добавит, и нет прибора Лобанова, а есть прибор Сидорова, Петрова. И никто не помнит про Лобанова, труды ваши предадут забвению. Увы! Таково печальное отличие техников от ученых.

Шумно раздувая ноздри, Андрей приподнялся, где-то мелькнуло сожаление: не умеет он ответить так спокойно и красиво, как Кунин. Ярость, скопленная за этот вечер, ознобом прошла по телу. Зинаида Мироновна вздохнула, все глаза обратились к Андрею.

— Андрей Николаевич, — раздался скрипучий голос тещи, будьте добры, передайте мне фрикасе.

Фрикасе? Взгляд Андрея ошеломленно заметался по столу, уставленному овальными блюдами с заливной рыбой, мясом, пестрыми салатницами, тарелочками с семгой, украшенной прозрачно-желтыми ломтиками лимона, какими-то соусницами, вазочками. Ехидная усмешка стекала по краям тонких губ Петушкова. Андрей вопросительно посмотрел на Григорьева, но тот сидел слишком далеко. Смородин тихонько прыснул. Победно тряхнув бровями, теща взяла тарелку с коричневым соусом, в котором плавали кусочки крошеного мяса.

Чувство юмора заставило Андрея, несмотря на всю досаду, улыбнуться.

Перекрывая голоса, он обратился к Тонкову:

— Разрешите мне все же...

— Андрей Николаевич, пощадите нас, — капризно сказала Зинаида Мироновна.

— Нет, разрешите, — настаивал Андрей уже с серьезным лицом, чувствуя, что становится смешным, и от этого готовый на любую дерзость. — Что касается моего бессмертия, то вы напрасно о нем печетесь. Есть нечто гениальнее и плодovitее любого ученого, — он неожиданно успокоился, — это сама наука, тот неуклонный процесс, который совершают тысячи средних работяг. Я убедился в этом на своем приборе. Он создается не мною, а всей лабораторией. Сейчас времена одиночек кончаются. И в науке особенно. Крупнейшие проблемы решают коллективы. И вообще, противопоставлять науку и технику, по-моему, бессмысленно и вредно. Одно без другого развиваться не может.

Тонков милостиво кивал, показывая, что он, как воспитанный человек, вынужден делать вид,

что слушает, но остальным это необязательно. Зинаида Мироновна разливала чай, кругом шумели и переговаривались. Только два человека внимательно слушали Лобанова: Григорьев — он стеснительно поеживался, украдкой довольно подмаргивая Андрею, и Анечка — она задумчиво положила острый подбородок на сплетенные пальцы.

Откусывая белыми большими зубами печенье, Тонков, выждав паузу, сказал, обведя всех глазами:

— Вы, Андрей Николаевич, стоите между наукой и техникой, смотрите — не сядьте между ними.

Румяные щеки Смородина задрожали от смеха.

— А может, ему усаживаться еще время не подошло, — не меняя позы, резко сказала Анечка тоненьким голосом.

Андрей от неожиданности запнулся, подумал, потом усмехнулся и опустился на стул, в общем довольный собою.

Сразу после ужина уходить было неудобно. Стоя у окна, Андрей вглядывался в синюю темень сада и думал, как славно было бы взять отсюда Матвея Семеновича, погулять с ним по ночным ветреным аллеям.

Потом он вспомнил про конденсатор и подошел к Смородину. Узнав, что от него требуется, Смородин зачем-то отвел Андрея в сторону. Смешливость его исчезла.

— С удовольствием помогу вам, — деловито сказал он. — По совместительству или по трудовым соглашениям?

— Что? — не понял Андрей.

— Платить как думаете? Я могу оформиться на полставки. Вопрос был естественный, но после бескорыстного участия Григорьева Андрея передернуло.

Смородин, очевидно, почувствовал, что творится с Андреем.

— Э-э, да, я вижу, вы и впрямь альтруист, — смесь жалости и снисходительности была в его улыбке. — У вас еще молочные зубки остались.

Пора бы уже... Как вы дальше жить будете?

Андрей осмотрелся, из дальнего угла комнаты за ними настороженно следил Тонков.

— Меня ваше будущее, Смородин, тоже беспокоит. Смотреть на свои знания как на источник дохода... — Андрей опечаленно по качал головой. — Это и есть особенность школы Тонкова?

Не ожидая подходящего повода, Андрей распростился с хозяевами и вышел на улицу.

— О чем вы говорили с Лобановым? — спросил Тонков у Смородина.

Выслушав, он тихо сказал:

— Вы идиот. Завтра же свяжитесь с ним и обещайте сделать ему все. Бел всяких денег... Помолчите. Зачем же, чтоб мои сотрудники чинили ему препятствия? Наоборот...

Спустя несколько минут он ласково упрекал Григорьева:

— И вы согласились сотрудничать с Лобановым? Святая простота. Боюсь, боюсь за вас, Матвей Семенович, как бы вы не попали в ловушку.

— Матвей, я всегда говорила, что вы слишком доверчивы, — сказала теща.

Матвей Семенович, страдальчески выкатывая кроткие глаза, пытался возразить, его не слушали. Лишь одна Анечка недоуменно спросила:

— Какая тут может быть ловушка?

— Авантюристом его назвать я не имею права, — рассудительно и мягко отвечал Тонков. — Но войдите в его положение: с локатором не получается, сроки трещат, необходимо как-то подкрепить свой авторитет, на чем-то отыгаться. А тут есть возможность пристроиться к ценным трудам Матвея Семеновича.

— Очень просто. Пристроится и станет соавтором. Доказывай потом, что ты не верблюд, — ядовито куснул Петушков.

Зинаида Мироновна нежно взяла мужа за руку:

— Мы с тобой идеалисты, милый. Тонков умеет разбираться в людях, послушайся его.

Григорьев уже успел поверить в Лобанова, он был под впечатлением их разговора на пляже... Но вот ведь и Зиночка говорит, и Тонков, и теща...

Сколько раз уже бывало, что в житейских вопросах они оказывались опытнее его.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Андрей шагал по ночным безлюдным улочкам дачного поселка. Дорожная пыль мягко глушила размашистый шаг. Он расстегнул рубашку, остужая грудь встречным ветерком. Вразброд бежали мысли о сегодняшнем вечере. Больше всего было жаль Григорьева, беспокойно за его судьбу. Эта свора Тонковых — Петушковых может его растащить по клочкам... Они как паразиты-ракушки, которые присасываются к килю корабля. Чем быстрее ход, тем труднее им удержаться. Скорость приносит им вместо радости одно беспокойство. Сказать бы об этом Тонкову. Да... говорить надо вовремя. Как Кунин. Быть бы таким, как Ростовцев или Кунин, — доступным, простым, и изысканно вежливым, и разяще спокойным... А они могут свалить и Кунина и, ничего не создав, вполне благополучно в славе и почете прожить до конца своих дней. И на смену им подрастает Смородин. Но вот что интересно — как правило, все эти Тонковы бездарны... Правда, ухватить их трудно. Скользкие, как налимы. Но мы с ними еще поборемся.

Подобрав прут, он хлестал на ходу по лопухам, по черным кустам ракитника так, что воздух свистел и капли росы холодили руку.

...Он не заметил, как сбился с дороги. Под ногами хрустела скользкая трава. В синей тьме висели редкие огоньки. Где-то лаяли собаки. Процеженный сквозь дымные тучи неверный свет месяца только мешал отыскать дорогу. Наугад перепрыгивая через канавы, Андрей двинулся к ближнему дому с освещенной верандой. В темноте вырос низкий штакетный заборчик. Не раздумывая, Андрей оперся о столбик и, спружинив, прыгнул. Что-то невидимое вцепилось в него, опалив ногу жгучей болью. Он упал, ломая мокрый от росы малинник.

Несколько мгновений он лежал, не понимая, что произошло. Потом отполз вбок и, сидя на

земле, сквозь порванную штанину ощупал ногу. Пальцы сразу стали теплыми от крови. Андрей достал носовой платок и, стиснув зубы, туго перевязал ногу ниже колена. Он протянул руку к перекладине забора, чтобы встать, и укололся о шипы колючей проволоки. Андрей выругался, отломал перекладину и, опираясь на нее, прихрамывая, добрался до полосы света, падавшего на траву с остекленной веранды. Длинный лоскут штанины свисал вниз, открывая повязку с красным пятном. Надо было как-то подколоть этот лоскут; булавки, конечно, не нашлось. В таком виде ехать в город было невозможно, да и где она, эта дорога на станцию.

За прозрачной стеной веранды, завешенной белой кисеей, слышались голоса. Отряхивая мокрый, измазанный зеленью костюм, он представил себе физиономии хозяев при его появлении. Мускулы его искривленного болью лица дернулись в улыбке. Нечего сказать, влип он в историю.

Голоса на веранде приблизились, на занавесках обозначились две тени.

— Никуда ты не поедешь, — проговорил мужской голос, — останься здесь.

Секунду-другую длилось молчание, потом женский, напряженно звенящий голос сказал:

— Как тебе не стыдно!

В ее словах звучали и удивление и боль.

Мужчина неловко засмеялся и подошел к ней ближе. Женщина прислонилась спиной к стеклу, и силуэт ее стал четким, пышные волосы слегка просвечивали, словно дымились над головой.

— Ну, разумеется, я люблю тебя, — с некоторой досадой сказал мужчина.

Цепляясь за перила, Андрей поднялся и громко постучал в дверь.

Щелкнула задвижка. Перед Андреем стояла, держась рукой за дверной косяк, тоненькая девушка. Яркий свет мешал разглядеть ее. Андрей заметил только медные пьющиеся волосы, высокую стройную шею и глаза. Узкие, почти раскосые, срезанные темными веками, без блеска, без всякой мысли, они смотрели на Андрея застывшим, невидящим взглядом, точно обращенные внутрь.

Он чувствовал, что застал ее в тот миг душевного потрясения, когда все существо человека беззащитно раскрыто. Ему захотелось уйти, но и этот момент девушка словно очнулась; дрогнув ресницами, она отступила на шаг и обернулась к мужчине.

Это был примерно ровесник Андрея, в небрежно накинутом на плечи песочном пиджаке, смуглый, с холодными глазами, красиво оттушеванными синевой. Сунув руку в карман, он подошел и заслонила девушку.

— Что вам надо? — громко произнес он, с любопытством разглядывая перепачканные кровью руки Андрея.

Объяснив в двух словах, что с ним случилось, Андрей спросил, как пройти на станцию.

Пока мужчина рассказывал, Андрей смотрел из-за его плеча на девушку.

Она, опустив голову, царапала каблуком пол.

Наступило молчание.

Андрей поблагодарил, тоскливо соображая, что так и не понял, куда ему надо сейчас свернуть.

— Что с вами случилось? — спросила девушка., Задетый ее рассеянным участием, он сказал, озлобляясь с каждым словом:

— Да вот вы тут навесили колючей проволоки... минных заграждений только не хватает.

— Вадим, у тебя бинт есть? — спросила она у мужчины. Андрей дернул плечом, взялся за дверь:

— Не надо.

— Подождите, — остановила она его, — мне тоже в город.

— Марина! — Вадим с силой взял ее за руку, отвел к накрытому для ужина столу, вполголоса начал уговаривать. Она попробовала высвободить руку, ей это не удалось.

Андрею стало не по себе.

— Послушайте, — сказал он. Марина обернулась.

— Вы идите, — сказала она, — я вас догоню. Оставь, — обратилась она к Вадиму. — Слышишь! — Она сказала это так хлестко презрительно и таким непреклонно спокойным тоном, что он отпустил ее.

«Ого! — одобрительно подумал Андрей. — Характер». Он осторожно спустился по ступенькам. Нога остро заныла. На минуту он прислонился к стене дома.

Останется или пойдет? Он не понимал, должен ли он помочь, хочет он идти с ней или лучше, чтобы она осталась. И сразу же почувствовал, что, если она останется, у него будет какое-то горькое ощущение обмана.

Марина вышла на крыльцо. На плече у нее висел плащ. Вадим шел за ней и с недоумением, почти угрожающе, говорил что-то.

— Ничего я не боюсь, ничего, — сказала она, отчаяние слышалось в ее голосе. — Оставь меня сейчас...

Она сбежала вниз и спросила в темноту:

— Где же вы?

Андрей с трудом оторвался от стены. Они выбрались на дорогу. Марина, не оглядываясь, пошла вперед. Влажный песок скрипел под ногами. Дорога, смутная и серая, изгибаясь, убегала в рощу. Было тихо, безлюдно.

— Подождите, пожалуйста, — хмуро попросил Андрей, — я не могу так быстро. — И тут же подумал, что, наверное, она нарочно держится на расстоянии от него, потому что боится. Как же велико было ее возмущение или разочарование, чтобы пуститься в путь с первым встречным, да еще похожим на бандита.

Марина замедлила шаг, спросила, как это его угораздило заблудиться.

Ее спокойно-рассеянный тон обрадовал Андрея. А может быть, она просто хорохорится, а у самой все дрожит внутри? Ему стало жаль ее: назвав себя, он с подробностями, шутливо поведал о своих злоключениях.

— Вы, вероятно, бог знает что подумали, — улыбнулся он.

— Надо ж! — невпопад, без всякого выражения, откликнулась она, и он понял, что его совсем не слушали. Его рассказ показался ему навязчивым и бестактным. Суется со своей царapiной, когда человеку вовсе не до него.

Неожиданно из-под ног ее выскочила лягушка. Марина, вздрогнув, крепко схватила его за руку и смущенно рассмеялась. У нее были сильные горячие пальцы. Он невольно пожал их, она сразу же отдернула руку. Ему стало неловко и стыдно, он грубовато спросил:

— Булавки не найдется у вас?

Они остановились, она вынула из волос заколку.

Андрей присел на придорожный пенек, попробовал закрепить вырванный лоскут. Некоторое время она смотрела на его старания, потом отобрала заколку, присела на корточки. Оказывается, от ходьбы у него начала сочиться кровь. Недолго думая, Марина сдернула с плеч косынку.

— Да ну, что вы! — замахал руками Андрей.

Не слушая, она умело перевязала ногу, подколола порванную штанину.

В роще на них дохнуло удивительным теплом. Ни одна ветка, ни один лист не шевелились на усыпанных лунным светом деревьях. Лес до самых крон, как теплой водой, был залит неподвижным воздухом, запахами смолы, лесных трав, сухой дорожной пыли. Размытые пятнистые тени деревьев зеленой рябью обегали грудь, лицо, шею Марины. Она остановилась, подняла вверх лицо. Андрей тоже остановился, слушая тишину. Завозилась, мягко всхлопывая крыльями, какая-то птица. Прошуршала в траве мышь. Эти мелкие звуки подчеркивали огромную сонную тишину леса.

Марина вздохнула глубоко, прерывисто, как вздыхают дети после слез.

На станции было пусто. До поезда оставалось полчаса. Они шагали по гулкой высокой платформе. Далеко-далеко уходили стальные лезвия рельсов, рассекая лес надвое. Горели цветные огни семафоров.

— Вы сильно хромаете, — словно сейчас увидела Марина.

— Чепуха, — пробормотал он. — Пройдет.

— Пройдет. Все проходит, — повторила она так, как будто он был прохожий, чем-то нарушивший ее раздумье. — Сядьте. Садитесь, — приказала она.

Андрей сел на скамейку. Марина надела плащ. Литые складки плаща делали ее тоненькую фигурку твердой, напряженно вытянутой. Оставив Андрея, она пошла по платформе. Когда тьма скрыла ее и замерли шаги, Андрею показалось, что она не вернется... и, может, вообще ее не было. Проходили минуты.

Потянуло холодом. Андрей поднялся; опираясь на палку, побрел в ту сторону, куда ушла Марина. Подходя к далекому темному концу платформы, он услышал сдавленный плач. На краю перрона, на ступеньке, спиной к Андрею, сидела Марина. Она плакала, торопливо вытираясь рукавом, кулаком и пальцами, крупно и часто вздрагивая. От этих слез, которых он не видел, у него самого что-то подступило к горлу. Андрей растерянно коснулся ее руки:

— Послушайте... может быть, вас проводить обратно?.. Она вскочила, как будто ее ударили.

— Какое вам дело! — крикнула она. — Я сама вернусь, если захочу.

Отстаньте от меня. Чего вам надо? Я вас привела, и езжайте...

Слезы мешали ей говорить, и это еще сильнее сердило ее.

Андрей попятился, что-то бормоча, отошел к фонарю, облокотился на перила. «Чепуха какая-то», — повторял он, негодуя на себя.

Где-то рядом в лесу протяжно и тоскливо покрикивала совка: «ку-у, ку-у».

Вдали, наверное еще на соседней станции, раздался гудок паровоза.

Послышался нарастающий шум поезда. Дверь вокзальчика отворилась. На платформу, позевывая, вышла женщина в красной фуражке.

Слепящий прожектор паровоза вырезал из темноты скорченную фигурку Марины на ступеньках платформы.

Андрей, громко стуча палкой, подошел к ней.

— Знаете что, я вас так не могу оставить, — решительно сказал он. — Или поедемте, или пошли назад. Вот!

Он нагнулся, взял ее за руку. Она послушно пошла за ним. Вагон, в который они сели, оказался пустым.

— Чего это я на вас напустилась? — сердито спросила Марина. Кончик носа у нее был красный, мокрые ресницы слиплись, вся она чем-то напоминала мокрого взъерошенного котенка.

Андрей улыбнулся:

— У нас какое-то одностороннее знакомство. Вас Мариной зовут?

Она встала у раскрытого окна, не желая, очевидно, чтобы он разглядывал ее.

— Марина... — она запнулась и добавила, не оборачиваясь: — Сергеевна.

Светлые прямоугольники окон мчались вниз, ломаясь на буграх и рытвинах, взбирались на кусты. Деревья у полотна то закрывали, то вновь распахивали звездное небо.

Андрей стоял позади и смотрел, как ветер шевелил волосы Марины. Сухая сосновая иголка запуталась в медных завитках. Андрей хотел вынуть ее, но не решался.

— Смотрите, — Марина показала в сторону желтого огонька, мигающего в черноте. — Что это, по-вашему?

Она обернулась. Лицо ее оказалось совсем близко, он почувствовал ее дыхание, увидел рядом ее глаза с дрожащими каплями света. Он взглянул туда, прямо в этот свет... Почувствовав какое-то непонятное волнение и стараясь преодолеть его, он отстранился и сказал:

— Ну, дом. Обыкновенный дом. Кто-то не спит.

— Очень интересно!

Наперекор ее смешку он добавил все с той же нарочитой грубостью:

— Какой-нибудь студент зубрит или девица читает «Королеву Марго».

— Может быть... А я подумала другое. Вам никогда не казалось — вдруг этот огонек и есть то, что ты ждешь?.. И надо выскочить на полустанке, остаться. А ты не поверил себе... Поезд тронулся, и вот огонька уже нет. И никогда не узнаешь, что там было.

Так говорить можно было лишь с человеком, которого больше не встретишь.

Затосковав, Андрей, сам не зная зачем, в упрямой запальчивости сказал:

— Это бывает только в скверных романах. Марина невесело рассмеялась:

— Вы, конечно, всегда выходите на той станции, куда взят билет.

— Неправда, — Андрей вдруг обрел уверенность. — Вы же сами... И правильно сделали, что не остались.

Она возразила что-то гневное, но Андрей не расслышал за гудком паровоза. Поезд подходил к городу.

Они вышли на привокзальную площадь. Ветер гонял по пустынной мостовой автобусные билетки.

— Вам куда? — спросил Андрей.

— Не вздумайте меня провожать, — предупредила Марина.

— Почему?

— Во-первых, я не хочу... Во-вторых, вам надо домой. Обмойте ногу и сделайте перевязку.

Андрей стал уговаривать ее взять такси. Трамваи уже не ходят. Марина нерешительно оглянулась. Она выглядела утомленной, загар здесь, в городе, казался еще темнее, придавая ее лицу диковатую угрюмость. Мимо прошел милиционер, подозрительно глянул на разорванные, перепачканные брюки Андрея.

— Без вас меня заберут, — пригрозил Андрей.

...Машину мягко подбрасывало, мелькали перекрестки, ветер лихо посвистывал за стеклом. С трудом согнув больную ногу, Андрей забился в угол, стараясь не касаться даже полы скользкого шумного плаща. Марина сидела прямо, положив руки на колени. Было темно, Андрей видел лишь ее профиль на фоне проносившейся ночной улицы.

Подъезжали к дому Андрея. Шофер спросил, где остановиться.

— Дальше, на углу, — попросил Андрей. Ему хотелось выиграть еще секунду, другую.

В это время он вспомнил про деньги. Торопливо вытащил смятые бумажки, на ощупь пробуя угадать, сколько там, — хорошо, если много, а если мало... И эта мысль, от которой он никак не мог отделаться, мешала сказать Марине что-то очень важное.

Машина остановилась, шофер включил свет. Андрей сунул ему деньги, Марина стала спорить, и так прошла еще минута.

— Начисто мужскую самостоятельность режут, — философски заметил шофер.

— А женится человек — снова жена за такси платит, все финансы у нее в сумочке.

Он медленно перелистал бумажки, сунул их в карман.

— До свиданья, — сказала Марина.

Андрей медленно подал руку, медленно отворил дверцу. «Надо что-то сказать, спросить, так же нельзя», — повторял он. Ступив на землю, он присел от резкой боли.

— Может, вас проводить? — встревожилась Марина. Кусая губы, он мотнул головой. Дверца захлопнулась.

— Пойдите, так же нельзя... — сказал он.

Заметив движение его губ, Марина приникла к стеклу. Поздно. Машина тронулась. В последний раз мелькнуло ее лицо с узкими скошенными глазами.

Пахнуло в лицо горьковато-сладким дымом, сверкнули красные глазки задних фонарей, — подпрыгивая, они уносились все дальше и дальше и скрылись.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Назавтра нога опухла, поднялась температура, врач уложил Андрея в постель, запретив даже читать. В комнате запахло лекарствами. Отец перетащил из столовой свое кресло, и Андрей впервые за много лет почувствовал себя на положении больного со всеми приятными и неприятными последствиями.

Людам, много и напряженно работающим, болезнь, несмотря на физические страдания, иногда приносит желанный покой. Андрей обнаружил, что способен спать по двенадцать часов в сутки, просыпаться и снова тонуть в полудреме.

За работой он вскоре забыл бы о Марине, сейчас же, когда дурацкий случай надолго вывел его из строя, ничто не мешало ему думать о ней целый день. Он пытался представить себе, что произошло на веранде... Любит ли Марина этого Вадима? За что вообще любят, и почему перестают любить?.. Разобраться в этих вопросах было невозможно.

Стоило закрыть глаза — и мысли уплывали в сон.

Он видел ее в белом халате врача. Она входит в комнату, наклоняется над ним. Волосы ее туго стянуты косынкой, только крохотный медный завиток свисает, блестя на солнце. Завиток быстро удаляется, приплясывая, как красный фонарик такси. Деревья закрывают его. А может быть, это и есть то счастье, которое ищешь всю жизнь?.. Андрей бежит по вагону, выскакивает на полустанке. Поезд уходит. На гулкой пустынной платформе остается женщина в красной фуражке. Андрей спрашивает у нее, не живет ли здесь Марина Сергеевна. «Фамилия?» — строго требует женщина. Андрей пожимает плечами. Женщина вздыхает, и оба долго стоят молча.

Допустим, решает в полудреме Андрей, адрес ее известен. После работы он идет к ее дому. Ходит мимо час, два — и вот она выходит из парадной. Одна. Он идет ей навстречу, говорит удивленно и небрежно: «Никак Марина Сергеевна?» Она тоже удивлена. Они идут вместе. «Это похоже на судьбу», — говорит Марина... Андрей застонал, повернулся к стене. Потратить последние минуты перед расставанием на спор о каких-то рублях! Даже не сказал спасибо за то, что проводила до станции и до дому. Невежа! Еще смеет мечтать о встрече.

К вечеру, когда возвращалась с работы Катя, в комнате становилось шумно. Чтобы Андрей не

скучал, Катя оставляла с ним Танечку и сама забегала каждые десять минут. Уложив всех, она приходила к Андрею.

— Когда ты все успеваешь? — удивился Андрей ее неутомимой хлопотливости. Катя работала чертежницей на том же заводе, где и муж.

Возвращалась она домой в половине седьмого, разогревала обед, кормила семью, мыла посуду, потом чинила, гладила, убирала; потом ужин, снова мытье посуды, потом надо было приготовить на завтра обед и завтрак. Ложилась она во втором часу, вставала в семь утра. Хорошо еще, что Николай Павлович ездил с Танечкой в детский сад. В обеденный перерыв Катя бегала по магазинам, закупала продукты, выбирать некогда — хватаешь, что подвернется... Федя кое в чем помогал, но Катя страх как не любила «кухонных мужиков». Мужчине положено дрова наколоть, починить что-нибудь по дому, словом — крупные дела. «Только так выходит, — с усталой смешинкой добавляла она, — что крупных дел у нас мало, все мелкие». Все это было Андрею не в новость, но теперь, наблюдая изо дня в день трудный быт сестры, он все чаще вспоминал о своих сотрудницах по лаборатории. За несколько минут до обеденного перерыва они тоже готовили кошелки, собирались, и Андрей ругал их за это! И как только звонил звонок, они исчезали и появлялись через час. Часто они даже не успевали перекусить или выпить чаю. Они с неохотой оставались работать на вечер, а он сердился и упрекал их в несознательности.

— Был бы ты женат, ты бы смотрел на вещи иначе, — говорила Катя.

Она часто думала о женитьбе Андрея, и хотела и боялась этой женитьбы.

Катя была старше брата на три года и после смерти матери чувствовала себя ответственной за его судьбу. Сама она вышла замуж рано, и это тоже укрепило в ней сознание превосходства ее житейского опыта. Она боялась, как бы Андрея не обкрутила какая-нибудь «фифа», беспокоилась, почему к Андрею не приходят в дом девушки, подозрительно допрашивала его: не может быть, чтобы он ни за кем всерьез не ухаживал.

Однажды, перебинтовывая ему больную ногу, она сказала:

— Привет тебе от Риты, я ее встретила сегодня.

— Да? — спросил он, грустно удивляясь своему равнодушию. Катя пытливо взглянула на него и начала рассказывать, как хорошо Рита выглядит, как она изящно одета. Андрей молча смотрел на склоненное лицо сестры, печально отмечая мелкие морщинки на висках, складки на шее, и вспоминал, что до войны, когда он познакомил Катю с Ритой, Катя выглядела девчонкой.

— Почему бы тебе не уйти с работы? — спросил он.

— Бросить работу насовсем не хочу. Скучно будет, — сказала Катя, осторожно укладывая его ногу. — Знаешь, Андрюша, мне бы полгода отдохнуть. — Она села на краешек постели и устало улыбнулась. — Вообще, женщинам семейным надо бы разрешить работать по четыре часа вместо восьми.

За время его болезни они вновь, как в детстве, сблизились. Когда рана на ноге стала затягиваться, Катин муж смастерил костыль, и Андрей осторожно начал ковылять по комнатам. Он добирался до кухни, садился на табурет и подолгу задумчиво наблюдал за Катинной стряпней. Катю смешил этот не свойственный характеру Андрея интерес. Андрей смущенно огрызался на ее шутки, но продолжал сидеть, прищурился, зеленые глаза, обросший длинными волосами, исхудалый, с выпирающими из-под открытого ворота ключицами. Катя скоро привыкла к его присутствию в кухне и, чистя картошку или вертя мясорубку, делилась с ним своими заботами. Ее беспокоило воспитание Танечки.

Девочка целиком была перепоручена дедушке, который, разумеется, слишком баловал ее. Она становилась неряхой, капризулей. Катин муж, молчаливый, добродушный, сам страстно любящий дочь, понимал, что единственный ребенок в семье всегда получает кривобокое воспитание. Надо бы иметь второго, но Катя не хотела. Они часто возвращались к этому разговору, Николай Павлович поддерживал зятя.

— Значит, мне опять на два года засесть дома! Не желаю, — упорствовала Катя. — И так никогда в театр не выбраться, книжки не почитать.

И там и тут была своя правда, как во всяком семейном споре, и Андрей колебался, не зная, чью сторону принять. Домашняя жизнь, которая до сих пор не затрагивала его главных интересов, открывалась изнутри, наполненная волнующей простотой и значением. Вникая в семейные дела, он невольно переосмысливал многое в жизни и взаимоотношениях своих товарищей по работе.

Трудно сказать, что от чего шло. Возможно, начало было положено в день поездки на пароходе, сблизившей его с товарищами. Либо наоборот, переживая Катини дела, он начинал понимать, что подобные заботы есть в жизни каждого, и это по-новому сблизало с людьми, помогая заполнить разрыв, который он болезненно ощущал в последнее время.

По вечерам забегал Борисов, он как-то быстро и прочно сошелся с домашними. Ему очень поправилась затея Николая Павловича с игрушками для ребят. Обменный пункт игрушек пользовался в домохозяйстве успехом, в соседних домах «подхватили почин», как выражался отец, собрали ненужные игрушки и также стали выдавать их напрокат.

— Напрасно ты посмеиваешься, — говорил Борисов Андрею, — это может стать большим делом. Надо бы вас, Николай Павлович, заслушать на райисполкоме.

Впоследствии, когда Борисов стал членом бюро райкома, он не забыл этого разговора и действительно пригласил Николая Павловича в райисполком. По больше всего у него оказалось общего с Катей. В первый же вечер они заспорили о методах воспитания детей.

— Ну, а как насчет четырехчасового дня для семейных женщин? — спросил Борисова Андрей.

Борисов целиком поддержал Катю. Женщинам работать, ну, если не четыре, так попервоначалу хоть шесть часов в день. Пока это, может, и недостижимо, но стремиться к этому надо. Андрей больше не чувствовал себя посторонним при этих разговорах.

Только иногда он вдруг переставал слышать, о чем говорят кругом, странная рассеянная улыбка появлялась на его бледном лице. У него теперь была своя тайна, и эта тайна — такая запретная, что и думать о ней как-то страшно, — вселяла в него чувство превосходства и над Катей и над Борисовым.

Один раз Борисов пришел вместе с Кривицким. Андрей решил, что Кривицкому нужно что-то выяснить по работе, но Кривицкий попросил показать ему больную ногу и, убедившись, что ничего опасного уже нет, начал болтать о всяких пустяках. Посещение Кривицкого тронуло Андрея. Кто мог ожидать от этого желчного человека такого внимания?

Борисов передал Андрею приветы от инженеров, лаборантов, и Андрей впервые почувствовал, как много нитей по-разному связывают его с лабораторией. Он расспрашивал, как обстоят дела у Воронько с Верой Сорокиной, интересовался здоровьем жены Ванюшкина, настроением Сони Манжула. Борисов, немного щеголяя своей осведомленностью, отвечал с подробностями, делая вид, что не замечает изумления Кривицкого.

— Э, да вы, оказывается, любители посудачить, — не утерпел Кривицкий. — Тогда и я с вами.

При слове «посудачить» Андрей смутился, Борисов же был доволен. Черт с ней, с терминологией, важно, что лед тронулся. Поездка в Лесопарк не прошла для Андрея бесследно. Ай да я, ай да парторг!

А Кривицкий между тем разошелся. Подмечая в людях слабости и пороки, он находил для каждого краткие определения. Так, Потапенко он называл — «пирожок ни с чем», Долгина — «не человек, а меню — все, что угодно».

За два дня до выхода Андрея на работу к нему приехал Рейнгольд. После общих расспросов о здоровье он неловко замолчал.

— Что у вас стряслось? — не выдержал Андрей.

Впалые щеки Рейнгольда медленно заливал неровный румянец. Не поднимая глаз, он попросил Андрея сохранить их разговор в тайне. Андрей дал слово.

— Видите ли, Андрей Николаевич, — выдавил Рейнгольд, разглядывая свои пальцы. — У меня сегодня... меня вызвал один товарищ... он мне дал понять... Не знаю, может быть, я сам его так понял...

Затратив полчаса, Андрей выяснил следующее: Рейнгольд получил предложение сделать Потапенко соавтором своего синхронизатора. Потапенко вызвал его, и не то чтобы так прямо навязал соавторство, но дал понять, что если Рейнгольд согласится, то Потапенко широко поставит производство синхронизаторов, распространит их по всем станциям Союза и, пользуясь связями в министерстве, может быть, сумеет добиться выдвижения авторов на Сталинскую премию. К тому же он и в самом деле кое-что присоветовал Рейнгольду относительно оформления авторских прав, правда подобного рода совет мог дать Рейнгольду любой опытный администратор... Разговор происходил с глазу на глаз, и, судя по сбивчивому рассказу Рейнгольда, выражения были подобраны настолько дипломатически увертливые, что Рейнгольду все могло показаться собственным домыслом.

Счастье было, что Рейнгольд приехал к Андрею домой. Расскажи он ему это послезавтра на работе, Андрей немедленно пошел бы к Потапенко, и... пусть бы судили за хулиганство. Почему-то вдруг вспомнилась встреча в пивной. Лютое, незрячее бешенство закрутило Андрея. Он поднялся, подступил к Рейнгольду:

— А вы что... разрешения просить пришли! У меня — разрешения? Ах, сволочи! — Он поднял огромный, как кувалда, кулак и по-матерному выругался.

Сквозь полуоткрытые двери встревоженно заглянула Катя. Андрей горячечно сверкнул на нее глазами. Рейнгольд сцепил руки, втянул голову в плечи. Мелкие капли пота блестели на его порозовевшей лысине. Андрей ходил, хромя, не чувствуя боли, и поглядывал на притихшего Рейнгольда. Сидит, как убогий, курица мокрая, защищался бы, отстаивал... Эх, разве такой годится в соратники?

— Никаких компромиссов, слышите вы? Никаких! — раздувая ноздри, хрипло говорил Андрей. — Завтра же пойдете к Потапенко и пошлете его к...

Рейнгольд испуганно кивал головой. Какая-то недоверчивая опасливость сквозила в его движениях. Андрей взял его за плечо, встряхнул.

— Да будьте вы мужчиной, наконец! Брали бы пример с вашей жены. Чего вам бояться? Напугал пас Потапенко? Пригрозил? Да? Неужели вы думаете, мы вас защитит не сумеем? Эх, вы, — сбавив голос, он усмехнулся приободряюще и одновременно презрительно. — Будьте принципиальным человеком, и вы всегда содержите верх. А с Потапенко...

Рейнгольд поднял испуганное лицо.

— Вы же дали слово... Андрей Николаевич! Я откажусь, конечно, от его предложения, но только вы...

Андрей поморщился:

— Ладно, но не вздумайте вилить перед Потапенко. Назавтра, поскандалив с врачом, Андрей закрыл бюллетень и поехал в лабораторию. Рейнгольд уже побывал у Потапенко и, заикаясь, не глядя Андрею в глаза, сообщил про свой отказ.

— Теперь гоните ваш синхронизатор во всю прыть, — успокоенно сказал Андрей. — А там видно будет. Заслужит он премию, так и без нас выдвинут.

Итак, Рейнгольду надо было спешить, и, следовательно, он нуждался в помощи. У Фалеева с Краснопевцевым работа кипела. Они заканчивали расчетную часть, приступили к эксперименту и тоже требовали помощников. На Комсомольской станции наладили автоматику, и теперь надо было снабдить такой автоматикой остальные котлы, — снова давай людей.

За время болезни Андрея Новиков и Саша начали подготовительные работы с макетом локатора, — необходимо дать им хотя бы еще одного инженера и лаборанта. Работу над локатором следовало ускорить по разным соображениям: звонили моряки, беспокоился главный инженер — как-никак он поручился перед ними, — истекал срок обещания Григорьеву, но сильнее всего было нетерпение — увидеть результаты своих трудов. Это нестерпимое желание знакомо каждому исследователю.

Нужны были люди, люди и люди.

В этот напряженный момент Майя Устинова тоже потребовала увеличить свою группу. Испытания у нее шли полным ходом, и Майе приходилось вертеться со своими инженерами до позднего вечера, и все же в график они не укладывались.

Скрепя сердце Андрей перебирал кандидатуры. Каждый, кто работал у Майи, был обречен в его глазах рано или поздно на разочарование. Первой в докладной записке Устиновой стояла фамилия Цветковой. Андрей стиснул зубы — Цветкову он не уступит. Он сам намерен был взять ее к себе в группу. Он имел в виду, кроме всего прочего, как-то поправить отношения Саши и Нины. Ничто так не сблизжает, как работа плечом к плечу. Разумеется, Майя имела право выбора, так же как и он, особенно если речь шла о Цветковой, ее воспитаннице, и все же Цветкову он не уступит. Майя холодно посоветовала считаться с желанием человека. Андрей с досадой пожал плечами.

— А ей-богу, Майя Константиновна, жаль, что мы дробим свои силы...

Неужели вы полагаете, что реставрация тонковского метода даст большие результаты, чем локатор? Ненужная и нездоровая конкуренция получается у нас. Чистые серые глаза Майи потемнели. Сейчас она почти ненавидела Андрея. Он предлагает ей отступить! Как бы не так! Верит она в свою работу? Верит. За нее Тонков, Потапенко. Видно, Лобанов просто испугался и ищет способ пойти на мировую. Испугался честного, открытого соревнования... А кажется таким героем!

— Андрей Николаевич, — сказала она. — Я подала вам докладную, будьте добры дать мне ответ. Что касается Цветковой, — Майя улыбнулась, — если она согласится работать над вашим локатором, я не буду настаивать.

Андрей тут же вызвал Цветкову и в присутствии Майи спросил, где она хочет работать. Он

старался держаться беспристрастно, как это ни было ему тягостно.

Глядя Андрею прямо в глаза, Нина медленно, словно желая, чтобы он остановил ее, сказала:

— Разрешите мне работать с Майей Константиновной.

Мелькни в его взгляде огорчение, призыв, она бы отказалась. Но он думал о Марине. Он глядел на Нину и вспоминал Марину. И еще он думал о том, что все же он правильно поступил тогда в Лесопарке, на той солнечной брусничной полянке.

— Так, — спокойно сказал он. — Очень хорошо. Так и сделаем.

Вот и все кончилось, Нина...

Через полчаса она пришла к Майе Константиновне. Брови ее были сдвинуты, губы твердо сжаты. Она сосредоточенно выслушала инструктаж Майи и, оставшись одна, дала себе клятву — сделать все, что в ее силах, чтобы Майя победила, выполнять любую работу без отказа. Не ворчать. Если надо, оставаться по вечерам (не слишком часто, конечно). Учиться. Стараться придумать что-нибудь. Считалась же она в школе способной! Она представила себе все это свершившимся. Будет торжественное заседание. Приедут Тонков и другие ученые.

Майя Константиновна скажет с трибуны, что своим успехом она обязана Цветковой. Все оглядываются, находят Нину, приглашают ее в президиум. Она будет в том самом темно-голубом платье. Или нет, наверно, это случится зимой, она наденет свитер с оленями и высокие меховые ботиночки. Без всякой застенчивости, просто и скромно она расскажет, как работала, и, обведя глазами собрание, увидит Андрея Николаевича. Она небрежно скользнет по нему взглядом, а он покраснеет... нет, он выйдет из зала, опустив голову и останется ждать ее внизу. Когда, окруженная народом, она будет спускаться по лестнице, он отзовет ее. Она скажет своим спутникам: «Извините, я сейчас», — и сухо спросит его: «Что вам нужно?» — «Нина, — скажет он, — простите меня, Нина, я был слеп тогда, я не подозревал, какая вы...» — «Вы опоздали, Андрей Николаевич, — печально и холодно скажет она. — В моей душе все перегорело».

Это место выглядело каким-то сомнительным. И вообще, она не была уверена, станет ли он вскакивать, уходить и ждать ее внизу. Но стоило ли заводить всю эту историю, если бы он спокойно, вместе с другими хлопал ей. Нет, все будет не так. «Нина», — скажет он...

— Ниночка, у вас насморк? — раздался над ухом голос Новикова.

— Нет, почему? — не поняла она.

— А я смотрю, вы сидите с открытым ртом.

Все исчезло, — кругом те же стенды, верстаки, смеющиеся лица Новикова, Пеки Зайцева. Она постаралась улыбнуться как ни в чем не бывало. Смейтесь, смейтесь. Просмеетесь.

Перевод Цветковой еще больше обострил отношения Андрея с Устиновой.

Разговаривала Майя подчеркнуто официально, любые требования она сопровождала письменным заявлением. Андрей терпеливо пробовал объясниться с ней начистоту. Какого бы она ни была мнения о локаторе, это еще не причина видеть в Лобанове врага. Он требовал от нее нормальных рабочих отношений. Майя приняла непонимающий вид. Да, она не разрешает затирать свою работу. Что тут плохого?

— Я не могу не затирать вашу работу, — взорвался Андрей. — Она делается для мышей.

Разговор ни к чему не привел. Его неосторожная фраза стала известна в Управлении, и Андрея вызвали к управляющему. Дело этим бы не ограничилось, но главный инженер решительно взял Лобанова под защиту. Однако группу Устиновой сделали автономной. Положение Лобанова стало еще более двусмысленным. Он не имел права контролировать работу Устиновой — и обязан был ей помогать; ему мешали — он не имел права защищаться.

В самой лаборатории многие также не разделяли его отношения к работе Устиновой. Даже Борисов и тот поддавался авторитету Тонкова. Усольцев, Новиков, Рейнгольд были в восторге от обходительности Тонкова; им льстило, что он здоровался с ними за руку, отпускал им любезности и туманно и непонятно, щеголяя сложными терминами, нахваливал работу Устиновой, заверяя всех в ее успехе.

Один лишь Кривицкий открыто посмеивался:

— Мир хочет быть обманутым — пусть же обманывается. Скепсис Кривицкого никто не принимал всерьез, все видели, что Тонков относился к Майе хорошо. И действительно, он проявлял к нуждам ее группы самое горячее внимание.

В жизни каждого ученого, считал Тонков, приходит грустная пора, когда необходимо тратить больше сил на защиту достигнутого, чем на создание нового. Иначе можно потерять больше, чем создать.

Разумеется, Тонков не причислял себя к реакционерам в науке, гонителям нового, монополистам и т. п. Наоборот. Его искренне возмущало — с какой стати он, многое создавший, имеющий опыт, заслуги, положение, должен теперь, под старость, уступить свое место какому-нибудь безвестному юнцу вроде Лобанова. Разве это справедливо? Ведь тот же Лобанов, заняв эту вершину, всеми правдами и неправдами будет сталкивать вниз своих конкурентов. И это естественно, такова жизнь. Успех в науке представлялся Тонкову вершиной, где может уместиться один человек. Тонков был твердо уверен, что если кого-нибудь из его коллег хвалят, то тем самым хотят унижить его, Тонкова; если кто-либо добился удачи, то эта удача украдена у него, у Тонкова. Ему надо было, чтобы всюду он фигурировал один, другие мешали ему. Слава похожа на пирог: отрежут кому-нибудь кусок — значит, ему, Тонкову, останется меньше. Тех, кто покушался на этот кусок, он ненавидел. Но о людях, которые ему помогали, он умел по-настоящему заботиться. Так, он испытывал искреннюю благодарность к Майе Устиновой, видя, с какой добросовестностью и глубокой верой она пытается оживить его одряхлевшие идеи.

Технический отдел изводил Андрея бесконечными бумажками, требованиями всевозможных отчетов, форм. То, что раньше решалось телефонным звонком, теперь вызывало пространную угрожающую переписку.

Андрей вынужден был обратиться к Долгину.

— Без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек, — презрительно рассмеялся Долгин. — Это в порядке шутки. Вы настаивали на самостоятельности. Ваши требования увенчались успехом. Отныне мы обращаемся с вами как с самостоятельным объектом. Бумаг посылается вам не больше, чем на любую станцию.

— Станция, инстанция... На станциях целый аппарат, — возмущенно сказал Андрей, — а я один. Я превратился в писаря. Дай те мне людей.

Долгин сурово вздохнул, глаза его смеялись.

— Сие от меня не зависит. Штаты пересматривают раз в год.

Вскоре последовал новый, неожиданный и страшный удар. Приказом по Управлению с мотивировкой «сокращение штатов» был уволен Рейнгольд. Начальник отдела кадров, полковник в отставке, дал понять Андрею, что есть указания... Рейнгольд во время войны был на оккупированной территории, так что... должны понимать. Чувствовалось, что начальнику отдела кадров неприятна вся эта история, и говорил он, уткнувшись в бумаги, нехотя, с таким выражением, как будто у него горько во рту.

В парткоме Зорин после долгих разговоров признался Андрею: материал на Рейнгольда подготовил Долгин. Каковы бы ни были мотивы, побудившие Долгина, но Рейнгольда придется уволить.

— Ты войди в мое положение, — оправдывался Зорин. — Долгин начнет строчить на меня кляузы — пригреваю, мол, сомнительных товарищей... А я могу поручиться за Рейнгольда?

— А за Долгина ты можешь поручиться? — спросил Андрей. Он рассказал о попытке Потапенко навязаться Рейнгольду в соавторы.

Зорин вяло помотал головой. Где доказательства? Мы Потапенко доверяем больше, чем Рейнгольду. Да и при чем тут Потапенко, когда речь идет об анкетных данных Рейнгольда. Закона такого, может, и нет, и в Конституции не сказано, но вот Долгин ссылается на установки, он в этих вопросах мастак...

Андрей подергал рубашку, ему стало душно. Он налил в стакан воды, вода была теплой и безвкусной.

— Имей в виду, мы этого беззакония не допустим, — протяжно сказал Андрей, изо всех сил сдерживая ярость. — Мы с Борисовым выяснили на станции о Рейнгольде. Когда гитлеровцы взяли Таллин, Рейнгольд с женой и трехлетним сыном ушли. В двадцати километрах от города немцы нагнали всех беженцев и повернули назад. В оккупации он вел себя честно, это проверено. Да, он остался, но в чем его вина? По-твоему, каждый, кто был в оккупации, недостоин доверия, враг? Так можно только озлобить людей. Выл бы Рейнгольд членом партии, этот номер бы не прошел. Парт собрание бы не допустило. Опроси людей — все поручатся за него. А вы тут в одиночку решили. Пользуетесь доверием партии. Это беззаконие! Ты не поможешь — мы в райком пойдем, в обком, мы не позволим вам марать нашу Конституцию.

Расплывчатое лицо Зорина оживилось. Вот и чудесно. Даст райком команду восстановить — он будет только рад.

В райком поехал Борисов. Приемная второго секретаря Ковалевского была полна народу. Борисову назначили в шесть, но пошел восьмой час, а очередь почти не продвинулась. То и дело в кабинет Ковалевского входили инструкторы, раздавались звонки, секретарша переключала телефон, глядя на ожидающих пустым, невидящим взглядом.

— Второй час жду, — пожаловалась Борисову его соседка, по жилая женщина. Они разговорились. Начальство за критику перевело ее в рядовые инженеры. С руководителя группы! Ну, ничего, Ковалевский разберется.

— Он ведь в нашем проектном бюро работал, — с гордостью сказала она. — Прямо из института ко мне в группу попал. А по том его сюда забрали. Быстро вырос. Молодец.

Кроме дела Рейнгольда у Борисова была не менее серьезная просьба относительно комнаты для Ванюшкиных. Жена Ванюшкина скоро должна родить, и жить им дальше врозь по общежитиям невозможно.

Высокая, обитая черной клеенкой дверь кабинета отворилась, Ковалевский прошел через

приемную. Соседка Борисова быстро поднялась и, радостно улыбаясь, шагнула навстречу Ковалевскому. Он скользнул по ней большими красивыми глазами, и в их зеркальном блеске ничего не изменилось. Озабоченно взглянув на часы, он прошел мимо. Женщина сконфуженно вернулась на свое место.

— Не узнал, — глухо сказала она. — Четыре года работали вместе. Я ему расчеты помогала делать. Откуда такое берется? Из рабочей семьи сам... И, говорят, район вытянул, а вот людей не узнает... — Она иронически покачала головой, поправила седую прядь. — Теперь он большой человек, где ему старых друзей узнавать. — Она встала. — Не пойду я к нему. Ничего, вернется первый секретарь: он хоть и не знает меня, но у него для всех двери открыты.

Борисов смотрел ей вслед, на ее сникшую фигуру, и в душе его шевельнулось горькое, непрощающее чувство. Чем дольше он сидел, тем сильнее ему хотелось сказать Ковалевскому и об этой женщине, и о том, что за два года Ковалевский ни разу не побывал в лаборатории, не знает никого из коммунистов. Но когда его вызвали в кабинет, он вспомнил про Рейнгольда, про Ванюшкина и ничего не сказал об этом.

В судьбе Ванюшкиных Ковалевский принял горячее участие. И это участие было тем более горячим, чем упорнее он уклонялся от помощи Рейнгольду. Он умело сводил разговор на комнату для молодых, тут он бурно возмущался и был рубахой-парнем, который все понимает и сочувствует, и как-то получалось, что этот вопрос действительно важен и им стоит и надо заниматься, шутка сказать — семья, наша молодежь, чуткость, внимание к быту... А Рейнгольд — ничего страшного, незаменимых людей нет, товарищ пойдет работать в другое место, государство от этого перемещения не потеряет. Он говорил об этом каким-то телефонным голосом, лицо у него становилось скучным, и Борисов понимал, что хлопотать о Рейнгольде означало для Ковалевского необходимость с кем-то ссориться, брать на себя какую-то ответственность. Зачем? Он понимал и поэтому не стал возражать Ковалевскому. Ради обещанного ордера для Ванюшкиных... Это называлось уметь устраивать дела. Из райкома Борисов ушел мрачный. И сколько он ни убеждал себя, что поступился личным побуждением во имя дела, все равно он в чем-то презирал себя.

Прошла неделя, и Рейнгольд получил расчет. Андрей не мог вспоминать прощания с Рейнгольдом, его помертвевшее, известкового цвета лицо, недоумение, застывшее в часто моргающих глазах. Рейнгольд ничего не говорил, но все было ясно. Обещали защитить — и не смогли. А если бы согласился тогда разделить авторство с Потапенко, работал бы, и все было бы хорошо. Нет, ни разу Андрей не пожалел, что отговорил Рейнгольда от гнусной сделки. Иначе он поступить не мог. Нельзя связывать два разных вопроса: одно дело — предложение Потапенко, другое — несправедливое, незаконное увольнение Рейнгольда. Но для Рейнгольда это было причиной и следствием.

Андрей и Борисов утешали его как могли. Они еще будут бороться. Они вернут Рейнгольда. Плохо, что на самого Рейнгольда рассчитывать не приходилось, он совсем упал духом.

В лаборатории все ходили расстроенные, угрюмые, пристыженные. Борисов помог Рейнгольду устроиться в какую-то артель. Через несколько дней они с Андреем зашли к Рейнгольду домой. Вид у него был больной. И на всей обстановке в доме лежал налет запущенности и уныния. Не загорались сигнальные лампочки над дверями. Верстак закрыт старыми газетами. Андрей попробовал рассказать, как движется работа над синхронизатором. Тусклые глаза Рейнгольда влажно блеснули; если бы не жена, он, наверное, заплакал бы. Она держалась с ожесточенным мужеством. Она ни в чем не упрекала Андрея.

С достоинством пригласила гостей ужинать, и Андрей и Борисов не посмели отказаться. «У нас все в порядке, — подчеркивала она каждым своим жестом. — Ничего нам от вас не надо.

Мы живем хорошо. Во всяком случае, в вашем сочувствии мы не нуждаемся».

Андрей чувствовал себя отвратительно. Он пробовал заговаривать с сыном Рейнгольда, но тот краснел и прятал глаза. Андрей понял, что мальчику стыдно за него.

На улице Андреи сказал Борису:

— Я чувствую себя подлецом.

— Мы оба будем подлецами, — сказал Борисов, — если не восстановим его.

Борисов с трудом уговорил Андрея не бросать работу над локатором. Андрей хотел переключить все силы на синхронизатор Рейнгольда. Это было пока единственное, чем Андрей мог как-то оправдаться перед Рейнгольдом, и перед людьми, и перед самим собою.

— Такое решение только на руку Потапенко, — сказал Борисов. — Кто знает, может быть, они на это и рассчитывали.

Андрей сам пошел в райком. Ковалевский начал говорить ему о государственном взгляде на вещи, о политическом чутье. Андрей вспылил, запальчиво размахивал руками, обвинил Ковалевского в зазнайстве, в пренебрежении к судьбе человека и, хлопнув дверью, вышел из кабинета. После этого он как-то странно успокоился. Наивная, необузданная горячность сменилась холодным бешенством. С Ковалевским он вел себя глупо и нерасчетливо. Ну, что ж, еще один урок. Пригодится. Попробуем действовать иначе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

С осени Андрей начал посещать бассейн. Надоумили его Ванюшкин и Пека Зайцев.

На первом же занятии, когда выстроили группу, Андрей увидел среди женщин Лизу Потапенко. Они не встречались уже давно, и ему показалось, что она похудела, осунулась. Он весело кивнул ей, но в это время раздалась команда. Андрей, как самый высокий, правофланговый, должен был первым войти в воду. Он встал на стартовую тумбочку, крепко ухватился пальцами ног за шершавый резиновый край, пригнулся и прыгнул. Прохлада воды, брызги — и вот он уже плывет. Гребок ногами, выдох в воду. Как он все подзабыл! Это не летнее купание, тут каждое движение должно быть точным и экономным. Надо чувствовать свою скорость, упругую живую силу воды так же явственно, как чувствуешь ее особый, хлорный запах.

По руки и ноги еще плохо слушались, тело было чужим, неповоротливым.

Скоро Андрей вылез наверх, тяжело дыша сел на скамейку.

— Мало! Еще две сотки надо, — весело крикнул ему из воды Пека.

Его голубая шапочка быстро скользила вдоль дорожки. Сквозь чистую зеленоватую воду было отчетливо видно каждое движение его ладной фигуры.

Пенистый след бурлил за вытянутыми мелькающими носками. Андрей и завидовал и поражался. Перед его глазами все еще стоял образ суматошного, трепливого паренька в бесформенном ватнике, в стоптанных грязных сапогах. А он, оказывается, вот каким может быть — сосредоточенным, упорным, в каждом движении расчетливым.

Высокий зал бассейна был заполнен плеском воды, ее зеленоватыми отсветами. Желтые блики ламп двигались, точно приклеенные к мокрым плечам. На одной из дорожек Андрей отыскал Лизу, спустился к ней. Он плыл медленно, толкая перед собой доску, отрабатывая движения ног. Лиза обгоняла его, и, когда они встречались глазами, на лице ее появлялась странная скованная серьезность.

После занятий он подождал ее в вестибюле. Она вышла из раздевалки с чемоданчиком и руке, все такая же сдержанная и озабоченная. Нет, дома все в порядке, дети здоровы. В чем же дело? Она пожала плечами, предлагая оставить этот разговор. Так... Значит, она снова стала ходить в бассейн? Да, и работает, и снова ходит в бассейн, все, все снова. Андрей пытливо заглянул ей в глаза и спросил напрямик: может быть, она вообще не желает с ним разговаривать? Может быть, она дуется на Андрея из супружеской солидарности и все такое?

Дуется? Она грустно улыбнулась. И сразу стало видно, насколько она изменилась. Совсем не похудела, а как-то подобралась, посуровела. Лицо ее стало тоньше. Дуется — слово это подходило к прежней беззаботной хохотушке Лизе, а не к нынешней, в строгом темно-синем костюме, с туго зачесанными назад волосами и с двумя короткими морщинками от бровей вверх.

Оказывается, Лиза не знала об окончательном разрыве между ним и Виктором. Ругая себя за неосторожность, Андрей вынужден был рассказать историю их столкновений. Он нарочно подбирал спокойные слова, сдерживая взбаламученную воспоминаниями злость.

Он ждал, что Лиза попытается защищать Виктора, но она прослушала молча, точно в сундучок сложила, крышку захлопнула и задумалась о своем. Лицо ее оставалось скованным. Они распрощались, далекие и чужие друг другу.

Андрей посещал занятия регулярно, и Лиза явно тяготилась его присутствием. «Смотрит на меня глазами Виктора, — думал Андрей. — Наверно, считает это долгом своей любви». Иначе он ничем не мог объяснить ее неприязнь. Иногда он ощущал на себе ее пытливый, хмурый взгляд, но стоило ему обернуться, и лицо ее принимало безразличное выражение. Между ними все время чувствовалось что-то недоговоренное. Он попросил тренера перевести его в другую группу. Лиза слышала их разговор и покраснела. Оформляя перевод, Андрей задержался, и, когда вышел на улицу, было совсем темно. Сырой, пронизывающий ветер накинудся на него, забился в ногах. Андрей не слышал, как сбоку к нему подошли. Только почувствовав чьи-то пальцы на своей полусогнутой руке, он резко обернулся. Перед ним стояла Лиза. В темноте зрачки ее стали большими. Она взяла его под руку. Они долго шли молча, как бы снова привыкая друг к другу.

В этот вечер Лиза рассказала ему все о Викторе, о себе, о сложной и грустной истории их любви. Они ходили, не разбирая дорогу, кружась по вечерним улицам. Андрей держал ее под руку. Рука ее была каменно тяжелой и негнущейся.

Итак, Лиза все же пошла работать в школу. Конечно, ее класс показался ей самым трудным в школе. Конечно, она чувствовала, что мальчишки исподтишка подсмеиваются над ней. Класс был сам по себе, она сама по себе. Она изучала каждого из своих мальчиков, просиживала вечера за их сочинениями, пытаясь вникнуть в души этих маленьких людей.

Виктор считал ее работу временным увлечением, блажью. Постепенно между ними устанавливалось глухое, враждебное непонимание. Захваченная радостью новой работы, Лиза без сожаления отвергала тот образ жизни, который Виктор навязывал ей. Получив возможность сопоставлять, она все больше теряла уважение к Виктору. Они начали относиться друг к другу с насмешливой, напряженной холодностью. Она чувствовала, что трещина между ними становится больше и больше. Все чаще с тоской вспоминала Лиза их

прежнюю тесную комнатку, где по вечерам она сидела напротив Виктора, обхватив колени руками, глядя на его склоненную над столом голову, и он, смахивая упавшие на лоб волосы, улыбался чуть смущенно и виновато. А она, глупая, ревновала его к тому, что могло стать лучшим и главным в его натуре и в их жизни. Ее победа обернулась теперь ее поражением, слишком поздно поняла она свою ошибку. Такого Виктора, каким он стал сейчас, она не могла любить и все же продолжала любить его.

— Ты зря на себя так много берешь, — сказал Андрей. — Ты виновата меньше, чем он.

Лиза энергично замотала головой:

— Нет, нет, ты... ты, возможно, имеешь право считать его своим врагом, а я так не могу. Как мне все это вернуть, ну скажи, Андрей, ведь долго я не выдержу. Я его потеряю или... Конечно, другая на моем месте, может быть, разошлась бы с ним, но я не в силах.

— Что ты... Успокойся... Зачем вам расходиться! — пробормотал Андрей, не зная, как утешить Лизу, и чувствуя, что все, что бы он ни сказал, будет не то. — Ты пойми, Лиза, мне трудно советовать. Не могу я ничего советовать.

И это тоже была неправда. В его словах Лиза уловила невысказанную угрозу.

— Как же так?.. — растерянно и негодуя сказала она, боясь этой угрозы и идя навстречу ей. — Ты же коммунист. Вы оба коммунисты. Он же не чужой человек. Может быть, с ним надо как следует поговорить!

Андрей слушал ее и ничего не отвечал. Моросило. Капли воды искрились, нанизанные мелкими бусинками на ворс пальто. И такие же бусинки дрожали на ресницах Лизы, — был ли это дождь или слезы, не все ли равно. Андрей понимал, как она страдает, насколько все это серьезно для нее, но, чтобы стать на ее сторону, необходимо хотя бы на минуту отрешиться от чувства враждебности к Виктору, а это было выше его сил.

— Хорошо, — с трудом сказал он. — Слушай. По-моему, единственное средство... Виктору надо уйти с должности начальника отдела. Он не может руководить. Он приносит вред... — Андрей вспомнил про Рейнгольда, непримиримо свел брови, нагнул голову, упираясь подбородком в воротник. — Пусть уходит, пока не поздно.

Лиза побледнела. Рука ее дрогнула.

— Да... — сказала она. — Не знаю... Это убьет его.

Андрей проводил ее до парадной. Они прощались, когда к ним подошел Виктор. Пальто его было распахнуто, от него пахло водкой. Сунув руки в карманы, он, покачиваясь на носках, остановился в двух шагах от Андрея и Лизы. Торжествующая и злая улыбка скривила его губы.

— Привет специалисту по чужим женам! — сказал он, сплевывая прилипший к губе окуроч.

— Виктор! — крикнула Лиза.

Андрей проследил за окурком, упавшим к его ногам, повернулся к Лизе, но она, крепко схватив его за руку, умоляюще смотрела на него.

— Вот что, — вдруг спокойно сказал Андрей. — Поднимемся, поговорим.

— Оправдаться хочешь? — театрально рассмеялся Виктор и неожиданно, с хмельной решимостью согласился.

Прошла, казалось, целая жизнь с тех пор, как они впервые втроем сидели в этой светлой, теплой столовой. Виктор достал из буфета графин с водкой, ветчину, баночку икры, хлеб. Усмехаясь, аккуратно и неторопливо налил водку. Выпили молча. Никто не решался разорвать сгущавшееся с каждой минутой молчание. Виктор снова налил.

— Тебе хватит, — сказал Андрей, — а я выпью. За твою жену. Они сидели друг против друга, а посередине Лиза, неподвижно смотревшая в свою непечатую рюмку.

— Прелестно, — закуривая, сказал Виктор. — Бедная Лиза. — Он откинулся на спинку стула и, покачиваясь, спросил: — Жаловалась? Воздействуй на моего мужа, а то он меня совсем зажал? Ну что ж, давай, не стесняйся.

Андрей поймал скользкую шляпку гриба и не торопясь задвигал челюстями.

— Я зашел не угрожать тебе, — хладнокровно сказал он, — и не искать с тобой мира. Я говорил Лизе, что тебе необходимо подать в отставку. Руководить надо со знанием дела. У тебя этого знания нет. Ты умеешь интриговать и лезть по чужим спинам.

Он говорил спокойно, уверенно, радуясь своей выдержке, и, невольно подчиняясь его тихому голосу, Виктор вдруг тоже тихо и трезво засмеялся.

— На мое место захотел? Ха-ха-ха! Рановато, рановато. Боюсь, что Потапенко не отпустят, если бы он и пожелал уйти.

Поведение Виктора казалось Андрею театральным. Как будто Виктор играл перед невидимыми Андрею зрителями. Стоит сказать тихонько: «Довольно, Виктор, давай по-серьезному», — он сразу смолкнет, оглянется и увидит, что он один.

— Еще немного времени — и коллектив раскусит тебя, — сказал Андрей. — На первом же партсобрании ты останешься один. Даже здесь, сейчас, ты один.

— Один? — переспросил Виктор и посмотрел на Лизу. Он поднялся, опираясь о край стола, подошел к ней. — Ну что ж, может быть, ты и прав.

Он, казалось, забыл о присутствии Андрея, перед ним была только Лиза. Лиза молчала.

Виктор вернулся, устало плюхнулся на свое место. Жадно затянулся, кусая папироску... Пустяки, все это пустяки. Это она обиделась за то, что я там внизу... Ну да ладно, жены стыдиться, как говорят, детей не видать.

— А вот что касается одиночества, — глаза его блеснули торжествующей усмешкой, — так это ты скоро окажешься одиноким. Редуют твои ряды. Разгоняют твоих сторонников...

Андрей посмотрел на него, ломая его взгляд:

— Ты о Рейнгольде? Он будет восстановлен.

— Да? Каким же образом? — делая безразличное лицо, спросил Виктор.

— Это уж мое дело.

— Ага, закулисные интриги, о которых неудобно рассказывать. — Он повернулся к Лизе. — Вот тебе слова, и вот тебе дела.

— За что его уволили? — спросила Лиза.

Андрей объяснил, но, жалея Лизу, умолчал о тайном разговоре Виктора с Рейнгольдом.

— Ты понимаешь, — говорил он, — для меня борьба с таким беззаконием — это вопрос принципа, это вопрос моего мировоззрения. Не могут в нашей советской стране безнаказанно происходить такие вещи. Вел он себя в оккупации как советский человек, ни каких претензий к нему нет. На что же его лишают любимого дела? И Борисов, и я, и все наши коммунисты — мы не отступимся. Мы своего добьемся, до ЦК дойдем.

— А ты, Виктор, считаешь — его правильно уволили? — вдруг спросила Лиза.

Виктор уклончиво сослался на отдел кадров, — им виднее, он этими вопросами не занимается. Он смотрел на пиджак, на подбородок Андрея, избегая встретиться с ним глазами. Разумеется, если все обстоит так, как говорит Андрей, возможно, допущена перестраховка. Впрочем, достаточно, может быть, и разъяснения райкома, или Андрей доверяет только ЦК?

— Мы порядок знаем, — сказал Андрей, забывая о своем решении не откровенничать. — В райкоме мы были, теперь пойдём и обком.

— Послушайте, надо действительно что-то сделать, — сказала Лиза.

— Ты не беспокойся, я написал письмо в ЦК, — сказал Андрей. — Напишу еще Косте Исаеву, пусть проследит, чтобы скорее ответили. У тебя, Виктор, кажется, есть его адрес?

— Не помню, — вздохнул Виктор. — Мы давно не переписывались. А ты что, письмо в ЦК уже отправил?

Андрей вынул из кармана пиджака толстый конверт и помахал им.

— Так, так, — сказал Виктор, смотря на конверт. Лиза молча встала и вышла из столовой.

— Я не хотел говорить при Лизе, — тихо сказал Андрей. — Мне известен твой разговор с Рейнгольдом, известна и подлинная причина его устранения.

— Сплетня, — успокоительно и быстро сказал Виктор.

— Не сплетня, а факт. Факты — упрямая вещь.

— Какие у тебя факты?

Андрей молча посмотрел ему в глаза. Тень растерянности и испуга прошла по лицу Виктора.

— А если даже и так, — вызывающе сказал он, — если, зная о предстоящем увольнении, человеку предлагают помощь, чтобы не погибла его работа, что ж тут плохого? Всем известно, что я тоже когда-то занимался синхронизаторами. Факты — упрямая пещь, — улыбнулся он, — поэтому с ними надо уметь обращаться.

Вошла Лиза и молча положила перед Андреем узкую алфавитную книжку, раскрытую на букве «И».

Андрей записал адрес Кости Исаева, поднялся, вышел, не прощаясь с Виктором. Лиза проводила его в переднюю. Виктор остался за столом. Некоторое время он смотрел на запачканную пеплом скатерть, на мокрые окурки, плавающие в блюде с желтым грибным рассолом. Водки в графине не было. Он взял рюмку Лизы и выпил.

Хлопнула дверь парадной. Андрей ушел. Идти за водкой сейчас поздно, все закрыто... Вроде все трое дружили одинаково, но Костя всегда был почему-то ближе с Андреем... Пойти спать, чтобы Лиза не приставала с проповедями.

Виктор сидел спиной к двери, он слышал, как в столовую вошла Лиза и стала у буфета. Не оборачиваясь, он чувствовал, что она смотрит ему в затылок. Со страхом подумал: вдруг она постоит и уйдет, так ничего и не сказав.

— Проводила? — спросил он.

— Почему ты не хочешь помочь Рейнгольду? — сказала она. — У него семья... Тебя бы вот так...

— Ага, я должен всем помогать, — не оборачиваясь, сказал он. — Когда меня долбали, мне какво было? Мне помогал кто-нибудь пробиваться? Ничего, я все терпел. Теперь вы хотите, чтобы я был со всеми добренький. Не выйдет.

— Почему же Андрей так переживает и хлопочет?..

— Плевал я на твоего Андрея. Что ты мне его повсюду тычешь! И вообще по отношению ко мне он сволочь. Я ему помогал, а он... вот сволочь. И ты с ним еще ходишь. Ну и убирайся к нему.

— Не кричи, ты разбудишь детей. Ну ладно, мы поговорим в другой раз.

— Нет, начала, так выкладывай. Ты думаешь, я пьян. Я пони маю, чего ты добиваешься. Я лучше тебя соображаю.

— Ох, Виктор, ты не знаешь, как ты изменился. Я перестала понимать тебя. Неужели ты не чувствуешь, как мне тяжело?

— Тебе тяжело? Чего тебе не хватает? С жиру бесишься. Побыла бы в моей шкуре, тогда бы почувствовала, что такое тяжело.

— Ты занят только собой. Ты... ты честолюбец. Ты всем завидуешь. Тебе все мало. Откуда у тебя эта уверенность в своем превосходстве?.. Как ты мог променять Андрея на Ивиных и других? За что ты преследуешь Захарчука? А с Дмитрием Алексеевичем? Сколько он сделал для тебя, он тебя выдвинул. А теперь ты его...

— Заткнись! Что ты понимаешь? У меня десятки врагов, — он повернулся к ней вместе со стулом. — Как, по-твоему, можно ради большой правды поступиться малой? А?

Она подозрительно посмотрела на него. Какой-то фокус.

— Ну так вот, — сказал он, удовлетворенный ее молчанием. — Если мне надо вырваться вперед, так это только затем, чтобы больше сделать. Все эти Рейнгольды и Андрей — чепуха! Это щенки. Стоит мне вырваться, и я сделаю в тысячу раз больше полезного.

— А пока что можно обманывать, врать...

— Что я тебе вру?

— Ты же знал адрес Кости.

— А ты не суйся не в свое дело. Тебе-то что до этого?

— Может быть, ты и мне врешь.

— Пока что ты по ночам шляешься со своим Андреем.

— Ты и сейчас врешь. Ты знаешь, что с Андреем у меня ни чего нет. А вот ты...

— Ага, добрались! Вот оно где собака зарыта! Что же, у тебя факты есть, что я изменил?

— Ты считаешь, что изменить — это переспать с какой-нибудь... А для меня самое ужасное, что ты можешь переспать, если тебе надо устроить какое-нибудь дело...

— Лучше заткнись.

— ...с какой-нибудь секретаршей вроде Цветковой. Тебе все равно.

— Дура! Наслушалась всяких сплетен... Она стиснула ладонями щеки.

— Виктор, я, может быть, действительно ничего не понимаю. Я не могу ничего доказать тебе, раз ты сам не хочешь. Но у нас как-то плохо стало. И все хуже, хуже... Что-то мы потеряли. Я не могу так больше. Почему мы не можем жить как раньше?

— Ты просто психичка. Ты сама не знаешь, что тебе надо. Ты забыла, кто меня тянул: давай жить не хуже других, чем мы хуже Ивиных? Забыла?

Она подошла к столу и, наклонясь вперед, отдельно сказала:

— Да, я сама тебя тянула. И ненавижу себя... и тебя, зачем ты поддался. Ты должен был оказаться сильнее. Ты был бы прав. А ты... тряпичный характер.

Он засмеялся:

— Это я, я тряпка?

— Ты не тряпка, — с тоской сказала она. — Ты был твердым, а стал... гибким. Я боюсь, Виктор, мы не сможем... Мне надо уйти от тебя. Если бы я могла уйти...

— Ну и дура! Кто бы мог подумать, что ты такая дура!

— Может быть, я все-таки и решусь на это. Мне, наверно, надо привыкнуть к этой мысли.

Он посмотрел на ее шею, которую так любил целовать, и Лиза всегда вздрагивала, когда он целовал ее в ямочку возле ключицы; потом он посмотрел на ее лицо — там тоже не было местечка, которое он бы не перецеловал. Но какая это все-таки подлость! Человек приходит с работы и, вместо того чтобы отдохнуть... Она ведь прекрасно знает, какое у него трудное сейчас время. А ей наплевать. Вместо того чтобы дома, у себя дома получить поддержку, он и тут должен воевать. Всюду враги. Гадина, ну и гадина...

— Можешь убираться. Я сам уйду.

— Если бы мы могли жить как раньше...

Боже, если бы у нее хватило сил разлюбить его. Как это было бы хорошо. Есть же на свете женщины, которые могут уйти...

На следующий день после отправки письма в ЦК Андрей вернулся домой с работы и не успел сесть обедать, как ворвался Борисов. Борисов кипел от нетерпеливого ликования, но в ответ на все вопросы только посмеивался. Он с удовольствием сел за стол и с аппетитом накинулся на еду. Отобедав, они ушли в комнату Андрея. Борисов прикрыл за собою дверь, потрогал книжки на полке, посидел на кушетке, поболтал о начале охотничьего сезона. Потом встал, взял Андрея за руки, отпустил их, любовно похлопал его по плечу и вдруг напряженным, ломким голосом рассказал, что сегодня его принял секретарь горкома Савин, в течение двадцати минут разобрался в деле Рейнгольда, позвонил куда следует, и Рейнгольд вскоре может явиться на работу. Прямо из горкома Борисов заехал к Рейнгольдам, а от них к

Андрею.

Глаза Борисова ярко светились радостью. Андрей понимал, как много пережил Борисов за эти дни, он и сам чувствовал необычайное волнение. Это была торжественная и добрая минута. Они долго молча трясли друг другу руки, потом закурили, глубоко затягиваясь.

Вопрос о Рейнгольде рассматривался трижды. Потапенко, струхнув после разговора с Андреем, взвесил все «за» и «против» и поспешил в райком к Ковалевскому.

«Теперь мне ясно, — сказал Ковалевский, — а то прибежал этот ваш Лобанов как бешеный, вести себя по умеет. Ничего у него не поймешь. Да, с этим Рейнгольдом, кажется, напутали».

Ковалевский позвонил к начальнику отдела кадров, но тот сообщил, что вопрос уже положительно решен в горкоме. «Не успел», — досадливо подумал Виктор, но впоследствии он все же пытался приписать себе честь восстановления Рейнгольда. Затем из ЦК ответили на письмо Андрея. Снова проверяли, работает ли Рейнгольд, вызывали в горком Зорина и Долгина. Ходили слухи, что их там крепко предупредили.

Несколько дней в лаборатории царило победно-праздничное настроение. За Рейнгольдом ухаживали, как за больным, а Андрей вернулся к своему локатору.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

В начале сентября из министерства вдруг запросили материалы по локатору. Пришлось оформить схемы, расчеты, описания. Не прошло и недели, как прислали новое требование: обоснуйте теоретически такую-то формулу. С этого момента началось: обоснуйте, докажите, рассчитайте.

— Не иначе как выдвигают на премию, — соображал Новиков.

— Боюсь, тут другое, — сказал Борисов.

Но как бы там ни было, Андрею приходилось тратить половину дня, готовя ответы для министерства, — вопросы были заковыристые. Он напрягал все силы, чтобы не отвлекать Новикова от локатора и не срывать лабораторных испытаний.

Кроме того, захлестывали административные дела: наряды, диспетчерские совещания, заказчики; Кузьмич опять вздыхал в дверях — помогите выхлопотать мотор для фрезерного...

Помимо этого Андрей должен был всегда находиться в курсе научных работ своих инженеров, считавших за нечто само собою разумеющееся, что ему точно известно, на каком этапе они сейчас находятся и что надо сделать, чтобы выйти из того или иного затруднения. От этих постоянно меняющихся, совершенно разных занятий у него кружилась голова. Когда он добирался до своего лабораторного стола, где Саша и Новиков возились с макетом, он чувствовал себя опустошенным.

Если бы не Борисов, Андрей пришел бы в отчаяние. На партсобрании Борисов прямо сказал: «Так Лобанова надолго не хватит. Если мы настоящие товарищи, мы должны разгрузить его от мелочей». Андрей недоверчиво пожал плечами, но вскоре заметил, что примерно с полудня его оставляли в покое.

Даже нерешительный Усольцев избегал приставать к нему со своими бесконечными

согласованиями.

Это свободное время помогло Андрею закончить и испытать схему для Григорьева. Правда, ради этого пришлось задержать на несколько дней работу над локатором, специально оставаться по вечерам. «Что за тоска — торчать в лаборатории!» — хныкал Новиков.

Вечера были душные. Они работали, скинув пиджаки, и часто посылали Сашу за лимонадом. Под столом у них скопился целый ящик пустых бутылок. Всю эту неделю они покидали лабораторию поздно и втроем, под руку, отдыхая, медленно шли домой по набережной.

На улицах Андрей упорно продолжал вглядываться в лица встречных женщин, надеясь на счастливый случай. Порою, завидев впереди рыжеватые-красные волосы, он с бьющимся сердцем спешил, догонял — и разочарованно отворачивался.

Всякое чувство должно питаться жизнью, действием, иначе оно умирает.

Любовь тоже не может жить одними мечтами. Постепенно образ Марины отодвинулся — не поблек, не стерся, а именно отодвинулся.

Андрей отдал схему Григорьеву и переключил свое внимание на усилитель. Без смородинского конденсатора собрать усилитель было невозможно.

Сразу же после выздоровления Андрея позвонил Смородин и сказал, что как раз сейчас его занимают конденсаторы, о которых шел разговор на даче Григорьева, что он без всякой оплаты берется выполнить их у себя. Андрей обрадовался и отвез ему материалы. Смородин был очень любезен, и Андрей испытал легкое раскаяние за свою грубость в тот вечер у Григорьева. Они поговорили несколько минут. Смородин извинился, он спешил на теннисный корт.

Помахивая ракеткой, он зашагал — веселый, стройный, в отлично сшитом костюме. Андрей с завистью посмотрел ему вслед. С тех пор прошел месяц.

Несколько раз Андрей справлялся, как идет расчет. Заказал, делают, мешали всякие поручения, успокаивал Смородин.

Между тем отсутствие конденсатора могло задержать испытание макета. В министерстве также требовали для полноты картины данные этих конденсаторов.

Однажды вечером в лабораторию зашел главный инженер, сопровождаемый Долгиным. Андрей показал новое оборудование, закупленные приборы. Дмитрий Алексеевич прошел в «инженерную».

— А что, — с удовольствием сказал он, — вполне научная лаборатория стала. Книги на столах. Книги, а не отвертки!

Долгин задержался у стенда с макетом локатора. Андрей зачем-то вернулся туда и увидел, что Долгин вытаскивает из ящика бутылки из-под лимонада и одну за другой нюхает, поднося горлышко к своему вдавленному, плоскому носу, — не водка ли? Андрей, улыбаясь, бесшумно вышел и вернулся к главному инженеру.

Дмитрий Алексеевич сварливо осведомился: что хочет от Лобанова министерство? Выслушав, он задумался, охватив рукой длинный подбородок.

Узкое, беспорядочно пересеченное морщинами лицо его вытянулось еще больше.

Любопытно. Любопытно.

Он поднялся с Андреем к себе в кабинет. Не зажигая огня, сел на край стола, вызвал Москву. Дрожание отсветы автомобильных фар обегали огромную комнату, освещая коротким взмахом усталые, глубоко запавшие глаза Дмитрия Алексеевича.

— Алло! Семена Семеновича, пожалуйста. — Дмитрий Алексеевич закрыл рукой трубку и, улыбаясь, повернулся к Андрею: — Каждому руководителю полезно иметь в министерстве своего Семена... Сема? Еще раз привет. Не знаешь ли ты, кого там во втором отделе одолевает хвороба на нашу электролабораторию? Слыхал... да, насчет локатора... Ага... Ну ему-то что?.. Нет, вряд ли... Тоже сомнительно. Во-во, тут оно самое... Да, радости от этого мало... Этого товарища не пережуешь. Правильно, а пережуешь — не проглотить.

Положив трубку, главный инженер усмехнулся:

— Великие умы сходятся... Что я вам могу сообщить? Один известный в ученом мире деятель, которому вы, очевидно, перебежали дорогу... Ну, словом, Тонков раскидывает эту паутину. У него в руках диссертация, написанная одним сотрудником министерства, а этот сотрудник, очевидно, старается угодить своему оппоненту. Такова принципиальная схема.

— Что же делать?

— Пока что покинем этот надоевший мне кабинет.

Одним из привлекательных качеств Дмитрия Алексеевича была глубокая уверенность, которой он умел заражать окружающих. Вот и сейчас, хотя в его откровенных размышлениях звучало мало утешительного, Андрей приободрился.

Главный инженер отпустил машину, они пошли пешком.

— Итак, ссориться с министерством из-за вас я не собираюсь. Я поговорю с начальником главка, еще кое с кем, и все. А то с более важными просьбами прогонят. Скажут: надоедаешь, старик. Да и чего жаловаться? Формально они имеют право проверять, чем вы занимаетесь. Так что вы не спеша строчите им реляции, а тем временем гоните работу вовсю. Часть запланированных тем я с вас сниму. Потапенко сильно жмет на вас? — вдруг спросил он, искоса посмотрев на исхудалое, с заостренными скулами лицо Андрея.

— Потапенко есть Потапенко, — безучастно сказал Андрей. — Тут какое-то несчастное стечение обстоятельств. — Он стал перечислять: бумажки, работа Устиновой, министерство, Тонков, Смородин.

— Вы полагаете, случайности? — протянул Дмитрий Алексеевич. — Для случайностей многовато. Одну такую случайность мы с вами сегодня раскрыли.

— Дмитрий Алексеевич, — подумав, спросил Андрей, — прости те за откровенность, но не кажется ли вам, что такие, как Потапенко и Долгин, мешают техническому прогрессу системы?

— Согласен, — сказал главный инженер. — У обоих есть кое-что положительное, но вообще-то их следовало бы сменить. Вы спросите меня, почему ж я этого не делаю? — Он вздохнул, улыбаясь. — Глазом окинешь, да тут же и покинешь. Должности номенклатурные. Надо большую войну начинать. Руки не доходят. За это время я успею сделать больше полезного, чем они плохого.

Знаете: за малое судиться — большое потерять. Вот я дал вам раз решение на локатор, так меня обвиняют в неуважении к постановлениям технического совета. Пиши объяснения. А ведь хочется в жизни успеть сделать больше и поменьше тратить времени на мелкую возню.

— Извините меня, Дмитрий Алексеевич, я понимаю вас, но такая политика развязывает им

руки.

— Ничего вы не понимаете. Вы воспринимаете вещи односторонне. Ваш союзник — народ. Не ставьте себя, Борисова и ваш коллектив — он тоже по сути дела капля в общей массе, — не ставьте же в положение одиноких борцов. Оно, конечно, красиво, но безнадежно. Заинтересуйте прежде всего рабочий класс. Ваш локатор нужен. Включите парторганизации кабельщиков, высоковольтников. Сумеете убедить народ, повести за собой, так никаких Потапенко, никого не потерпят, если мешать будут.

Слушая Дмитрия Алексеевича, Андрей вспомнил вычитанное им когда-то замечание Герцена: «Науку мало изучить, ее надо прожить». Недостаточно защищать правое дело, недостаточно быть сильным. Надо уметь добиться своего в кратчайший срок, уметь повести за собой людей. Быть организатором. Настоящим вожаком.

Жизнь настойчиво добивала остатки уже изрядно потрепанного девиза Андрея: «Все зависит только от меня самого».

На бульваре Дмитрий Алексеевич присел на скамейку под фонарем.

— Я вас на минуточку задержу. — Он посмотрел на Андрея не свойственным ему, просительно-застенчивым взглядом. — Личное дело к вам, хоть и неприятные часы. — Стеснительно посмеиваясь, он открыл туго набитый портфель, вытащил несколько напечатанных на машинке листков. — Статейку я тут нацарапал. В развитие идеи вашего локатора. Мне кажется, его можно применять не только для линии передач, но и для контрольной проводки на станциях. Я так и назвал «Определение повреждений по методу Лобанова». Не возражаете? Возьмите с собой, перелистайте...

Ветер рвал бумагу у Андрея из рук. При фонаре с трудом удавалось различать буквы. Он держал трепещущие тонкие листки, как будто это был росток, пробившийся на свет холодной осенью, слабый, тоненький, дрожащий на ветру, удивительный в своей отважности... По его методу... Гордость переполняла его.

А Дмитрий Алексеевич, поскребывая седоватый висок, напряженно следил за его лицом. Он не понимал, почему Лобанов улыбается. Сам-то он сейчас трепетал, как школьник, готовый к стыду, к провалу, как будто решалась его судьба.

Не имея возможности помочь Лобанову людьми, главный инженер пошел по другому пути: он ликвидировал один из заказов. Благодаря этому освобождался Усольцев и Андрей мог взять его к себе в группу.

Должность начальника вынуждает иногда подавлять непосредственные чувства к людям. Работая Лобанов рядовым инженером, он просто избегал бы Усольцева. В характере этого человека наиболее четко проступала черта, с которой Андрей никак не мог примириться: Усольцев не желал работать самостоятельно. Он никогда не проявлял собственной инициативы. Под любыми предлогами он избегал заданий, где приходилось разрабатывать что-нибудь новое. У него отсутствовала творческая жилка, хотя своими знаниями и многолетним опытом он превосходил многих инженеров лаборатории. Зато исполнитель он был превосходный. Он любил спокойные расчеты уже опробованных схем, статистические таблицы, любил налаживать, «доводить» готовые приборы, и в этом был незаменим. Он никогда не выступал на совещаниях, в лаборатории у него установились со всеми ровные, доброжелательные отношения. Борисов называл его человеком «обязательным». Ходил он всегда в одном и том же аккуратном сером костюмчике, и лицо у него было тоже аккуратно симметричное, круглое, словно вычерченное циркулем. Его стол, его рабочее место служили примером опрятности. Усольцев никогда ничего не забывал, не терял. Но во всем этом ощущалось что-то удручающе-равнодушное, и казалось: главное в осторожности Усольцева — желание уберечь свой покой.

«Интересует его что-нибудь по-настоящему? — спрашивал себя Андрей. — Ему всего тридцать семь, откуда же в нем столько старчески опасливого, такое обывательское стремление к покою?»

Почти за каждым Андрей знал какую-нибудь страсть. Новиков увлекался музыкой и женщинами. Кривицкий изучал историю философии и выписывал изречения древних мыслителей. Борисов последнее время интересовался психологией, читал Бехтерева и даже Спенсера и Вундта. Саша занимался цветной фотографией. Ванюшкин был поглощен своей новой комнатой и брошюрами о кормлении грудных детей. Но за Усольцевым Андрей не знал никакого увлечения.

В течение двух дней Андрей посвящал Усольцева во все подробности своих замыслов и вглядывался в его бледное рыхлое лицо. Неужели же все, что грызет его самого день и ночь, не отпуская ни на минуту, не взволнует этого человека?

Усольцев, заложив руки за спину, наклонялся над смонтированной на столе схемой, проверяя связь отдельных узлов. Он согласно кивал, понимая каждое положение Лобанова как приказ. Изредка он переспрашивал что-нибудь, не возражая, не выказывая своего волнения. Он добросовестно старался понять и, поняв, соглашался без рассуждений. Андрея бесила эта покорность. Не хватает еще, чтобы он говорил: «Слушаюсь. Извольте-с».

Назло Андрей спрашивал в упор: какой вы предлагаете выбрать метод таких-то испытаний?

— А в литературе ничего нет по этому вопросу — осторожно осведомился Усольцев.

— Нигде и ничего, — злорадно говорил Андрей.

Усольцев старательно поправлял галстук. Маленькие бесцветные глаза его избегали смотреть на Андрея.

— Да... — задумчиво говорил он и умолкал. Андрею никогда не удавалось проследить, сколько времени могло длиться это молчание. Обычно, потеряв терпение, он первый нарушал его, и Усольцев облегченно кивал головой.

Нельзя сказать, чтобы Усольцев не заинтересовался прибором. Азарт Андрея все же захватил его, но он словно умышленно пятился. Протестуя, Андрей тем не менее понимал его. Волей судьбы, может быть впервые за много лет, Усольцев попадал из темного уютного уголка на центральный перекресток интересов лаборатории. Он боялся простудиться на этом сквозняке событий, его тревожило — какую работу хотят поручить ему.

Вначале Андрей, мысленно махнув рукою, решил передать Усольцеву снятие характеристик, а потом передумал: «Какого черта я буду церемониться? Пусть делает то, что нужно, а не то, что его устраивает».

Следуя своему правилу поменьше приказывать, он посвятил Усольцева в распределение обязанностей внутри группы. На долю нового сотрудника выпадала разработка быстродействующего переключателя. Отсутствие переключателя могло задержать испытание прибора. Переключатель требовался особый, по своей скорости отличный от существующих.

— Вы, кажется, говорили, Андрей Николаевич, что необходимо также доработать усилитель? — спросил Усольцев, нервно приглаживая жидкие волосы.

— К сожалению, еще не готов расчет, — сказал Андрей. Он по смотрел на часы. — Простите, я тороплюсь. Приступайте к переключателю немедленно, мы без него как на привязи. Да, вот еще — не стоит тратить время на розыски всяких статей. У нас никто никогда таких переключателей не делал, — подчеркнул он.

Кончик носа Усольцева покрылся мелкой испариной.

— Андрей Николаевич, но ведь я тоже не занимался такими переключателями.

Андрей молча собирал разложенные на столе чертежи.

— Может быть, разрешите подогнать существующий тип? — цепляясь за последнюю надежду, спросил Усольцев.

— Ничего не выйдет, — жестко сказал Андрей.

На минуту ему стало жаль Усольцева. Кусая губы, он завязал папку, подошел к Усольцеву, положил ему руку на плечо.

— Институты у нас не готовят специалистов по переключателям. Лиха беда начало. Где не выйдет — поможем.

Вспомнив об усилителе, Андрей позвонил Смородину. Ему ответил знакомый тонкий женский голос:

— Смородин на совещании. Кто его спрашивает?

— Лобанов.

— Андрей Николаевич? Здравствуйте.

Это была Анечка. Узнав, что Андрей беспокоится о расчете, она попросила подождать и через несколько минут сказала:

— Нашла у него в бумагах, на столе. Ваша тетрадь. Вот исходные данные, Андрей Николаевич, больше ничего нет. А вот еще... модель ваша здесь лежит, и больше ничего. Да, боюсь, что он еще не начинал.

Андрей тут же бросил все дела и поехал в НИИ.

«Не может быть, — твердил он дорогой. — Смородин уверял, что все почти готово. Тут какое-то недоразумение. Недоразумение?..»

Разговор с Дмитрием Алексеевичем не выходил у него из головы. Слишком много случайностей...

У проходной его встретила с пропуском Анечка.

— Так и есть, он даже и не принимался, — сказала она на ходу, еле поспевая за Андреем.

Они застали Смородина в большой светлой комнате, где кроме него находилась еще чертежница. Смородин сидел на ручке кресла, держал в руках газету, проверяя таблицу выигрышей. Увидев Андрея, он вскочил и пошел ему навстречу, приветливо улыбаясь.

— Вновь я посетил сей уголок земли, — проговорил он. — Присаживайтесь, Андрей Николаевич. Вижу, вижу, вы в воинственном настроении. Эта предательница выдала меня с головой, — погрозил он Анечке.

Смородин и не думал отпираться. С веселой откровенностью он признался — все некогда было, полагал, вот-вот освобожусь. Вкручивал вам по привычке. Мы привыкли вкручивать нашим заказчикам. Бейте, режьте меня.

Он стоял, расставив ноги, одна рука в кармане, другая почесывала затылок. Эта поза и

шаловливая улыбка говорили: ну, вот я таков, легкомысленный, но милый шалопай, вот я весь перед вами, разве можно сердиться на меня?

— Вы понятия не имеете, как вы подвели меня, — упавшим голосом сказал Андрей.

Сморозин сочувственно вздохнул:

— План трещит? Как-нибудь отчитайтесь. Вы, производственники, мастаки на этот счет. — Он вовремя переменял тон и сказал: — Дорогой Андрей Николаевич, ежели это так серьезно, бросаю все, полностью переключаюсь на ваш конденсатор.

Он нагнулся, перелистывая настольный календарь. В эту минуту Андрей случайно взглянул на Анечку. Она предостерегающе помотала головой.

Андрей испытующе посмотрел на гладкое, розовощекое лицо Сморозина.

— Не стоит беспокоиться, — сказал он, — верните мои мате риалы.

Сморозин замахал руками. Он торжественно обещает. Он должен искупить свою вину. Все равно — кому сейчас Лобанов поручит этот расчет?

— Найду.

— Ну и прекрасно. А я тоже сделаю. Посмотрим, кто скорее. Андрей заколебался. Хорошо... Где его тетрадь, он спишет исходные данные.

— А у вас не осталось копии? — быстро спросил Смородин. Анечка досадливо забарабанила пальцами по столу.

— Между прочим, Анечка, вас вызывал Тонков, — живо обернулся к ней Смородин.

Анечка закурила, помахала спичкой:

— Я провожу Андрея Николаевича и зайду.

— Андрей Николаевич — мой гость, я провожу его сам.

— Послушайте, Смородин, — вставая, сказал Андрей, — отдайте мою тетрадь, модель, и закончим на этом.

— Как хотите, — обиженно проговорил Смородин и порылся среди бумаг на столе. — Куда она подевалась...

— Час назад материалы лежали здесь, — сказала Анечка. Она быстро пересмотрела бумаги, выпрямилась, внимательно взглянула на Сморозина.

Андрей подошел вплотную к Смородину, взял его за отвороты пиджака и, медленно раскачивая, с холодной учтивостью сказал:

— Будьте любезны, сейчас же верните все.

Сморозин попробовал улыбнуться:

— Что же вы, драться со мною будете?

Пожилая чертежница застыла с рейсфедером в руке, испуганно полуоткрыв рот. Анечка спокойно курила.

— Драться не буду, я вас просто изобью, — отпустив Смородина, сказал Андрей с такой серьезной убежденностью, что Смородин торопливо выдвинул ящик и, воровато бегая глазами, протянул Андрею пакет.

— Ох, и достанется мне от шефа! — Он засмеялся, делая вид, что ничего не произошло, в глазах же сохранялось испуганное и злое выражение. — Это он просил меня помочь вам в порядке содружества. Правильно говорил Евгений Онегин: содружество нам будет мукой. Анечка, вы свидетельница. Меня под угрозой физического воздействия...

Андрей вышел не прощаясь. Во дворе института он спросил Анечку:

— Смородин ваш начальник? Она кивнула.

— Достанется вам.

— При чем тут... — Она топнула ногой. Глаза ее влажно блестели. — Гадость... гадость... Фу, как нехорошо!

— Спасибо вам, Анечка.

— Куда же вы теперь с вашим расчетом? Андрей помрачнел:

— Еще не знаю.

— Обратитесь в Электротехнический. Там есть ассистент Любченко. К нему. Только не говорите, что от меня. И про Смородина. Не нужно ему ничего говорить. — Она покраснела.
— Он вам сделает.

Она закинула руки, поправляя прическу. На холодном осеннем солнце, тоненькая, гибкая, как травинка, она чем-то напоминала Марину. Однако он вспомнил Марину не потому, что они с Анечкой были чем-то схожи. «Марина красивее» — вот что он подумал.

Наверно, так рождаются приметы. Стоило ему вспомнить Марину, и он увидел ее. То, что он вспоминал ее до этого десятки раз, не имело никакого значения. Он увидел ее из окна троллейбуса. Она стояла на тротуаре спиной к Андрею и смотрела, запрокинув голову, на только что отстроенный дом. На пей был знакомый Андрею темпо-синий плащ, ноги ее были чуть расставлены, руки в карманах. Погруженный в свои мысли, Андрей видел, как ее уносит назад, вместе с движущейся мимо окна улицей, — он не успел еще ничего подумать, сердце сжалось и больно ударило в грудь. Андрей рывком наклонился к окну, смяв шляпу сидевшего гражданина; затем, расталкивая пассажиров, он пробился к выходу. Сунулся в кабину, попросил водителя остановить.

Вожатый — молоденький усатый парнишка, — не оборачиваясь, что-то сердито ответил. Андрей расслышал только «правила...». Черт бы побрал эти правила, если они могут испортить человеку жизнь. Троллейбус, медленно переваливаясь, пересекал трамвайные рельсы. Остановка была еще далеко. На счастье Андрея, троллейбус оказался старого типа, с ручками на дверях. Изо всех сил Андрей потянул на себя ручку, сдвинул створку и выпрыгнул. Дверь оглушительно захлопнулась, чуть не прищемив ему ногу. Он кое-как увернулся от грузовика и побежал назад. Вслед заливался милицейский свисток. Прохожие оборачивались, останавливались. Андрей добежал до забора у нового дома.

Огляделся — Марины не было. Рабочие разбирали леса. Доски шлепались, взметая белые облачка извести. Андрей побежал дальше, до угла. Он всматривался направо, налево, вперед, вышел на мостовую. А может быть, Марина пошла в обратную сторону? И он пробежал мимо нее? Он резко повернулся и очутился лицом к лицу с милиционером.

— От меня не убежишь, — сказал милиционер и крепко взял его за руку повыше локтя.

Андрей, поверх его фуражки, напрягая зрение, продолжал осматривать поток людей на тротуарах. — Культурный человек, а бегаете как правонарушитель, — ворчал милиционер, выписывая квитанцию. Собрались любопытные. Они подождали, пока Андрей молча заплатил штраф, и разочарованно разошлись.

— Чего вы так мчались? — уже мирно спросил милиционер. Любопытство на его курносом, веснушчатом лице готово было перейти в сочувствие.

— Увидел человека, которого ищу, — признался Андрей. Милиционер понимающе кивнул. Смешная надежда пробудилась у Андрея.

— Девушка такая. В синем плаще. Рыжая. Не заметили? Нет, милиционер не заметил.

— Надо было мне стекло разбить и крикнуть.

— А что? Очень даже возможно, — серьезно сказал милиционер. — Раз такой случай, ста рублей не жаль. А насчет штрафа надо было объяснить мне. Я за любовь не штрафую. — Он доверчиво засмеялся. — Сам недавно получил наряд по этой самой статье.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Городское совещание работников науки и производства должно было начаться в шесть часов вечера. Андрей собирался пойти на совещание прямо из лаборатории, но Борисов уговорил его заехать домой переодеться.

В жизни Андрея одной из наиболее безнадежных, неразрешимых проблем была проблема галстуков. Он не любил носить их. Давило шею, воротничок рубахи комкался. Андрей нервничал и проклинал все на свете. Но когда с помощью отца он кое-как управился с галстуком, брови его довольно распрямились. Синий, с едва заметной красной полоской костюм сидел превосходно. Пиджак был, правда, чуть-чуть тесноват в поясе — «пополнен? сию много?» — но зато приятно стягивал грудь, заставляя держаться прямо.

Подходя к зданию Дворца Советов, Андрей почувствовал, что не переодеться было нельзя. Обстановка торжественной приподнятости царила уже на подступах к дворцу. Одна за другой к воротам мягко подкатывали сверкающие машины; пересекая садик перед дворцом, делегаты на ходу приготавливали красные с золотом билеты. С каждым шагом поток людей густел. Стройные голубоватые ели и сам дворец, свежоокрашенный в желтое с белым, с мощной величественной колоннадой, напоминали Андрею Ленинград, Таврический дворец, давний декабрьский день. Был тогда Андрей мальчишкой и в этот день повзрослел сразу на несколько лет. Морозно стыли припущенные снегом ели.

Черная лента людей тянулась через сад, далеко-далеко по улице. Скрипел снег, люди переступали с ноги на ногу, оттирали побелевшие щеки, говорили шепотом, неслышно шевеля замерзшими губами. Скорбная тишина исходила от этого здания, заливая всю улицу, весь город, всю страну. Андрей с отцом медленно продвигались к подъезду.

Они поднялись по ступеням, навстречу им тихо звучала мелодия траурного марша. Среди цветов, сложив на груди руки, лежал Киров. Алые отблески склоненных знамен оживляли его бледное лицо. Оно не было похоже ни на один портрет: на всех портретах Киров улыбался.

На улице отец долго стоял с непокрытой головой, по щекам его быстро скатывались мелкие слезинки. В первый и в последний раз в жизни видел Андрей, как плакал отец.

Тогда, в Ленинграде, на обледенелых ступеньках Таврического дворца, Андрей поклялся стать коммунистом. Прошло много лет. И вот сегодня он предъявил у входа как удостоверение личности маленькую книжечку в красном переплете.

Вестибюль и белоколонное фойе дворца сияли огнями гигантских люстр. Если бы объявить фамилию и профессию каждого из присутствующих, то оказалось бы, что у большинства есть здесь учителя и ученики, последователи и соратники.

Андрей увидел в толпе высокую фигуру Кунина, промелькнула жидкая седая бородака академика Костикова, красное лицо Разумова.

На совещание, посвященное вопросам технического прогресса, собрались представители заводов, институтов, партийных организаций. Здесь присутствовали академики, каменщики, резинщицы, сборщики гидротурбин, проектировщики полиграфических машин, преподаватели вузов, сварщики. Они представляли огромный город труда и науки.

Вдоль фойе расположилась выставка достижений содружества ученых и производителей. Курносая девушка с подпрыгивающими косичками отбивалась от своих подруг, они тащили ее за руки к модели ткацкого станка, над которой висел портрет этой девушки.

Андрей ходил от витрины к витрине, останавливался у новых ультразвуковых аппаратов для определения дефектов в металлах, у фотографии гигантских гидрогенераторов, трогал пластинки с образцами новых, удивительно стойких красок. За какой-нибудь год-полтора — такие огромные результаты!

На одной из витрин лежал металлический брусок с крохотной фарфоровой пластинкой на конце. «Термокорундовый резец», — прочел Андрей надпись. С любопытством трогая хрупкую на вид пластинку, Андрей разговорился с грузным седоусым стариком. Оказалось, что благодаря такому резцу можно в десять раз увеличить скорость резания. Какое в десять. В двадцать! Твердость у него алмазная, а температуры не боится. Старичок нахваливал новые резцы с какой-то непонятной Андрею досадой.

— Так что ж, выходит, полная революция? — сказал Андрей.

— Интересно вы рассуждаете, молодой человек, — в одно время и обрадовался и огорчился старичок. — По-вашему, это легко, вроде как блин спечь. Ученые над ним пять лет мозговали. Я сам, когда доцент приехал к нам, смеялся. Виданное ли дело — глиной сталь резать. А он говорит — возьмите попробуйте. Ну, ради уважения поставил. Чугун тогда шел. Ничего, вижу, режет. Он мне — увеличьте скорости. Ну, я увеличил, — держит. Еще. Держит.

На высшей скорости у меня станок завибрировал и резец сломался. Хрупкий очень был. Потом все крепче да крепче доцент научился делать. Заточку мы подсказали. И что вы думаете? Полная кладовая сейчас у нас этих резцов, а народ не берет. Не знают еще, как с этими резцами обращаться. Затачивать тоже не на чем. Так оно и повисло. Доцент свое дело сделал, а ворошить некому... Новое — оно легко не дается, особенно если старые привычки переворачивает.

Повсюду — в тиши институтов, в цехах, на верфях — искали, преодолевая привычки, опасения, вступая в долгую борьбу с тонковыми, — тысячи и тысячи соратников. То, что творилось у Андрея в лаборатории, было только частицей общего движения. За каждой деталью, выставленной на витринах, скрывалась бурная трудная история. Каждый из проходящих мимо людей пережил или переживал, по-видимому, то же, что и Андрей.

И еще одна мысль пришла Андрею в голову, когда он осматривал выставку, — мысль о взаимопроникновении различных отраслей науки. Химики вторгались в металлургию,

создавая пластмассы, заменяющие сталь, стекольщики теснили специалистов по строительным материалам — они выставили модель здания санатория с хрустальными колоннами. Станкостроителей с одного бока атаковали литейщики, они отливали детали без припусков, не требующие механической обработки, с другого бока — электрики: металл обрабатывали электрической искрой — точили, полировали, резали. Разные, недавно неизвестные друг другу профессии словно протягивали навстречу дружеские руки, предлагали свои услуги, хозяйским шагом вступали в чуждые доселе области. «Наука неделима, — думал Андрей, — успехи в своей узкой специальности имеют ценность тогда, когда они сказываются на смежных отраслях. Надо, обязательно надо интересоваться соседями по науке, отдавать им свои достижения...»

Началось заседание. Андрей сидел с Дмитрием Алексеевичем, Борисовым и Зориным. Доклад делал секретарь горкома Савин. По рассказам Борисова Андрей представлял себе Савина почему-то сухощавым, строгим, с запавшими глазами, чем-то похожим на Дмитрия Алексеевича. На самом же деле Савин был полный, низкорослый крепыш, зачесанные набок соломенные волосы то и дело падали на лоб, придавая ему мальчишеский вид. Начал он доклад, читая по конспекту, но вскоре разошелся и все реже отрывал глаза от аудитории.

Однажды Андрей смотрел научный фильм о жизни растений. Оператор в течение лета день за днем фотографировал колос. На экране появился росток, за несколько секунд он поднялся, зацвел, созрел, ощерился усиками, зерна налились, и через минуту колос покачивался, склоняя тяжелую голову. Так и сейчас перед Андреем возник путь, проделанный промышленностью и наукой города за последнее время. Андрей получил возможность окинуть разом трудную дорогу, по которой и он шел вместе со своими товарищами, со всеми, кто сидел в этом зале. На заводах долго не могли привыкнуть к новым посетителям, робели, использовали ученых по мелочам. Появились иждивенцы — «пусть ученые сделают нам», скептики — «у нас ничего не получилось, и у вас ничего не получится». Заключали десятки договоров, лишь бы отчитаться. Новое движение, начатое в Ленинграде и Москве, охватывало всю страну, преодолевая эти детские болезни; отпадала ненужная шелуха формальностей, и неудержимое стремление к деловой, настоящей дружбе, к творческому общению становилось потребностью. Складывались и организационные формы этой дружбы. Студенты выполняли дипломные проекты, подсказанные на заводах. На кафедрах появились необычные лекторы — лучшие разметчики, инструментальщики.

— Это движение, — сказал Савин, — способствует не только подъему промышленности, но и развитию самой науки. Быстрее применяются на практике достижения ученых. Проверяется жизненность тех или иных исследований. Ясно, что в таких условиях трудно кое-кому разрабатывать тему вроде «Научные принципы организации сизифова труда», — Савин улыбнулся. — Трудно придется также и князькам, которые, захватив какую-то область науки, душат там все новое...

«Это все так, — думал Андрей, — но надо больше доверять самим ученым. Тогда легче разделаться с рутинной. Тогда наши ученые сами справятся с тонковыми. Мы сможем избежать того, чтобы одна аракчеевщина в науке сменялась другой аракчеевщиной».

— ...Партийный долг каждого коммуниста, — доносилось с трибуны, — поддерживать все новое, прогрессивное, передовое...

Сдвинув брови, Андрей кивнул головой, признавая эту обязанность, принимая и упрек, направленный к его совести.

— ...К сожалению, нередко самая творчески мыслящая часть работников производства и науки находится у нас в тени. Они скромные люди, речей не произносят и часто не умеют как следует отстоять себя, поэтому мы их порой не замечаем, а видим то, что на поверхности.

Андрей с удовольствием присоединился к аплодисментам, глянул на Борисова, — тот уткнулся в блокнот, что-то жирно подчеркнул. Заметив взгляд Андрея, шепнул:

— На поверхности плавает только дерьмо вроде Долгина, а таких, как Краснопевцев, мы не замечаем.

Аплодируя, Андрей считал, что сказанное о творчески мыслящих людях, о поддержке относится к таким, как он и Борисов, а выходит, Борисов воспринял эти слова совсем иначе — как требование к себе самому. Андрей позавидовал в эти минуты рядовым инженерам и рабочим. Все их защищают и расхваливают. А ты — за все отвечай, а когда тебя критикуют, еще спасибо говори.

Немало людей в зале повздыхали, перемигнулись. Андрей как бы почувствовал единомышленников.

Докладчик заметил возбуждение, прокатившееся по рядам. Снизив голос, дружески усмехаясь, он сказал:

— Правда, трудно требовать любви к критике... — Борисов толкнул Андрея локтем, оба они засмеялись, и все в зале понимающе усмехнулись. — Но коммунист, советский руководитель должен встречать критику мужественно и, главное, делать из нее правильные выводы.

В перерыв Андрей встретил своих друзей по аспирантуре. Все вместе они шли по фойе, когда Андрея окликнули. Между колонн, возле бокового входа в зал, небольшая группа мужчин окружила секретаря горкома. Андрей увидел в этой группе Борисова и главного инженера. Борисов махал Андрею рукой, подзывая его, и, улыбаясь, что-то говорил Савину. Андрей почему-то покраснел и нахмурился.

— Мы о вас сейчас говорили, — сказал Савин, как бы разъясняя, почему и Борисов, и он, и все остальные улыбаются. Андрей молчал, всем своим видом как бы спрашивая: «Вы меня звали, в чем дело?»

Его серьезность выглядела неуместной, почти смешной. Даже Борисову, видимо, стало неудобно за Лобанова, но секретарь горкома нисколько не тяготился наступившим молчанием. Наоборот, он с интересом ждал, с едва заметной улыбкой разглядывая Андрея. Вблизи Савин выглядел старше. У него была та нездоровая полнота, которой страдают люди, вынужденные вести сидячую жизнь. Галстук у него был повязан неумело. «Видно, мучился вроде меня», — вдруг дружелюбно подумал Андрей.

Савин словно дождался чего-то, потрянул головой, откинув волосы со лба, и спросил Андрея, помогает ли ему какой-нибудь научно-исследовательский институт в работе над прибором. У Андрея было такое впечатление, что разговор начался сразу с середины.

— Значит, Григорьев помогает и моряки — это хорошо, но, может быть, найдутся и другие заинтересованные организации? Например, телефонисты, связисты, — привлечь бы всех.

— Кто же будет согласовывать их действия? — спросил Андрей. — Каждого занимают свои, ведомственные интересы.

— Ведомственные интересы — страшная болезнь, — подтвердил Савин. — Даже министры не всегда могут устоять перед ней. Скажите, а вы опубликовали где-нибудь описание вашего прибора?

Андрей кратко рассказал о неудачах со своей статьей.

— Любопытный прием, — весело сказал Савин. — Отрицают но вое под флагом критики и отрицают критику под флагом борьбы за новое. Неоконсерватизм. Все ж вы зря отступились.

Напечатанная статья — это сотни новых сторонников вашего прибора. Тут стоит побороться.

— Мне и так хватает этой борьбы.

Савин подвигал бровями, но промолчал, как видно не желая в присутствии главного инженера расспрашивать Лобанова, с кем же ему придется бороться.

Андрей колебался: назвать фамилии Потапенко, Долгина, Тонкова неудобно, — получится вроде жалобы. Словно поняв его затруднение, Савин спросил, не жалеет ли он, что после защиты пошел работать на производство.

— Нисколько, — чистосердечно ответил Андрей, забыв, что еще сегодня утром он проклинал тот день, когда решил покинуть Одинцова.

Савин назвал фамилии Костинова и Федорищева. Они теперь академики, но не порывают со своими заводами. Ведь по сути дела завод сделал их крупными учеными. Костиков тоже молодым ученым ушел из института на электромеханический завод.

— Мне кажется, что производственник, связанный с наукой и сам что-нибудь кумекающий, менее подвержен этой самой ведомственной болезни.

Вот ведь откуда вынырнул! По характеру вопросов Андрей чувствовал, что собеседника его интересует не только судьба прибора, но возможность найти в этой судьбе и судьбе самого Лобанова материал для каких-то более общих выводов.

Зато Андрея волновали свои заботы. Было бы не по-хозяйски упустить такую счастливую случайность и никак не использовать разговор с секретарем горкома. Во-первых, попросить нажать на Опытный завод, чтобы тот принял заказ от лаборатории. Во-вторых, насчет статьи. Савин прав: публикация статьи и есть то решающее звено...

Некоторое время они тянули разговор каждый в свою сторону.

— Все же ведомственные интересы пересилили и вас, человека науки, — засмеялся Савин.

Андрей отшутился:

— Вам хорошо, у вас должность межведомственная.

— А мне нравится ваша должность. — Савин выжидающе посмотрел на Андрея, и тот почувствовал, что сейчас разговор уйдет туда, куда хочется Савину.

Надо было проглотить упрек насчет ведомственных интересов и добиться ответа на свои просьбы, а не оправдываться. Теперь его потянуло спросить, почему Савину нравится должность начальника лаборатории.

— А потому, что вы как полпред науки. Вы защищаете ее интересы.

— Нет, полпред — лицо неприкосновенное. А я... — Андрей махнул рукой, и все заулыбались.

Секретарь горкома любил схватиться в остром споре. Он не уважал людей, которые с ним быстро соглашались. По всей видимости, этот Лобанов — достойный противник. Правда, резковат, зато мысли у него свои, свежие. Посидеть бы с ним за кружкой пива... И секретарь горкома подумал, что вот ему придется общаться с сотнями разных людей, но все эти кабинетные разговоры не то, подумал о том, что среди его друзей нет никого из среды молодых ученых, а ведь это своеобразный народ... Пожалуй, стоит его поддержать, деловито прикинул он, возвращаясь к мыслям о Лобанове. Чутье подсказывало ему, что приход

Лобанова на производство — пример многозначительный, воскрешающий хорошие традиции в науке, и следует посмотреть, как это все получается в сегодняшних условиях. С другой стороны, судя по всему, Лобанов парень сильный, волевой, такой и без опеки добьется своего. Наоборот, будет полезно, если подерется кое с кем, перевершит старые порядки у энергетиков.

И то и другое соображение уравнивали друг друга. Решило чувство, с которым Савин постоянно боролся и которое в подобных затруднительных случаях брало верх, — чувство личной симпатии.

— Чем горком может помочь вам? — неожиданно спросил Савин. Андрей даже растерялся. Дмитрий Алексеевич переступил с ноги на ногу: догадается или нет — попросить насчет штатов?..

...Впоследствии Андрей никогда не мог понять, какая сила заставила его в эту минуту оглянуться: мимо них, в толпе гуляющих, под руку с какой-то женщиной шла Марина.

Она не видела Андрея. Огни всех люстр отражались в ее раскосых влажных глазах. Тонкий ровный румянец проступал на смуглых щеках.

Андрей подался вперед, вытянул шею, не в силах оторвать взгляда от нее. Чьи-то плечи заслонили ее плечи, чья-то голова надвинулась на ее профиль, Андрей наклонился вправо, влево: еще секунда, другая — и она затеряется в толпе. Слово издали к нему доносилось:

— Как вы считаете, поможет вам открытая дискуссия? Ваш доклад, и затем бой! По всем правилам! А?

— Дискуссия, — повторил Андрей, поворачивая голову вслед Марине. — Да, как же...

Савин досадливо обернулся по направлению его взгляда и ничего не увидел, кроме текущей мимо густой вереницы людей.

— Такое обсуждение позволит выявить расстановку сил, — громче продолжал Савин.

Толпа уносила Марину все дальше, облачко ее медных волос затерялось среди чужих спин и затылков, сейчас и оно исчезнет. Андрей быстро, виновато посмотрел в глаза Савину:

— Извините меня... Одну минутку...

Он бегом, не оглядываясь, бросился в толпу. Он догнал Марину, замедляя шаги по мере приближения к ней. Прямо перед ним была ее шея, ее уши с темными дырочками в прозрачно-розовых мочках, вполборота щека, уголок глаза с долькой зрачка. Мысленно он обращался к ней, звал — она впереди, он сбоку, сзади. Наконец он заставил себя поравняться с ней и назвал ее, изумляясь тому, что произнес ее имя свободно, без запинки.

Она оглядела его выжидающе сдержанно, может быть что-то вспоминая, но не доверяя своей памяти. Неужели не узнает? Обида и разочарование вернули ему находчивость. Он вынул из кармана бумажник и вытащил оттуда заколку, ту самую, которую она дала ему на дороге.

— Ваша?

— Ого! Вещественное доказательство, — лукаво сказала спутница Марины.

— Возвращаю с благодарностью. — Пока что ему удавалась роль человека, развлекающегося встречей, связанной с забавным происшествием. — Мне еще вам косынку надо вернуть.

— Так вы тот самый... — медленно произнесла Марина. Не вольно ее взгляд скользнул к ноге Андрея. — Узнать вас трудно. Как ваша рана?

— Чепуха! — засмеялся Андрей.

— Вот уж не ожидала вас тут встретить.

— Я тоже.

— Это почему?

— Я все гадал, кто вы такая, — Андрей не замечал предательского смысла своих слов, — Ни к одной профессии не мог вас пристроить.

Вместо ответа Марина познакомила Андрея со своей подругой.

— Софочка, помнишь, я тебе рассказывала...

— Как же, таинственный окровавленный спутник. Ночной лес. Погоня.

Софочка тараторила, кокетливо потряхивая кудряшками. Голубые глаза ее широко раскрылись, осматривая Андрея сверху донизу. Что-то заученно наивное было в ее пухлой фигурке, в бело-румяном личике с пунцовым сердечком губ.

Марина задумчиво вертела в пальцах заколку. Розовые, коротко остриженные ногти с четкими белыми лунками, черное несмываемое пятнышко туши на указательном пальце. Андрей следил за ее пальцами, как будто каждое движение их что-то означало.

— Погони не было, — усмехнулась Марина.

Андрей почувствовал, что та неуловимо тонкая нить, которая протянулась между ним и Мариной, вдруг порвалась. Как будто кто-то третий прошел между ними.

Хуже всего то, что он во всем оправдывал Марину. И то, что она рассказала обо всем этой Софочке, и то, что они, наверно, при этом смеялись.

А он-то... дурак дураком... воображал. Как мало он значил в ее жизни! Так и надо, не будь пустым фантазером.

Они обошли круг и теперь приближались к тому месту, где Андрей оставил Савина. Что подумал о нем секретарь горкома?.. Только сейчас Андрей осознал всю безрассудность своего поступка. Сейчас секретарь горкома увидит, ради чего убежал коммунист Лобанов. Хорош, нечего сказать!

Андрей боялся взглянуть в ту сторону.

— Какой вы мрачный, — сказала Софочка. — Мне было бы страшно на месте Марины остаться с вами в лесу.

Андрей мучительно улыбнулся. Он тронул Марину за руку.

— Разрешите, я подожду вас у выхода. — Он несколько приободрился, услышав свой ожесточенно-спокойный, решительный голос, и, набравшись духу, требовательно посмотрел Марине прямо в глаза, в самую глубину ее зрачков. Ее взор выразил какое-то чувство — беспокойное, противящееся, он так и не понял.

Возле колонн Савина уже не было. Не было и тех, кто стоял с секретарем горкома. Андрей бродил в толпе взад и вперед, пока не прозвенел звонок. Красный от стыда, он прошел в зал,

сел на свое место. Дмитрий Алексеевич и Борисов дружно накинулись на него: с ума он сошел, что ли, совсем голову потерял — такой важный вопрос, и вдруг нате, повернулся и побежал за какой-то юбкой.

— Мы сквозь землю чуть не провалились, — в сердцах шептал Борисов, стараясь, чтобы соседи не слышали. — О чем ты думал? Мальчишеская выходка. Ты понимаешь — это же секретарь горкома! Эх ты... Не мог обождать. Кто бы подумал... Бабник!

— Не в том дело, что секретарь горкома, — поостыв, сказал Дмитрий Алексеевич. — Впрочем, секретарь горкома тоже человек и обращаться с ним надо по-человечески. В официальной обстановке можно еще как-то оправдать бестактность, а тут, согласитесь, Андрей Николаевич, это выходка, вы простите меня, именно выходка невоспитанного человека. И вообще упустить такой момент! Раз промахнешься — год не справишься.

Андрей слушал, слушал, а потом отрезал:

— Коли на то пошло, дорогие товарищи, так серьезные вопросы и решать надо по-серьезному, не в перерыв в фойе — поболтали и разошлись.

Дмитрий Алексеевич и Борисов изумленно переглянулись: «Каков, а?»

Интересно, думал Андрей, что Савин имел в виду своей последней фразой: «Обсуждение позволит выявить расстановку сил». Каких сил? Очевидно, секретарь горкома подразумевал нечто большее, чем обычное обсуждение. Предположения, одно заманчивее другого, проносились в голове Андрея. Схватиться в открытую с Тонковым, поговорить по существу в присутствии специалистов. Савин ухватил точно: дискуссия — это самое действенное средство... Надо же было в эту минуту увидеть Марину... Теперь не поправишь. Вероятно, обиделся. Написать ему: так, мол, и так, стечение обстоятельств... Чепуха, о таких вещах не пишут...

Всю дорогу Андрея мучила совесть. Он не радовался, чувствуя рядом локоть Марины, слушая ее голос. Думая о своем, он поддерживал ничего не значащий разговор, на шутки Софочки отвечал равнодушными смешками, и все это было не то, не то, не то.

Марина смеялась и украдкой наблюдала за ним, по-видимому довольная тем, что Андрей не смущал ее своим серьезным, слишком откровенным вниманием.

Они шли мимо парка.

Осень оголяла деревья, ступала по мокрым мостовым, отпечатывая свои следы красными, желтыми, багряными листьями. Ветер загонял их во дворы, в подъезды, заносил на улицы, где не росло ни одного дерева. В эти дни листья проникали повсюду, разукрашивая город пылающими пятнами красок. Их ставили в вазы вместо цветов. Они носились в воздухе, шуршали под ногами, заглушая все запахи своим горьким и свежим ароматом.

Особенно много их было здесь, вдоль ограды. Марина поймала на лету кленовый лист, положила на ладонь. Посредине листа сохранилось еще не обожженное холодом ярко-зеленое пятно. Ветер сдул листок, понес вперед.

Андрей провожал, его глазами, испытывая какое-то сложное и грустное чувство: и оттого, что встреча с Мариной произошла не так, как ему мечталось, и оттого, что сейчас он мог идти рядом с ней, нисколько не волнуясь, и думать о неоконченном разговоре с секретарем горкома. Тут еще эта Софочка... И Марина какая-то не такая, и все отравлено, скомкано. И ему вдруг вспомнился Одинцов, и та осень, и тот лист...

— До чего унылая решетка, — сказала Софочка, проводя пальцем по железным прутьям. —

Решетка должна украшать.

— По-моему, она ни к чему, — возразила Марина. — Хорошо, когда сад открытый, входи откуда хочешь.

— Ах, как ты можешь! А решетка Фельтена, разве это не чудесно! А воронихинская, — верно, Андрей Николаевич? Растрелли?

Она вовсе не была такой наивной, эта Софочка. Несколько раз она искусно, почти незаметно ставила его в неловкое положение. Решетка Фельтена, он помнил, в Ленинграде у Летнего сада, а о решетках Растрелли и Воронихина он понятия не имел. Хорошо, что Марина пришла к нему на помощь.

— У Андрея Николаевича свои счеты с решетками и заборами, — засмеялась она.

Больше всего он боялся, что Марина заметит его состояние и бог знает что о нем подумает. Когда они проводили Софочку и остались вдвоем, Андрей изо всех сил старался казаться веселым; делал он это с таким неуклюжим отчаянием, что порою ему самому было совестно слышать свой громкий, неуместный смех. В мыслях царил полная неразбериха. То он издевался над собою — ради чего все это? Ради вот этой пустой болтовни? То на него накатывалась вдруг неприязнь к Марине, и Марина казалась ему обыкновенной, ничем не примечательной, обманувшей его ожидания, и он клялся, что никогда больше не встретится с нею. То вдруг он начинал доказывать себе, что произошла счастливая желанная случайность и он недаром пожертвовал таким важным для него разговором: Марина — удивительная девушка, и все, о чем они говорили и говорят, полно глубокого скрытого смысла.

Они подошли к дому, в котором она жила. Трехэтажный, облупленный особняк стоял в переулке, выходящем на набережную. Марина поднялась на косую разбитую ступень подъезда, глаза ее пришлось теперь вровень с глазами Андрея. Он заметил в них быстрые озорные огоньки, и сразу ему некуда стало девать руки, он чувствовал, что стоит, как-то нелепо вытянувшись, словно по стойке «смирно».

— Старинный дом, — сказал он.

— Конец восемнадцатого века, — великодушно подтвердила Марина.

Они опять замолчали. Марина закусил губу и переложил свою коричневую потертую сумочку в левую руку. Счастливые женщины, у них всегда что-нибудь есть в руках... Молчание становилось глупым.

— Ну что же, до следующего актива? — спросил Андрей, глядя на ее подбородок.

— У меня есть телефон на работе, — сказала Марина тем же легким тоном, каким говорила Софочка.

Вернувшись домой, Андрей сразу же постелил себе постель и лег. Часы в столовой пробили два, а он все еще не спал. Он зажег лампу, встал, шлепая босыми ногами по холодному линолеуму, достал энциклопедию и стал читать о Воронихине. Как это он не сообразил: раз Воронихин строил Казанский собор, то и решетка возле собора, наверно, построена по его проекту. Потом он вынул из пиджака записную книжку, проверил номер телефона Марины. На всякий случай он записал этот номер у себя на столе и на обоях возле телефона. Странное дело, почему-то это его успокоило, и он сразу же крепко заснул.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

На следующий день Андрей съездил в Электротехнический институт к Любченко. Шли лекции, в пустых коридорах было тихо. Ожидая перерыва, Андрей стоял у окна и думал о последней фразе Марины. Его смущала бездумная легкость, с которой она дала ему свой телефон. Он готов был усмотреть в этом желание отвязаться. Во время их первой встречи она не разрешила ему даже проводить себя; вчера же, когда он вел себя с возмутительным нахальством, был зол и развязен, нес всякую чепуху, он добился того, на что не рассчитывал.

Прозвенел звонок, через секунду-другую послышался шум, двери аудитории распахнулись, и, размахивая портфелями, сумками, в коридор хлынули студенты.

Даже наметанный глаз Андрея с трудом различил среди них преподавателя. Это был молодой человек, лет двадцати семи, с таким же возбужденным веселым лицом, как у его слушателей. Андрей выделил его из толпы лишь по рукам, перепачканным мелом, да по тому, что несущиеся мимо юноши и девушки каким-то чудом умудрялись не толкнуть его, не наступить ему на ноги.

Андрей объяснил Любченко, что привело его сюда.

— К сожалению, ближайшие две недели я занят, — сказал Любченко, вытирая руки платком.

— Это не имеет значения, — убежденно сказал Андрей.

— То есть как?

Андрей призвал на помощь все свое красноречие. Конденсатор важен не сам по себе, важно то, для чего он нужен!

Он затащил Любченко в пустую аудиторию и принялся рассказывать о локаторе. Вначале Любченко слушал, забавляясь самоуверенностью Андрея. Он сидел на краю стола, болтая ногами, потом прилег на стол, подперев кулаком подбородок. Потом он начал перебивать Андрея вопросами, тон его становился сочувственным.

— Фееричная картина!.. Погодите, вам не приходило в голову использовать локатор для линии связи?

Он вскочил, взял у Андрея мел и попробовал исправить нарисованную Андреем схему. Отвлечения мешали Андрею, он хотел продолжать свое.

— Дайте, пожалуйста, кончить. — Они чуть не боролись за кусочек мела. — Вы на лекциях разрешаете студентам перебивать себя?

Любченко рассмеялся так добродушно, что Андрею стало неудобно. Но после этого замечания они почувствовали себя просто.

— Признаюсь — ваш конденсатор потребует всего один-два вечера. Бог с вами, сделаем, — сдался Любченко.

Через два дня Любченко сообщил, что конденсатор получился. На следующий же день Андрей отдал его монтажникам и занялся Усольцевым, которого почти все это время не видел.

Когда Андрей подошел к нему, Усольцев поднялся навстречу, вяло поздоровался. Рука его была холодной. Усольцев был бледен: рыжеватая щетина небритых щек, измятый, небрежно завязанный галстук, беспорядок на столе — все это настолько не вязалось с его

прославленной аккуратностью, что Андрей подумал: «Неужели заболел?»

— Как дела? — спросил Андрей.

Вместо ответа Усольцев взял бумагу, над которой он работал, сложил ее, разорвал на четыре части и бросил в корзинку. Высокая проволочная корзинка была забита клочьями исписанной бумаги.

— Каждый день корзинка, — сказал Усольцев, перехватив взгляд Андрея.

— Ничего, бывает. Усольцев сглотнул слюну.

— Андрей Николаевич, я бы просил... позвольте мне поговорить с вами.

Он повернулся было в сторону кабинета Лобанова, но Андрей придвинул стул, с готовностью уселся возле его стола.

Был обеденный перерыв. В «инженерной» сидело несколько человек: Майя завтракала, читая газету, Кривицкий и Борисов играли в шашки.

— Сдавайтесь, вы тр-руп! — приговаривал Кривицкий.

— Может быть, у вас удобнее? — снова попросил Усольцев. Андрей догадался, чем вызвано подобное упорство.

— Какая разница, тут посторонних нет, — сказал он.

— Хорошо, — тихо согласился Усольцев. — Освободите меня, Андрей Николаевич, от этой работы. Ничего у меня не выходит. И я боюсь... я полагаю... не выйдет. — Он еще сдерживался, но за его словами нарастало отчаяние. Андрей пожалел, что настоял на этом разговоре при всех. — Я совсем другого склада инженер.

По выражению лиц склонившихся над доской Кривицкого и Борисова можно было понять, что они внимательно слушают разговор.

— ...Нельзя же требовать, чтобы каждый инженер творил, изобретал, словом — был бы Ломоносовым, — с безудержной решительностью, какая свойственна неуверенным в своей правоте людям, говорил Усольцев. — Я не претендую на такую роль. Давайте мне любую черновую работу, любую. Пожалуйста. А выдумывать — избавьте, не гожусь. Не умею. Не желаю. Андрей Николаевич, поручите кому-нибудь... Я вместо этого... Я не обязан, в конце концов...

Он проглатывал окончания фраз. Молчание Лобанова сбивало его.

«А я обязан?» — хотелось спросить Андрею. Это только в книгах пишут, что борьба и препятствия доставляют радость. Никакой радости препятствия ему не доставляли. Но и трусить он не собирался. Ради чего он шел на все это? А Борисов, Новиков, Саша, все, кто шли рядом с ним? Ради чего покинул педагогический уют Фалеев? И тысячи людей, чьи дела он видел на выставке, о ком рассказывал на совещании Савин? Ради чего они вступали на мучительный путь поисков, сомнений, неудач?.. В эту минуту он презирал Усольцева, как презирают в бою трусов и паникеров. В армии Андрей показал бы ему, но сейчас он не имел права бросить в лицо Усольцеву ни одного слова из тех, что напрашивались на язык, не имел права ни крикнуть, ни повысить голос.

Прищурясь, Андрей прочел надпись на лаково-желтой грани карандаша.

— Ага, «Кохинор», — сказал он. — Хорошие карандаши... Вот вы говорите, что не обязаны.

Но ведь вы инженер.

— Ну и что ж, не всякий...

Андрей перебил Усольцева:

— А вам известно, что значит слово — инженер?

Все посмотрели на Лобанова, привлеченные особой интонацией голоса.

— Исхудал он... — шепнул Кривицкий Борису.

— Я не понимаю вас, Андрей Николаевич, — с готовностью начал Усольцев, — но я...

— Нет, вы мне ответьте.

— Инженер, ну... человек, имеющий высшее образование.

— Маловато. Слово «инженер» в переводе с латинского значит хитроумный изобретатель.

— Не всякому инженеру дано хватать звезды с неба, — пробормотал Усольцев.

Борисов, не утерпев, подошел:

— Где уж там звезды! Вы, Усольцев, все на подхвате норвите работать.

Вы никогда никакой инициативы ни в чем не проявляли.

— Да, в этом отношении он девственник, — вставил Кривицкий. Усольцев вынул платок, нервно высморкался:

— При чем здесь это? Мы говорим с Андреем Николаевичем совсем о другом...

— Другими словами — чего мол, суетесь? — напрямик спросил Борисов. — Я давно вам сказать хотел, да не было подходящего случая. Вы вот гордитесь своей дисциплинированностью, а мне кажется, что подоплека вашей дисциплинированности — не желание самостоятельно мыслить. Такое бездумное послушание — худшее искажение дисциплины.

В комнату, напевая, с букетом влетел Новиков. Одной рукой он сунул цветы в большой фарфоровый стакан, другой записал на столе чей-то телефон и тут же вмешался в разговор:

— Вас прорабатывают, Усольцев? Я присоединяюсь. Гоните переключатель! Не увиливайте, это вам не старые реле переделывать.

Обвинения сыпались на Усольцева со всех сторон, он не успевал отбиваться. Андрея обрадовала поддержка товарищей. Пусть при этом Новиков больше всего беспокоился, что Лобанов может поручить переключатель ему, Кривицкий радовался случаю подтрунить над раздражавшей его добросовестностью Усольцева, а Борисов жаждал встряхнуть этого человека, — они сходились в главном: Усольцев не должен отступить.

Лицо Усольцева приняло загнанное, отчаянное выражение. Сунув два пальца за помятый воротничок, он вертел шеей, как будто ему было тесно. Усольцев, этот аккуратист, носит грязный воротничок!

«Да что ж это, в самом деле, — подумал Андрей, — он ведь мучился все эти дни. Хотел, тянулся... и не мог».

Так порою через какую-нибудь мелочь вроде грязного воротничка начинаешь видеть человека совсем по-иному. Андрей представил себе, как угнетала добросовестного, точного Усольцева, необходимость выполнить задание.

Проходили дни, ничего не получалось, и сон не в сон, и, наверно, весь твердо, годами налаженный распорядок жизни этого человека полетел к черту.

Скольких усилий стоило ему признаться начальнику лаборатории в своей несостоятельности. Безусловно, Усольцев делал все, что мог, и ничего не сумел сделать. Почему?

Андрей усадил его на место, успокоил и попросил показать свои наброски.

— Верите, Андрей Николаевич, я восемнадцать вариантов перепробовал.

Начну — и сразу кажется: не так. Всякий раз думаю — а вдруг есть более простая, лучшая схема. Не умею я начинать с голого, с пустого места. Не за что ухватиться... Буквально нечего показать вам. Вы можете подумать... но Майя Константиновна знает... я никогда не имел взысканий.

Майя молча завтракала за своим столом. В последнее время в присутствии Лобанова она молчала, но тут не вытерпела. Через всю комнату она обратилась к Андрею: не заставит же он петь человека, если у того нет ни голоса, ни слуха. Способность к творчеству — это врожденный талант; нельзя приказать изобрести. То есть приказать можно, но что из этого выйдет?

Ее большие серые глаза смотрели на Андрея с укоризной: «Оставьте Усольцева в покое, как вам не стыдно, налетели все на одного».

Возможно, и впрямь нелепо требовать от каждого этой самой способности к творчеству? Талант, творчество, вдохновение! Андрей не любил применять эти пышные слова к своей будничной лабораторной работе. Но дело не в словах, дело в том, имеет ли он право заставлять Усольцева? Андрей был в нерешительности. Возможно, если бы доводы Майи привел Борисов, Андрей не стал бы настаивать, взял бы и сам занялся переключателем.

«Боится! Вот оно в чем суть! — вдруг чуть не вслух сказал Андрей, озаренный догадкой. — Ему надо перешагнуть через собственный страх».

Мягко и настойчиво он начал убеждать Усольцева, что прежде всего необходимо поверить в собственные силы.

Усольцев покорно кивал. Вероятно, Лобанов прав, но он ничего не говорит о том, откуда взять уверенность. Все они сейчас разойдутся, а Усольцев останется перед чистой бумагой, и все муки и страхи начнутся сначала.

В это время Кривицкий, ткнув себя перстом в лоб, сообщил, что на складе среди старья ему когда-то попадался подобный переключатель. Андрей недоверчиво прищурился: он не представлял себе прибора, для которого мог понадобиться такой переключатель.

Усольцев его не слушал. Надежда оживила его, он вцепился в Кривицкого, упрасывая его сейчас же сходить на склад.

Они вернулись через полчаса. Усольцев, не раздеваясь, прошел в кабинет Лобанова. Пальто его было перемазано пылью, на рукавах белели следы известки, к груди он прижимал завернутый в газету пакет.

— Вот, а вы не верили, — сказал он и, развернув, поставил перед Андреем небольшой, местами побитый пластмассовый футляр с наружными рукоятками.

Андрей снял крышку. На внутренней панели почти ничего не осталось.

Торчало несколько контактов, остов обугленной катушки, замысловатой формы коромысло с собачкой. Андрей тронул его пальцем, оно повернулось, скрипя в заржавленных подшипниках.

— И это все? — разочарованно спросил Андрей.

— Вполне достаточно, Андрей Николаевич! — воскликнул Усольцев.

Не давая себя прервать, он быстро объяснил:

— На панели сохранились отверстия креплений, по ним удастся восстановить схему. — Он уже представлял себе, какую роль тут играло коромысло, где стояла пружина. Конечно, обмотку придется пересчитать, но принцип надо обязательно оставить.

Андрей мысленно прикинул — размеры коробки вроде подходящие. Он посоветовал Усольцеву не слишком цепляться за этот скелет. Какое-то смутное опасение тревожило Андрея.

Встретив Кривицкого, он спросил:

— Вы точно знаете, это действительно дистанционный переключатель?

Кривицкий поперхнулся, закашлялся, прикрыв рот ладонью. Когда он поднял голову, глаза его были невозмутимо ясны.

— В мои годы недостаток памяти заменяет чутье, — туманно, но внушительно ответил он.

Андрей не скрывал своего недовольства нежданной услугой Кривицкого. Не следовало давать Усольцеву возможность вывернуться. Так из него никогда не выйдет настоящего инженера. Казалось, выбросили соску, — так нет, Кривицкий тряпочку подсунул: на, мол, только не плачь.

Случай с Усольцевым обсуждался на все лады. Лишь один виновник разговоров ничего не замечал, ничего не слышал. Он работал с упоением, к нему вернулась прежняя методичность. Вычищенные смазанные части старого переключателя лежали на его столе в строгом порядке. На выпуклой полированной поверхности кожуха отражались изогнутые оконные переплеты, синее небо, кудрявые облака медленно проплывали, скрываясь в тени жарко сияющего латунного зажима. Весь мир сосредоточился для Усольцева в этом скелете будущего аппарата.

Усольцев торопился дать конструктору точные размеры переключателя. В зависимости от них размещалось остальное оборудование. Круглое его лицо заострилось, движения приобрели четкую угловатость. Инженеры были поражены, когда однажды во время шумного разговора Усольцев хлопнул ладонью по столу так, что все детальки подпрыгнули, и крикнул:

— Товарищи, замолчите ли вы наконец!

Борисову даже нравилось, что Усольцев стал немного рассеянным и забывал прятать в ящик свои знаменитые карандаши.

Однако прежняя неуверенность еще жила в нем. Он принес Лобанову чертежи и сообщил, что конструктор требует ориентировочные размеры, а переключатель еще не кончен. Дашь ему размеры, а потом, случись что, не изменишь.

Андрей успокоил его.

— Конечно, приходится рисковать, — сказал он, весело нажимая на слово «рисковать». — Но что вас, собственно, смущает?

Усольцев замялся:

— В основном мелочи. Не могу раскусить, к чему тут эти два отверстия.

— Вы обошлись без них? — спросил Андрей, не глядя на чертежи.

— Пока да, — осторожно сказал Усольцев. Андрей рассмеялся и шепотом сказал ему на ухо:

— Ну так плюньте на них.

Наблюдая, как создается переключатель, Андрей невольно восхищался способностями Усольцева. Надо было иметь величайшее терпение, чтобы восстановить по остаткам, скорее намекам, прежнюю схему. На ряде участков пунктир догадок обрывался, и Усольцеву приходилось выдумывать самому...

Чтобы приспособить какую-нибудь сохранившуюся часть, Усольцев хитрил, изворачивался, проявляя незаурядную изобретательность. Он действовал подобно палеонтологам, которые по обнаруженной кости восстанавливают скелет и даже внешний облик никогда ими не виданного животного.

Настойчивость Усольцева нравилась Андрею и в то же время вызывала досаду. Было жаль смотреть, сколько блестящей, остроумной выдумки тратится на разгадывание этого ребуса. Порой Андрей порывался крикнуть: «Да бросьте вы держаться за костыли, шагайте сами!»

Но он боялся, что Усольцев опять оробеет. Ну ничего, в следующий раз ему придется начинать без шпаргалки. А вдруг все страхи повторятся?.. «Если ты проявляешь столько терпения, добываясь нужной характеристики от прибора, — отвечал он себе, — то почему ты считаешь, что человека можно переделать сразу?»

Переключатель был закончен вовремя. На испытаниях Андрей присутствовать не смог, да если бы он и освободился, то все равно не пошел бы. Он не желал показывать Усольцеву, что придает какое-либо значение этой «палеонтологии».

Испытание переключателя прошло незамеченным. Кривицкий мимоходом осведомился о результатах и сказал удовлетворенно и непонятно: «Выгодное и удачное преступление называется добродетелью».

Новиков спросил:

— Отделались? Восхитительно! Поздравляю! Усольцев, миленький, помогите мне доконать усилитель — мне сегодня надо пораньше кончить. — Он всегда куда-нибудь торопился и жаловался на «сумасшедшую загрузку».

Усольцев замкнулся в обиженном молчании. Хвастаться ему было нечем — реставрировал старый переключатель, эка невидаль. А все же обидно. Ведь это была необычная для Усольцева работа. Никто не знает, сколько страхов он натерпелся с этим переключателем. И, наверно, не узнает. Переключатель пустили в работу, и все сразу о нем забыли.

В течение нескольких минут Кривицкий о чем-то рассказывал, но ни одна фраза не доходила до сознания Андрея. Перескакивая с абзаца на абзац, он с бьющимся сердцем читал статью одного ленинградца о методах локации. Андрей мчался по строчкам, повторяя про себя: «Неужели это мое, неужели меня опередили?» На каком-то повороте автор свернул в сторону, не дойдя до идеи, составлявшей главное в методе Андрея. Андрей вздохнул, отпуская сведенные мускулы лица. И вдруг, поймав себя на этой радости, возмутился.

«Сколько же во мне гаденького!» — со стыдом подумал он.

— Андрей Николаевич, — настойчиво и удивленно повторил Кривицкий.

Андрей извинился и начал слушать. Кривицкий как раз к этому времени покончил с вопросами этики и переходил к принципам воспитания по Макаренко.

Длинное, не свойственное Кривицкому предисловие насторожило Андрея.

— Перейдем к делу, — предложил он.

Кривицкий поправил чернильницу на столе у Андрея и с напряженной улыбкой сказал:

— Помните, Андрей Николаевич, когда вы усомнились в переключателе, был ли такой, я пошел на склад проверить. Мало ли что бывает в нашей жизни кипучей! Оказалось, что там напутали: коробка, которую я дал Усольцеву, никогда не была переключателем. Усольцеву достался футляр от старого, довоенного немецкого реле. Теперь я хочу посоветоваться с вами — педагогично ли будет сообщить ему правду?

Андрей не верил ни единому слову Кривицкого. Разумеется, это была заранее подстроенная шутка.

— С одной стороны, он должен взыграть, — рассуждал Кривицкий, — с другой, как человек мнительный, он подумает, что все были в заговоре против него.

Андрей позвал Борисова, и они досыта посмеялись над всей этой историей и над Кривицким с его воспитательными приемами.

— При любом исходе предпочитаю правду, — сказал наконец Андрей. Он встал и вместе с Кривицким и Борисовым направился к дверям.

Кривицкий предпочел бы отсидеться в кабинете, но Борисов оглянулся на него с таким видом, что пришлось подняться.

— Иди, иди, комбинатор-воспитатель.

Усольцеву рассказывали наперебой все трое, и он долго ничего не мог понять. Тогда Кривицкий принес ему целое реле в пластмассовой коробке.

Усольцев перевел глаза на смонтированный переключатель. Сомнений быть не могло. Усольцев взял отвертку, долго не мог попасть острием в борозду.

— Что это? — беспомощно спросил он, сняв крышку и рассматривая незнакомые детали. — Так это же не переключатель.

Он все еще не понимал. Андрей заглянул через плечо Усольцева. На открытой панели поблескивали коромысло и целенькая катушка; тут они действовали совсем иначе, чем представлял себе Усольцев. Коромысло опускалось на катушку и передвигало какую-то защелку...

Усольцев смотрел надвигающийся рот Кривицкого, на его запавшую верхнюю губу. Не дослушав, он повернулся, нажал кнопку переключателя. Послышался характерный ритмичный перестук. Усольцев склонился над переключателем, крепко стиснув край стола. Коромысло, его коромысло мелькало неразличимо быстрыми взмахами, слитыми в серебристое дрожание, освещаемое короткими лиловыми искрами. И катушка и отверстия в панели — все было использовано не так.

— Андрей Николаевич, как же... он работает? — хрипло, срывающимся голосом спросил Усольцев.

Андрей сказал:

— Как же он может не работать, ведь это ваш переключатель. Оглушенный, не уяснив себе до конца, что произошло, Усольцев пожимал руки, выслушивал поздравления. Шутил Новиков, Рейнгольд говорил о каких-то молодых липках на бульваре, у которых выдернули подпорки. Усольцев кивал ему, не понимая, при чем тут липки; но ему было хорошо, и он боялся спрашивать и говорить, чтобы не расчувствоваться. Его заставляли снова включать переключатель, сравнивали переключатель с реле, принесенным Кривицким, удивлялись, позабыв, что этот самый переключатель работал здесь уже неделю и никто не обращал на него внимания. Но стоило переключателю прослыть новым, как он получил особую привлекательность. Такова уж, видно, притягивающая сила нового. Новый — значит, такого еще никогда не было, никто та кого не видел, ну как тут не подойти, не посмотреть, не потрогать.

Вечером Усольцев положил перед собою реле и последовательно, провод за проводом, дырочка за дырочкой, сравнил его со своим прибором. Покачав головой, он сгреб все детали реле и бросил их в корзину. В лаборатории никого не было. От шума и волнения минувшего дня у него ломило в висках. Он открыл окно, подставил голову, ловя струю влажного вечернего воздуха. Так он стоял долго, ни о чем не думая. Потом подошел к стенду, поднял руку, неуверенно тронул лакированную крышку переключателя. Нажал кнопку. В тишине пустой лаборатории переключатель застучал громко и весело. «Вот так, — отщелкивал он. — Вот так, вот так, вот так...»

Смятенная, несмелая улыбка расходилась по лицу Усольцева. Ему было стыдно, но он ничего не мог поделать с собою. Это была не печаль, не радость, он не знал, что это. Он никогда не испытывал такого чувства.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Первые же испытания макета локатора обнаружили опасность искажений. На экране дрожало, исчезая и вновь появляясь, несколько зеленых импульсов, мешая определить место повреждения. Невидимые электрические бури нарушали истинную картину.

Андрей давно был готов к тому, что с искажениями придется повозиться. Но теперь, когда они насмешливо плясали перед ним на экране, не поддаваясь никаким преградам, он оценил по достоинству всю сложность задачи. Схема уже не помещалась на одном столе, провода тянулись к соседнему верстаку, извиваясь среди бесчисленных конденсаторов, катушек и приборов.

Новиков и Усольцев заканчивали свои узлы и с тревогой посматривали на Лобанова, который, сняв пиджак, взлохмаченный, часами просиживал перед экраном.

— Я вас доконаю, гады! — Этот нечаянно вырвавшийся у Андрея возглас, обращенный к искажениям, стал ходячим в лаборатории. Его повторяли на разные лады: Саша — вздыхая, Кривицкий — с ироническим энтузиазмом, Пека Зайцев весело приговаривал эту фразу по любому поводу — вытаскивая из гнезда неподатливую лампу, раскалывая дверь грецкий орех.

Загадка искажений не выходила у Андрея из головы. Отвлекаясь на другие дела, он

испытывал какое-то тягостное ощущение, как будто отлучился оттуда, где его ждут. Полгода назад он переходил бы от горячности к отчаянию, проклинал тех, кто расхищает время, его терзали бы сомнения: может быть, надо идти другим путем? За минувшие полгода у него выработалось огромное, неуязвимое терпение. Он привык чувствовать себя руководителем, привык подавать пример. Ничего приятного в этой обязанности не содержалось. Ему было бы легче, если бы он мог похныкать, как Новиков, напроситься на чьи-нибудь утешения и послать к черту того, кто отрывает его в разгар работы.

Свойственная его натуре восторженность находила выход в мыслях о Марине. Он знал: стоило протянуть руку к телефону, и он услышит ее голос.

Это придавало ему уверенность, на душе сразу становилось спокойнее. Раза два он даже набрал ее номер. Она ответила сразу, — наверно, телефон стоял у нее на столе. Несколько раз она повторила: «Я слушаю». Потом сказала: «Вы из автомата? Нажмите кнопку». Когда послышались короткие гудки, Андрей улыбнулся и осторожно положил трубку на рычаг. Однажды он ответил ей. Почему-то он старался изо всех сил, чтобы голос его прозвучал спокойно, даже небрежно: вот, мол, вспомнил и позвонил, пойдете погулять... Неожиданно для него Марина сухо отказалась. Она занята. И завтра, и в ближайшую неделю. Может быть, она всегда занята? Нет, почему же, пожалуйста, звоните...

После этого он придумывал десятки предлогов, под которыми мог бы случайно встретиться с ней. Но всякий раз, когда дело доходило до того, чтобы действовать, он назначал себе новый срок.

История с Ритой болезненно отозвалась на его самолюбии. Он тщательно перебирал в памяти немногие фразы Марины, вспоминая выражение ее лица, пробуя из этого скудного материала слепить ее образ. Судя по всему, она переживала горе, и это было связано с тем молодым человеком, Вадимом, у которого Андрей впервые ее встретил. За это она разлюбила его? И разлюбила ли? На совещании во дворце она была совсем другая. Следовательно, она справилась со своим чувством.

По вечерам Андрей стал заходить к Фалееву, вытаскивая его гулять, причем в центре их маршрута обязательно оказывался переулок, где жила Марина. Оттуда они выходили на людную набережную. Вдоль гранитного парапета тесно, борт о борт, стояли военные корабли, рыболовецкие траулеры, катера, речные пассажирские электроходы. Матросы играли в волейбол. На кораблях запускали мощные радиолы. Кругом стайками гуляли девушки. Мальчишки блаженно взирали на моряков, споря о калибрах пушек, радиолокаторах и золотых нашивках.

На набережной Андрей становился разговорчивым. Он развивал Фалееву свои идеи о тактике морской войны, и поскольку оба они в этом вопросе были профанами, их удовлетворяли только коренные, грандиозные реформы. Когда они возвращались через переулок Марины, Андрей умолкал, и все становилось ему неинтересным.

Наконец, они встретили ее на набережной. Она шла медленно, отдыхая, держа в руке рулон чертежей, — по-видимому, возвращалась с работы. Андрей, оставив Фалеева, подошел, поздоровался. Марина вспыхнула, глаза ее блеснули радостью и, как показалось Андрею, уличающим смешком. Они разговаривали всего несколько минут. Марина посмотрела на Андрея, потом на ожидающего поодаль Фалеева, как бы спрашивая: «Вас ждут? Вам обязательно идти с ним?» Разумеется, Андрей мог распротиться с Фалеевым и проводить ее до дома, но он сказал, что его действительно ждут.

Марина, придерживая локтем чертеж, протянула ему руку. Андрей спокойно попрощался и отошел, чувствуя, что Марина смотрит ему вслед. Зачем он наказывал себя? Самолюбие его было удовлетворено, но сердце страдало. У них не было ничего общего, ни общих знакомых,

ни общих деловых интересов, ничего, кроме тончайшей ниточки, протянувшейся меж ними в первый вечер. И эту ниточку он сам рвет...

Андрей оправдывал себя тем, что они встретятся, когда он dokonает эти проклятые искажения. «Тебе хочется ее видеть, вот и чудесно, — убеждал он себя, — заслужи это право». Он мечтал явиться перед ней победителем. Он расскажет ей все.

Эта предстоящая награда придавала ему новые силы. Так Марина незаметно вошла в его работу, помогая ему в трудные дни.

Только поскорее бы разделаться с этими искажениями. Значительную часть их удалось устранить, несколько остроумных приемов предложил Новиков, кое-что добавил Саша; схема получилась настолько сложной, что Андрея это совершенно не устраивало.

— Будем собирать факты, чтобы появились идеи, — предлагал Усольцев, но от этой осторожности пахло Тонковым. После случая с переключателем Усольцев осмелел, но ему еще не хватало дерзости, а здесь нужна была именно дерзость, какое-то не обычное, отважное решение.

— Будем проверять идеи, появятся факты, — предлагал Новиков. И это заманчивое предложение тоже не устраивало Андрея своим легкомыслием. Откуда брать идеи? Высасывать их из пальца?

Как-то ночью Андрею приснилось, что он нашел простой способ уничтожить искажения. Он проснулся, сел на постели, пытаясь понять, в чем заключается этот способ, но с ужасом убедился, что ничего не помнит. Он уткнулся в подушку, пробуя скорее заснуть, снова увидеть тот же сон, — ничего. Ничего, только ощущение необыкновенного и утраченного счастья!

Наутро сияющий Усольцев внес предложение добавить к схеме еще один фильтр. Саша быстро напаял по его указаниям все, что нужно. Макет запустили.

Искажения действительно стали меньше. Маленькие бесцветные глазки Усольцева потемнели от удовольствия. Андрей молча сидел верхом на стуле, положив подбородок на его спинку. Никто не мог добиться от него ни слова. Зеленые всплески на экране отражались в его неподвижных, немигающих глазах. Затем он встал, выключил рубильник, надел пиджак. Несколько минут, не обращая внимания на болтовню Новикова, он ходил по комнате, поглядывая на схему, потом попросил у Саши папиросу, закурил и приказал разобрать всю установку.

Саша изумленно поднял брови.

— Все это слишком сложно, чтобы быть правильным, — хладнокровно сказал Андрей. — Ну чего ты уставился? Воронье гнездо получается, а не схема.

Назвать вороньим гнездом двухнедельный труд, когда они уже кое-чего добились, когда искажения пошли на убыль! Саша демонстративно отошел к Новикову и Усольцеву. Он все еще надеялся, что Лобанов одумается.

Отказываясь от достигнутого, Андрей ничего не мог предложить взамен. Он знал одно — путь, избранный ими, неверен. Достаточно посмотреть на схему: она была сложной, уродливой и, значит, чем-то порочной. В технике красота и изящество — верный признак зрелости. Он пытался передать свое ощущение словами, но Новиков, Усольцев и Саша ничего не хотели слышать. Они устали искать.

— К черту! — воскликнул Новиков. — Я лучше сделаюсь простым техником, пойду к главному

инженеру и скажу ему прямо...

Они не желали понять, что для того, чтобы начать мыслить по-новому, надо сжечь за собой все корабли, свернуть с проторенной и безнадёжной дороги. Они не понимали, что Андрею это сделать было еще труднее, чем им, потому что он взваливал на себя всю ответственность за розыск нового решения. А ведь нового решения могло и не быть, оно могло и не появиться.

Саша яростно кусал губы. При чем тут труд, как будто он отказывается! Трудиться — это не значит разрушать. В течение двух недель он подыскивал детали, ломал себе голову, как защищать спайки, куда и что ловчее присоединить. В конце концов, он тоже кое-что понимает. Понимает? Ох, и влетело ему за это слово! Лобанов сорвал на Саше всю свою досаду. Как назло, в это время принесло в комнату Нину, она что-то искала в шкафу, и Саша видел насмешливые морщинки в уголках ее глаз. Почему, когда тебя хвалят, никого нет рядом, а когда ругают, кругом всегда толчется народ?

В работе ученого наступают периоды, когда воображение иссякает, и нет никаких способов пробудить его. Иногда это длится днями, иногда — годами. Сознание того, что решение близко — достаточно одного усилия, одной счастливой мысли, чтобы найти его, — гнетет мучительно.

Андрей больше ничего не мог извлечь из себя. После двух недель бесплодных попыток он снова начинал с нуля. Сперва он почувствовал себя свободным, потом несчастным.

Оставаться в лаборатории он не мог, здесь все ему напоминало о его бессилии. Саша громыхал плоскогубцами, разбирая схему. Новиков и Усольцев мрачно следили за ним. Андрей поднялся в библиотеку, безразлично перелистал журналы, прошелся по коридорам, зашел в диспетчерскую.

Возбужденное оживление, которое всегда царило в этом большом зале, несколько рассеяло его. В диспетчерскую сходились нити со всех концов города, со всех станций и подстанций системы. Огромные планшеты вдоль стен показывали, какая линия передачи включена, где какой генератор в ремонте. На приборах можно было увидеть, как работает станция за сотни километров отсюда. Непрерывно вспыхивали лампочки на коммутаторе, несколько инженеров — помощников диспетчера — отдавали приказания включать и отключать агрегаты, принимали сводки, переговаривались со станциями. Слушая этот нестройный шум, обрывки фраз со знакомыми названиями заводов, учреждений, Андрей хорошо чувствовал, как бьется пульс огромного города. Он любил наблюдать за работой диспетчеров, требующей мгновенной сообразительности, колоссальной памяти и железных нервов.

Сегодня дежурил Степин. Каждый диспетчер обладал своим стилем. Степин отличался непроницаемым благодушием. По его мешковатой, лениво небрежной позе невозможно было представить, что сейчас случилась авария: один из двух высоковольтных кабелей, питающих большой текстильный комбинат, пробился, и часть цехов пришлось отключить. Высланные на линию измерители сообщали, что найти место повреждения кабеля не удастся. Притиснув трубку к толстому красному уху, Степин неторопливо объяснял:

— Делаем все, что можно, товарищ директор. Повреждение сложное. Обещать трудно... Может быть, часа два, может, и больше... Прекрасно понимаю, товарищ директор, приняты все меры.

Опираясь на локоть, он, полузакрыв глаза, выслушивал очередной взрыв возмущения. Толстая шея его чуть багровела, но лицо сохраняло спокойную благожелательность.

— Попробуй культурненько со всеми, — сердито сказал он Андрею. — Политика вазелина. А мне на ком отвести душу?.. Звонят сюда от мастера до райкома. Там-тарарам. Дай я на тебе

отыграюсь.

— Попробуй.

— Когда локатор кончишь?

Андрей рукой махнул — и не спрашивай.

На диспетчерский пункт зашел главный инженер, строго выслушал рапорт.

— Полторы тысячи рабочих стоят, — сказал он.

Степин одернул пиджак, ничего не ответил. Вспыхнула лампочка коммутатора. Степин поднял трубку, слышно было, как трещит мембрана под раскатами грозного баса. Лоснящееся безбровое лицо Степина скривилось, он приложил трубку к другому уху.

— Кто это? — спросил Дмитрий Алексеевич Степин прикрыв микрофон рукой:

— Главный инженер комбината.

— Дайте мне.

Степин с облегчением протянул трубку, крепко потер ухо ладонью.

— А-а, Ираклий Григорьевич. Выкипаешь? Здравствуй. Добился своего? Дофильтровался. Не злорадствую, а проверяю крепость твоих убеждений. Комбинат ни при чем? Ну, знаешь, комбинат тоже виноват, зачем терпит таких руководителей...

Андрей незаметно вышел. Через полчаса он был на комбинате. Он поехал туда без всякой цели, смутно надеясь чем-нибудь помочь измерителям и зная, что ничем помочь не сможет.

На большом дворе среди красных кирпичных корпусов был разбит цветник. Трапа поблекла, последние осенние цветы осыпались. Асфальтовые дорожки, газоны были покрыты легкими снежными пушками хлопка. По двору, разбившись на группы, гуляли работницы. У бетонного фонтана пели девушки. Многолюдней всего было возле подстанции. Там стоял синий автобус измерителей. Сквозь застекленные окна автобуса виднелась укрепленная на щитах аппаратура, глухо гудели выпрямители. Неподалеку, на низкой ограде палисадника, сидело человек шесть кабельщиков. Они ждали показаний измерителей, а пока что беззлобно и ловко отбивали сыпавшиеся на них шуточки ткачих.

Андрей обрадовался, заметив мастера Наумова. Он привык к наумовской бригаде, знал в ней почти всех. Вот и Якушев, с которым он плавал в бассейне... Андрей питал к кабельщикам особую привязанность. Вместе с высоковольтниками они больше всех нуждались в его локаторе. А кроме того, они сами по себе были интересные, бывалые люди. По роду работы им приходилось бывать на всевозможных предприятиях, повсюду, где потребляли электроэнергию. Они сталкивались с телефонистами, дорожниками, газопроводчиками, со всей трудовой армией, обслуживающей подземное хозяйство города. Они знали породу грунта на каждой улице, первыми входили в курс новостей своего района, — без них никто не имел права строить, сажать деревья, ремонтировать мосты. Им первым показывали трассы новых улиц, новых бульваров; они знали, где и какой строят новый цех. Они изучали каждый дом: какая там нагрузка, хорошее ли там напряжение, даже какой там управхоз. Из этих бесчисленных сведений складывалось здоровье и целостность вверенных им кабелей: достаточно было малейшего недосмотра, и вколотенный где-нибудь на заднем дворе кол мог пробить кабель и вызвать аварию. Профессия заставляла их общаться с разными людьми больших и малых должностей — директорами и дворниками, энергетиками и милиционерами. Дочерна загорелые, обветренные, целый день работая на открытом воздухе, они действовали клином и кувалдой, разбивая глыбы мороженого грунта; они умели, стоя по

колени в жидкой грязи, произвести ювелирно-тонкую, химически чистую пайку маленькой гильзы. Это были неунывающие, любознательные, готовые ко всяким неожиданностям мастера своего дела.

Наумов не торопясь рассказал Андрею, что поврежденный кабель имеет длину около двух километров, муфт на нем видимо-невидимо, а повреждение...

— ...Кто его знает! Вот Малинин колдует второй час, — заключил Наумов, чего-то не договаривая.

— Ну, а все же? — допытывался Андрей.

Наумов носком сапога поковырял мокрую землю, достал из глубины ватника алюминиевый портсигар, на крышке которого был выцарапан Пушкин с пистолетом в руке.

— Угощайтесь, своей набивки.

Андрей закурил, политично похвалил табачок.

— Муфты надо вскрывать, — вздохнул Наумов. — Способ дедовский, зато категорически верный. Тут у меня две муфточки по своим анкетным данным на подозрении.

— Чего ж вы ждете?

— По правилам безопасности, Андрей Николаевич, пока испытание идет, на линии нельзя работать.

— Но измерение можно прекратить, если вы уверены, что дело в муфтах.

— А я разве сказал, что уверен? — покачал головой Наумов. — Поручиться нельзя. Муфту вскрыть — на два часа работы. А вдруг окажется — не угадали? Вслепую играть — проиграть можно.

— Вскрывают обе сразу.

— А может, я зря на них грешу. — Мягкое лицо Наумова сморщилось. — Напрасно вы меня пытаете, Андрей Николаевич. Есть у нас измерители, — где покажут, там копать будем.

Андрей посмотрел на гуляющих без дела работниц и сердито сказал:

— Ответственности испугались?

— Вы меня ответственностью не корите. — Наумов не умел сердиться и стыдился этого. — Думаете, нам не совестно перед людьми сидеть тут и загорать?

Андрей пошел к машине. Вслед ему кто-то из кабельщиков сказал:

— Называются ученые. Учат их, учат — все без толку. Никакой помощи.

Молодой ломкий голос Якушева тихо возразил:

— Не туда бьешь.

Андрей поднялся внутрь измерительной машины. Две трети ее занимала испытательная установка. В узком промежутке между задней стенкой и пультом сидел молодой техник Малинин. Насвистывая сквозь зубы, он смотрел на стрелки приборов.

— Свистишь? — спросил Андрей, пожимая молча протянутую руку.

— Успокаивает, — объяснил Малинин. Он, не оборачиваясь, ткнул пальцем в сторону двора. Остекленный кузов машины невольно притягивал глаза людей, на ней сосредоточились сейчас все надежды. В ней горели выпрямительные лампы, тихонько гудели трансформаторы, среди вынужденного безделья сотен людей, среди притихших фабричных корпусов это был единственный островок, где шла напряженная работа.

Молодые ткачихи в халатах, облепленных обрывками пряжи, в туго завязанных косынках, проходя мимо автобуса, насмешливо осведомлялись у Малинина:

— Эй вы, молодой человек... Москву поймали?

— Не мешайте ему, девчата, видите, товарищ занят — никак заснуть не может.

— Молодой человек, а вы не сделаете нам электрическую завивку своим аппаратиком?

— Хоть бы занавески были, — поежился Малинин, — а то слов но стекла зажигательные на меня наставили. Дымиться начинаю...

Проверив запись и убедясь, что Малинин сделал все возможное, Андрей понял, что ему надо уйти, но уйти, ничего не сказав, было стыдно. И чем дольше он оставался, бестолково топчась на месте, тем труднее было уйти и тем виноватее он себя чувствовал. Никогда ни на одной аварии он не испытывал такого удушающего бессилия. У него не получалось с локатором — эти проклятые искажения! — он во всем виноват. Малинин и Наумов имели полное право упрекать его. Для чего он примчался сюда? Толкается, мешает, с умным видом задает вопросы и ничем не может помочь. В стекло постучали — горбоносый мужчина в наспех накинутом на плечи пальто манил Андрея пальцем.

— Главный инженер, — пробурчал Малинин и без видимой надобности стал перебирать рукоятки на пульте.

Андрей вышел из машины и попал в объятия главного инженера. Тот откуда-то уже узнал и звание и должность Лобанова, беспокойная надежда мерцала в его глазах. Андрею стало горько и смешно оттого, что главный инженер заботливо взял его под руку и, заглядывая в лицо, спрашивал, как обстоят дела. Так обращаются с врачом, когда тяжело болен близкий.

Выслушав неутешительный ответ, молодой усатый технолог, который шел рядом со своим начальником, сказал возмущенно:

— Да понимаете вы, что цеха стоят! Мы программу срываем. Каждая минута — это сотни метров тканей!

— У них голова не болит! — сказал кто-то сзади.

— За что ж им государство денежки платит?

— Странно, — продолжал технолог, вызывая Андрея на спор, — странно, попробовал бы у нас инженер не знать, почему станок испортился.

— Мы бы такого инженера на тачке вывезли, — пробасила пожилая ткачиха.

— Ираклий Григорьевич, что ж людей держать, может быть, отпустим?

— Тогда придется, товарищи, в воскресенье работать, — останавливаясь, громко сказал главный инженер.

Работницы зашумели, послышались сердитые возгласы по адресу Лобанова, в нем видели сейчас виновника всех бед. Андрей растерянно оглядывался и повсюду встречал гневные

лица. Ираклия Григорьевича оттеснили, он смешливо сморщился: «По-воюй-ка, дорогой ученый, с бабами».

— На воскресенье я из-за вас, товарищ начальник, не останусь, — кричала Андрею большеротая чернобровая бабенка. Она с силой тянула его за пуговицу тужурки, заставляя обратить на себя внимание.

— Третий выходной штурмуем. Мне муж и так разводом грозит. Вы, что ли, будете за меня белье стирать?

Андрей осторожно высвободил пуговицу, но женщина сейчас же схватилась за другую и затараторила еще быстрее. Толпа вокруг Андрея увеличивалась.

— Аварийщики! — кричали ему. — Несознательные люди!.. Написать про них!

— Что за шум, а драки нет? — весело поинтересовался Наумов, пробиваясь на помощь Андрею. Чувство профессиональной солидарности взяло у него верх над недавней обидой. Кабельщики помогали своему мастеру с тыла:

— Ну и голоса, как это у них пряжа не рвется с таких голосов.

— Эти бабы что горшок: что ни влей — все кипит...

Внушительный рост Лобанова и то, что его вел под руку главный инженер, все это до сих пор несколько сдерживало женщин. Зато с тем большей злостью они взяли в оборот Наумова, с ним можно было не церемониться:

— Ты нашей пряжи не касайся, мы свое дело справляем.

— Не то что вы, загорать сюда приехали!

— Небось в наших штанах ходишь!..

Кабельщики подошли, защищая своего мастера, пуская в ход нехитрые испытанные шутки. Андрей выбрался из толпы и, стараясь не попадаться на глаза главному инженеру, завернул в первый попавшийся цех. Это была упаковочная. Пожилой маляр не торопясь, со вкусом надписывал на ящиках адреса. Из-под кисточки тянулась черная вязь букв: «Запорожье. Горторг».

— Им сколько всего? — спросил один из плотников.

— Пять.

— Не выйдет. Больше готовых нет.

За верстаком плотник строгал доску. Что-то привлекло внимание Андрея, некоторое время он стоял, не понимая, что же именно заставило его остановиться. Желтая стружка завивалась вокруг рубанка, завивалась и спадала пышными буклями. Стружка... что-то связанное с этой стружкой...

Андрей потер висок.

Сзади кто-то окликнул его. Это был молодой технолог с усиками.

— Повреждение нашли, товарищ Лобанов! Все в порядке. Там вас спрашивают, — быстро говорил он, подходя к Андрею. — Никак вы производством нашим интересуетесь? Так вы сюда смотри те. Какая ткань! Синевато, а?

Мягкий, глубокий цвет, мы над ним бились... — Он увлек за собой Андрея, приветливый, сияющий, безостановочно говорливый. Напрасно Андрей пытался вернуть недавнее томительно-напряженное ожидание, мысли его сбились.

У выхода они обогнули маленький строгальный станочек. Резец замер посередине пути, врезавшись в металл. Застигнутый в разгар работы, устремленный вперед, он был еще полон движения. Тонкий завиток стружки крутился у носика резца. Стружка, самая обыкновенная, в сиреневых отливах перекала, мокрая от мыльной воды, она косо торчала, скрученная в виток. Еще немного, еще последнее усилие — и деталь готова...

Андрей остановился, положил руки на мокрую холодную станину. Технолог продолжал что-то радостно рассказывать.

— Подождите, пожалуйста, — умоляюще попросил Андрей. Он отломил стружку. Острые кромки впились в кожу. Андрей потянул стружку за концы, они сжимались и разжимались, пружиня, они напоминали ему броню кабеля. Он растягивал стружку, пока она не сломалась; тогда он нагнулся и поднял целый ворох колючих стружек. Лицо Андрея слегка побледнело. Технолог смотрел на него с интересом.

...Открытие всегда наступает внезапно. Сколько бы ни ждать, ни стремиться к нему, сколько бы раз оно ни появлялось в мечтах, все равно в тот миг, когда оно возникает, единственное настоящее, оно подобно ослепительному взрыву. За какие-то секунды мозг Андрея представил стружку в виде специальной обмотки, которую вот таким же способом можно растягивать, изменяя характеристику. Если подключить такую катушку, то искажения скомпенсируются; он мысленно прикинул по формулам, как все изменится, — и все, все стало поразительно простым и ясным. Тут же, не выпуская из рук стружки, он принялся возбужденно объяснять технологу:

— Вы понимаете? Догадался! Вот здесь. Смешно! Как это про сто. Тут и емкость и индуктивности. Сделать вот такую катушку. Включить ее в разрез... А мы бились, бились...

Испуг, и радость, и недоверие горели в его глазах. Он говорил не умолкая. Вместе с технологом они поднялись к Ираклию Григорьевичу.

— Уж знаю, нашли, — сказал главный инженер, — у меня информация налажена.

Андрей растерянно заморгал:

— Откуда вы знаете?

— Порча найдена пятнадцать минут назад, — официально подтвердил энергетик, стоявший у стола главного инженера.

— Нет, не то, — рассмеялся Андрей. — Я нашел, как искажения уничтожить. Вы понимаете, там, внизу, у вас в упаковочной... На стружки смотрю. Если скомпенсировать... Понимаете, даже смешно... — И он снова начал повторять ход своих рассуждений.

Вероятно, никто из присутствующих, кроме энергетика, не понимал ни терминов, ни сути открытия Андрея, но все слушали его, сочувственно улыбаясь, поздравляли его и пожимали ему руку.

Он хотел было отодвинуть бумаги, положить перед Ираклием Григорьевичем свои стружки и рассказать все подробно. Потом он опомнился, смутился, отвел в сторону энергетика и, прижимая к груди промасленные стружки, опять стал рассказывать ему, как это все произошло. Он боялся, что ему не поверят, внезапность этой счастливой находки пугала его.

— Смотрю на стружку, и вдруг меня осенило, — возбужденно повторял он.

— Поздравляю, — рассеянно сказал энергетик. — Вот полюбуйте. Наш Ираклий сидит довольный. А разобраться, так это он виновник аварии. Не хочет подстанцию строить. Ну, ничего, даром ему это не пройдет. Теперь мы ему организуем, такой шурум-бурум...

Андрей вспомнил разговор с Дмитрием Алексеевичем.

— А что? Правильно, — засмеялся он. — Так и надо вашему Ираклию.

Он вышел в приемную и попросил у секретарши разрешения позвонить по телефону. Сперва он позвонил в лабораторию, а потом набрал номер Марины.

Он договорился приехать за Мариной на работу. Она сослалась было на дела, но он категорически заявил: «Мне во что бы то ни стало надо увидеть вас».

На площадке широкой мраморной лестницы Архитектурного управления Андрей столкнулся с тем самым молодым человеком, которого он впервые увидел с Мариной. Андрей обрадованно поздоровался. Он не обиделся даже на безразличный кивок, которым Вадим ответил ему, — ничто сейчас не могло нарушить его счастливого настроения. Высокие сводчатые коридоры, и бронзовые фигурные ручки дверей, и толстая любопытная дама, которая помогла ему найти комнату Марины, — все казалось удивительно приветливым.

Ему пришлось подождать, пока Марина освободится: двое каких-то солидных мужчин — судя по разговору, строители — доказывали ей, что гранит для облицовки задерживается в пути.

Андрей сел в сторонке, наслаждаясь возможностью беспрепятственно наблюдать за Мариной. Никто не обращал на него внимания. Кроме стола Марины, в комнате было еще два стола, за ними работали сотрудники отдела, около них тоже сидели посетители. На стенах были развешаны эскизы проектов новых зданий, на подоконниках стояли какие-то деревянные модели. Все, что имело какое-то отношение к Марине, было ему важно и дорого.

Марина читала бумаги, которые совали ей строители. Солнце отсвечивало на ее медных волосах, и дымная тень от них падала на щеку. На ней был полосатый джемпер с короткими рукавами и глубоким вырезом на груди. Андрей впервые мог при дневном свете, не торопясь, разглядывать Марину и не упускал ни одной мелочи. Каждая минута приносила ему новые открытия. Оказалось, что в ее грудном голосе могли звенеть повелительные нотки, что когда она сердилась, то волжское оканье усиливалось и пальцы быстро вертели карандаш.

Еще он заметил впадинки по краям губ, впадинки появлялись, когда она улыбалась, и были похожи на запятые.

Когда он вышел с Мариной на улицу, ему стало почти жаль, что он так мало ждал ее.

Звонок Андрея и обрадовал и встревожил Марину. Она с удовольствием отвлеклась бы от своих горьких мыслей, но Андрей вкладывал какую-то излишнюю серьезность в их знакомство. Ее обрадовала их встреча, но она не понимала и боялась своей радости. И когда Андрей с жаром стал рассказывать о каком-то локаторе, искажениях, стружках, она успокоилась, и в то же время легкая досада уколола ее.

— Почему вы так долго не звонили? — спросила она.

Равнодушие к его открытию расстроило Андрея.

— Я обиделся, — хмуро напомнил он, — а теперь... я был так рад, что не удержался.

Значит, все это время он хотел ее видеть. Это неуклюже скрытое признание, такое виноватое и неохотное, тронуло ее. Она была не прочь вызнать подробности, однако внутренний предостерегающий голос остановил ее. Пока что она чувствовала себя с Андреем спокойно,

хотя где-то в глубине бродила озорная мысль: а может ли его волновать что-нибудь, кроме приборов?

— Вы не торопитесь? — Она взглянула на часы. — Я обещала заглянуть на стройку.

Андрей не понимал, как можно спрашивать о таких вещах. Она повела его через мост и площадь, к строящемуся дому. Андрей вспомнил, как он увидел здесь Марину.

— Да, я тут бываю, — сказала она. Строительство этого дома под ее контролем. Один из наиболее трудных объектов. — Между прочим, проект архитектора Хотинского. Не знаете такого? А Вадима помните?

— Как же, помню. — Ни малейшего недовольствия не отразилось на его лице.

Тогда она нарочно сказала:

— Чрезвычайно талантливый архитектор. А вы интересуетесь архитектурой? Надо будет вас познакомить.

— С Хотинским или с архитектурой?

— С обоими. — Марина засмеялась.

— Вы... вы помирились? — внезапно спросил он.

Она ответила ему таким строгим молчанием, что он испугался. Они подошли к стройке.

— Можно мне с вами? — попросил Андрей.

Они забрались на леса. Доски, поскрипывая, гнулись под ногами. Широкие плечи Андрея задевали перекладины, он перемазался известкой и был рад, что Марина не обращает на него внимания. Ступив на узенький переход на высоте третьего этажа, она закричала:

— Прора-аб! Никита Е-евсеи-ич!

Ей откликнулись сверху. Она попросила Андрея подождать, а сама полезла выше, гибкая, ловкая, бесстрашно перескакивая узкие, без оград настилы, похожая на рыжую белку.

Через четверть часа она спустилась с прорабом, продолжая на ходу спорить.

— Полюбуйтесь, — возмутилась она, подзывая Андрея. — Как они изуродовали фасад этими трубами!

Среди решетки лесов Андрей не рассмотрел ни фасада, ни труб, но был убежден, что фасад действительно обезображен, и удивился, как прораб мог противоречить Марине.

— А перегородки! — Она прыгнула через оконный проем в комнату. — Опять ставите кособокие перегородки.

— Тут уж мы ни при чем, Марина Сергеевна, — сердито сказал прораб. — Такие нам привозят с завода.

— А что ж вы принимаете?

«Умеет она их брать в оборот», — с удовольствием отметил Андрей. Он никогда не задумывался, из чего складывается красота здания. Слушая Марину, он перебирал свои скудные, отвлеченные познания в архитектуре: цветовой колорит, выразительность силуэта, ансамбль... Он сознавал свою безграмотность, отсутствие вкуса, и от этого ее работа

представлялась ему недостижимой. А приборы... что ж, приборы может делать всякий, у кого есть терпение и знание. В глубине души он по-прежнему гордился своей сегодняшней находкой, но рассказывать об этом Марине было, конечно, глупо.

Она спускалась вниз расстроенная. У прораба тоже есть своя правда. Легко сказать: не принимай кривые перегородки. Ну хорошо, отошлют назад, а рабочие тем временем стоять будут?

— Вы не должны поддаваться, — горячо сказал Андрей, не медленно приняв ее сторону.

Его искреннее участие было приятно Марине.

— Значит, вас можно поздравить, теперь у вас все в порядке, — сказала она.

Андрей усмехнулся и промолчал.

Ей понравилось это молчаливое несогласие. А все же она была первой, к кому он спешил со своей радостью. Ей было приятно думать об этом, идти вот так свободно, не под руку, не подыскивать слова, не обижаться на молчание.

Был теплый серенький день. Грустный и спокойный. Где-то на путях часто гудели паровозы. Цветочницы продавали бледно-зеленые букетики вьюнка. Марина не хотела говорить ни о чем... Она вдруг почувствовала, что боль, которая мучила ее так долго, исчезла... И Андрей покорно довольствовался ее молчанием и был рад, что видит ее, идет рядом. Он спрашивал, любит ли она гулять, правятся ли ей стихи Пастернака, что она делает по вечерам.

Эти мальчишеские вопросы отвлекали Марину от тяжелых раздумий, связанных с Вадимом. В этом осенне-неярком, мягком, теплом дне было что-то схожее с тем, что творилось в ее душе. Впервые за последнее время ей было спокойно, тепло и по-доброму грустно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Она сказала: «Значит, теперь уже все в порядке. Поздравляю». Рассказать бы ей, как далеко еще до конца... Тебе представилось в эту минуту все, что еще ожидает тебя и твоих товарищей, и ты промолчал. Только стиснул зубы и усмехнулся. Разве все расскажешь. Да и кому это интересно. Со стороны, конечно, кажется, что самое трудное позади. Принцип открыт, расчеты сделаны, узлы изготовлены, надо собрать макет, испытать его — и конец. Никаких особых событий, ярких страстей, опасностей, приключений. Чем тут хвастаться!

Впереди вереница однообразных рабочих будней. Кропотливый и скучный с виду труд, уже без взлетов вдохновения, без всяких открытий, тот труд, о котором не поют песен, не пишут стихов. Труд самый обыденный, черный, пахнущий потом, труд делания, труд-долг...

И все же сколько в нем радости и мучений. Взять тот же макет... Художник, прежде чем писать картину, набрасывает этюды, он ищет в них, как бы убедительнее выразить свой замысел. Для этой же цели служит исследователю макет. Это грубый набросок, скелет твоей идеи. Здесь все еще подвижно, зыбко. Ты проверяешь по нему свои догадки, сомнения, тревоги. Макет сделан, как со вкусом выражается Новиков, «на соплях». Прикручено, наляпано, бросовые детали — все кое-как, лишь бы держалось. Болтается изоляция, торчат концы проводов, детали соскакивают, — этот обнаженный дрожащий уродец и есть, оказывается, воплощение твоей мечты.

Такой ли она тебе представлялась?

И в довершение всего макет не работает. Говорят, что не было еще макета, который бы сразу заработал. У него слишком много для этого возможностей, и он жадно использует каждую. Кажется, устранены все причины, но он бездействует. Постепенно ты приходишь к мысли, что так и надо, что вообще все неверно и ничего не выйдет, и зря ты морочил людям голову, тебе надо все бросить и пойти служить дежурным монтером. Ты завидуешь спокойствию окружающих. Тебя возмущает, что они могут смеяться, что у них есть аппетит, что они не собираются отказываться от нелепых предрассудков: спать хотя бы семь часов в сутки, изредка ходить в кино, думать о своих семейных делах...

И это в то время, когда макет не работает! Для тебя это дико. Характер у тебя становится несносным. Общаться с тобой, утверждает Кривицкий, такое же удовольствие, как прикасаться к проводу с напряжением и тысячу вольт.

Впрочем, все понимают — ведь это твой первый прибор. Когда-то и Кривицкий и Рейнгольд, все они пережили подобное. Пройдет несколько лет, и ты тоже будешь относиться к таким вещам спокойнее и проще. А пока что Саша Заславский безропотно принимает на себя любую вину и даже Новиков прикусит губу, чтобы удержаться от резкого ответа.

Наконец, когда перепробованы все сложные теоретические догадки, обнаруживается виновник — это всего-навсего волосная проволочка. В укромном местечке она незаметно касалась корпуса, а ты в это время рылся в физических справочниках!

Волосок убран — и макет заработал. Он действует только для тех, кто с ним возится. Остальные опасливо косятся на него, как будто это автомобиль с надписью «учебная езда». Поминутно раздаются трески, проскакивают голубые искры, завывает трансформатор, пахнет гарью. Количество пережженных предохранителей перекрывает в эти дни годовую потребность всей лаборатории.

Дело кончается тем, что на последнюю пробку наворачивается моток толстенной проволоки, и пожарник, извлекая это вещественное доказательство, с уважением пишет в акте не «жучок», а «жук».

Но никакие мелкие неприятности не могут испортить твою радость. Ты тащишь всех сотрудников, своих и чужих, полюбоваться твоим детищем. Куда смотреть? Что тут надо увидеть? Никто не знает. Наиболее деликатные выжимают из себя пару вежливых фраз и поспешно отходят. К этому времени макет выглядит действительно страшно. Следы всех переживаний, заблуждений, скороспелых догадок запечатлены в каких-то чудом держащихся надстройках.

Никто, кроме тебя, никогда не разберется в этом немислимом клубке проводов, отпаек, реостатов, блоков... И все же эта взъерошенная, страшная постороннему взгляду груда работает! Макет живет! Он дышит живым теплом, светятся лампы, тихонько гудят дросселя, движутся стрелки, на экране переливаются зеленые импульсы. Какая-то таинственная, самостоятельная жизнь теплится в глубине связанных мыслью деталей.

Гордый, сияющий, ты приглашаешь начальство. Существует непонятная, роковая, но совершенно железная закономерность — с приходом начальства макет немедленно перестает работать. Он ведет себя так, как будто он вообще никогда не работал. Это явление имеет даже специальное название — «визит-эффект». Начальству это хорошо известно, вас утешают: «Там, где кончается неудачный опыт, часто начинается открытие».

Нет, к черту, с тебя довольно открытий, ты согласен, чтобы неудачи кончились без всяких открытий, лишь бы они скорее кончились. Когда ты остаешься один, тебя охватывает страстное желание растоптать всю эту мертвую кучу мусора.

Новиков трясет прибор, дует на него, щелкает по лампам. Ничего не помогает. Проходит час,

другой, последние попытки кончились, все сидят, понутив голову, пришибленные, не в силах уже ничего понять. Саша вспоминает, что, когда макет работал, было пасмурно, а сегодня солнечный, жаркий день. Это нелепо, бессмысленно, но все, стыдясь друг друга, все-таки завешивают окно.

Ты тупо смотришь, как Саша приносит ту же табуретку, на которой он сидел вчера, включая прибор, хотя ни табуретка, ни солнце не могут играть тут никакой роли и все это смахивает на какое-то шаманство, мистику и никакого отношения к науке не имеет. Ты молчишь, потому что предложить тебе нечего, и невольно смотришь на стрелку, не произойдет ли чуда. Стрелка холодно поблескивает вороненой синевой, никакие заклинания не могут сдвинуть ее с места.

Через два дня выясняется причина — редчайшая, уникальная, как хором заявляют все специалисты, — провисла нить в лампе. Эта нить нигде и никогда не провисала, кроме как в твоей лампе. Это даже очень интересно узнать, почему она провисла, рассуждают специалисты. Но тебе наплевать и на нить и на ихние интересы. Макет работает. Ты включаешь его десять, сто, тысячу раз — и он безотказно действует. На экране мерцает зеленый всплеск... После стольких неудач нужен, обязательно нужен успех, хотя бы кратковременный, крохотный, нужен не только для тебя, но и для твоих соратников. Усталость, раздражение разом пропадают. С той минуты, как на экране заструилась зеленая волна, голоса начинают звучать по-другому, и каждый жест кажется особенным.

Изменяется все вокруг, вся лаборатория, все люди словно возносятся на гребне этой изумрудной волны, преображенные ее мерцающим счастливым светом. Ты оглядываешься кругом — оказывается, уже глубокая осень, по ночам подмораживает. Днем небо ярко-синее, холодное, и лишь к полудню солнце чуть пригревает. От этого прощального тепла, от горького запаха палых листьев грустно и тревожно. Забытые чувства и заботы медленно возвращаются к тебе.

Задумчивая печаль ранних вечеров, когда час зажженных фонарей наступает все раньше, сердитая бодрость пронзительного, упрямого ветра. Вздутые осенние реки, закрытые сады. По улицам тянутся вереницы грузовиков с картошкой, пожелтелыми кустами для осенних посадок. Хочется надеть русские сапоги, поехать с Мариной за город, шагать по гулким дорогам, провожать улетающие косяки журавлей. Надо готовиться к зиме — привезти дрова, купить отцу валенки. Ты обнаруживаешь, что давно открылись театры, Борисов справил себе новое пальто, а Новиков договаривается о свидании уже не с Олечкой, а Зоенькой.

Жизнь снова стала чудесной. Начинается наиболее увлекательная часть работы — воспитание прибора, формирование его характера. Он не должен бояться помех, он должен стать чутким и независимым, неприхотливым и надежным.

Сперва обнаруживается, что прибор слишком чувствителен. Чуть тронул ручку, и стрелка мчится в конец шкалы. Уменьшил чувствительность — пропала устойчивость, добился устойчивости — снизилась мощность, и так изо дня в день. К прибору относятся уже как к отроку, пряча свою нежность за суровой требовательностью. Похожий на докучливого дядьку, Усольцев обеспечивает прибор на всевозможные случаи жизни, добавляет туда всякие амортизаторы, предохранители, фильтры. Новикову нравится украшать прибор эффектными, только что выпущенными сопротивлениями в виде нарядных крохотных трубочек, он опробует на приборе замысловатые ультрановейшие детали, схемы. При этом он постоянно мурлычет какую-нибудь смешную песенку, составленную из первых пришедших на ум слов, обращенных к прибору:

Еще такой ты неуклюжий и косолапый,

И каждый может Тебя обидеть.

А вот катушечка,

Ее сейчас
Мы здесь заменим,
И сразу станешь
Ты покладистой
И не будешь хныкать,
Что тебе слишком мало
Напряжения.

На разных этапах власть переходила из рук в руки. Теперь же все объединились, стремясь выжать из макета все, что можно. Это момент величайшего напряжения «умственного глаза», как говорил когда-то Одинцов.

После завершающего испытания макета ты чувствуешь себя опустошенным и, кажется, неспособен на малейшее усилие мысли.

Приходит конструктор. Чувствуется, что ему наплевать на работу прибора, зато с нудным ожесточением он допытывается, почему этот контур помещен справа, а не слева. Ты и сам не знаешь. Тебе всегда это казалось абсолютно безразличным. Мало этого. Он покушается на размеры дросселя. Ему, видите ли, надо уменьшить высоту дросселя. Этому сухарю нет никакого дела до твоих формул, и вообще он считает, что никакой высшей математики не существует, а есть на свете лишь размеры, габариты.

— Это разве прибор, — высокомерно морщится он. — Колтун это, а не прибор. Да-а, и вот из этой протоплазмы я должен сделать нечто конструктивное.

Он убежден, что самое трудное выпало на его долю. Разгорается торговля за миллиметры и граммы. Все наши замыслы, волнения приносятся в жертву ради какого-то косячка или болта.

Но вот Усольцев приносит из КБ первые чертежи — и ты видишь, каким стройным, ладным стал твой прибор. Раздоры забыты, придирчивый конструктор принят в вашу семью. С ревнивым удовольствием вы замечаете, как растет в нем привязанность к прибору.

И вообще, конфликт с конструктором кажется тебе чепухой по сравнению с тем, как встречают тебя в мастерских. Народ там бывалый, склонный все жизненные явления упрощать. Вместо эбонитовой прокладки обязательно всучат тебе гетинаксовую, поскольку, видите ли, гетинакс легче обрабатывать. Речь о важности заказа они слушают чуть прищурясь, — слыхали, мол, все заказы важные. Эх, стоило ли грызться с конструктором о форме какого-нибудь каркаса катушки, если все равно мастер будет ставить стародавний каркас, который завалился у него от прошлогоднего заказа. Всякие твои мечтания тут быстро «заземляют», переводят их на грубый язык расценок и нарядов, и оказывается, что великолепный переключатель Усольцева — невыгодная, «прогарная» работенка, которую никто не хочет брать.

Неожиданно, в первый раз, судьба слабо улыбается тебе: Саша в соседней лаборатории обнаружил новенький пластмассовый каркас, тот самый, о котором все страдали. Соседи встречают тебя с леденящей вежливостью. Сашин визит, твои необычно горячие рукопожатия

вселяют в их души мрачные подозрения. Ты напоминаешь старшему инженеру о взятых у тебя таблицах — ничего, если надо, пожалуйста, пользуйтесь, — ты нахваливаешь нестерпимо желтую кофточку лаборантки. Затем, как бы случайно, ты замечаешь каркас. Твоя рассеянная небрежность великолепна. «Забавный каркасик. Мы такой же заказали и мастерской». Хозяева ядовито усмеваются. Но ты стойко выдерживаешь независимый тон. «Он, пожалуй, нам подойдет. А как мастерские сделают, мы вам вернем». — «Знаем, как вы возвращаете, отвечают хозяева. — Лампы брали, так и не вернули». Ты намекаешь, что вскоре у вас в лаборатории будет пущена вакуумная установка. «А нам она теперь ни к чему».

Торг длится долго. Уходишь. Возвращаешься. Опять уходишь. Берешь измором. Владыки каркаса выдвигают жесткие условия: помочь им в таких-то измерениях, вернуть взятые лампы, поставить на время к себе два баллона с кислородом, потому что у них нет места. Согласен на все. Все же сразу отдать каркас им обидно. Дают на неделю, хотя знают, что каркаса им больше не видать. Он торжественно уносится в мастерскую. Туда забегаешь каждую свободную минуту. Забегаешь просто так — приятно посмотреть, как делается прибор. Порядок в мастерских строгий — вмешиваться не позволяют, но беспокойство твое чувствуют. И как бы Кузьмич ни ворчал на твое нетерпение, все же оно ему больше по сердцу, чем спокойная, никем не тревожимая работа над «заказом-сироткой», которым никто не интересуется.

Однажды под вечер звонок из мастерской. «Зайдите», — «В чем дело?» — «Зайдите», — повторяет Кузьмич с такой угрожающей убедительностью, что, бросив все дела, немедленно являешься. У верстака стоит угрюмый конструктор и молча смотрит на разложенные в строгом порядке детали. Узел не работает. Вообще его даже не собрать, но если кое-как составить, то он не работает.

Что же делать? «В кулек надо», — отвечает Кузьмич. Он тоже расстроен, и поэтому лицо его ненатурально приветливое. Ему нисколько не жаль ни тебя, ни конструктора. То есть как это в кулек? «Не знаете, что такое кулек?» — ласково переспрашивает Кузьмич. Он берет газету, ловко сворачивает ее фунтиком. Вот вам кулек, положите в него детали и ступайте себе с богом...

Только теперь ты начинаешь понимать. Дело не в том, что вы где-то что-то напутали. Вместо того чтобы расписывать важность и срочность заказа, надо было собрать народ и объяснить им, как прибор действует, для чего он предназначен. Стоит это сделать — и мастерская из исполнителя превращается в соучастника. С тобой не заговаривают уже о расценках и рублях, и подаренный кулек отберут назад... Если сумеешь задеть за живое смекалку людей, то тебе подскажут такое, о чем самому никогда не догадаться.

Последний день, когда прибор стоит в сушильной камере, — самый тяжкий. В лаборатории все готово к приему долгожданного гостя. Старый макет поставлен на полку. Назавтра утром ты приходишь в мастерскую и застаешь у закрытых дверей всю свою группу.

Получив прибор, вы уже не можете оторваться от него, пока не запустите.

Бесполезно обращаться к тебе в эти дни с какими-нибудь делами. Скапливаются нераспечатанные письма, неподписанные бумаги, умолкают безответные телефонные звонки.

Локатор работает с перебоями, захлебываясь. Вы оба словно привыкаете друг к другу. Доделок много, мелких, досадных, но за это время локатор обрел множество друзей — приходят рабочие из мастерских, приходит конструктор, приходят даже бывшие владыки каркаса. Все они охотно помогают, теперь никто не отказывает прибору, никому ничего не жаль, лишь бы локатор как следует работал.

А какой он красавчик! Полированные панели свежо пахнут лаком. Все сияет, блестит никелем, краской. Серебристо-морозные кожухи экранов, выпуклые глазки сигнальных лампочек. А как умело расположены крохотные конденсаторы, как аккуратно выгнут каждый провод. Рукоятки настроек вращаются с плавностью почти нежной...

В конце дня прибор отказывает. Окончательно. Бесповоротно. Все это уже было, и от этого страшно, как будто чья-то неумолимая рука сбросила тебя вниз, и надо начинать все снова, как будто все вернулось к началу. Нет, больше у тебя нет никаких сил. Это какой-то кошмар. Всякий раз, когда кажется — вот- вот конец, все срывается и летит, все пропало. Отвращение к себе, к работе, к своей работе переполняет тебя. Но это минутная слабость.

Дни прошлых отчаяний и неудач не прошли бесследно. Сейчас главное — в горячке чего-нибудь не напутать. Ты прогоняешь всех домой, и сам тоже уезжаешь. Дома выясняется, что уехал ты зря. Ни отдыхать, ни спать невозможно. Оперетта, которую транслируют по радио, — пошлая, подушка слишком жесткая, папиросы горькие, а в голове, как клещ, неотвязная, сосущая мысль — не проверил того, не испробовал этого. Ночь проходит в полудреме — все проверяешь и проверяешь. Нет, вроде все правильно, нигде нет ошибки...

Утром Саша конфузливо признается; он в спешке поставил старую батарею. Она валялась, забытая, уже много лет и, наверное, только от изумления в первые часы дала несколько вольт. Даже некогда сердиться. Потому что, как только старушку сменили, прибор начинает работать безупречно. Вот когда он появляется в полном блеске своих качеств. Он позволяет выделывать с собой любые трюки, он преодолевает любые препятствия. В каждом его действии проявляется выдумка, вложенная всеми, начиная с тебя, еще в те далекие дни, когда возник принцип действия, и вплоть до Валерки — ремесленника-краснодеревца, смастерившего на удивление всем хитроумный футляр с ловким потайным запором.

Над стендом, где стоит прибор, — полка, и на ней запыленный макет. Ты смотришь на него, и словно оглядываешься назад, на долгий путь, проделанный вместе с этим прибором. Каждый из вас отдал ему кусок своей жизни, и в нем отпечатался и твой характер и что-то от Новикова, от Усольцева, от Саши.

И на всем этом пути с трудом вспоминаются одно-два ощущения счастья. И то они длились минуты, их тотчас заслоняла тревога новых поисков, новые заботы, препятствия. Кажется, что не то что счастья — никакой настоящей радости вовсе не было. Ради чего ты тратил столько сил? Так стоило ли?..

Подожди, а получать — стоило? С каждым новым контуром, новым узлом ты ведь что-то получал, что-то прибавлялось и к тебе самому. Сколько появилось у тебя новых идей, замыслов. Тебе хочется исследовать новую систему возбуждения, ты придумал новый принцип автоматизации котлов... Ты тоже стал сильнее, опытнее, ты уже никогда не будешь раскаиваться в своем призвании.

Разве Сашу сравнишь с тем наивным, разбросанным, не нашедшим себя пареньком, который начинал с тобой составлять первую схему? А Усольцев?..

Пройдет пятнадцать, а может быть десять, лет. Где-то по шоссе едет аварийная машина. На сиденье, поглядывая в окно, сидит Саша, теперь уже инженер Александр Евгеньевич Заславский. Волосы его поредели, на переносице морщинки. Рядом с ним какой-нибудь конопатый, вроде Пеки, парнишка. Идет дождь. За лимонной дымкой осеннего леса чернеют голенастые опоры линии передач. Ткнув носком сапога твой облезлый, серийного выпуска локатор, каких уже сотни на всех линиях и станциях, этот незнакомый тебе паренек ворчит:

— И когда мы наконец выкинем это старье? Пора смонтировать телелокатор на главном пульте — и делу конец. А то тащись тут в такую слякоть. Уже атомных станций настроили, а мы тут все еще с локатором шаманим.

А Саша, Александр Евгеньевич, смолчит, улыбнется, вспомнив, как это было. Вот уже и локатор — старье. Ну что ж, молодость по-своему права...

Приближалось первое полное испытание локатора. Через всю лабораторию от стены к стене протянулись туго натянутые медные провода. К полудню под поздним октябрьским солнцем они вспыхивали ярко-оранжевым блеском. Толстые черные кабели, извиваясь, ползли между столами. Саша натирал, чистил, снова натирал сияющий никелем локатор — уже не макет, а первый образец.

Распоряжения Лобанова он выполнял с небывалой стремительностью.

Отрапортовав, ждал нового приказа, готовый сорваться, лететь, нести, паять — все, что угодно, с нетерпеливой надеждой, что это конец. Как назло, по мере приближения долгожданной страшной минуты движения Лобанова становились все более медлительными; посвистывая, он лениво прохаживался из угла в угол, руки в карманах, участливый ко всему, кроме локатора. Саша несколько раз, будто случайно, оказывался у него на пути, Лобанов обходил его с той же осторожностью, с какой обходил лабораторные столы. Усольцев поминутно сморкался, Саша знал за ним эту смешную привычку. Другие, волнуясь, курили или потирали руки. Новиков жевал одну за другой ириски, а Усольцев вынимал большой полосатый платок и сморкался.

— Что-нибудь надо еще, Модест Петрович? — спрашивал его Саша.

Усольцев смотрел на него как бы издалека:

— Перестань вертеть паяльник, сломаешь.

Саша даже не обиделся. Узкий человек этот Усольцев. Саше хотелось вот так же, как Лобанов, ходить вперевапочку и насвистывать «Кари глазки», но при всем желании он не мог заставить себя сохранять спокойствие. Вчера Нина с преувеличенным безразличием завела разговор о локаторе. Вероятно, Саша хватил лишку в своем рассказе, потому что она довольно едко проехала насчет его роли в предстоящем испытании.

Правда, он не растерялся: «Во всяком случае, ваш Тонков скоро будет иметь бледный вид». — «Посмотрим», — сказала она. Тогда и он сказал: «Посмотрим».

— «Напрасно стараешься, — сказала она. — Только в книжках пишут, что нравится тот, кто план выполняет или чего-нибудь там изобретает. На меня лично такие достижения не действуют». Он хотел было спросить, кого она имеет в виду, но Нина поспешно отошла, оставив за собою последнее слово. Женские маневры! После поездки в Лесопарк Саша держался с Ниной сожалеюще покровительственно. Ничто другое не могло сильнее уязвить ее самолюбие. Она выходила из себя, но он мужественно выдерживал принятый тон. Обычно их столкновения заканчивались ссорой, и все-таки она каждый раз первая выискивала повод снова заговорить с ним.

Сегодняшнее испытание должно было многое решить. Он заготовил неплохую фразу: «Конечно, что касается романов, ты, Нина, права, только все же человеку интересна та девушка, которая верит в него».

Новиков и Усольцев последний раз проверили — как будто ничего не забыто, остается включить рубильник и повернуть рукоять настройки. Усольцев спрятал платок в карман.

— Ну что ж, — сказал Новиков, — начнем, пожалуй! Андрей остановился перед локатором, и все четверо несколько секунд молча смотрели на прибор.

Новиков незаметно толкнул Андрея в бок и показал глазами на Сашу. Андрей кивнул.

— Включай, Саша, — сказал Новиков.

На мгновение Андрея охватило желание отвернуться или выйти в другую комнату.

Посредине молочно-серебристого экрана вспыхнула трепещущая зеленая змейка. Саша медленно повернул рукоять настройки. Острый изумрудный всплеск становился все более четким. Дрожание замирало. Саша нарочно медлил — ему хотелось подольше насладиться, растянуть эту чудесную минуту. Еще один поворот, теперь можно прочитать деления.

Острие зеленого пика точно указало расстояние до места повреждения.

Саша поднялся. Ему казалось, что сейчас все начнут кричать, обниматься, соберут митинг. «От имени комсомольцев и беспартийной молодежи мы поздравляем маленький коллектив группы Лобанова, который...»

Вместо этого Усольцев оглушительно высморкался и сказал:

— Расхождение всего на одну сотую.

А Лобанов, как будто ничего не произошло, как будто они производили самый обычный опыт, усталым голосом предложил проверить, не отклоняется ли пик с течением времени. Он взял у Новикова ириску, сунул ее за щеку, и они стали подсчитывать на линейке. Подошел Рейнгольд и посоветовал еще что-то проверить. Никого не обнимали, никто не плакал, никто не кричал «ура».

Оставались частности, кое-какие грешки, которые надо было устранить, «довести». В период «доводки» локатора как-то само собой получилось, что основную работу прибрал к рукам Усольцев. У него появилась самостоятельность, он настаивал на своем, ни в чем не уступая Новикову и убеждая даже Лобанова. Он сумел увлечь Андрея своими ненасытными поисками совершенства, стремлением отделать каждую мелочь. Опытный и осторожный, Усольцев отучал Андрея от пренебрежения к деталям. Фантазию Усольцева питал Рейнгольд, время от времени он подсказывал какое-нибудь новое хитроумное испытание, заинтриговывая и Усольцева и Андрея.

Эти бесконечные оттяжки раздражали Новикова, он требовал немедленно перейти к полевым испытаниям. Лобанов отказывался. Между ними все чаще вспыхивали споры. Однажды, подбирая конденсаторы, Новиков получил редкой формы и величины разряд при низком напряжении. Несмотря на всю свою беспорядочность, легкомыслие, Новиков обладал качествами, без которых немислим ученый: острым, наблюдательным глазом и страстным любопытством к трудно объяснимым фактам. Сперва он решил, что этот разряд случайность, проделал новый опыт — повторилось то же самое. Лобанов не сумел дать никакого толкового объяснения. Новиков перерыл литературу и ничего не нашел.

Лобанов сознавал, что обнаруженное явление может представлять интерес для науки, и тем не менее категорически запретил Новикову заниматься дальнейшими исследованиями. Нельзя было распылять силы. Он посоветовал Новикову сообщить о своих наблюдениях в институт, пускай теоретики разберутся. В конце концов лаборатория — это не Академия наук, следует придерживаться разумных границ. Его доводы не подействовали на Новикова.

Отказаться от такого блестящего случая ради тягомотины, которую развел Усольцев вокруг локатора, — как бы не так! Новиков кровно обиделся на Лобанова. В глубине души Андрей жалел его, но твердо стоял на своем. В их работе можно достигнуть цели, только беспощадно отсекая все постороннее, каким бы заманчивым оно ни казалось. Его самого не раз подмывало исследовать какую-нибудь схему. Но он закрывал глаза, уши, гнал непрошенные мысли, заставлял себя думать об одном, только об одном.

Размолвка с Лобановым усиливалась не только оттого, что Лобанов не позволял заниматься «великим открытием», но и оттого, что Новикову изрядно наскучила работа над локатором. Яркие моменты встречались все реже, чаще процедура была невероятно скучная: снимать характеристики, строить по точкам кривые, выяснять, почему этой точке вздумалось прыгнуть куда-то в сторону.

Иногда два дня уходило на то, чтобы переместить точку на какой-нибудь миллиметр, а Усольцев сиял, как будто им удалось невесть что. Эта мышинная возня, эти восторги Усольцева выводили Новикова из себя. Саша Заславский разделял его нетерпение. А Усольцев придумывал все новые проверки. По мере того как приближалась пора выезда на линию, им овладевал страх оторваться от привычного распорядка лабораторных опытов. Ему казалось, что можно еще что-то улучшить, еще что-то переделать; он прерывал работу, заставляя возвращаться назад, несмотря на ожесточенное сопротивление Новикова.

Просторная площадка во дворе перед лабораторией превратилась в склад.

По требованию Усольцева сюда привозили все новые барабаны кабеля всевозможных сечений и марок: обвитые пахучим смолистым джутом, голые, в синеватой стальной ленте, в тусклой свинцовой оболочке, толстые, толщиной в руку, и тоненькие — в палец.

Недовольство медлительностью Усольцева нарастало. Приближалась отчетно-выборная партийная конференция, и Борисов хотел закончить к открытию конференции ряд работ, и в первую очередь — локатор.

— Они не понимают, что осторожность — лучшая часть мужества, — жаловался Усольцев Андрею.

Эта формула понравилась Андрею. Он вдруг перестал торопиться. Чего он ждал? Сообщения Григорьева о том, как прошло испытание его схемы в опытах с дугой? Но Григорьев уехал в командировку, и в НИИ у Тонкова никто не мог ответить Андрею, каковы результаты испытаний. Может быть, Андрею не хватало внутренней уверенности? Но чем дольше он медлил, тем больше сомнений у него появлялось. Мало ли какие неожиданности могут встретиться в реальных условиях. Вероятно, виною всему была его усталость. Он очень устал.

Единственным человеком, кому он мог признаться в своей слабости, была Марина. Но и она не знала, что посоветовать. Она понимала, что ему надо отдохнуть. Как-то сама пригласила его в театр. Прогулки их стали продолжительнее.

Но держалась она по-прежнему настороженно. Всякая попытка Андрея к откровенности заставляла ее сжиматься. Она боялась откровенности Андрея. Боялась и не хотела, потому что самое страшное для нее было бы сейчас новое разочарование. Она могла порвать с Вадимом, однако продолжала встречаться с ним, мучилась, еще любила в нем свою первую большую любовь. В тот вечер на даче, когда появился Андрей, для нее многое определилось в отношениях с Вадимом.

Это начало конца. И Андрей тут был ни при чем, да и сейчас он был ни при чем. Она никак не могла забыть той убийственной фразы Вадима: «Ну, разумеется, я люблю тебя», его лениво-спокойного тона: «Ну, разумеется...»

Этот человек, талантливый, интересный, острый, был лишен самого главного — пылкого сердца. Он только принимал радость, ничего не отдавая взамен. Такова была его натура, блестящая и холодная, способная на увлечение, но неспособная на любовь. Марина понимала это, ей было еще труднее. Порой ей казалось, что вообще не существует той прекрасной, огромной любви, которой она хотела. Может, так и бывает, что сперва мужчина ухаживает, добивается близости, а потом принимает как должное завоеванное чувство? Если

так, то не нужно ей ничего. Она поняла, что на ее месте могла оказаться и другая женщина. И в то же время она знала, что Вадим готов жениться на ней.

Андрей, сам не зная того, помог проявиться в ней этим мыслям и чувствам. Марина инстинктивно противилась серьезным и тревожным отношениям, в которые тянул ее Андрей. Он не догадывался об этом. Она никогда не рассказывала ему о Вадиме. А он видел, что исчезает всякая надежда изменить характер отношений с Мариной. Ему казалось, что дружеское внимание входит у нее в привычку, и становилось страшно, что ничего другого между ними быть не может. Это убивало в нем последнюю уверенность в себе. У него не хватало сил для последнего рывка. Состояние нервной неуверенности словно пропитывало все его чувства, проникая в работу.

С прежним упрямством он отклонил все доводы Борисова ускорить окончание работы над локатором. Он назначил медлительного Усольцева своим заместителем по группе, восстановив против себя и Новикова и Сашу. Долго так продолжаться не могло. Рано или поздно должен был произойти взрыв.

Они все слишком устали от напряженной, сумасшедшей работы.

Это случилось в тот день, когда Андрею принесли новый прибор для измерения емкостей. Куском замши он стер легкую пыльцу с поверхности стекла.

— Вот это точный прибор, — сказал из-за плеча Усольцев. — Не чета старому. С ним мы можем уточнить кое-какие данные локатора.

— Правильно, — подтвердил Андрей.

— Начинается, — громко сказал Саша. — Министерство оттяжек и проволочек заработало.

— Как вы сказали? — медленно, угрожающе переспросил Андрей.

Новиков выступил вперед, отодвинув Сашу:

— Удивительно, Андрей Николаевич, сколько можно толочь воду в ступе?

Усольцеву дайте волю, он будет еще год ковыряться.

— Поработайте с мое... — начал Усольцев и полез в карман за платком.

Новиков махнул рукой.

— Старая песенка! — Он повернулся к Лобанову. — Я уверен: если бы вы сами вникли как следует в смысл наших последних работ, вы бы давно прекратили их.

Неприятно улыбаясь, Андрей сузил глаза:

— Так, так. Выходит, я перестал разбираться, что к чему?

— Во всяком случае, — напряженно сказал Новиков, вытягивая шею и весь приподнимаясь, чтобы смотреть Андрею прямо в глаза, — во всяком случае, Усольцев командует вами, как ему вздумается.

— Мною? — Ноздри Андрея задрожали. — Не ваше дело, кто кем командует. Он мой заместитель: Выполняйте его распоряжения. Вы слишком много рассуждаете.

— А вы... вы мастер с других спрашивать. — Новиков побледнел и, подчеркнуто сбавив тон («Я сдержался, заметьте»), сказал: — Андрей Николаевич, мы так сорвем все сроки.

Демонстративная сдержанность Новикова привела Андрея в бешенство:

— Не ваша забота! Пока что за работу отвечаю я.

— Почему это не наша забота? — срывающимся голосом вмешался Саша.

— Вы слишком много берете на себя, Андрей Николаевич, — снова вытянул шею Новиков. — Мы не ваш прибор делаем.

— А чей же? Ваш? Вы его изобрели? — крикнул Андрей, чувствуя, что он уже говорит не то.

Распаленные накипевшей обидой, они заговорили уже не слушая друг друга, не обращая внимания на окружающих. Борисов попробовал вмешаться, Андрей сверкнул на него глазами.

— Слушай, ты еще... Критикой можешь заниматься на собраниях. Здесь я приказываю.

— А я отказываюсь выполнять такие... — Новиков скрипнул зубами, но все поняли, какое слово он хотел произнести, — ...приказания. Никаких измерений больше не нужно. Понятно? И я докажу это!

— Это займет у вас еще неделю, — с трудом улыбнулся Борисов.

Андрей изо всей силы ударил кулаком по столу:

— Довольно! Ни в каких доказательствах я не нуждаюсь. А вы, товарищ Новиков, если отказываетесь, то прошу... подавай те заявление. Обойдемся! — И добавил с наигранным спокойствием: — Товарищ Усольцев, сегодня же начинайте измерения.

Он повернулся и пошел к себе. Молчание провожало его до дверей кабинета.

Четыре шага в один угол, четыре в другой. Так шагают, наверное, по своей камере заключенные. Новиков будет его учить! Нашелся наставник!..

Подходя к дверям, он невольно прислушивался. Из «инженерной» доносился обычный приглушенный говор, шум отодвигаемых стульев. Подаст ли Новиков заявление? Ничего, найдем на его место. Усольцев — тот, наверное, струхнул, не знает, куда податься. Помощничек... Андрей был уверен, что стоит ему выйти из кабинета в «инженерную», и там сразу же возникнет враждебная тишина. А наплевать ему на их настроения. Он уверял себя, что ничто не мешает ему выйти из кабинета, проверить, как идет работа; наоборот, неудобно должен себя чувствовать Новиков, Саша, да все они! Он садился, пробовал заниматься, снова вставал, ходил, четыре шага в один угол, четыре в другой.

Закурив, он прислонился к косяку дверей. Слышно было, как в «инженерной» Нина сказала:

— У них не допросишься.

Очевидно, жаловалась Майе на Сашу Заславского. Сама избегает просить Сашу — и жалуется. Те тоже хороши. Сколько раз он предупреждал Новикова и Сашу: не жадничайте, просят — давайте, подумают, нарочно мешаете Устиновой.

Андрей собирался быстро толкнуть дверь, в это время послышались громкие быстрые шаги.

— Дочка! — крикнул в «инженерной» Ванюшкин.

Андрей улыбнулся, за дверью тоже раздался смех, поздравления.

— Три двести! — Это снова Ванюшкин. — Родилась в девять часов двенадцать минут. Не

мало? Майя Константиновна, а что можно нести в передачу?

— А как здоровье?

— Все в порядке. Шоколад можно? Я купил пять плиток и кило винограду.

— Шоколад можно, — важно сказала Нина, — виноград нельзя.

— Откуда ты знаешь? Не слушай ее, Ванюшкин, — сказала Майя. — Виноград можно.

— Ну, я побежал, — заторопился Ванюшкин.

Андрею всегда казалось, что в его кабинете тихо и ничего не слышно из соседней комнаты.

Нина предложила послать жене Ванюшкина цветы.

— Что за смысл, — хозяйственно сказал Краснопевцев. — Дарить — так вещь.

— Ерунда. Подарок должен быть абсолютно бесполезный, — сказал Кривицкий. — Такие подарки дольше всего хранятся.

— Тогда купим контрабас, — сказал Новиков. — Конгениально.

Андрей отошел от двери. Его возмущало, как это Новиков может острить, словно ничего не случилось, а остальные смеяться. Они все заодно. Все оправдывают Новикова и осуждают его, Лобанова. И Кривицкий, и Борисов — тоже вместе с ними. И Краснопевцев. Все товарищи, хорошие товарищи... Снова, как тогда в разговоре, он чувствовал, что говорил не то, не теми словами, так и сейчас, лезли какие-то ненужные, обидные и жалостливые мысли. Он снова подошел к двери. Там спорили, какую надо купить новорожденной коляску, и собирали деньги.

Неужели его не пригласят участвовать в подарке?

Несколько раз он выходил, проходил насквозь все комнаты лаборатории, не решаясь нигде задержаться, надеясь, что его остановят, спросят...

В обеденный перерыв Нина и Майя пошли покупать коляску, а у него денег так и не попросили. Работалось плохо. Почему не идет Борисов? К черту, никаких объяснений.

Андрей позвонил Марине. К сожалению, сегодня вечером она занята. Он не собирался ей ничего рассказывать, но стоило ему узнать, что они не увидятся, как ему отчаянно захотелось поделиться с ней своими неприятностями. Почему так скверно все складывается?..

Борисов зашел вечером после конца работы. Андрей не поднял головы от стола, озабоченно продолжая писать.

— Послезавтра партбюро, — сказал Борисов, не садясь, как обычно, и не ожидая, пока Андрей кончит писать.

— Прорабатывать меня собираешься?

— Будем обсуждать ход работы над локатором.

— Докладывать буду я?

— Нет. Докладывать будет Новиков.

Андрей тяжело засопел.

— По какому это праву он будет докладывать? Пусть сначала научится работать, а потом докладывать.

— Новиков твое приказание выполнил, — сказал Борисов.

— То-то, — буркнул Андрей.

Борисов пригладил волосы и вдруг спросил с любопытством:

— А что, трудно перепрыгнуть через это самое? — Он повертел пальцами в воздухе.

Прекрасно понимая, о чем идет речь, Андрей пожал плечами:

— Через что? Куда прыгать?

Он ждал, что Борисов смутится, начнет оправдываться, уговаривать Андрея одуматься... Но Борисов только молча двинул бровями. Угловатое лицо его с нависшим большим носом было полно такую неприступного, спокойного превосходства, что Андрею стало не по себе. Постояв и как будто убеждаясь, что Андрей ничего другого сказать не может, Борисов повернулся, закрыл за собою дверь, и Андрей слушал, как, постепенно замирая, звучали его шаги по лаборатории.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

В тот же вечер Андрей на проспекте Восстания встретил Марину. Она шла под руку с Вадимом Хотинским. Андрей рванулся было в сторону, потом передумал и, посверкивая исподлобья глазами, пошел навстречу. Без тени смущения Марина издала кивнула головой, потом вдруг озорно и отчаянно усмехнулась, остановила Андрея и познакомила его с Вадимом. Она смотрела, как они пожимают друг другу руки: Вадим — не скрывая насмешливого изумления, Андрей — мрачно выпятив челюсть, ощетинаясь, посапывая.

— Пройдемтесь с нами. — Марина взяла Андрея под руку и незаметно сжала его локоть, как бы упрашивая не противиться.

Втроем они медленно двигались среди гуляющей вечерней толпы. Свет витрин падал на тонкий профиль Вадима. Острый вырез ноздрей придавал его лицу презрительно-высокомерное выражение. Рядом с ним Андрей чувствовал себя грубым, неотесанным верзилкой. Лицо широкое, скуластое, рот огромный, высоченная нескладная фигура... Он страдал при мысли, что Марина, вероятно, сейчас тоже сравнивает.

— Свернем в этот кабачок, — предложил Вадим.

Следовало распротиться, и уйти, и шагать по мокрым улицам навстречу морозящему дождю, горько наслаждаясь своим одиночеством. Выпадают ведь в жизни такие несчастливые дни. И все-таки он пошел с Вадимом и Мариной, хотя знал, что ставит себя в ложное положение.

Низкий душный зал кафе был тесно заставлен столиками. На маленькой эстраде в углу играл оркестр. Они шли вдоль обитых синим бархатом лож — впереди Вадим, за ним Марина, за ней Андрей. Вадим искал свободный столик, он пересекал зал ленивой походкой, никого не обходя, не уступая дороги, в полной уверенности, что его пропустят, кому-то улыбнулся, непринужденно помахал рукой. Любопытные взгляды он принимал как должное. Пожалуй, он был бы удивлен, если бы на него не обратили внимания. Он выбрал столик, привычным

жестом открыл меню, подал Марине.

— Что будешь пить? — спросил он.

Он был с ней на ты. С холодным отчаянием Андрей копил приметы их близости. Прижимаясь плечом к Марине, Вадим рассказывал веселую историю об артистах, сидевших напротив. Его влажные губы были совсем близко от щеки Марины. Искоса поглядывая на артистов, она улыбалась, словно не замечая угрюмого молчания Андрея.

Вадим разлил вино по рюмкам. У него все получалось красиво. Вадим не обращал внимания на молчание Андрея, его не обижало, что Андрей не смеется его шуточкам. И Андрей чувствовал за всем этим презрение к себе за то, что он не восхищается им, не умеет так элегантно одеться, неостроумен. И это презрение подавляло Андрея, еще сильнее сковывало его.

Чокнулись. «За дружбу», — предложила Марина. Вадим посмотрел, как бы снисходя, в глаза Андрею, влажные губы его изогнулись в улыбке. «Ах да, вы здесь, — говорила его улыбка, — ну что ж, вы мне не мешаете и не можете помешать».

Андрей залпом выпил рюмку, поспешно поставил ее, сунул руку под стол, крепко сцепив пальцы.

Если бы Вадим чувствовал опасность, ревновал, чем-то старался выиграть в глазах Марины, все это было бы понятно. Но он относился к Андрею с равнодушной вежливостью человека, бесконечно уверенного в том, что Марина принадлежала и принадлежит ему. В истинном характере их отношений Андрей теперь не сомневался. И в то же время он отчетливо видел, что этот равнодушный человек не дорожит близостью, скорее позволяет любить себя, чем любит сам. И вот это-то больше всего разъяряло Андрея. Он до бешенства был оскорблен за Марину.

Тягучие звуки скрипки мешались со стеклянным звоном бокалов. Зайчик от лезвия ножа вспыхивал в черных глазах Марины, никогда еще она не выглядела такой красивой, как в этот вечер.

— Отчего вы скучаете? — мягко спросила она Андрея.

— Хочу есть, — сказал Андрей. — Яичницу долго не несут.

Вадим улыбнулся, не пытаясь скрыть притворность этой улыбки. Марина посмотрела на Андрея, словно ожидая, когда же он наконец придет в себя.

— Вы помните, Андрей, того прораба на стройке? — вдруг сказала она. — Карнизы-то он переделал!

— Так и надо, стойте на своем, — угрюмо отозвался Андрей.

Вадим иронически улыбался, скучая смотрел по сторонам. Извинившись, он встал, подошел к соседнему столику и о чем-то заговорил со знакомыми. Потом, обернувшись, подозвал Марину. Она подошла, он представил ее, завязался шуточный разговор; мужчины, улыбаясь, разглядывали Марину. Марина вдруг покраснела и быстро вернулась на свое место. Возвратился и Вадим. Он снова разлил вино, мечтательно поднял рюмку.

— Подождите, — неожиданно попросил он, словно прислушиваясь к чему-то.

Он поставил рюмку, рассеянно погладил лоб кончиками пальцев, осторожно, не меняя позы, достал большую, переплетенную в кожу, записную книжку, карандаш и начал стремительно рисовать. На бумаге возник силуэт сельского коттеджа с башенкой на крыше, с большим

эффектным арочным окном.

— Простите меня, — весело сказал Вадим. — Тебе нравится, Марина? — Он вырвал лист и протянул ей. Рисунок действительно был выразителен.

— Мило. Очень мило, — задумчиво сказала Марина.

Андрей ожесточенно заскреб вилкой по сковородке, подбирая остатки яичницы. Теперь его интересовало одно: каким образом Марина избавится от него и уйдет с Вадимом? В том, что она сделает это, он не сомневался.

Выйдя из кафе, они миновали проспект и пошли по слабо освещенному бульвару. Было холодно, сырой ветер толкал их в спину. Пахло прелыми листьями и дождем. Марина подняла воротник, теперь Андрей виден лишь кончик ее носа.

— Поэзия падающих листьев. — Вадим запрокинул голову. — Полюбуйтесь — черное небо, и на нем светло-лиловые разрывы облаков. А вот еще более густая чернь деревьев. Любопытно, способен ли человек, далекий от искусства, почувствовать все богатство оттенков этой, казалось бы, непроглядной тьмы?

Марина вдруг засмеялась.

— Ты что? — спросил Вадим.

— Так... А вам, Андрей, нравится такая ночь?

— Чего хорошего, слякоть, мерзкая погода, — зло ответил Андрей.

Наступило неловкое молчание.

— Зачем же так сурово, — сказал Вадим. — Надо уметь отовсюду извлекать красоту. — Он усмехнулся. — К сожалению, для многих из нас мир лишен красок. Мы становимся полуслепыми, видим только черное и белое. Как будто у нас атрофировался орган поэтического восприятия жизни. — Он повернулся к Андрею, но смотрел не на него, а на Марину. — Теплота женской кожи, краски вечерней зари, музыка бесхитростной речушки — некогда воспринимать эти тонкости. Вот температура раскаленной болванки или, как его там, напор гидростанции — это нам ближе.

— Лет тридцать назад, — сказал Андрей, — один английский философ тоже взывал — слезы Вертера или белый уголь!

Вадим обошел лужу с плавающими палыми листьями.

— Конечно, Вертер для нас пережиток, — досадливо сказал он, стараясь снопа попасть в ногу. — Любить так, как он, мы, к сожалению, уже не можем. Ко дню рождения мы преподносим любимой таблицы логарифмов.

Марина, не мигая, смотрела прямо перед собой, над краем воротника блестели уголки ее глаз. Андрей выдернул свою руку из ее руки, остановился, расставив ноги, преграждая дорогу Марине и Вадиму. Они стояли перед ним вдвоем, Марина продолжала держать Вадима под руку. Славная парочка! Как в детской игре — третий лишний. Все беды этого дня, сплавленные в один ком, заворочались у него в груди. Андрей нащупал в кармане старую пуговицу, стиснул ее так, что она переломилась, обломки больно впились в ладонь.

— Послушайте, вы... — сказал он, смотря на подбородок Вадима.

Вадим, холодно усмехнувшись, перебил:

— У вас, конечно, больше лошадиных сил.

Он держался храбро, и Андрей на мгновение устыдился, но затем вспомнил о всех унижениях этого вечера.

— Да, лошадиных сил у меня больше, — сказал он, вертя в кармане обломки пуговицы. — Поэтому... — он неожиданно усмехнулся, — поэтому я могу с вами как со слабым. То есть доказательно. Вы тут насчет поэзии красок. А известно вам, что такое цвет? Вы сколько различаете цветов? Двадцать? Сто? А я больше. Существует, к вашему сведению, спектроскоп, и человек давно уже может этим спектроскопом различать тысячи оттенков. Чело век не слеп! Я понял ваши колкие «мы», кого вы имели в виду. Нас, технарей, жалеть нечего. Человек научился видеть в глубине стальной болванки и изучать рельеф на Марсе. Он ощупывает радиоволной Луну. А эти закаты и ручейки... над ними вздыхал и средневековый кавалер... Что же, выходит — дальше ни черта? Что же, мы беднее его? По-вашему, поэзия осталась для исключительных личностей? Черта с два! Поэзии теперь в тысячу раз больше. Только другая у нас поэзия, новая. Я тоже могу полюбоваться ручейком, но для меня куда прекрасней стихия реки, укрощенная волей моих товарищей. Скажем прямо: убогое воображение у этих ваших личностей средневековья. Они разве способны представить себе, что кругом нас, вот здесь, — Андрей раскинул руки, — бушуют радиоволны, кричат на всех языках дикторы, гремят оркестры. Слышите? Сколько, по-вашему, весит луч солнца?

— Луч солнца? — переспросила Марина.

— Да, был такой физик Лебедев, и он взвесил луч солнца. Вот кто был настоящий поэт.

Марина стояла, уткнувшись в воротник. Лицо ее окаменело. Андрею она показалась чужой. Стоит чужая женщина, и рядом с ней этот противный, ненавистный человек. Он вдруг замолчал, чувствуя, что наговорил не то, не теми словами... Если бы он умел так красиво говорить, как Вадим! Ну как выразить все то, что теснилось у него в душе! Проклятая немота!..

— Какой пафос! — деланно усмехнулся Вадим.

Андрей не слушал его. На душе у него стало пусто и спокойно. Дальше все трое шли молча. На трамвайной остановке Марина вдруг сказала:

— Простите меня... У меня что-то голова болит.

Она не оглядываясь побежала и вскочила в трамвай.

Андрей и Вадим остались вдвоем. Они постояли, не зная, о чем говорить, не чувствуя ничего, кроме неловкости. Вадим пожал плечами и направился к стоянке такси. Андрей повернул назад.

За ширмой спала пятилетняя дочь Софочки, поэтому Марина и Софочка говорили вполголоса, и это мешало Марине. Ей сейчас все мешало. Скинув туфли, она забралась с ногами на тахту, обхватила колени, потом подвернула правую ногу под себя, потом легла лицом на руки, — она никак не могла найти удобной позы. Софочка перед зеркалом расчесывала волосы.

— Чем же все-таки тебя так восхитил Андрей? Что он такое говорил? — спросила она. — Вот уж трудно представить...

— Про свою физику... В общем, я не могу повторить. — Марина закрыла глаза. — Ты бы видела, какое у него было лицо. Я не подозревала, что он такой... Знаешь, он словно

приоткрылся...

— Не понимаю все-таки, чем тебе Вадим плох? Марина вскочила, стиснув вышитую подушечку:

— Ты знаешь, когда у меня так скверно было на работе, меня уволить хотели, — я отказывалась акт по приемке подписывать, — я приехала к нему. Ничего мне не надо было, только несколько теплых слов. Какое-то участие почувствовать. Что ты на свете не одна... А он... предложил остаться переночевать. Ты знаешь, во мне как будто что-то хрустнуло и сломалось.

Они долго в зеркале смотрели друг на друга. Софочка медленно усмехнулась:

— Глупая ты девчонка. Да они все такие.

— Он холодный. Он не любит. Он просто неспособен любить. Он хочет только брать, ничего не давая.

— Ну, милая моя, — рассудительно начала Софочка, — это все блажь. Где у тебя гарантия, что и Андрей не окажется таким же?

— Не может быть... Нет, нет!

— Волосы лезут, — вздохнула Софочка. Она швырнула гребенку и резко повернулась к подруге. — Когда на мужиков смотришь как на женихов, все по-другому выглядит. Я смотрю на вещи трезво. Андрей, конечно, милый, но ведь таких инженеров тысячи. А у Вадима блестящее будущее. Он чертовски талантлив. И не бабник. «Холодный», «холодный», — передразнила она. — Никто с тобой весь век, обнявшись, не просидит. Его к рукам прибрать, он будет послушный, как теленок. Чего тебе еще надо?

— Как ты ловко смирила... Тебе легко рассуждать, — запальчиво сказала Марина и тут же осеклась. Софочка закинула руки за голову. Кукольное личико ее сразу постарело.

— Да, мне легко. Потому что меня никто замуж не возьмет. Кому я нужна с ребенком?

Марина спрыгнула с тахты, в одних чулках подбежала к Софочке, обняла ее.

— Я дуреха... Прости меня... Ну не надо...

Дернуло же ее за язык!

Студенткой техникума Софочка вышла замуж за своего однокурсника. Муж ее кончил техникум, поступил в институт. «Ничего, — говорила она, — дочь отдадим в детский сад, сама пойду на службу, как-нибудь проживем». Он был очень раздражителен, ее Костя, он не терпел ни малейшего шума. Иногда, когда ребенок капризничал, она, чтобы не мешать мужу заниматься, уходила с дочкой на улицу и часами сидела в садике. Особенно тяжело приходилось зимой.

Временами он утешал ее: «Дотяну до диплома, ты тоже начнешь учиться, все будет хорошо». Ему нужно было приличное пальто, костюм, она брала на дом чертежи. Она подурнела, измоталась, начала прихварывать. Когда Костя защитил дипломный проект, он сказал ей: «Посмотри на себя, в кого ты превратилась. Меня такая жена не устраивает». Банальная история, как говорила Софочка.

— ...А я теперь и сама не пойду замуж, — сказала Софочка. — Думаешь, я не могла бы найти кого-нибудь? Сколько угодно! Только я, Мариша, теперь умненькая. Так — пожалуйста. Чем мне плохо. Вольная птица. Вот только... — Голос ее надломился. — Зойке отец, конечно,

нужен. Но отца — его труднее найти, чем мужа.

Они долго сидели, обнявшись, молча.

— В Вадиме... я к нему... привыкла. Я знаю, какой он, — нерешительно сказала Марина, — а может, все наладится, Софочка?

— Вот видишь.

— Да, Андрей совсем другой... Я сама не знаю, что в нем... — Марина легла лицом на подушку. Бисер царапал ей лицо. Софочка осторожно гладила ее по голове.

— Я думала, любовь — это так, — сказала Марина, — захватит и понесет, и думать не надо, все само...

— По любви нам, бабам, выходить вредно, Маринка, — тихо сказала Софочка. — Заездят...

— Андрей, он даже боится дотронуться до меня. Ты знаешь, он под руку меня не решается взять. И это так хорошо.

— Пропадешь, как и я.

— Что ж теперь будет? — Марина подняла голову, на лбу, на щеке ее горели красные вдавлики от бисера.

— Не слушай ты меня. — Софочка вдруг всхлипнула. — Это я все по себе меряю. А ты люби. Все равно.

Они легли спать вдвоем на тахте. Ночью Марина проснулась. За окном стучал дождь. В разбавленной уличными фонарями синеве мелькали блески капель. Марина вытянулась, достав ногами холодный край простыни. «А все-таки я люблю его», — сказала она, и некому было спросить ее — кого.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Прослышан о конфликте между Лобановым и его группой, Долгин предложил Борису перенести разбор дела в партком. Борисов наотрез отказался от такой помощи. Ни за что он не позволит устроить расправу над Лобановым. Сами разберемся, сами, на заседании партбюро лаборатории.

Впервые он почувствовал себя сильнее Лобанова. Происходило это не только потому, что Андрей был не прав, но и потому, что на стороне Борисова, Новикова и Саши оказался весь коллектив. Лобанов остался один и, несмотря на свою гордость и упрямство, был довольно беспомощен.

Однако по мере приближения заседания бюро Борисов все больше волновался. Хватит ли у членов бюро духа осудить Лобанова, сумеют ли они противостоять его воле, его авторитету? Взять, к примеру, механика Жукова. Студент второго курса заочного института, для него каждое слово кандидата наук Лобанова — закон. Да и другим непросто идти наперекор начальнику. Из членов бюро одна Майя Устинова открыто настроена против Лобанова, но ей как раз выгодно поддержать его стремление затянуть работы — тогда ее группа получит возможность вырваться вперед. Словом, Борисову было отчего тревожиться.

Бюро началось сообщением Новикова. Он начертил диаграмму, показав на ней, какие результаты достигнуты в работе над локатором за последние два месяца. Кривая резко шла вниз, падая до нуля. Новиков так и сказал: «Практически выход новых данных равен нулю». Приводил он одни факты, не касаясь поведения Лобанова во время их стычки, не показывая своей обиды.

Факты выглядели убийственно. Андрею было бы не трудно признаться — ну, погорячился, наговорил лишнего, — тут же его били в самое чувствительное место. Виновником этой хитрой и безжалостной тактики он считал Борисова.

Каждый из членов бюро был, в сущности, подчиненным Андрея, каждому он мог приказать, и привык к тому, что они исполняли его приказания. Но здесь никто из них не подчинялся ему, они осуществляли волю партии, они были властны над ним. Признавая их силу и власть, он сейчас боялся ее, но в то же время радовался ей, потому что, как бы его ни ругали, в чем бы его ни обвиняли, он больше не был одинок. Отвратительное состояние одиночества, которое он испытывал эти три дня, казавшиеся ему месяцами, — это состояние сейчас кончалось. Как никогда он ощущал сейчас себя членом партии, и уже одно это исключало мысль об одиночестве.

И все же самолюбие заставляло его упорствовать: прибор молодой, беззащитный, любая случайность может скомпрометировать всю работу, поэтому надо десятки раз примерить, прежде чем выпустить его на линию и даже на полевые испытания.

Жуков говорил наклоняясь, то и дело подтягивая начищенные голенища сапог, мучительно подыскивая самые мягкие слова:

— Никто вашего от вас не отнимает, Андрей Николаевич. Люди, наоборот, беспокоятся, а вы их отпихиваете. Мое. Опять же самокритика у вас не на уровне жизни. Это самое «мое», вот оно-то и связало вас. Будь вы какой командир, а без солдат... сами знаете. Дисциплина у нас, конечно, сознательная, только ведь и с другой, то есть с вашей, стороны, Андрей Николаевич, тоже сознательность требуется. — Он все теребил голенища сапог, стараясь не смотреть на Лобанова. А Лобанов писал и писал в блокноте, и все на одной строчке.

Борисов встал и сказал:

— Андрей Николаевич позабыл, кто делал локатор. Вся лаборатория. Десятки людей помогли нам. И Григорьев, и Любченко, и главный инженер, и мастерская. Ты сам старался пробудить инициативу у Новикова, у Заславского. А когда самостоятельный ход их мысли пошел вразрез с твоим собственным, тебе это не по нравилось. Так выходит? Сцена с Новиковым была безобразной. Никакими нервами тут не отговоришься. Коммунист обязан считаться с мнением коллектива. А ты о своем авторитете беспокоился и сам его наполовину уничтожил. Вот сейчас что ты возражал Новикову? Это ведь жалкий лепет!..

Борисов знал: если бы он сейчас, на бюро, стал добиваться от Лобанова признания своей ошибки, тот ни за что не сделал бы этого. Дело не в словах, а в том, чтобы Лобанов извлек для себя урок, перестал тянуть волынку с локатором. В этом Борисов не сомневался.

Майя Устинова не выступала. Когда читали решение, она спокойно поправила:

— Не вообще ускорить, а пусть составят себе точный график.

— Такие указания партбюро не может делать, — вяло вскинулся Лобанов. — И так уж...

Майя продолжала смотреть на Борисова, как будто не слыхала возражения Андрея. Чистые серые глаза ее глядели твердо и строго. В эту минуту Борисов простил ей все грехи последних месяцев: и враждебную замкнутость, и непримиримые отношения с Лобановым, и

союз с Потапенко, Долгиным и всей их компанией. Понимал ли Лобанов всю принципиальность, партийность ее поведения?

И Майя, и Жуков, и Новиков — все они, со своими слабостями, недостатками, здесь, на партийном бюро, превращались в несколько иных людей. Ответственность и доверие коммунистов как бы подымали их над собственными слабостями, очищали их от мелкого, личного. Всякий раз, наблюдая и испытывая на самом себе эти превращения, Борисов переживал радостное удивление.

Решением бюро Лобанову указали на неправильное поведение с Новиковым и Заславским и обязали перестроить работу по локатору. Обстановка сразу разрядилась. Правда, Андрей сохранял вид человека несогласного и вынужденного подчиниться, но в глубине души был доволен, и прежде всего тем, что отношения его с сотрудниками сразу восстановились, невидимая перегородка исчезла.

Единственный, на кого он продолжал сердиться, был Борисов. И не то чтобы он сердился, — ему не хотелось самому делать первый шаг к примирению.

Это и раздражало и развлекало Борисова, его позиция была неуязвима, рано или поздно Андрей должен сознаться в этом. Однако, зная самолюбивую натуру Лобанова, Борисов избегал, что называется, пережимать. Так можно надломить в Лобанове ту, пусть иногда резкую, опасную и все же привлекательную, независимость суждений, которая составляла его силу.

По средам Лобанов и Борисов посещали университет марксизма-ленинизма. Обычно они встречались ровно в половине восьмого на автобусной остановке у театра и ехали вместе. На этот раз, не желая навязывать Лобанову свое общество, Борисов пришел на четверть часа раньше. На остановке стоял Андрей.

Они одновременно взглянули на освещенные висячие часы, потом друг на друга и улыбнулись — Борисов весело, Андрей нехотя.

— Думал успеть еще конспект перелистать, — хмуро, как бы оправдываясь, сказал Андрей.

— Я тоже, — великодушно поддержал Борисов.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

В полутьме грязной лестницы сверкали лунные глаза кошек, из раскрытых дверей валил кухонный чад. запахи менялись от этажа к этажу, где-то жарили рыбу, потом запахло щами. На каждой двери висело по несколько почтовых ящиков и длинные расписания звонков. Андрей думал о том, как много надо еще строить, чтобы избавиться от этой скученности. В коммунизм не въедешь с коммунальной квартирой.

Было удивительно, что он мог спокойно думать о посторонних вещах, совершенно не волнуясь оттого, что с каждой ступенькой приближался к Марине. Впрочем, с той минуты, как он решил увидеть ее, он холодно и спокойно приготовился к самому худшему. Она любит Вадима. Ну что ж, Андрею надо услышать это от нее. Он не мог больше жить в этом тяжелом состоянии неопределенности.

На большой шумной кухне никто не обратил на него внимания. — хозяйки спорили о каких-то веревках на чердаке. И грязная лестница и спор о веревках несколько не оскорбляли сейчас Андрея, все это как нельзя более подходило к тому состоянию беспощадной трезвости, в

котором он находился.

Выбрав удобный момент, он спросил, как пройти к Марине Сергеевне. Та, к кому он обратился, неприязненно осмотрела Андрея.

— По коридору направо, вторая дверь.

Он прошел сквозь строй любопытных глаз, невесело усмехаясь своей бесчувственностью.

Это была большая, в два окна, комната; несколько кроватей отгорожены ширмами; посредине, под низким пышным абажуром, стоял массивный стол, за ним, разложив на клеенке тетради, занимался пятнадцатилетний мальчик, брат Марины, похожий на нее разрезом таких же, чуть скошенных глаз. У окна, поставив на подоконник зеркало, брился пожилой мужчина в подтяжках. Мать Марины расставляла в буфете посуду. Толстая, низенькая, она с живостью обернулась к Андрею, исподтишка, встревоженно посмотрела на дочь, окинула взглядом комнату, поправила ногой половик и сдернула с плеча мокрое полотенце.

Марина сидела на скамеечке, подвернув под себя ногу, и перебирала бруснику. Рядом на полу стояли большая корзинка и тазик, куда она ссыпала очищенные ягоды. В руке у нее был стакан. Увидев Андрея, она замерла. Он поздоровался и, стоя в дверях, комкая кепку, сказал:

— Я вам звонил на работу. Вас все не было. Проходил мимо, решил узнать, не случилось ли что с вами.

— Я болею... на бюллетене, — проговорила Марина, продолжая сидеть все в той же позе, давя в руке ягоды.

Оба они словно оцепенели.

По дороге сюда все казалось Андрею простым и ясным. Он войдет и скажет... Но теперь, когда он увидел ее, все стало сложным и непосильным. Он объяснил себе это тем, что они не одни. Но это была пустая отговорка. В сущности, он не замечал в комнате никого, кроме Марины. Он был уверен, что его приход рассердит или, по крайней мере, удивит ее.

— Марина, что же ты, — сказала мать. — Раздевайтесь, пожалуйста.

Андрей вопросительно посмотрел на Марину. Она вскочила, подошла, держа на весу мокрые руки с прилипшими листиками брусники. Пока Андрей разделся, подошел к каждому поздороваться, он сумел успокоиться. Марина снова села на скамеечку. Он пристроился рядом, на стуле. Зачерпнув пястку ягод, он перекачивал их на своей широкой ладони, сосредоточенно выискивая соринки, чувствуя себя хорошо оттого, что руки заняты. Можно было подумать, что он пришел сюда ради того, чтобы перебирать бруснику.

— Чего вам пачкать руки? — сказала Марина.

— Нет, нет, пожалуйста, — настаивал он.

— Тогда уж бросайте в стакан, а не в миску.

— Почему в стакан?

— А чтобы знать, сколько стаканов, — раздраженно сказала она. — Сахар ведь по счету надо класть.

Ее возмущало его спокойствие. У нее самой все трепетало внутри, она не замечала, что

внешне она кажется такой же спокойной и сдержанной, как он. И оттого, что ей было трудно, а ему легко, ей хотелось смутить его.

Она решила спросить, зачем он пришел, но сразу же подумала, что это будет слишком. Она поймала встревоженный взгляд матери и вдруг подумала, что Андрею, который видел ее до сих пор в совершенно другой обстановке, наверно, смешно видеть ее в переднике, с измазанными руками.

— Неравноправие было и есть, — сердито сказала она. — Изобретают всякие приборы и реактивные самолеты, а женщины моют посуду и перебирают бруснику, как сто лет назад. Вот вы, ученые, что вы сделали, чтобы освободить женщину?

— То есть как что... Электрический утюг... концентраты... — неуверенно перечислял он.

Она рассмеялась и вдруг поняла, что ему сейчас тоже очень трудно.

— А кто вам мешает? — сказал отец Марины, намыливая щеку. — Изобретайте сами, у нас, слава богу, ученых женщин хватает.

— Ну конечно, — сказала Марина, досадуя, что разговор стал общим. — По-вашему, женщина только и способна изобретать картофелечистку.

Понимая ее досаду и радуясь этой досаде, Андрей заговорил тише. Она стала отвечать ему тоже тихо. Они одновременно взглянули друг на друга и вдруг покраснели. И с этого мгновения все, о чем они говорили, уже не имело никакого отношения к тому действительно, понятному только им одним смыслу, который они вкладывали в свои слова.

— Я опять бросил в миску, — волнуясь сказал Андрей, и это означало: «Вы еще сердитесь на меня?»

— Ну ничего, я прибавлю к счету, — улыбнулась Марина, и это означало: «За что же на вас сердиться?»

— Вы серьезно болели? («Почему же вы мне-то не позвонили, если не сердились?»)

Она поняла его, но побоялась ответить на этот вопрос.

— Я, кажется, сбилась со счета, — сказала она. — Не то девятнадцатый, не то двадцатый.

— Это я виноват, — он посмотрел ей прямо в глаза: «Мне не надо было приходить».

— Ничего подобного, — тихо сказала она.

— Вы... вы не ждали меня? — со страхом, почти беззвучно спросил он, по ей казалось, что все в комнате слышали; она жарко покраснела и громко, сердито сказала:

— Сколько все-таки времени уходит на эту пустую работу. Он не смел поднять глаз, смотрел на ее мокрую, в розовых пятнах ладонь, на стакан, зажатый между ее колен.

«Если она выкинет сейчас эту черную брусничку, — загадал он, — тогда все это правда».

Что значила эта правда, он даже страшился подумать. Это было что-то такое огромное, непонятное, прекрасное, к чему невозможно было прикоснуться даже в мыслях.

— Марина, — сказал он.

И в ту же секунду их окружила непроницаемая тишина. Они больше ничего не слышали. Руки

ее вздрогнули и опустились на колени. Андрей с усилием, как-то рывками поднял голову. Сперва он увидел ее шею, с ямочкой у груди, потом круглый подбородок, потом глаза, ждущие, неестественно застывшие. «Не надо, — говорили они, — не надо, не сейчас». — «Я тоже боюсь, — отвечали его глаза. — Но я не могу больше. Вы понимаете?»

— Я понимаю...

Роняя ягоды с колен, она молча встала, вышла из комнаты. В длинном коридоре она зашла в темный тупичок, где стояли старые сундуки. Казалось, еще совсем недавно она с девчонками забиралась сюда. Они рассказывали страшные истории и болтали про мальчишек.

Слезы быстро, маленькими горячими каплями покатались по щекам, она ловила их, выставив нижнюю губу, сдерживая дыхание, чтобы не разрыдаться. Почему она плакала — она не знала. Ей было очень хорошо и грустно. Она жалела, что так скверно все сложилось, что она больна и ей нельзя выйти на улицу и остаться с Андреем вдвоем. Ей стало обидно, что она не может выслушать его признания, как он ее любит...

А вдруг все это ей показалось? Ведь, в сущности, ничего не было сказано.

«Ну и ладно, — успокоенно подумала она. — Пускай. Ничего так ничего...»

Она вдруг рассердилась на Андрея за то, что он такой несмелый, хотя там, в комнате, она смертельно боялась, чтобы он не сказал ничего такого.

Никакие законы акустики не могли объяснить Андрею, почему, когда Марина вернулась в комнату, все, о чем он говорил с отцом, с братом Марины, разом выключилось, как будто он перестал их слышать. Вежливо улыбаясь, он быстро кивал, повторяя: «Да, да, конечно». Отец Марины стоял, держа в руках флакон одеколona; на шее у него шевелилась кожа с засохшими пленками мыла, он открывал и закрывал рот, но Андрей слышал лишь, как Марина за ширмой шуршала платьем.

Она вышла из-за ширмы без передника, в темном платье. Почему-то у нее покраснели веки, и она улыбалась Андрею. Он опять начал все слышать и сказал:

— Подождите-ка, Сергей Куприяныч, я не согласен. Строить так строить. Каждой семье отдельную квартиру. И никаких компромиссов.

Они ощущали особую, как казалось им, невидимую никому связь, которая возникла в этот вечер. Встречаясь с Андреем глазами, Марина принимала равнодушно-деловой вид, боясь, чтобы Андрей не выдал себя, и в то же время сердясь за то, что он так хорошо держится. Каждую минуту, даже не глядя на Андрея, она с точностью могла сказать, смотрит ли он на нее и какое у него сейчас выражение лица. Это незримое общение отделяло их от всех людей и делало их счастливыми.

Перед уходом Андрей спросил, когда они увидятся. Она вспомнила свои слезы в коридоре.

— Когда?.. На той неделе.

— Сегодня среда, — недоуменно сказал он.

— Ну вот. В понедельник позвоните на работу.

Они стояли у дверей возле вешалки. Андрей держал в руках пальто. Он взглянул Марине в глаза и вдруг тихо и весело сказал:

— Мы увидимся послезавтра. В пятницу. Послезавтра.

— А если нет?

Андрей спокойно повесил пальто на вешалку:

— Тогда... сяду и буду ждать в коридоре.

Она не сомневалась, что он так и сделает, и от этого почувствовала себя совершенно счастливой.

— Хорошо, — недовольно сказала она. — В пятницу, только ненадолго.

То, что происходило затем в течение сорока восьми часов, не имело никакого отношения к Андрею. Он ходил на работу, что-то делал; обедал и ел с аппетитом; спал, и спал крепко, но внутри у него все замерло. Он давно примирился с тем, что стрелки всех часов остановились; ему казалось непонятным, как это когда-то он мог жаловаться на быстротечность времени. Теперь он мечтал об одном — заснуть и проспять все эти сорок восемь часов.

Он проснулся 26 октября в семь часов вечера. Была пятница. Рядом шла Марина. Падал первый снег. Крупный, мокрый, он быстро падал и таял, касаясь асфальта. Этот вечер состоял из каких-то кусков, бессвязных впечатлений, точно выхваченных из тьмы.

Облокотись на перила, они стояли перед огромной витриной книжного магазина, и Андрей говорил:

— Я теперь ничего не могу без вас... Куда идти, что делать? Я никогда не знал, что это такое... Я способен сейчас...

Марина впитывала каждое его слово. А Андрей запомнил лишь, что она просила:

— Ну еще... говорите...

И почему-то запомнил в витрине книжку в желтом переплете, на котором было написано: «Ядовитые и съедобные грибы».

Потом они очутились на людной привокзальной площади. Снег пошел сильнее, и они укрылись в высоком мраморном вестибюле вокзала.

— Что вы подумали, когда встретили меня с Вадимом?

— Я подумал, что он образованнее, красивее... интересней... — Самое ужасное, что все это верно, — засмеялась она, — и я дура.

Андрей расстегнул пальто. Толпа пассажиров вынесла их на перрон. Они дошли до самого конца длинного дощатого перрона. Там было темно. Марина поднялась на цыпочки, Андрей увидел совсем рядом ее узкие глаза, ему стало больно от их света, он зажмурился и поцеловал ее.

Никто не обращал внимания, мало ли целуется народу на перроне, но им казалось, что все смотрят на них.

— Что же мне теперь делать? — бессмысленно спрашивал Андрей. — Как же мне... Ты уйдешь домой. А я?

— Я люблю тебя, — сказала Марина.

— Этого не может быть. Меня не за что любить.

— Я люблю тебя.

— А я еще тогда... помнишь, на той платформе, ты ходила...

Они раскрывали свои тайны, рассказывали, как это началось, что они думали друг о друге, какими видели друг друга, о чем мечтали, на что сердились. Они изумлялись, как они могли сомневаться...

В этот вечер все поезда только приходили, все люди только встречались, все поцелуи были только поцелуями радости, и казалось, что так будет всегда.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Предлагая Рейнгольду свое соавторство, Виктор преследовал две цели: во-первых, прекратить разговоры о том, что Потапенко затирает работу Рейнгольда; во-вторых, и это было главное, соавторство помогло бы ему упрочить свою техническую репутацию. В глазах руководства и в министерстве он стал бы одним из тех руководителей, которые не только умеют администрировать, но и сами не перестают работать творчески.

Зная характер Рейнгольда, Виктор не мог предположить отказа. Очевидно, дело не обошлось без участия Лобанова. Могли возникнуть неприятности. Пришлось с помощью Долгина срочно уволить Рейнгольда. Прибегать к помощи Долгина было неприятно. Виктор побаивался какой-либо зависимости от этого человека. Стоило Долгину почувствовать шаткость положения Потапенко, и он бы не задумываясь начал топить его. Поэтому, когда Андрей поднял шумиху, Виктор счел за лучшее поехать к Ковалевскому и вступить за Рейнгольда. Это помогло отвести от себя удар. Правда, досталось Долгину, но Виктор дал ему прямо понять: пока я чист, я всегда защищу тебя, а вот если меня стукнут, тогда, брат, за тебя уж никто не заступится.

До поры до времени, руководствуясь этим принципом, Виктор умело переключал критику со стороны Захарчука и других молодых инженеров отдела на Долгина. Но с некоторых пор Захарчук начал все смелее обвинять самого Потапенко в пренебрежении к новой технике, в зажиме инициативы, в неверном направлении работы отдела. Анкетные данные Захарчука были безупречны — фронтовик, коммунист, учится в заочной аспирантуре, дело свое знает, — ни к чему не придерешься. Разумеется, Захарчук подсиживал Виктора из зависти, надеялся выдвинуться, заработать авторитет, никаких других причин Виктор не видел. У каждого руководителя есть враги и завистники — это закон. Каждый доволен своим умом, способностями и недоволен своим положением.

Виктор попытался заикнуться Дмитрию Алексеевичу о переводе Захарчука на станцию, но главный инженер категорически отказал. Чутье подсказало Виктору, что продолжать разговор рискованно. За этим отказом скрывалось что-то нехорошее для Виктора. Вообще отношения с Дмитрием Алексеевичем испортились, он все меньше считался с мнением Виктора. Проверяя его распоряжения, случалось, советовался непосредственно с Захарчуком.

— Не понимаю вас, Виктор Григорьевич, — говорил главный инженер. — У нас чуть что — виноват Долгин, так в чем же дело — гоните его. Что вы за него держитесь? Свято место не будет пусто.

Виктор вступился за Долгина, ссылаясь, как он всегда ссылался в этих случаях, на занятость Долгина в парткоме. Ясно, что Дмитрий Алексеевич собирался выдвинуть на место Долгина Захарчука. Такой заместитель Виктора не устраивал. Долгин не конкурент, а Захарчук рядом с Виктором мог навести кое-кого на всякие нежелательные сопоставления.

Словно бы ничего угрожающего еще не чувствовалось, Виктора принимали на станциях с прежним уважением, его внимательно выслушивали, ему несли на подпись бумаги, но сам Виктор испытывал нарастающую тревогу. Взять ту же электролабораторию. Освободясь от «шефства» Потапенко, лаборатория давала одну конструкцию за другой. И этого не могли не видеть. Краснопевцев с Фалеевым закончили регулятор и устанавливали его на котлах Комсомольской. Калмыков на одном совещании прямо бросил Виктору: «Вот видишь, а ты на техсовете был против». Лабораторные испытания локатора прошли успешно. У Тарасова на Октябрьской наладили автоматику, и теперь Тарасов — до чего ж бесхарактерный человек! — повсюду со смехом рассказывает о своих первых столкновениях с Лобановым. А этот старый болтун Тонков, и Устинова, и вся ее группа, как назло, не могут добиться обещанных результатов. Сейчас бы показать всем — вот они, плоды инициативы Потапенко!

Это он, Потапенко, инициатор договора о содружестве с Тонковым. Эх, если бы были конкретные результаты налицо! Уж кто-кто, а Виктор, да и Тонков сумели бы преподнести это достаточно эффектно. Лобанов — тот шляпа: организовал такое успешное содружество Краснопевцева с Фалеевым и молчит. Ну и слава богу, что молчит, подсказывать ему Виктор не собирается. Давно прошло то время, когда он надеялся еще как-то поладить с Андреем. Идиот! Не устранил вовремя Андрея со своего пути. Противно вспоминать о своей мягкотелости. Он вызвал к себе Майю.

— Вы до сих пор ни черта не добились. Все сроки сорваны. Где результаты?

Она пыталась возражать. Кое-что они получили. Но Тонков не оказывал никакой помощи. Многие из его расчетов не подтвердились.

— Вы порете чушь! — оборвал он ее. — При чем тут Тонков? Если вам кто-нибудь мешал, так это Лобанов.

— Лобанов? Он мне не мешал.

— Как же не мешал! Что ж, он помогал вам?

— Не помогал. Но и не мешал.

— Вы сами не понимаете, куда вы гнете. Вспомните трудности с приборами, с людьми, — трудности эти создавал Лобанов.

— Послушайте, Виктор Григорьевич, — медленно сказала Майя, — чего вы добиваетесь?

— Не стройте из себя дурочку! — закричал он. — Вам же будет хуже. Я для вас стараюсь. Если Лобанов вам не мешал — значит, вы сами виноваты. Пеняйте на себя. Вас взгреют так, что от вас клочья полетят.

Потемневшие глаза ее смотрели не мигая. Куда девалась его полная скрытых волнующих намеков любезность? И ей казалось, что этот человек ухаживал за ней...

— Так мне и надо, — сказала она. — Потому что я идиотка. Я считала, что вам интересна наша работа.

Неблагодарные люди. А он заботился о ней. Виктору стало обидно. Женщина готова простить все, что угодно, пока ты делаешь вид, что она тебе нравится. Лиза — та умнее, ее на такие побрякушки не купишь... А эта... Пожалуй, он все-таки пережал с ней. Надо придумать что-то другое.

Тонков, очевидно, тоже оценил положение; он попросил для ускорения работы откомандировать бригаду Устиновой к нему в институт. Виктор согласился.

— Учтите, — бесцеремонно сказал он Тонкову, — нужны результаты. Результаты. Понятно? Иначе локатор дискредитирует вашу работу.

Тонков прикрыл короткими веками глаза и сказал:

— О себе я как-нибудь сам позабочусь.

Его интонация заслуживала размышления. Неужели и он уже что-то почуял? Страх, тайный страх, которым ни с кем нельзя поделиться, охватывал Виктора. После долгих мучительных размышлений Виктор решил, пока не поздно, перейти в наступление. Добиться перевода Дмитрия Алексеевича в министерство (слухи об этом переводе возникали не раз) или снятия его с работы — все равно, — и самому стать главным инженером системы. Пришло время, когда надо вырваться вперед, сделать бросок, какой делает бегун, чтобы оторваться от настигающих соперников. Задача не из легких и достаточно рискованная. Но иного выхода нет.

На хозяйственном активе он неожиданно для всех выступил с резкой критикой работы главного инженера. Пусть теперь Дмитрий Алексеевич попробует тронуть его. Приближались перевыборы парткома, и Виктор все силы направил на подготовку к выборам. Ему надо было во что бы то ни стало войти в новый состав парткома. Это сразу его реабилитирует и укрепит его положение. Это позволит ему бить Дмитрия Алексеевича и по партийной линии. Это — основное условие успеха.

Виктор круто изменил свою политику внутри отдела. Прежде всего он постарался нейтрализовать Захарчука и его сторонников. Они требовали массового введения автоматки на станциях, перевода котлов на высокие давления и тому подобных новшеств. (Им легко требовать, никто из них не несет ответственности.) Как бы там ни было, он давал им обещания, сочувствовал, возмущался вместе с ними и наиболее ретивых сажал разрабатывать предложения. Когда он станет главным инженером, ему не придется отвечать за всю эту возню. Главный инженер найдет с кого спросить, кому перепоручить, — сам хозяин...

В середине ноября позвонил Тонков. Бархатистый голос его был тягуче сладок:

— Виктор Григорьевич, будьте добры подослать ко мне курьера, хочу преподнести вам свой труд.

Посыльная привезла тщательно запечатанный пакет. Виктор запер дверь кабинета, вскрыл конверт, там лежало несколько оттисков статьи за подписью Тонкова и Григорьева. Оттиски пахли типографской краской, страницы слипались. Виктор нетерпеливо пробежал глазами текст, рисунки. Электрическая дуга. Новая теория дуги. Все не то. Ага, вот! Фамилия Лобанова. Авторы писали, что применение схемы Лобанова в исследовании дуги дало ошибочные результаты, а схемы Тонкова — точные. Вслед за тем вскользь намекалось на несостоятельность локатора и для других измерений. Тем самым вся работа Лобанова бралась под сомнение. За величаво небрежным стилем этих абзацев звучал многозначительный подтекст: «Мы могли бы привести цифры, доказательства, но стоит ли тратить время и место на явно некорректную методику».

Виктор, улыбаясь, закрыл глаза. Наконец... Вот оно самое. Правду говорила ему мать, что он родился в сорочке. Начиная с этой счастливой минуты вся деятельность его приобретала другое направление. Он мог с полным правом заявить: «Я предупреждал. Зря Дмитрий Алексеевич поддерживал Лобанова». Эта история создавала Виктору научный авторитет.

Как бы между прочим, он показал отчеркнутые красным карандашом абзацы оттиска кое-кому из наиболее болтливых сотрудников Управления. На совещании у управляющего, в присутствии представителя министерства, он снова горячо и бесстрашно обрушился на

главного инженера:

— Подобные методы руководства устарели... Нам нужен новый подход, иные связи... Теперь пришла пора перестроить все, сверху донизу.

Во внутреннем кармане пиджака он чувствовал шуршащий оттиск статьи. В фактах, подобранных им, было много справедливого. Слова его звучали искренне. Так мог говорить человек, уверенный в своей правоте. Его убежденность производила впечатление. Кое-кто начал посматривать на Дмитрия Алексеевича как на человека временного. Иначе трудно было объяснить неслыханную резкость Потапенко.

Сам Дмитрий Алексеевич, огорошенный, отмалчивался. Лишь раз, криво усмехаясь, он сказал Виктору: «Не держался за гриву, а за хвост не удержишься».

Виктору стало стыдно, но он успокаивал себя тем, что успеет проявить принципиальность, когда станет главным инженером. Да, тогда он сможет быть принципиальным; он не будет зажимать даже Лобанова, он создаст ему все условия для работы; вместо Долгина поставит у руководства техотделом молодых инженеров. Тогда Виктору будут нужны действительно знающие, инициативные помощники.

Следовало заручиться поддержкой горкома. Подбрав в качестве предлога несколько важных дел, Виктор поехал на прием к Савину. Разговор сначала шел о текущих вопросах. Относительно торфа секретарь горкома тут же связался с управляющим трестом, договорился и записал в простую клеенчатую тетрадь, когда проверить исполнение. Писал он испорченной вечной ручкой, макая ее в чернильницу, и Виктора интересовало, что это — для «пущей демократичности» или случайно? На большом письменном столе, кроме тетрадки, не было никаких бумаг, только с краю лежала перевернутая вниз заголовком книжка. Она невольно привлекла к себе внимание. «Пришвин», — прочел Виктор на корешке. Это что-то об охоте. Виктор подумал, что у себя на столе надо положить тоже что-нибудь подобное, и тоже неожиданно лирическое, теплое. Это создает известный стиль, какую-то внеслужебную, человеческую близость с посетителями.

Савин захлопнул тетрадь, откинул набок волосы и спросил, как она вообще, жизнь. Собственно, в расчете на этот вопрос и было задумано посещение секретаря горкома Виктором. Он знал живой, любознательный характер Савина и поэтому, расстроено махнув рукой, долго отнекивался.

— Разрешите мне быть откровенным? — наконец сдался он.

— А чего вы боитесь? — спросил Савин.

— Я не из тех, кто боится, — сказал Виктор, — просто неприятно говорить плохое о себе.

Он нарочно употребил это выражение, чтобы его рассказ о борьбе с главным инженером, о недостатках и работе системы выглядел не жалобой, а криком наболевшей души, собственным горем и бедой.

Он говорил темпераментно, бросал фразы неоконченными, позволял себе сбиваться. Он знал, что Савин любит страстных людей, такой стиль должен ему понравиться. Слушая себя, он сам начинал переживать, в порыве чувств даже встал, стукнул кулаком, но тут же разжал его, потому что кулак у него был маленький и этот жест мог показаться смешным.

Порой Виктор удивлялся себе: с рабочими он умел быть простым, без наигрыша, с посетителями — внушительно твердым, среди детей — мальчишкой, с женщиной — влюбленным (правится ей решительный — пожалуйста, нравится ей робкий — извольте). Ему доставляло удовольствие приспособливаться к людям, и он не ощущал никакого неудобства

от этих превращений.

Словно нехотя, он вынул оттиск статьи и показал отчеркнутое место. Дело не в провале локатора, — частности характеризуют общую политику в области техники со стороны руководства.

Услыхав фамилию Лобанова, Савин улыбнулся, но смолчал. Он внимательно прочел абзац, отчеркнутый красным карандашом, перелистал остальное.

— Журнал еще не вышел? — спросил он. Виктор кивнул. — Где же дарственная надпись авторов?

На какое-то мгновение Виктор смешался, но тут же взял себя в руки и пояснил, что получил оттиск, будучи у Тонкова в институте. При этом он подумал: успел ли Савин заметить его замешательство?

— Ну, а как Лобанов отнесся?

— Лобанов?.. Лобанов еще не знает.

— Чего ж вы... таскаете повсюду с собой, а ему не показали?

Во всем их разговоре только эти слова оставили у Виктора неприятное ощущение. Зато последующее получилось весьма удачно. На вопрос, какого он мнения о Лобанове, Виктор отказался что-нибудь отвечать. «Он мой старый товарищ, и мне неудобно...» Это выглядело очень, очень положительно, даже благородно, и вряд ли после этого можно было думать, что Потапенко специально возит с собою показывать статью.

В общем, Виктор возвращался довольный собой. В машине он полузакрыв глаза и попросил Федю ехать медленнее. Ничего определенного Савин не сказал, но, во всяком случае, он призадумается. Недаром он попросил оставить оттиск.

Несомненно, Виктор в целом произвел выгодное впечатление. Во время разговора у Виктора вертелась фраза: «Если министерство и впрямь отзовет Дмитрия Алексеевича, то, пока будут подыскивать нового главного инженера, я надеюсь провести кое-что из задуманных мероприятий». Хорошо, что он так и не произнес эту фразу, она могла показаться чересчур навязчивой. Очевидно, все же у Савина возникли кое-какие сомнения, иначе зачем бы он спрашивал об отношении парторганизации к выступлениям Потапенко? Да, быть избранным в партком совершенно необходимо. Это первоочередная задача.

Виктор вдруг улыбнулся.

— Федя, а ты ЗИС-110 водить сможешь? — спросил он. ЗИС-110 был у главного инженера. Шоферы — народ болтливый и сообразительный. Если Потапенко, выйдя из горкома, спрашивает про ЗИС, значит, быть ему главным инженером, и сегодня же об этом станет известно всему Управлению. Ну и отлично: как говорится, идея, овладевшая массами, — это сила.

Виктор не ошибся, секретарь горкома был любопытен и в тот же день вызвал к себе Лобанова.

Когда Лобанов вошел, Савин стоял у окна и ел яблоко.

— Десять минут уж наблюдаю за этой особой, — сказал он здороваясь. — Упорный характер.

Внизу, в садике, освещенном фонарем, взбиралась на снежную горку четырехлетняя лыжница. На середине горы лыжа у нее соскочила с ноги и покатила вниз. Девочка

попятилась, потеряла равновесие, упала, съехала вниз на животе, подобрала лыжи, надела и снова начала взбираться вверх.

— Четвертый раз! — с досадой вздохнул Савин.

Рабочий день в горкоме кончился. Савин сел на диван, как бы подчеркивая неофициальность их разговора.

— Первым делом признавайтесь, почему вы тогда на городском совещании сбежали от меня?

Мальчишески курносое лицо Савина с закинутой набок челкой, с яблочной крошкой на губе располагало к доверию и было полно откровенного, бесхитростного любопытства.

— Да стоило мне тогда помедлить, — сказал Андрей, — я был бы теперь самым несчастным человеком. А сейчас... — он засмеялся и покраснел.

Савин, не улыбаясь, кивнул:

— Я все-таки подглядел тогда. Рыжие волосы!..

Отчеркнутое место в статье Тонкова и Григорьева Лобанов перечитал несколько раз. Позабыв о Савине, он скомкал оттиск, швырнул на стол и сел, упираясь локтями в широко расставленные колени, положив голову на руки. Толков — понятно: он способен на любое, но Григорьев? И как они смеют так обобщать! Допустим даже, что с той специальной схемой, которую Андрей дал Григорьеву, ничего не получилось, при чем здесь локатор? Ведь все последние испытания, проведенные самим Андреем, дали хорошие результаты. Понятно, они хотят окружить локатор недоверием... Но Григорьев? Не может быть, чтобы он участвовал в этой подлости.

— Поговорите с ним.

— Нет Григорьева в городе, — сердито ответил Андрей. — Уехал в какую-то командировку.

И вдруг рассмеялся. Оказывается, до этого он, сам не замечая, несколько минут рассуждал вслух о Тонкове и Григорьеве.

— Одно из двух, — хмуро глядя в его улыбающееся лицо, сказал Савин, — или вы здорово, уверены в своем локаторе, или излишне беспечно настроены.

Уверен-то он уверен, но, пожалуй, правда и то, что эта статья, в сущности, как-то мало затронула его. Все-таки он очень изменился за последний год. Непрестанная борьба основательно его закалила. А кроме того, то удивительно счастливое состояние, в котором он находился со дня объяснения с Мариной, делало его нечувствительным ко всякой беде, какая-то неистощимая уверенность в своих силах окрылила его.

«Обойдется, — думал он. — Какое это имеет значение? Локатор работает и будет работать. Приедет Григорьев, все выяснится. Разве в этом главное?»

Савин покачал головой.

— Советую вам смотреть глубже, — сказал он, как бы угадывая мысли Андрея. — Эта статья в ловких руках превращается в рычаг скверного рода.

Андрей посерьезнел, взглянул на новенький оттиск и впервые подумал о том, каким образом могла эта статья попасть сюда, в горком партии? Чья рука услужливо подчеркнула место, касающееся локатора?

— Помните, я вам предлагал устроить обсуждение работы? — спросил Савин.

— Я считаю: немедленно надо провести самую широкую дискуссию.

Они договорились о подробностях. Записывая себе в тетрадь, Савин вдруг спросил:

— Скажите, может Потапенко быть главным инженером? Андрей удивленно уставился на него:

— Потапенко?

— Ну да, что вы удивляетесь?

— Нет, не может.

— Почему?

Андрей наморщил лоб:

— Да... потому, что он слишком стремится занять это место.

— Ну знаете, это ни о чем не говорит. Может быть, он считает себя достойным.

Лобанов вскипел и начал говорить о Викторе все, что он думал о нем.

Слушая горячую речь Лобанова, Савин время от времени вставлял замечания, и Андрей возражал на них или соглашался. Он чувствовал, что невольно идет туда, куда его ведет Савин. Из всего, что знал Андрей о Потапенко, о его работе, о работе всей Энергосистемы, Савин умело отбирал главное, и постепенно Андрей начинал видеть Потапенко по-новому, начинал понимать скрытую от него до сих пор сущность этого человека.

— Затирает новую технику? — спрашивал Савин. — Ну, это бывает в какой-то степени с каждым руководителем... Дача? Машина? А вы бы отказались от дачи и машины?.. Дело Рейнгольда? Вот это уже ближе. Как вы думаете, противоречат его интересы интересам дела?

Савин прошелся, встал за спинку своего кресла.

— Вот все согласны, что противоречат, — в раздумье продолжал он, — но ведь и у вас, у каждого случается такое противоречие.

Андрей понял его намек на случай во Дворце Советов и усмехнулся.

— То-то и оно, что случается, — твердо сказал он. — А у Потапенко вся его работа служит его собственным интересам. Он никогда не думает о деле, а всегда о себе. Работа для него только средство выдвинуться, укрепить свое благополучие, получить еще большую должность.

Савин выпрямился, откинул волосы со лба:

— Предположим, вы где-то возле правды. Но, думается, что не вся правда, Андрей Николаевич, в этом. Я тоже часто размышляю: почему это нам порой так трудно разобраться в подобных людях? Вот и вы, хорошо знаете Потапенко, а не разобрались: так, чувствовали... и все.

Андрей задумчиво потер щеку:

— А по-моему... пережитки капитализма, ну, всякое воровство, взяточничество, оно

бросается в глаза, всем видно, а вот... — Он остановился, вопросительно посмотрел на Савина. — Понимаете, такие, как Потапенко, они не воруют... Они иначе действуют. Партия нацеливает на план — он использует борьбу за план. Требуют критики — он использует критику... Внешне все как будто правильно... А на деле это жажда власти. Вот что испортило Потапенко. Честолюбие, карьеризм. Он ведь был отличным парнем...

— Откуда же появляется такое? — спросил Савин.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Отчетно-выборное партийное собрание шло второй день. Выдвигали кандидатов в новый состав парткома.

Виктор Потапенко сидел в первом ряду, у дверей. Минувшая педеля была для него заполнена напряженной подготовкой к собранию, переговорами с возможными противниками, топкой дипломатической игрой, построенной на неуловимых намеках на то, что будет, когда Потапенко станет главным инженером. Обычно Виктор любил психологические расчеты и комбинации, по сейчас он испытывал усталость и безразличие.

Перед началом заседания заместитель управляющего Ивин, похлопывая его по плечу мясистой рукой, посмеивался: «Быть тебе в парткоме. Не отвертись. После голосования едем к тебе. Так и знай. Как там твоя Елизавета, шампанского приготвила?»

Виктор вздохнул и с не свойственной ему откровенностью признался:

— Эх, брат, какое там шампанское! У меня дома такая идет холодная война, лучше не спрашивай.

Ему вдруг неудержимо захотелось позвонить домой, к Лизе, позвонить просто так, чтобы она сказала: «Витек, все будет хорошо, ты мой умница, замечательный» — или что-нибудь в этом роде, бестолково, тепло, как умела говорить одна Лиза. Казалось, что прошло много-много лет с тех пор, как она в последний раз говорила с ним так. И может, среди многих его надежд на сегодняшние выборы самой дорогой и тайной была надежда на то, что Лиза признает его правоту. Раз его выбрали — значит, его любят, ему верят и все, что он делал и делает на работе, — правильно. Лиза раскается, и они опять заживут по-старому... Если бы сидящие в зале знали, как важно ему войти в партком, хотя бы ради мира в его семье, ради дома...

Он беспокойно оглядывал зал. Через несколько рядов, позади, расположились молодые инженеры его отдела. Вероятно, ему следовало сесть среди них, чтобы предупредить возможные разговоры или даже выступления. Но сейчас пересаживаться было поздно. Он слишком долго протоптался возле телефона, так и не решившись позвонить Лизе.

Он увидел инженера Полякова и успокоился. Сегодня утром он дал понять Полякову, что если обстоятельства изменятся, то Поляков станет начальником инспекции. Поляков был молодой, энергичный инженер, начальник инспекции его затирает, и Виктор, вспоминая свои слова, по сути справедливые и идущие на пользу дела, снова испытал удовлетворение.

Неподалеку от Полякова сидели Лобанов, Борисов и несколько коммунистов из лаборатории. Виктор подумал о статье Тонкова и Григорьева и посмотрел на Андрея как на обреченного.

Встретившись глазами с Борисовым, Виктор отвернулся, скрывая усмешку. Вчера Борисову так и не дали слова. Долгин, который сидел в президиуме рядом с председателем, отодвинул Борисова в самый конец списка записавшихся. Потом, за поздним временем, прения решили

прекратить, и последнему, перед секретарем райкома Ковалевским, предоставили слово Виктору.

Он выступил самокритично, признал многие упреки. В отличие от других выступавших, Виктор говорил не по бумажке, и это понравилось. Он растрогал собрание воспоминаниями о суровых днях войны и ослепительными перспективами будущей работы. Умело затронул болезненное место — беспорядки со спецодеждой. По поводу одного резкого выступления он удачно заметил, что боязнь подхалимажа у некоторых товарищей доходит до того, что они обязательно стараются нагрубить каждому начальнику. Виктору аплодировали, и даже Ковалевский одобрительно и звучно похлопал в ладоши.

Сегодня председательствовал Долгин. И, прислушиваясь к его жестяному, гремящему в репродукторах голосу, Виктор с надеждой ловил признаки того, казалось, незыблемого распорядка заседания, который они тщательно продумали с Долгиным.

Первые две предусмотренные кандидатуры были названы сразу же. Третьим должны были выдвинуть Виктора. Но, опережая Полякова, в разных концах зала поднялось несколько рук. Долгин скользнул по ним невидящим взглядом и дал слово Полякову. Было заметно, что Долгин нервничает. Ощущение слабости и тревоги с новой силой охватило Виктора.

— Безобразие, — сказал кто-то рядом, — я ведь раньше просил слова...

Но Поляков уже быстро поднимался на трибуну. Виктор облегченно вздохнул.

С той минуты, как выдвинули кандидатуру Потапенко, Майя насторожилась. Неужели никто не видит, что происходит? Она оглянулась. Нет, нет, вокруг нее так же хмурились и беспокойно переговаривались. Она посмотрела на своих соседей: у Лобанова проступил темный румянец на скулах, который она хорошо знала, так же как и угрюмый огонек в синих глазах Борисова. Выступить? Выйти и сказать: «Что же тут творится? Знаете ли вы, кто такой Потапенко? Неужели неясно?..» Ее должны поддержать. Она не одна.

Борисов высоко поднял руку и попросил слова. Не обращая на него внимания, Долгин торопливо продолжал называть фамилии выступающих. Они выходили на трибуну и предлагали кандидатов. Однако в зале с каждой минутой нарастало возмущение.

— Я дам отвод Потапенко, — сказал Андрей. Борисов уперся в него злым взглядом:

— Не только Потапенко. Видишь, и Зорина выдвинули. Опять Долгин хочет за его спиной хозяйничать... Понимаешь, куда гнет... — Он стиснул зубы и снова поднял руку.

— Борисову слово! Борисов просит! — крикнули почти одно временно Андрей и Майя Устинова и посмотрели друг на друга обрадованно и почему-то смущенно.

Плоские глаза Долгина метнулись вверх голов, потом на бумажку, которую он держал в руках.

— Слово имеет товарищ Марченко, — поспешно сказал Долгин.

Марченко, который еще не успел поднять руки, растерянно встал. Раздались смешки. Борисов побледнел. Он вскочил и, не дожидаясь разрешения, побежал к сцене, обогнав Марченко.

Долгина обмануло то, что Борисов направился не к трибуне, а к столу президиума. Наклонясь к Ковалевскому, Долгин стал ему что-то говорить. В это время Борисов остановился перед Долгиным, спокойно взял лежавшую на столе бумажку, подошел к трибуне.

— Товарищ Марченко, — срывающимся голосом проговорил Борисов, глядя в бумажку. — Не

торопитесь. Я за вас могу сказать — вам поручено было предложить кандидатуру Степина? Правильно?

Марченко остановился посреди прохода, потер ухо и неохотно сказал:

— Это верно.

— А вы его хорошо знаете? — спросил Борисов.

— Видел, — сказал Марченко и, пожав плечами, сел на свободное место.

— Товарищ Виноградова! — крикнул Борисов. Поднялась молодая работница.

— Товарищ Виноградова, а вы должны выдвинуть Долгина? Вы что, с ним работали вместе? Учились? — подавшись вперед, спрашивал Борисов.

Виноградова покраснела, шевельнула губами, но ее слов никто не услышал.

Борисов продолжал читать список. Шум в зале нарастал. Долгин что-то быстро говорил Ковалевскому.

Борисов наклонился к микрофону:

— Товарищ Долгин вроде как все заранее предусмотрел — и весь состав парткома и кто кого выдвигает...

— Подготовочка! — иронически крикнул ломкий молодой голос. В задних рядах привстали.

— Товарищ Борисов, — сказал Долгин, — я не давал вам слова!

— Пусть говорит! — тотчас понеслись выкрики. Ковалевский, морщась, отстранил Долгина, встал, успокаивающе протянул руку. Разом наступила тишина.

— Чего вы хотите, товарищ Борисов? Чтобы наше собрание шло без руля, без ветрил, по воле божьей? Да здравствует полная анархия, и пусть в партийное руководство попадают случайные, никому не известные люди? Возможно, ваши товарищи тут не сколько увлеклись, но партком имеет право предлагать своих кандидатов. Вы что, всех выдвинутых людей отвергаете?

— Зачем? — несколько растерялся Борисов. — Тут много достойных товарищей.

— А раз так, — подхватил Ковалевский, — извольте выступать конкретно, с отводом отдельных лиц. Вам никто не запрещает. Я полагаю, товарищи, вопрос ясен, — твердо закончил он.

— Нет, не ясен! — крикнули из зала. С места поднялся член парткома, длинный сутуловатый плотник из хозотдела, и, сложив руки рупором, пробасил:

— Кто этих людей подбирал?

— Мне тоже интересно, — сказал Борисов, — откуда у вас, товарищ Долгин, эти кандидатуры?

— Собрание готовил партийный комитет, — нервно ответил Долгин.

— Я не могу поверить, чтобы партийный комитет подготовил собрание таким образом, — сказал Борисов, помахав списком.

Плотник, который так и не сел, развел руками:

— Товарищи, в чем дело, мы ни Зорина, ни Потапенко, ни Долгина не рекомендовали, — я тоже член парткома. Я об этом списке знать ничего не знал.

Долгин поднес колокольчик к микрофону и оглушительно зазвонил. Когда шум в зале стал стихать, Долгин как ни в чем не бывало предложил лишить Борисова слова и закончить выдвижение кандидатур.

— Вы злоупотребляете властью председателя, — спокойно сказал Борисов. — Проголосуйте.

— Товарищи, учтите, так мы не успеем сегодня кончить, — пригрозил Долгин.

— Ничего, задержимся! — крикнул кто-то.

— Ишь, нашел чем купить! — возбужденно сказал Андрею Новиков.

Долгин был вынужден поставить вопрос на голосование. Большинство голосов Борисов получил право продолжать.

— Мы знаем, — сказал Борисов, — что всякое собрание готовить необходимо. Нет ничего плохого, что партком внимательно обсудит и предложит нам достойных кандидатов. А Долгин не только искажил смысл подготовки партсобрания, но нарушил основу нашей партийной жизни — принцип коллективного руководства. Что получилось, товарищи? Вот Долгин поручил Марченко выдвинуть кандидатуру Степина. А Марченко работает у нас без году неделя и Степина совсем не знает. Я три раз просил слова, хотел выдвинуть того же Степина. Пятнадцать лет мы с ним работаем имеете, я знаю, что он отличный коммунист. Мне слова не дали, побоялись, вдруг я назову кого-нибудь неугодного Долгину. Подготовка собрания, товарищ Долгин, состоит в том, чтобы привлекать к участию каждого коммуниста, пробуждать инициативу. Надо, чтобы люди себя хозяевами чувствовали, а вы стараетесь наоборот... Не выйдет! Мы бережем авторитет нашей партии, а тут, — он поднял кулак, — находятся люди, которые крадут этот авторитет для своих личных целей. Задуманный сценарий не случайность. Все эти ухищрения сделаны ради того, чтобы протащить в партком таких деятелей, как Потапенко, провести самого Долгина...

— Мы сейчас не обсуждаем кандидатов, — прервал его Долгин.

— Хорошо, — согласился Борисов, — ваших кандидатов обсудим отдельно.

Глухой гневный шум перекачивался по рядам и вдруг прорвался ожесточенными аплодисментами. Борисов, унося с собою злополучный листок, спустился в зал. За столом президиума посовещались, микрофон придвинул к себе один из старейших коммунистов, Кузьмич. Его любили, уважали за прямоту, многим из сидящих в зале он давал рекомендацию в партию, поэтому, когда он, приглаживая редкие седые волосы, занял место Долгина, его встретили одобрительной тишиной.

— Насчет подготовки, товарищ Ковалевский, вы правильно говорили, — сказал он. — А вот о том, что в партком неизвестные люди проникнут, это вы зря беспокоились. Кому ж они неизвестные? Кому, как не нам, судить о своих людях? Мы ж свой партком выбираем...

Борисов сел рядом с Майей, глубоко дыша, вытирая пот. Из заднего ряда к нему перегнулся главный бухгалтер:

— Вы, Сергей Сергеевич, совершенно правильно выступали. Давно пора...

Борисов обернулся, сверкнул на него глазами:

— Что вы мне тут шепчете? Выйдите и скажите всем с трибуны.

«А я? — презирая себя, подумала Майя. — Возмущалась, а не хватило мужества выйти и сказать...»

Настроение людей резко изменилось. Раздражение и тревога уступили место чувствам озабоченности и ответственности. Список кандидатов рос медленно. Собрание временами умолкало, напряженно и трудно раздумывая.

— Вот видите, полная дезорганизация, — сердито сказал Ковалевский Кузьмичу.

Кузьмич в микрофон, так, чтобы все слышали, проговорил:

— Ничего, думайте, товарищи, не стесняйтесь. Нам отвечать.

Перебирали в памяти достойных, советовались, сравнивали. Зал, где слаженно работали сотни людей, наполняло спокойное многоголосое жужжание. Набралось пятнадцать кандидатов. Часть из них значилась в списке, который был у Долгина. Но теперь это были кандидаты, названные самим собранием. В их числе был и Борисов. Каждую кандидатуру обсуждали горячо, подробно. Зорина почти единогласно отвели. Долгина совсем не выдвинули, тем не менее главный инженер выступил и сказал:

— Товарищи, я тоже был членом парткома и отвечаю за то, что сегодня случилось. Получается, вроде и незачем Долгина обсуждать. Но он мог попасть, и поэтому я скажу о нем, — он одернул пиджак и выпрямился. — Давайте начистоту: в последнее время в парткоме, по существу, хозяйничал один Долгин. Все вопросы он решал сам, в так называемом рабочем порядке, всячески отстраняя нас. Зорина по лености устраивало это... Были у нас трудные времена, вот надо было поддержать электролабораторию, товарища Лобанова. Но разве придешь к Зорину за советом?.. Он обязательно увильнет, передоверит Долгину, а тот... — Дмитрий Алексеевич махнул рукой. — Вот Долгин и принялся хозяйничать бесконтрольно. Мы тоже, конечно, отвечаем за это... Мы ему позволили, отошли в сторонку... Он действовал якобы от нашего имени и делал что хотел. Сегодняшний случай — хороший урок. Достаточно каждому из нас сказать с трибуны то же самое, что мы говорим, сидя в зале или после собрания, и эти долгины никогда не появятся здесь в президиуме.

Никого не смущало, что собрание отвлеклось в сторону и занялось Долгиным. Вспомнили историю с Рейнгольдом. Решено было поручить новому составу парткома разобраться вопрос о Долгине.

После этого разгорелись споры вокруг кандидатуры Потапенко. Инженер его отдела, Захарчук, через каждые две-три фразы отпивая воду из стакана, рассказал, что Потапенко зажимает критику, трусит перед новым, годами маринует предложения, избегает новой техники, поэтому отыгрывается на рукавицах и спецодежде. За последний год он с помощью Долгина расправился с двумя сотрудниками, которые осмелились выступить против него. Окружил себя подхалимами. Человек способный, он, к сожалению, попал под влияние Долгина. Кончил Захарчук так:

— В общем — Потапенко любит это слово, — в общем, ему самому надо крепко подзаняться собою. Боюсь, что ответственная обязанность члена парткома будет отвлекать его от этого занятия.

— Понапрасну черните человека! — крикнул Поляков. Но сразу же на него требовательно обрушились:

— Тише!.. Иди выступай!.. Нечего из угла выкрикивать!

Кузьмич только улыбался. Собрание само устанавливало железную дисциплину. Оно сломало и отбросило весь, казалось бы, до мелочей продуманный Долгиным и Потапенко ход заседания. За всеми их предложениями люди почувствовали административный окрик, пренебрежение к воле, желаниям, инициативе рядовых коммунистов, как будто бы им было все равно, кого выбрать, кому доверить дело.

Виктор втиснулся в кресло, боясь обернуться, чувствуя спиной, затылком, всем существом десятки глаз, устремленных на него. Четкая гипсово-неподвижная улыбка застыла на его лице. Он встретился глазами с Долгиным, продолжавшим сидеть в президиуме, и постарался удержать на лице улыбку: ничего страшного не случилось — меня еще могут выбрать, я еще стану главным инженером, я выполню свое обещание, я назначу тебя начальником техотдела. Еще все обойдется, лишь бы меня выбрали. Если я буду в парткоме, я тебя спасу. Долгин посмотрел на него изучающе спокойно, потом взял блокнот и что-то быстро записал. Продолжая улыбаться, Виктор вдруг подумал, что если он не попадет в партком, то Долгин, не колеблясь, начнет его топить, писать на него заявления, чтобы как-то удержаться самому. Значит, надо обезвредить Долгина, опередить. Да, да, в крайнем случае придется пожертвовать Долгиным, чтобы спасти положение. В конце концов, если убрать Долгина, это пойдет на пользу делу.

Виктор не заметил, как на трибуне оказался его давний знакомец Борис Зиновьевич — мастер с Комсомольской ГЭС. Говорил он скверно. Сухонький, маленький, он не доставал до микрофона, и голос его пропадал, тем не менее слушали его внимательно.

— В прошлом году случилась у нас авария на подстанции, — сказал он. — Виктор Григорьевич разрешил скрыть эту аварию. Чтобы, значит, не портить показателей. У нас нашлись такие, нечего греха таить, обрадовались. Премияльные получим, и все такое... А что из этого выходит? А то, что раз все в порядке — средств нам на переоборудование не дали. А следовательно, в прошлом месяце опять авария произошла, а третьего дня несчастный случай. Да... монтер обгорел. Подстанция тесная, не повернуться...

За ним выступило еще несколько человек. Они говорили уже совсем не о Потапенко, а о недочетах в работе управления, досталось и управляющему, и главному инженеру, и начальникам отделов. Как будто снова обсуждался отчетный доклад, и никого это не смущало.

— А чего смущаться? — сказал Кузьмич. — Значит, вчера плохо обсуждали.

Затем взял слово Ивин и куда осторожнее, чем собирался, стал доказывать необходимость ввести в партком талантливого, растущего организатора Потапенко. Довольно ловко он обрушился на Бориса Зиновьяча: надо соблюдать технику безопасности, а не валить грехи на начальство, эта спихотехника не заменяет техники безопасности. Шутка успеха не имела. Незначительным большинством кандидатуру Потапенко оставили в списке для тайного голосования.

Борисова выдвинул мастер Наумов.

— Любит Борисов людей, вот главное его партийное качество, — взволнованно сказал Наумов. — А также товарищ он мужественный... принципиальный человек.

Поглядывая на красного от смущения Борисова, Андрей обсуждал с Новиковым и Жуковым, хорошо ли будет, если Борисова изберут в партком. Чего доброго, еще сделают секретарем, а для лаборатории это ощутимая потеря.

— Ну, а ты сам как? — приставали они к Борисову. — Рвешься?

Он отмалчивался, Андрей поднял руку.

— Ясно, чего там! — закричали кругом, но Кузьмич откашлялся и усмешливо сказал:

— Не могу отказать. Мой начальник просит.

Из президиума зал выглядел огромным. Горячий воздух, дрожа, подымался к опрокинутым куполам люстр. Сотни лиц ожидающе смотрели на Андрея. Откровенно говоря, он шел сюда с намерением дать отвод Борису. Он боялся, что Борисова могут взять освобожденным работником в партком и не мог себе представить, кто в это трудное время заменит Борисова в парторганизации лаборатории. Но, взойдя на трибуну, он увидел Новикова, Жукова, всех коммунистов лаборатории — их было так мало по сравнению с громадой всего коллектива, что Андрей понял вдруг: он не вправе лишать этот огромный коллектив одного из самых достойных вожаков.

— Ко всему хорошему, что здесь говорили о Борисове, — услышал он свой неузнаваемо усиленный репродуктором голос, — я добавлю одно: у Борисова есть талант к партийной работе. Я сужу хотя бы по тому, как он меня скрутил, когда это следовало. Для него партийная работа... Душа у него вся в этом... Да это просто его призвание. А ведь, честное слово, товарищи, это более чем существенно. Вот Зорин работал по обязанности, и получилось плохо...

Виктор вышел из зала. Ходил по пустым коридорам. Курил, затягиваясь жадно и глубоко, так, что закружилась голова. Может быть, все же выберут?.. Нет, надо было взять самоотвод. Мало того, что его провалят, все будут знать, сколько голосов против... Почему так несправедлива к нему судьба? Ему-то нужнее всех быть выбранным. Для него в этом — будущее. Если бы они понимали... А в крайнем случае... Нечего падать духом. Как можно скорее убрать Долгина. Еще есть в запасе статья Тонкова. Мы еще посмотрим. Потапенко себя еще покажет! Но за этими словами было пусто.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Встреча с Савиным, а затем партсобрание, провал кандидатуры Потапенко, избрание Борисова секретарем парткома не прошли бесследно для Андрея. Со свежими силами он вернулся к тому кругу мыслей и забот, которые до сих пор составляли главный интерес его жизни.

Через неделю должен был состояться его доклад в Доме ученых. На обсуждение приглашались представители всех заинтересованных институтов и предприятий города. Сам доклад не тревожил Андрея, полевые испытания локатора шли успешно, морякам чертежи были отосланы, но, в связи со статьей Тонкова — Григорьева, Андрею все же хотелось обязательно провести хотя бы одно испытание в естественных условиях. Определить повреждение при настоящей аварии. Это позволило бы ему сказать — локатор уже эксплуатируется. Тонкову было бы нечем крыть.

Проходил день за днем, но ни одной подходящей аварии, ни одного повреждения на линиях не случилось. Новиков и Саша молчали, и Андрей чувствовал их немой укор: не зятяни он тогда волынку с бесконечными доделками, давно бы уже локатор опробовали.

Утром в день доклада позвонил Степин и сообщил, что вчера вечером пробился кабель, питающий три больших дома, и измерители точного места повреждения указать не могут.

— Доклад? Вот и хорошо! — воскликнул Степин. — Вечером поднесешь первую ликвидацию аварии. Полюбуйтесь, не какие-нибудь там опыты. Протокольчик! Роскошь!

Почувствовав на губах неудержимую глупую улыбку, Андрей рассердился на самого себя, на хитрого Степина, на этот коварно-услужливый случай.

— Подумаю, — буркнул он.

Думали всей группой.

— А вдруг это самое... ну, мало ли... осраимся? — покачивал головой Усольцев.

Новиков тоже побаивался. Какой-нибудь пустяк... зачем рисковать? Главное — перед самым докладом. В конце концов, это чисто научный доклад...

Диспетчерский телефон звонким многоточием прервал их размышления.

— Андрей Николаевич, здравствуйте. Наумов. Мне Степин сказал, вы сомневаетесь, ехать ли к нам.

— Так авария на вашем участке?

— На моем. Выручайте — Выслушав опасения Андрея, Наумов вздохнул. — Оно так. Да, как на грех, студенческое общежитие впотымах. Студентам совсем зарез без света.

— Студенческое общежитие... — повторил Андрей, глядя на товарищей.

— Мы без вас, может, еще сутки продержим их, — продолжал Наумов.

— Сутки... Это Степин тебя подбил?

Наумов смущенно замялся. Андрей подумал, что Степин, наверно, слушает их через коммутатор, и сказал:

— До чего ж нынче утомительный диспетчер пошел. Особенно Степин. За двумя зайцами гонится...

— Поедемте, Андрей Николаевич! — попросил Саша. Андрей, морщась, смотрел в микрофон.

— Ладно, едем.

Новиков отчаянно махнул рукой. Эх, была не была! И все заулыбались, просветлели. Черт с ней, с чистой наукой! Это, наверно, такая же безвкусная и даже вредная вещь, как дистиллированная вода.

Зимой попадают в городе забытые безлюдные уголки, где не слышно ребячьего гама, где нетронутая снежная целина лежит, словно на лесной поляне. Того и гляди выскочит из-под кустов заяц, стряхнет сверху снежный ком рыжая белка. Воздух здесь кажется чище, небо голубее, чем там, за низенькой оградой, на людной улице.

В один из таких садилов, у старой закрытой церкви, они и приехали. Серенькая тропка тянулась через сад к трансформаторной будке. Пока из машины выгружали прибор, налаживали установку, Наумов повел Андрея по трассе кабеля.

Обманчивое, с виду туго натянутое полотно снега рыхло проваливалось под ногами. Шаг Андрея — крупный — никак не попадал в след Наумова. В своих латаных разношенных валеночках Наумов скользил впереди, как на лыжах. На ходу он рассказывал Андрею о кабеле, словно двигался Наумов под землей, вдоль этого кабеля, и видел вот здесь вставку, сделанную лет десять назад, а здесь кусок, изъеденный ржавчиной. Наумов обладал не просто хорошей памятью, — за долгие годы у него выработалось внутреннее зрение. Он и

сам не всегда мог сказать, откуда у него берется эта уверенная зоркость. Он физически ощущал, где кабелю плохо лежать, где ему тесно, где жарко.

К удовольствию прохожих, они перелезли через железную ограду; следуя трассе, пересекли улицу и завернули под арку многоэтажного студенческого общежития.

— Ну скоро вы, копатели? — приветствовала Наумова дворничиха. Он виновато поправил кепочку и попробовал отшутиться.

— Скажи на милость, он еще шутки шутит, — изумилась дворничиха. — Люди впотьмах сидят, а ему смешно! Сессия у них. Понимаешь — сессия!

Возле них остановились юноша и девушка с сумками через плечо.

— Странно, — пожал плечами юноша, — какими способами они ищут повреждение?

Наумов терпеливо пояснял — кабель измерили, но случай трудный. Обычные приборы показали порчу в промежутке плюс минус пятнадцать метров. Точнее не дается. Копать наугад в мороженом грунте — гиблое дело. Сперва почву отогреть надо.

— Какая отсталость, — с чувством сказал паренек, — при нынешнем уровне электротехники...

Андрей осмотрел концы кабеля на стене и подошел к студентам.

— ...уверен, если воспользоваться прецизионным мостом, — горячился студент.

— Вы с какого курса? — спросил Андрей.

— С третьего, электромех... А что?

Студент критически оглядел этого широкоплечего парня в синем ватнике, в заснеженных бурках, похожего на бригадира.

— При чем тут курс? Дело в научном подходе. Вот сегодня, например, в Доме ученых доклад о методах отыскания порчи. Вашему начальству полезно бы...

Наумов засмеялся.

— Мудрят всегда эти ученые, — сказал Андрей, уступая озорному желанию подурачиться.

Студент горестно улыбнулся своей спутнице:

— Называется — связь науки с производством.

— Вы сами-то пойдете на доклад? — спросил Андрей.

— Обязательно. И пристыжу докладчика. Внедрять надо быстрее.

...В трансформаторной будке заканчивали приготовления. Андрей проверил схему и дал команду. Новиков привычно защелкал выключателями. Наумов расстегнул верхнюю пуговицу ватника.

— Сто шестьдесят метров, — провозгласил Новиков.

— Это, выходит, у часовни, — раздумчиво произнес Наумов. — Там есть старая муфта...

— Сомневаетесь? — задорно спросил Саша.

— Измерители нам совсем в другом месте показали. У ограды, напротив дома.

Андрей напряженно всматривался в экран. На отметке, соответствующей ста шестидесяти метрам, импульс был четкий, острый. Но и на отметке двести восемьдесят метров, примерно там, куда указывали измерители, тоже вздрагивал маленький зеленоватый всплеск. Что это могло значить?

Новиков вместе с Наумовым вышел в сад. Отмерив сто шестьдесят метров, Наумов воткнул в снег палку. Рабочие стали откидывать сугробы. Воздух заискрился сухой снежной пылью. Подъехал компрессор, и вскоре первый отбойный молоток, стрекоча, ударил в звенящую промерзлую землю.

Когда Новиков вернулся в будку, Лобанов и Усольцев обсуждали, что означал маленький пик на отметке двести восемьдесят и откуда могло взяться такое большое расхождение между показаниями локатора и показаниями измерителей.

— Бросьте вы, Усольцев, смущать наши души, — весело сказал Новиков. — У нас ошибки быть не может. — Он привел десятки возможных причин появления маленького импульса вблизи отметки двести восемьдесят: тут могли влиять и утечки, и блуждающие токи, и многое другое.

— Нет, нет. Лучше отказаться, пока не поздно, — убеждал Андрея Усольцев. Завязки меховой ушанки испуганно тряслись под его подбородком.

Андрей перевел глаза на раздурманенного от мороза Новикова в зеленой велюровой шляпе, лихо вдвинутой на затылок, и несколько успокоился. Но, так или иначе, надо было немедленно принимать какое-то решение.

— Мы ничего не узнаем, пока не найдем повреждение, — задумчиво сказал он. — Черт его знает, что там на двести восьмидесятом метре!.. Но локатор показывает сто шестьдесят!.. В общем, даем сто шестьдесят, у часовни.

В конце концов, уверен он в своем локаторе или нет? И, подавляя остатки сомнения, сказал, глядя на мерцающий экран:

— Все равно надо выяснить, в чем тут дело. Да, сто шестьдесят — это факт.

Новиков отвел Усольцева в сторону и угрожающе сказал:

— Ему доклад делать. Там бой будет. А вы тут каркаете. Плач Ярославны.

Мы его подбодрить должны.

Доклад в Доме ученых был назначен на семь часов вечера, поэтому Андрей, не дожидаясь конца раскопок, уехал вместе с Усольцевым, оставив на месте работ Новикова и Сашу. Договорились, что они привезут ему сообщение о результатах раскопок и протокол прямо на заседание.

Пока Усольцев развешивал в гостиной Дома ученых схемы и диаграммы, Андрей прошел в зимний сад, чтобы немного собраться с мыслями. В большом аквариуме медленно скользили золотистые рыбы. Влажный воздух был насыщен терпким запахом оранжерейных цветов. Андрей стоял за зеленой занавеской плюща, смотрел на рыб и старался не думать о том, что творится сейчас в глухом садике у края растущего котлована... Он нахмурился, заметив вдруг, что выводит пальцем на стекле аквариума «160», «280». Эти две цифры надоедливо вертелись в голове, мешая сосредоточиться. Сбоку, за плотной зеленой стеной плюща, кто-то сказал:

— Нет, я неверующий. Во-первых, эта статья...

— Но Тонков... — начал было женский голос.

— Тонков — да, а Григорьев?

— Говорят, он приедет сегодня, — сказала женщина.

— В общем, этому молодому чудаку готовят усекновение.

— Грустно. Я так рассчитывала на его локатор. Для наших сельских сетей это крайне важно.

— Вы знаете, когда и попал в институт, я буквально ожил. Во-первых, тишина, после завода поражает тишина.

— А во-вторых?

— Простите...

Женщина рассмеялась:

— У вас все во-первых.

Андрей отошел. Услышанный разговор освежил его. Какой любитель тишины нашелся! «Чудак», я тебе покажу «чудак»!

Маленький зал быстро наполнялся народом. Андрей встретил Марину и усадил ее в конце зала. Ему вдруг захотелось остаться рядом с ней. Сидеть и слушать чей-нибудь доклад, подавать реплики, тихонько переговариваться.

— Иди, — сказала Марина. Не обращая внимания на окружающих, она взяла его руку в свои и медленно провела ладонью по ней.

Крепко прижимая локтем пухлую, затрепанную на сгибах лиловую папку, он шел к председательскому столу, здоровался, улыбался, а в голове настойчиво вертелось: а вдруг на сто шестидесятом метре нет повреждения? Что же тогда показал локатор? Нет, глупости, сто шестьдесят и ничего другого... А может быть, повреждения в обеих точках?

Председатель научного общества, пока рассаживались, шепнул Андрею:

— Смотрите, Тимофей Ефимович приехал.

В первом ряду, возле Одинцова, сидел грузный старик с взлохмаченными черно-седыми волосами. Обе руки его лежали на суковатой палке, зажатой между колен.

Со школьной скамьи образ этого человека сопровождал Андрея. И в общих курсах электротехники, и в газетных статьях, и в толстых научных журналах он читал о нем и о его работах. Переходя с курса на курс и потом, в аспирантуре, Андрей изучал его труды, всякий раз открывая для себя новое.

Человек этот при жизни стал легендой. Круг его интересов охватывал всю электротехнику. Это был один из последних представителей старой гвардии электротехников, знавших Доливо-Добровольского, Попова, один из создателей плана ГОЭЛРО. От тех далеких лет, когда вся электротехника, вместе с радио и телефонией, умещалась в одном курсе лекций, он сохранил хозяйское чувство ко всему новому, что рождалось на его глазах. Уже давно радиотехника выделилась в специальную науку, разветвилась на десятки новых отраслей, уже специалисты по трансформаторам не могли оставаться универсалами и занимались либо малыми, либо большими трансформаторами, а Тимофей Ефимович, озабоченно

постукивая своей знаменитой палкой, шагал из одного раздела в другой, уверенно распоряжаясь своими необъятными владениями. За что бы он ни брался, в какой бы области ни работал, он щедро давал смелые идеи, над которыми трудились и будут еще трудиться целые коллективы. Из тех, кто сегодня сидел в зале, многие были либо его учениками, либо учениками его учеников. И вот сегодня Тимофей Ефимович пришел на его, Андрея, доклад. Держись, Андрей!

Рядом с Тимофеем Ефимовичем — Одинцов. Лицо непроницаемо. На поклон Андрея ответил сухим кивком. Как чужой. Послушаем, мол, чего ты там намудрил, Андрей Николаевич, бывший мой аспирант. Прав ли ты был, что ушел из института? Помнишь — парк, осеннюю дорожку, дом, где живет старик? Больше года прошло с того дня, как захлопнулась дверь подъезда... Держись, Андрей!

Ряды, ряды... Знакомые, полужнакомые и совсем незнакомые лица. Анечка сидит почему-то вместе с Любченко. Они, улыбаясь, смотрят на Андрея и о чем-то переговариваются. Нина, Кривицкий, Рейнгольд, Краснопевцев...

Инженеры лаборатории в полном составе. Нет только Борисова. Андрей по-прежнему считает его сотрудником лаборатории. У Борисова сегодня бюро райкома, дает там бой по поводу жилстроительства. Утром он забежал в лабораторию и сказал: «Держись, Андрей! Сегодня мы с тобой должны выиграть».

Говорить начал Андрей спокойно. Спустя минут десять вошел Тонков. Он остановился в дверях, поглаживая свою черную, словно приклеенную, бороду, как бы раздумывая, стоит ли ему оставаться. Ему услужливо освободили место, и он сел подле Смородина. Андрей перехватил их взгляды — взгляды соумышленников. Вокруг Тонкова расположилась вся его группа — аспиранты, ассистенты, научные сотрудники. Там же сидела и Майя Устинова. Последний месяц Андрей ее почти не видел, она была откомандирована в институт к Тонкову. Совсем приобщилась к лику тонковцев.

Тонков продолжал раскланиваться направо и налево, оделяя всех своей ослепительно-белозубой улыбкой. К нему оборачивались, в зале стало шумно, председатель взял карандаш и символично коснулся графина, не решаясь сделать замечание.

В упор глядя на Тонкова, Андрей повысил голос. Поведение Тонкова бесило его, сам того не замечая, он поддавался соблазну спора с Тонковым. Слова его начали звучать излишне полемично. Он нападал, и аудитория, где тонковцы составляли меньшинство, невольно начала обороняться. Неосознанное чувство самозащиты породило у слушателей дух противоречия.

Андрей услышал предупреждающий кашель Одинцова. Точно так он покашливал, сидя на пробных лекциях Андрея, когда тот излишне увлекался, уходил в сторону; этот негромкий носовой кашель был отлично известен и сидящему тут же Фалееву, и Зое Крючковой, и Андрею.

И впрямь, разве ради Тонкова делал Андрей доклад? Сюда собрались люди, которые ждут от него не ошибок и промахов, а заботливые и строгие друзья и те, кто могут стать его друзьями. Связисты, трамвайщики, радисты — всем им нужен был локатор для кабелей, линий передач.

И, покоряясь их дружескому вниманию, он постепенно успокаивался, раскрывал тайники своих сомнений; забыв о Тонкове, сам подсказал возможные возражения.

— Взяв за основу мысль, что я был не прав по всем пунктам, я решил подтвердить это исследованиями...

Губы Одинцова дрогнули в одобрительной улыбке, но Андрей не видел ее. Если бы ему удалось увлечь и воодушевить всех, кто сидел в зале, — во сколько раз возросли бы его силы! Сознывая, что он допускает, с точки зрения Тонкова, грубейшую оплошность, он не утаивал ни одного недостатка локатора, выдавал то, о чем многие и не догадались бы. Он словно отходил от кафедры, подсаживался к каждому и советовался, что тут можно еще надумать.

Слушатели постепенно втягивались в поток его поисков. Они думали вместе с ним, по-хозяйски озабоченные. Находились, разумеется, и разочарованные: коли ты не того, так и я не того.

О статье Тонкова — Григорьева он решил упомянуть в конце доклада, надеясь, что к тому времени подъедет Новиков с результатом измерения. Тогда Андрей скажет: «Что же касается опубликованной статьи, то лучшим ответом на нее может служить этот протокол». Если же Новиков не успеет, то Андрей сошлется на полевые и лабораторные испытания, а протокол зачитает в заключительном слове.

Чуть скрипнула дверь, Андрей поднял глаза и увидел входящего Григорьева. Тонков обернулся, удивленный и недовольный, — чувствовалось, что приход Григорьева был для него неприятной неожиданностью. Он настойчиво поманил Григорьева, приглашая его сесть рядом с собой. Лицо Григорьева болезненно скривилось, он осторожно потрогал щеку.

— Матвей Семенович, — вполголоса позвал Тонков.

Григорьев опустил глаза и бочком пробрался к Тонкову. Странно, но еще тогда, у Савина, прочитав статью, Андрей не испытал никакой враждебности к Григорьеву, было только неловко и стыдно. И сейчас Андрею стало неловко, ему некогда было думать, что означала короткая сцена, которая сейчас произошла между Тонковым и Григорьевым. Он старался просто не смотреть на Григорьева, но, куда бы он ни смотрел, ему все время мешало это старание не смотреть на Григорьева.

Он вдруг раздумал говорить что-либо по поводу статьи. Конец доклада получился скомканным. Пришло несколько записок. Спрашивали, сколько будет стоить локатор, можно ли по этому принципу определять разрывы в газопроводах и так далее.

Любченко спросил с места:

— Чем вы объясните, Андрей Николаевич, неудачу вашего локатора в опытах Тонкова и Григорьева?

— Вы, очевидно, имеете в виду статью, — сказал Андрей. — Здесь присутствуют авторы. Я надеюсь, они расскажут нам.

В перерыве к Андрею подошел Одинцов.

— Доклад неплохой, — строго, сказал он, — но я тысячу раз говорил вам: поменьше формул.

И Андрей почувствовал, что Одинцов простил его. Снова он почувствовал себя учеником Одинцова, этого на всю жизнь близкого, родного человека.

— Не принимайте слишком близко к сердцу то, что будут говорить в прениях, — советовал Одинцов. — Теория, заслуживающая доверия, устоит при любых нападках. Живите на год вперед.

В его словах таилось предчувствие разгрома. Для сведущих людей, знающих силу Тонкова, положение Лобанова выглядело безнадежным, особенно после тех нападков на Тонкова, которые позволил себе Андрей.

Андрей вышел с Мариной на лестничную площадку. Внизу стоял Усольцев, он смотрел сквозь оконные стекла на улицу.

Подошел Смородин, весело протянул Андрею руку, ясными глазами бесцеремонно ощупывая Марину.

— Как понимать, Андрей Николаевич, ваш ответ Любченко? Вы что же, идете на мировую с моим шефом? — спросил Смородин, продолжая с интересом разглядывать Марину.

— Вы скверный разведчик, — сказал Андрей. — И вообще, Смородин, я вас давно раскусил.

Смородин беспечно рассмеялся:

— Ну и чудесно. Когда вас попросят из лаборатории, приходи те к нам, чего-нибудь для вас подыщем. Между прочим, Кунина-то шеф мой съел. А? Слыхали? Вот вам, Кунина! — Смородин вдруг повернулся к Марине. — Ну, не буду вам мешать. Мы, кажется, незнакомы. — Он представился, пожав ей руку.

Андрея поражала неуязвимость этого человека. Никогда не удавалось Андрею смутить его.

— Понравился? — спросил Андрей, когда Смородин отошел.

— У него потные руки, — брезгливо сказала Марина.

Прения начались хорошо организованной атакой тонковцев. Ассистент Тонкова, черненький, с маслянистым голосом, с маслянисто-скользкими движениями, плавно водил указкой по чертежам:

— Откуда взялась такая точность? Сомневаюсь. Правдоподобны ли такие диаграммы? Сомнительно. Явно недостаточно количество замеров.

Вся схема локатора была подвергнута разъедающему сомнению. Тонковцы не приводили никаких доказательств, они просто расставляли повсюду вопросительные знаки, и, как всякая голословность, их слова звучали неопровержимо. Пренебрегая фактами, они лишали сторонников Лобанова возможности спорить.

Выступающие один за другим тонковцы опирались на сомнения предыдущих, как на факт: ах, раз предпосылки сомнительны — значит, выводы неверны. Они забирались на плечи друг другу, забрасывая подозрениями прибор, перекидывая огонь на самого Лобанова.

— Договаривайте до конца. Выходит, мы подтасовывали данные? — вспылил Андрей во время выступления Смородина.

— Желаемое часто принимают за действительное, — отпарировал Смородин. — Этим грешат даже крупные ученые.

«Смородин, отрицая достоверность точки

В , тем самым...» — Андрей не мог дописать фразы.

«Тем самым, — повторял он про себя, пытаясь вернуть спокойствие, — они не брезгуют никакими средствами. Им наплевать на пользу, которую может принести локатор, они заботятся о себе...»

Один из выступавших, инженер-«дальник» — так называли среди связистов работников дальней связи, — недоуменно развел руками: стоит ли практически ставить вопрос о локаторе, если в нем так много недоработок. Конечно, принцип интересен, но...

Сбитый с толку предыдущими выступлениями, он бесхитростно выражал разочарование той части слушателей, которые пришли сюда, надеясь получить новый прибор для своих нужд. Из доклада Лобанова они поняли, что прибор готов. Они готовились к разговору о практических вещах: во сколько обойдется такой прибор, как его эксплуатировать, как приспособить для телеграфных и других линий. А тут, оказывается, и то не то, и это не так, и сам Лобанов чуть ли не обманщик, и вместо делового обсуждения получается какой-то отвлеченный научный спор.

«Дальник» напрямик спросил:

— Что же, в конце концов, локатор лучше остальных приборов или нет? Можно пользоваться локатором, действует ли он?

На Андрея смотрели ожидающе, сочувственно, встревоженно.

Где Новиков, где протокол? Почему они задерживаются? Он снова подумал: «Сто шестьдесят или двести восемьдесят?» И, подавляя в себе эти малодушные мысли, громко сказал:

— Локатор действует, пользоваться им... — Но председатель прервал его.

Председатель вел себя как клапан: он не препятствовал сторонникам Тонкова и мгновенно захлопывался, когда пытался протестовать Андрей. Андрей посмотрел на своих. Они сидели притихшие. Маленькие сонные глаза Краснопевцева умоляюще смотрели на Андрея. И вдруг Андрей почувствовал: все, что здесь творится, касается не его лично, а всех, кто работает над локатором и кто заинтересован в этом приборе. И Новиков бесконечно прав: локатор — прибор не Андрея Лобанова, а детище и Краснопевцева, и Кривицкого, и Любченко, и всех их, и он, Андрей, обязан защищать не себя, а их всех, они доверили ему это право, и он не смеет сдаваться. Эта простая мысль взбудрила его. Не обращая внимания на председателя, не ожидая больше Новикова, он ринулся в драку, в которой уже, чувствуя себя безнаказанными, брали верх тонковцы. Ответы его стали быстрыми, находчивыми. Там, где ему не хватало фактов, он действовал убеждением.

— Я ручаюсь за эти показания, — говорил он.

Или:

— Нет, вы докажите, докажите, что это не так.

И, как ни странно, такие реплики, не имеющие ничего общего с настоящим обсуждением, к которому стремился Андрей, действовали на его противников и на слушателей. Он сам переходил в наступление и стойко защищался даже там, где противник оказывался сильнее. Только в одном случае он упорно отмалчивался — когда речь заходила о статье Тонкова и Григорьева.

Какой-то перелом в ходе прений, несомненно, произошел, и этот перелом был в пользу Андрея. Несколько инженеров, пробиравшихся к выходу, остановились. Тогда председатель предоставил слово Тонкову.

Стоя за кафедрой, Тонков несколько секунд задумчиво молчал. Тишина нарастала. Точно уловив ее предел, Тонков сказал:

— Тот, кто с самого начала в научных исследованиях задается узкой практической целью, ожидая извлечь немедленную пользу, часто обречен на неудачу. Лягушечья лапка Гальвани завершилась в конце концов электростанцией, а кто мог считать тогда, что это имело какой-то практический интерес? Признание ученым бездны неизвестного требует скромности и отучает от скороспелой заносчивости. — Он посмотрел на стенографистку, подождал, пока

она запишет, и продолжал: — На протяжении многих месяцев я тщетно пытался предостеречь нашего молодого коллегу от его поспешных выводов. Сегодня мы с вами стали свидетелями его научного фиаско. Напрасно я искал в его докладе, в прениях каких-либо фактов, которые позволили бы мне помочь ему. С грустью приходится признать — слишком мало опытов, экспериментальный материал беден. Нужны еще годы и годы лабораторных исследований. Но нужны ли они? — Он сделал паузу, вздохнул. — Я не так самоуверен, как Андрей Николаевич, и вместо «нет» говорю «пока нет». Нас хотят свернуть с пути, освященного традицией величайших русских ученых. Методы, которые пытается зачеркнуть Андрей Николаевич, начинал еще на заре отечественной электротехники Лачинов!

— Нашли чем хвастаться! — буркнул Тимофей Ефимович. Его насмешку услышало несколько человек, сидевших поблизости; шепотом они передали эти слова соседям, и этот шепоток, возбуждая улыбки, пошел гулять по залу, добираясь до задних рядов.

Пользуясь случаем, Андрей прервал Тонкова:

— Скажите, пожалуйста, в каком году был введен ваш метод?

— К вашему сведению, в тысяча девятьсот тридцать пятом году, — язвительно сказал Тонков. — Не мешало бы вам...

— Позвольте, это почти пятнадцать лет назад, а прибавьте еще Лачинова, так все шестьдесят наберется.

Тимофей Ефимович одобрительно кивнул, как припечатал. Председатель тронул графин.

— Отрицать старое — не значит еще создавать новое, — закончил Тонков этот мимолетный спор и далее, подведя философскую базу, обвинил Лобанова в отступлении от законов диалектики. Нужно копить факты скромно и осторожно. Собирать факты, а не высасывать из пальца идеи, подобно идеалистам в физике.

— Признаться, я не собирался сегодня выступать. Мне трудно добавить что-либо к той картине, которая ясна всем. Если тут и есть кое-что ценное, — он обвел рукой диаграммы, — то все портит предвзятость и жажда быстрого успеха.

Так можно было говорить, когда сущность вопроса решена и остается только оценить события. Тонков, не стесняясь в средствах, силой присоединял большинство к своим союзникам, очерчивая вокруг Андрея запретный круг отчуждения.

— ...Поскольку Андрей Николаевич просил высказаться автор статьи, то я могу сообщить следующее. Испробовав вариант схемы локатора, предложенной Лобановым, мы убедились в некачественности этой схемы. — Он улыбнулся, придавая своим словам оттенок зловещей двусмысленности. — И в дальнейшем опыты шли по моей схеме...

— По какой? — быстро спросил Андрей, подавшись вперед.

— ...Естественно, это задержало ход исследования, но нет худа без добра.

Андрей встал:

— Еще раз прошу сообщить, как выглядит ваша схема? Андрей подошел к Тонкову, протянул ему мел.

Тонков посмотрел на его руку: она дрожала.

— Пока схема не опубликована, я не считаю удобным... — Снисходительная степенность его слов подчеркивала всю бестактность просьбы Андрея.

В зале росла и росла тишина. Не спуская глаз с Тонкова, Андрей взял свернутый в рулон чертеж.

— Вот схема локатора, которую я предложил профессору Григорьеву для его измерений, — он развернул чертеж, поднял его перед аудиторией. — Будьте добры показать, в чем тут, по-вашему, порок?

Тонков скользнул глазами по схеме и тотчас настороженно повернулся к залу; он уже приготовился было произнести очередную убийственную фразу, но его опередил высокий, натянутый до предела женский голос.

— Товарищи! — По проходу почти бежала Анечка. Она остановилась перед Андреем, спиной к залу. — Андрей Николаевич! Ведь это же не ваша схема. Как вам не стыдно! Это схема профессора Тонкова. Мы по ней работали. Мы на ней получили все замеры.

Лист бумаги жестяно зазвенел в руках Андрея.

— Удивительное совпадение, — бесчувственно сказал Андрей, смотря на Григорьева.

— Настолько... удивительное, что я не вижу смысла продолжать, — торопливо сказал Тонков и направился к выходу.

— Подождите! — Навстречу ему поднялся Григорьев. Цепляясь за стулья, он медленно шел к кафедре. Красные пятна вспыхивали и меркли на его щеках. Одергивая криво застегнутый пиджак, он напомнил Тонкову, как он, Григорьев, сообщал ему схему Лобанова.

— А потом вы сказали мне, что по схеме Лобанова ничего не получается и замеры сделаны по вашей схеме. Как же так? Вы ходит, у вас своей схемы не было?

— Вы что-то путаете, Матвей Семенович, — твердо сказал Тонков.

Григорьев, ошеломленный, втянул голову в плечи, пристыженно-беспомощно переводя глаза с Андрея на Анечку.

В маленьком, ярко освещенном зале все было хорошо видно, но многие почему-то привстали.

— Наша схема, — раздался голос Майи Устиновой, — то есть схема профессора Тонкова, оказалась недостаточной. Я лично ее опробовала... — Майя говорила тихо, тем не менее каждое слово звучало отчетливо. — Мы никак не могли на ней добиться точности, которую обещал профессор Тонков. Мы отказались от этой схемы...

Андрея поражала не низость поступков Тонкова, открывшаяся ему сейчас во всей скандальной неприглядности, а то, что рассказала о ней Майя, Майя, для которой работа с Тонковым стала делом престижа, чести. С этой работой Майя связывала все свои надежды, она была ее оправданием, ее верой... Бледное, чистое лицо Майи словно окаменело. Двигался только ее рот. Андрей вспомнил почему-то партийное бюро, потом отчетно-перевыборное партсобрание, выступление Борисова и почувствовал какую-то крепкую внутреннюю связь между всеми этими событиями и тем, что творилось сейчас.

— Вы утверждаете, профессор Тонков, что ничего не знали о моей схеме, — сказал Андрей.

— На каком же основании вы писали в статье, что она не годится?

— Это что, допрос?

— Нет, опровержение, — раздался негодующий голос Кривицкого.

— Значит, вы... — Анечка напряженно смотрела на Тонкова. — Как вам не стыдно! И мы... — Глаза ее заблестели, она резко повернулась и вышла в боковую дверь...

Григорьев с силой потер щеку, оставляя на ней белые полосы.

— Андрей Николаевич, я не имел права... — тихо начал он.

— Громче! — потребовали в зале.

Григорьев повернулся к аудитории, уперся глазами в толстую спину уходящего Тонкова и, торопясь, чтобы Тонков услышал, вдруг закричал, размахивая руками:

— Вы опозорили мое имя, мою честь... Все, что угодно, но фальсификация научных данных — это... я не знаю... За это судить надо! Да, да! Я сам виноват, я сам преступник, я поверил, слепо верил Тонкову. — Этот лысый, щуплый человек был сейчас страшен в своем гневе. — Принцип локатора правилен. Практически не берусь судить, но, во всяком случае, я верю теперь Андрею Николаевичу, а не профессору Тонкову.

Встал Тимофей Ефимович. Андрей подумал, что он хочет уйти, но старик, постукивая палкой, направился к столу, поднял на лоб очки, сразу стал похожим на старого мастера.

— Михаил Фарадей перед смертью писал, — сказал он: — «Постоянный опыт показывает, что наша осторожность чаще распространяется на ошибки прежних лет, чем на наши собственные». Я всегда склонен объяснять поступки моих коллег высокими побуждениями. Неоднократно, впрочем, я наставлял себе синяки за подобную наивность. Сегодня тоже. Кроме той осторожности, против которой восставал Фарадей, сегодня проявилась другая. О ней предупреждал Ленин. Он как-то говорил, что когда новое только родилось, то старое остается некоторое время сильнее. Тог да-то и происходит издевательство над слабостью нового, этакий дешевый интеллигентский скептицизм. Насколько я разобрался в обстановке, против Лобанова особо яростно ополчились ученики и соратники профессора Тонкова. Почему? — Даже стенографистка замерла, остановив свой быстрый карандаш. — Престиж свой боятся утратить! И разные льготы и выгоды. Их интересуют не по иски истины, а безопасность своего положения в науке. Появился конкурент — дави его, уничтожай любыми средствами! Подобные люди рады уничтожить всякий талант, который может как-то соперничать с ними. — Он стукнул палкой. — Вот мы и увидели их голенькими.

Освежающим гулом прокатились аплодисменты. Никого не смущала их неуместность в этой деловой обстановке.

— Когда чувствуешь, что силы начинают иссякать, — тихо говорил старый ученый, — то единственным утешением служит возможность помочь тем, кто придет после нас и будет бесстрашно идти по тому пути, который мы смутно предвидим.

Аплодируя вместе со всеми, Андрей выронил записку, которую давно уже машинально вертел в руках. Он поднял ее, развернул и прочел: «А. Н.! На 160-м порчи не оказалось. Как быть? Новиков».

Новиков, стоя в дверях, видел, как лицо Лобанова словно опустело. Ничего не осталось — ни боли, ни испуга, ничего. Новиков вышел в соседнюю комнату. Там, поджидая его, из угла в угол ходил Усольцев. Махнув рукой, Новиков зашагал по другой диагонали. Встречаясь, они останавливались, прислушивались к голосам из-за полураскрытой двери и вновь расходились.

Когда Тимофей Ефимович кончил, Андрей извинился и направился к выходу. Стоя у дверей, он коротко, шепотом обсудил с Новиковым и Усольцевым положение. Кабель на сто шестидесятом метре был цел, никаких повреждений на нем нет. Наумов с бригадой ждет

указаний. Новиков и Усольцев смотрели на Андрея умоляюще, ожидая чуда. И вдруг Андрей улыбнулся большой, спокойной улыбкой. Это действительно было похоже на чудо. Бог знает, каких трудов ему стоила эта улыбка. Он положил руку на плечо Новикова. Есть единственный выход — вызвать сейчас Майю Константиновну и попросить ее произвести замер своим методом. Может быть, ей удастся хоть на пять-шесть метров уточнить место этого злосчастного повреждения.

Новиков схватился за голову:

— Позор! Андрей Николаевич, это же капитуляция!

— Да... — грустно сказал Усольцев.

— Ответственность за ход ремонта легла на лабораторию, — быстрым шепотом сказал Андрей. — И бросьте паниковать. Подумаешь, катастрофа!

Новиков отчаянно зажмурился:

— После всего, что было, я не могу просить Майю Константиновну. Режьте меня. Не могу!

Из зала доносился голос моряка — начальника конструкторского бюро:

— ...Точность, достигнутая локатором, перекрывает остальные методы...

Андрей наклонился к сидящей у двери Нине и попросил вызвать Майю Константиновну. Новиков и Усольцев отошли в глубь комнаты. Невыносимо было слушать сейчас выступающих. Торжество победы казалось горше всякого поражения.

В двух словах Андрей объяснил Майе суть дела. Майя медленно подняла голову, посмотрела ему в глаза. В сухом, горячем блеске ее чистых глаз смешались раскаяние, радость, дружеское сочувствие и благодарность за то, что Андрей поверил ей в эту трудную минуту. Она хотела что-то сказать и не могла справиться со своими губами. Только глубоко вздохнула и изо всех сил пожала Андрею руку. Она позвала Нину, подбежала к Новикову и Усольцеву, и все четверо бегом уже спускались по мраморной лестнице.

Андрей печально посмотрел им вслед. Отказаться от заключительного слова? Трусость. А вдруг ошибка локатора не случайность?

— Заключительное слово предоставляется докладчику, — объявил председатель.

Андрей подошел к кафедре. Положил перед собой протокол испытаний. Синими чернилами (вечная ручка Новикова) было написано: «Повреждения на 160-м метре при осмотре кабеля не обнаружено». Подписи.

Сейчас он прочитает протокол, и завоеванное с таким трудом доверие к локатору рухнет. В тысячный раз он спрашивал себя, верит ли он сам в свой локатор, и в тысячный раз отвечал — верю. Никакие протоколы не разубедят его. Могло произойти любое недоразумение. Так должен ли он сейчас читать протокол или нет?

Между тяжелыми складками пунцовых занавесей блестели черно-синие стекла окон. Там, далеко, в заснеженной мгле работали его товарищи. Наверное, уже заехали в лабораторию, Майя взяла свои приборы. Едут к котловану. Сидят в машине, молчат. Наумов со своей бригадой передвигают компрессор поближе к двухсот восьмидесятому метру, к ограде. По где копать котлован — за оградой, до нее? Наугад, вслепую искать в промежутке двадцати — тридцати метров. Если бы Майе удалось хоть немного уточнить. А здесь... Смородин сидит сейчас присмиривший. Тихо вошла Анечка, глаза заплаканы. Кривицкий настроенно уставился. Догадывается? Фалеев подмигивает: «Крой их, наша взяла!»

Это верно, независимо от локатора, важно разоблачить Тонкова и его школу. Пусть люди еще раз услышат правду о нем. Андрей поднял голову, расправил плечи, руки его в карманах сжались.

— Что представляет собою последняя книга профессора Тонкова? Двадцать страниц к вопросу о случаях, встречающихся раз в сто лет. На пятнадцати страницах профессор дает теорию случаев, которые бывают раз в двести лет. Наконец, на десяти страницах случаи, которых вообще никогда не было. Вы найдете в этой книге все, вплоть до того, что произойдет, если на изолятор сядет ворона, и что изменится, если сядет воробей. Нет в ней только одного: честной оценки существующих методов, того, как сегодня надо бороться с авариями. Профессор Тонков имеет так называемую школу. За несколько лет все его ученики успешно защитили диссертации и написали около двух десятков книг. Но кто из сидящих здесь пользуется этими книгами? Никто. Профессор Тонков понимает, что практика, производство может вывести на чистую воду его устарелые методы. Поэтому Тонков решил прибрать к рукам производство. Но, как видите, ничего из этого не вышло...

Потом Андрей быстро начал отвечать на замечания в прениях. Инженер-«дальник» удовлетворенно кивал головой. Остатки сомнений растворялись в неумолимой логике слов Андрея. Потом Андрей согласился с замечаниями, отмечаящими недостатки локатора, и с разбега, так было легче, сказал:

— Относительно практического применения локатора. К сожалению, первая наша попытка оказалась неудачной. — Он поднял протокол испытаний и начал читать. Против воли голос его изменился. Вздох разочарования прокатился по аудитории. Смородин и остальные тонковцы оживились. На них зашикали, но как-то растерянно. Что-то надломилось в людях, слушавших до этого Андрея с возрастающим доверием.

Все, что затем делал Андрей, он делал чисто механически. Отвечал, говорил, что это недоразумение, случайность; выслушивал утешения, кому-то давал телефон. Одинцов и Тимофей Ефимович утверждали, что без подобных ляпсусов не обходится ни одна серьезная работа, и Андрей пристыженно благодарил их за участие. В то же время он видел, как уныло расходится большинство слушателей. Вокруг Смородина собралась большая группа людей, и он что-то громко, бодро доказывал. Поодаль, тихо переговариваясь, стояли инженеры лаборатории. Андрей подумал, что надо бы подойти к ним. По все его чувства и желания были какими-то приглушенными, тусклыми. Единственное, чего ему хотелось по-настоящему, остро, сильно, — это скорее уйти, взять с собой Марину и уйти, остаться с ней вдвоем.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Накануне заседания Андрей предупредил Марину, что если все обойдется удачно, то вечером у него соберутся товарищи по лаборатории и они отпразднуют победу. Он взял с нее слово, что и она придет. Марина сама мечтала познакомиться с друзьями Андрея, войти в ту его жизнь, которая до сих пор оставалась закрытой для нее.

Но после заседания Андрей повез ее куда-то в Заречье, к скверу, где при свете аккумуляторной лампочки люди копали котлован, стучал компрессор, стрекотали отбойные молотки. Всю дорогу Марина приставала к Андрею с расспросами, она должна была разобраться в происходящем, чтобы как-то утешить его. Андрей отвечал безучастно, и от этой странной безучастности ей стало не по себе.

Андрей побежал на котлован. Марина ходила по льдистому тротуару, у нее мерзли ноги, хотелось есть, а главное — было больно оттого, что она ничем не может помочь. Она

посмотрела на часы — было без десяти десять. Андрей совсем забыл о ней. Ну и хорошо, она готова ходить здесь до полуночи, всю ночь. И хорошо, что у нее мерзнут ноги, что она голодная, это хоть как-то приобщает ее к общей беде.

В четверть одиннадцатого она не вытерпела, стыдясь самой себя, забежала в магазин на углу. Там было тепло. Стоя перед прилавком, она растерла руки, от тепла заломило пальцы. Она купила черствый пирожок с повидлом. На улицу выходить было страшно, но именно поэтому она не позволила себе больше ни минуты задержаться в магазине.

Там, где они расстались, прислонясь к стене дома стоял Андрей и перед ним девушка в сером затасканном ватнике с чужого плеча.

— За что нам спасибо... Вы только не расстраивайтесь, — умоляюще говорила она.

Заметив Марину, она замолчала. Потом пристально посмотрела на нее и крепко пожала Андрею руку. Он молча взял Марину за локоть, и они пошли.

— Как там? — спросила она.

— Повреждение на двести восемьдесят первом метре. — Он больно сжал ее кисть. — Но я по-прежнему не верю. Тут что-то не то. Локатор не мог ошибиться. Принцип-то правилен? Верно?

— Знаешь что, пойдём к тебе, — предложила Марина. — Ты посидишь, разберешься.

Люди в горе становятся эгоистами. Андрей принял ее слова как должное, не поблагодарил, не обрадовался.

...Нина стояла грязная, измученная, провожая глазами Андрея, идущего с другой. Та женщина держала его под руку. Та женщина утешала его. Нина вынула из кармана платочек и устало начала вытирать мокрые ладони. Саша издали следил за ней. Он понимал, что с ней творится, и ему было жаль ее и обидно за нее. Никогда еще он не видел ее такой поникшей, и никогда еще он не любил ее так, как сейчас. В эту любовь входило все — и ревность, и горе от неудачи с локатором, и самолюбие, все разом обнимала эта любовь, она была над всем.

Ему казалось, что, если бы Нина узнала, как он ее любит, она не была бы так несчастна.

Он пошел проводить ее.

— Андрея Николаевича жаль, — говорил он. — Надо же было... как назло...

— Найдутся жалельщики без нас, — зло сказала она. Саша серьезно и печально покачал головой:

— Зачем ты мне врешь?

Когда они подходили к ее дому, Нина сказала:

— Мне теперь все равно. Я в институт поступаю.

Саша вдруг с тем твердым спокойствием, какое появлялось у него в крайние минуты жизни, сказал:

— Ты знаешь, что я тебя люблю?

— Знаю, — грустно и ласково сказала она.

Они долго стояли, опустив головы.

— Понятно, — сказал Саша. — Конечно.

Она протянула ему руку. Он бережно перебирал ее холодные, перемазанные землей пальцы.

— А в Осиновке новый лыжный трамплин построили... Нина, неужели ты...

Неужели для тебя это не кончилось?.. Несправедливо это.

Она хотела что-то ответить. Промолчала. Он понял, что она не жалеет ни о чем. Она взяла его за плечи, притянула и поцеловала в щеку. От такого поцелуя можно было заплакать.

Так ли Марина мечтала вступить в его дом! Впрочем, она никогда не думала о том, как это случится. Но сейчас, когда они молча поднимались по лестнице, она ясно представила, как это могло быть, представила совсем другое молчание, не гнетущее, а волнующее.

— Вот познакомься, папа: Марина, — рассеянно сказал Андрей. И это тоже произошло бы не так. Он смутился бы, и все было бы как-то значительно и прекрасно. Отец Андрея не скользнул бы глазами по ней, не стал бы сразу расспрашивать Андрея, что случилось, а почувствовал бы, что значила эта девушка для его сына.

И Андрей не оставил бы ее одну в комнате, не ушел бы с отцом и сестрой в столовую. Он робко ввел бы ее к себе, и все в его комнате казалось бы им наполненным особым смыслом.

Обидно. Новизна этих минут никогда не повторится. Будет другое, конечно, хорошее, счастливое, но этого уже не будет.

«Невеста», — горько усмехнулась она, готовая расплакаться.

Но она не имела права сейчас даже на свое горе.

Прошел час. Они были вдвоем. Андрей ходил по комнате, садился, заглядывал в бумаги, опять вскакивал, ходил.

— Не может быть, — повторял он, — не может быть, все правильно.

— Попробуй отвлечься на минутку, — сказала Марина. — Не ужели ты так легко поддаешься отчаянию?.. И потом... хорош хозяин.

Он как бы опомнился, побежал в кухню, принес консервы, хлеб. Достал бутылку вина из припасенных к сегодняшнему вечеру. Марина ела с аппетитом и оживленно рассказывала о своих впечатлениях об Одинцове. Андрей налил вина, они чокнулись за здоровье старика.

— Я не успел тебя познакомить с ним. Хочешь, как-нибудь пойдём к нему вместе? Он обрадуется.

— Обязательно пойдём. Вы будете опять целый вечер заниматься своими импульсами.

Они выпили, и Андрей посмотрел на Марину долгим, тяжелым взглядом.

— Послушай, Марина, ты веришь мне?

— Верю, — просто и серьезно ответила она. Но ему этого было мало.

— Они все ушли разочарованные. Они... они-то не верят... Как это теперь все восстановить?.. Но я убежден, — он стукнул кулаком по столу. — Головой отвечаю! — И сразу же вопросительно посмотрел на нее.

Она почувствовала себя сильнее. Она утешала его как могла неумело и горячо, обижая своей жалостью и страстно заглаживая эти обиды. Она была счастлива уже тем, что он нуждается сейчас в ней, в ее бессвязных, глупых словах.

— Ты придумал что-нибудь... Может быть, даже завтра, — говорила она ему, как маленькому. — Осенит. Догадка всегда осеняет... Ну, чего ты расстраиваешься? Не ты же один делал прибор. Была бы ошибка, другие тоже бы заметили. Вот увидишь, все будет чудесно, и тебе совестно будет вспомнить, каким ты был плаксой...

Раздался телефонный звонок. Андрей вышел в коридор. Слышно было, как он хриплым голосом что-то переспрашивал, все громче, громче. Через несколько минут он вернулся в пальто, в шапке.

— Марина, звонил Наумов. Там что-то случилось. Я пошел. Ты подождешь меня?

Она покраснела.

— Марина, я тебя очень прошу. Я, наверно, скоро вернусь.

— Я не останусь, как ты не понимаешь...

Не слушая ее, он побежал. Хлопнула дверь в парадной.

Некоторое время Марина сидела, устало вытянув ноги, закинув руки за голову. Потом встала, прошлась по комнате. Она трогала стулья, полки, как бы убеждаясь в их реальности. Присев на кончик стула, она зажгла настольную лампу и попробовала представить себе, как Андрей занимается здесь. Взяла перо, логарифмическую линейку, нахмурилась... Внезапно она заметила на зеленой бумаге, которой был накрыт стол, несколько женских профилей, нарисованных пером. Она засмеялась. Нос, пожалуй, слишком вздернут, на самом деле он почти прямой. И подбородок не такой уж полный, но главное в очертаниях лица — ее лица — схвачено правильно. А рядом был записан ее телефон.

Вещи в комнате точно ожили, наперебой рассказывая о себе. Старенький перочинный ножик выставил открытое лезвие, измазанное сгустками засохших чернил. Блестела кривая толстая игла, воткнутая в катушку черных ниток.

Только мужчина способен управляться с такими уродами.

Странное дело, комната почему-то не была чужой. Мысленно она переставляла мебель, вешала занавески на окна, поставила цветы.

На письменном столе стояла фотография девушки, кидающей мяч. Фотография была запылена, Марина вытерла ее и равнодушно поставила на место.

Эта комната, в которой угадывались привычки Андрея, его характер, вдруг как-то приоткрыла ей будущее.

Может быть, вот так она будет сидеть и ждать Андрея. Он будет забывать о ней ради своей работы. Он уступчив, деликатен, мягок, пока у него все идет хорошо. Он любит и будет безропотно, с радостью подчиняться во всем. Но если ты будешь ему мешать, он пройдет как танк, не пощадит и тебя. Об этом ли ты мечтала? Будешь ли ты счастлива? Выдержишь ли ты? Да, отвечала она. Но зачем мне это нужно? Почему я должна все понимать? Почему я должна мириться? Я сама хочу быть такой. Это самое трудное и самое дорогое в жизни. А впрочем, так ли уж это трудно, когда любишь?

Никогда она еще так не любила. Но проходили минуты, и чувство обиды, уязвленное самолюбие подмывало уйти. Где эта, казалось, завоеванная уже радость? Уйду. Вот уйду, и

пусть тогда...

Андрей бежал по пустынным улицам. Не хватало дыхания, он переходил на шаг, опять пускался бежать. Он забыл надеть галоши, подошвы скользили, один раз он упал. Как назло, не попадалось ни одного такси.

Наумов и Якушев ожидали Андрея в трансформаторной будке. От нагретого кожуха трансформатора исходило усыпляющее тепло. Якушев, сидя на деревянной решетке, всхрапывал открытым ртом. Андрей обил у порога снег с ботинок и вошел, ничем не выдавая своего нетерпения. Таков был нерушимый обычай, — поспешность среди энергетиков считалась недопустимой.

Наумов, как водится, учтиво предложил папирос собственной набивки, закурил сам и в промежутках между затяжками сообщил, что кабель отремонтирован, включен. Дома со светом.

Андрею это было известно, но он сказал:

— Быстро вы управились.

Наумов довольно усмехнулся:

— Быстро-то быстро, да только одно сомнение появилось. Перед ремонтом я замерил изоляцию в обе стороны от порчи. На одной стороне изоляция хорошая.

А на другой так себе. Не такая, чтобы очень, а все же... жить с такой изоляцией можно; вот видите, кабель включили, и он нагрузку держит. Изоляция слабая как раз в той стороне, где локатор показывал.

— Котлован уже засыпали? — спросил Андрей.

— Нет, я не велел засыпать котлован. Люди устали, завтра утром засыпят.

— Но ведь вы осматривали, кабель в том месте цел?

— Кабель здоровый, — подтвердил Наумов. — На внешность здоровый.

Андрей нахмурился.

— Может, еще раз посмотрим? — неуверенно начал он.

— Смотрел я. Всех отпустил, залез и осмотрел, — сказал Наумов. — Потом вам и позвонили. Небось, с постели поднял?

— Где там, мне не до сна было, — спокойно сказал Андрей.

— Земля-то в котловане вроде сдвинута. Тянуло кабель землей в этом месте.

Андрей терпеливо молчал. Наумов изогнул козырек кепочки почти острым углом.

— Может, Андрей Николаевич, это самое — резануть кабель? — тихо спросил Наумов.

— Резанем, — блеснув глазами, сказал Андрей. — Вскроем и посмотрим, а вдруг? Верно, Наумыч, а вдруг там и есть разгадка? Мало ли что может быть.

— Так-то так... Да только резать здоровый кабель... за такие вещи меня по головке не погладят. Вставку потом придется делать.

— Кабель для вставки есть? — спросил Андрей.

— Уже приготовил, — усмехнулся Наумов.

— Дом придется снова отключить. Ах черт, я позабыл! Как же тут быть?

— Об этом не беспокойтесь, — улыбнулся Наумов и вытащил свои большие часы. — Я предупредил коменданта. С часу ночи выключим их снова, до утра.

Оказалось, что Наумов все предусмотрел и подготовил. Не хватало только людей. Андрей послал Якушева позвонить Новикову: пусть немедленно приезжает и по дороге заедет за Сашей и за Усольцевым.

Наумов выключил кабель, они взяли лопаты и пошли к ограде. Взошла луна... Снег был зеленым, земля синей. Чтобы вырезать кабель и сделать вставку, котлован пришлось расширить. Лопаты звенели о мерзлую землю. Андрей вскоре скинул пальто, повесил на ограду.

Работали молча. Якушев вернулся и ломом стал разбивать закаменелые комья. Новиков, Саша и Усольцев приехали вместе на такси. Усольцев был заспанный и ворчливый. Новикову этот ночной аврал, это вдохновенное тревожное ожидание нравились.

— А как вы думали, Усольцев? Таковы гримасы науки! — приговаривал он, потрясая лопатой.
— Вот этим мы защищаем истину. Копайте, копайте. Она там, на дне.

Якушев разжег костер, поставил в огонь припой для монтажа. Желтый свет пламени играл на их потных красных лицах. Они по очереди сменяли друг друга.

У Новикова и у Андрея ноги стали мокрыми. Предусмотрительный Усольцев приехал в старых высоких сапогах. Было два часа ночи, когда Наумов взял ножовку и, сидя на дне котлована, начал отпиливать кабель. Все стояли, опираясь на черенки лопат, и слушали, как визжал раздираемый зубьями пилы металл.

Отпиленный кусок кабеля, упругий и теплый, отнесли в будку. Наумов снял стальную ленту брони, осторожно удалил смоляные волокна джута. Свежий запах далеких лесов наполнил воздух. Тускло блеснул свинец. Наумов ножом ловко разрезал свинцовую трубку, разогнул ее, вынул запеленатый в желтую бумагу кабель, поднял его к свету. Толкая друг друга, вытянув шеи, все они смотрели на вощеную поверхность бумаги.

— Оно! Вот! Есть! — разом тихо и громко произнесло несколько голосов.

Посредине кабеля на желтой бумаге черной кляксой обозначалась подпалина. Она проходила насквозь через десятки слоев бумаги до медных жил кабеля, отсасывая электронный поток в землю. Это и было место утечки. Процесс разрушения только начинался. Подобно язве, он омертвлял здоровые клетки изоляции. Кабель был обречен.

— Через две-три недели он бы пробился, — мрачно определил Наумов.

— Значит, локатор показал правильно! — закричал Новиков. — Правильно!

Колоссально!

Он хлопнул Наумова по плечу, схватил Андрея за руку обеими руками.

— Андрей Николаевич! — замирающим голосом сказал Саша.

Счастье на миг осветило их лица. Наумов снял кепочку, ее измятый козырек не способен был

выразить такое ликование. Они пожимали друг другу руки, взахлеб вспоминали события сегодняшнего вечера. Просто им попался редкий случай: сразу два повреждения. Локатор показал ближайшее. Они наперебой объясняли, почему там, на двести восьмидесятом метре, получился такой маленький всплеск... Держись, Тонков! Милый, голубчик локатор не подкачал... А кто надумал проверить? Наумов. Ай да старик! Подумать только, что было бы, если бы не Наумов, — тогда доказывай, что ты не верблюд!

Только теперь они заметили, какие они перемазанные, выходной синий костюм Андрея был весь в земле.

Надо было монтировать вставку. Наумов убеждал, что он справится сам с Якушевым, но, разумеется, все отправились на котлован помогать им.

Андрей зашел в будку, присел на корточки перед развороченным кабелем.

— Что ж это получается... — бормотал он сухими губами.

Он встал, вышел в сквер, не разбирая дороги, по снегу зашагал к костру.

Снова взял лопату. Усольцев начал что-то выговаривать ему насчет мокрых ног и простуды, он отмахнулся.

— Подожди-ка... Подожди-ка, — повторял он, бросая землю в котлован. — Подожди-ка.

Он так ушел в себя, что не заметил, как котлован закидали землей, его остановил общий хохот. Оказалось, что он нес на лопате землю из котлована обратно, в отвал.

Андрей стоял на грязном, затоптанном снегу, держа на весу лопату с комьями рыжей земли.

— Подожди-ка, — сказал он громко. — Если так, то что же получается? Выходит, локатором можно определять повреждения, которые еще только... Будущие повреждения? Факт! Чего же вы молчали?

Как они не догадались? Это же было ясно всем, даже сонному Якушеву.

Зависть, хорошая зависть больно кольнула Новикова — почему он не сообразил такую очевидную вещь? Простофиля.

Простота, да к тому же очевидная, наиболее сложное дело в науке. Она появляется в самом конце долгого и извилистого пути. Электрическая лампочка несравненно проще первых дуговых фонарей. Понадобились сотни лет, чтобы от громоздких водяных колес перейти к маленькой гидротурбине.

Была половина третьего ночи, когда Наумов включил кабель. На темной стене студенческого общежития вспыхнуло несколько окон.

— Свети, — сказал Андрей. — Свети спокойно.

— Пропустить бы теперь в порядке профилактики грамм по двести, — сказал Наумов.

Они почувствовали, как иззябли и продрогли.

— Друзья, — предложил Андрей, — пошли ко мне. У меня, кстати, кое-что приготовлено.

И тут он впервые вспомнил о Марине. Неужели ушла? Да, да... Она что-то говорила. Ну, конечно... Как же я мог так? Ну и пусть. Я не мог иначе.

Редкие фонари качались на холодном ветру. Трамвайщики сваривали рельсы.

Высокий свет сварки упирался в облака. В глубине сада тускло светили ночники в окнах больницы. Гудели печи в ярко освещенных корпусах хлебозавода, и веселый запах свежеевыпеченного хлеба наполнял улицу. Даже глубокой ночью небо над городом было высветлено тысячами электрических огней. Ночь бессильно отступала перед ними. Их были миллионы. Где-то во Владивостоке они сейчас передавали свою вахту спящему утреннему солнцу. Они светили на снежных просторах страны, в ее больших и малых городах, в деревнях, на границе, в шахтах...

Отныне пусть спокойно идут поезда метро, пылают электропечи, крутятся моторы. Пусть спокойно работают турбины электростанций, провода донесут их силу. Пусть будет спокоен труд этой могучей и доброй страны, — страны, которая, подобно невиданной электростанции, творит энергию и свет для всех тружеников Земли.

Но темной улице шли шесть человек, знавших, что так будет. Они выиграли сегодня решающую битву за свет. Никто из них не произносил красивых и выпретенных слов. Они мечтали обогреться и выпить водки. Они хлюпали носами и засовывали поглубже в карманы грязные, красные от мороза руки.

Пока гости раздевались в передней, Андрей побежал к себе в комнату.

Марина спала, свернувшись клубочком на диване. Спросонок она долго не могла ничего понять. Потом она просветлела, крепко обняла Андрея, поздравила и в ужасе отпрянула, узнав про гостей.

— Ты с ума сошел. А я? Я пойду сейчас же домой...

Никакие оправдания и доводы не успокаивали ее, Марина со страхом прислушивалась к голосам из передней.

Она скрылась в кухню, чтобы привести себя в порядок, и вошла, когда все уже умылись и, жадно поглядывая на бутылки в руках Андрея, дымили папиросами.

Лицо ее было свежо и припудрено, губы плотно сжаты. Она вошла настороженная и подчеркнуто надменная.

Ее встретили смущенным молчанием. Она не знала никого из присутствующих, и никто не знал ее. Новиков поспешно застегнул пиджак и привстал — как всегда с женщинами, — галантный и оживленный.

— Знакомьтесь, товарищи, Марина Сергеевна, — Андрей взял ее за руку, лицо его слегка побледнело, — моя жена.

Новиков поперхнулся и встретился глазами с Сашей. Простодушный Усольцев сказал:

— А я думал, Андрей Николаевич, что вы холостяк. Марина выдернула руку и принялась хозяйничать у стола. Ее блестящие глаза, все отражая, сами не выражали ничего, они были как два черных зеркала. Мужчины, не дожидаясь бутербродов, выпили первую за ее здоровье.

Пожалели, что нет с ними Борисова. Вторую выпили для «профилактики».

— Безобразие, ночью ввалились, хозяйке хлопоты, — сокрушался Наумов.

— Ничего, я привыкла, — усмехнулась Марина.

— Счастливчик вы, Андрей Николаевич, — сказал Усольцев. — Моя бы выставила нас за дверь.

Марина, подкладывала в тарелки еду, шутила, улыбалась, избегая ищущего взгляда Андрея. Говорили о событиях сегодняшней ночи. Майя Константиновна на измерениях вела себя по-товарищески. Никакого торжества, никакого злорадства. Нина Цветкова кое-что не преминула съязвить. Но в основном это было направлено против Саши.

— При чем тут я? — Саша пожал плечами. Все засмеялись, а Новиков сказал:

— Свадьбу заматаешь? По примеру некоторых товарищей?

— Заматаю, — глухо сказал Саша.

— Устинова-то дала результат довольно точно, — вспомнил Наумов. — Плюс-минус три метра.

Великодушно согласились, что ей действительно кое в чем удалось усовершенствовать метод Тонкова.

— По сравнению с нами — ерунда, — сказал Саша.

— Что ж, Андрей Николаевич, получается, — рассуждал Наумов. — Не только место порчи можно определять точно, но и аварии предсказать?

Саша тормозил сонного Якушева:

— Ты пойми, на всех линиях поставят наш локатор. Знаешь, какое значение это будет иметь? Линии передач построят на тысячи километров...

Мечты ширились. Телеграфные линии, телефон... Приборы будут просматривать обмотки электрических машин. Великолепие будущего кружило их усталые головы.

Андрей заговорил о том, что надо немедленно развернуть исследования новых свойств локатора.

Новиков вздохнул:

— Начинается. Снова муки. Снова ругайся с техотделом. Опять ломай голову над формулами. Опять неприятности и заботы.

— Модест Петрович, завтра же садитесь составлять план, — сказал Андрей.

— Не завтра, а сегодня, — вздохнул, поднимаясь, Усольцев. Гости ушли. В комнате было накурено и душно. Андрей открыл форточку. Морозный воздух белыми клубами валился на подоконник. Марина неподвижно стояла у книжного шкафа. Андрей медленно подошел к ней, осторожно взял ее руку, наклонился и поцеловал в ладонь.

— Марина, спасибо тебе, — сказал он, все еще не смея взглянуть на нее.

Голос его дрогнул. Марина видела, как на склоненной шее часто билась жилка.

Он стоял в смешной, неудобной позе, согнувшись, прижимая ее ладонь к своей колющей горячей щеке.

— Как ты смел... — начала она заготовленную фразу и остановилась, не понимая, зачем это говорить.

Он хотел выпрямиться, но Марина положила свободную руку ему на голову, боясь, чтобы он не увидел ее лица, боясь, что не выдержит и заплачет.

— Все-таки это безобразие, — сказала она, собрав остатки гнева. Ее только и хватило на эту фразу.

Он поднял голову. Она встретила его взгляд, счастливая, и пристыженная, и сердитая.

— Ну, а... как же мне быть перед твоими, перед всеми? Он отвечал смеясь:

— Мы завтра с утра поедem в загс. Мы с тобой будем ездить из загса в загс и регистрироваться... десять... двадцать раз...

— Ты думаешь, это самое главное? Как у тебя это все просто и легко... Ты понимаешь, что самое трудное у нас впереди? Кто знает, как оно все получится...

— У нас-то получится... — убежденно начал он.

— О чем ты?

Андрей покраснел.

— Так... Все не могу забыть. Ты заметила, как ухмылялся Смородин? Попробуй им все теперь доказать. И Борисова нет рядом.

Они долго молчали, следя за седыми клубами воздуха, которые все падали и падали из синего квадрата форточки.

— Я так и знала, — задумчиво сказала Марина.

Андрей засмеялся, бережно взял Марину за плечи:

— Ну и хорошо. А все-таки мне повезло.

— Может быть, — не сводя с него глаз, серьезно, без улыбки сказала Марина. — Наверно, мы узнаем об этом потом...

И это было последнее, что можно передать из их разговора. Все остальное было лишено всякого смысла для всех, кроме них двоих.

Ленинград

1951–1954